

УПУЩЕННЫЙ ШАНС ВРАНГЕЛЯ

ЖЖ военные
тайны
века

А.Б. ШИРОКОРАД

Annotation

«Сломаюсь – но не согнусь» – начертано на фамильном гербе рода Врангелей, и этот девиз определял весь жизненный путь генерала П.Н. Врангеля. «Идея жертвенного служения, идея национальной и личной чести, идея стояния за священные истоки русской государственности вела Врангеля по пути его доблестного служения», – писал один из его биографов. И все-таки, кто был он, Петр Николаевич Врангель, – «кровавый черный барон» или последний рыцарь Белого движения? Какова его роль в Гражданской войне? Что происходило внутри Белого движения в армейских штабах, экономике, финансах? Могли ли реформы Петра Врангеля в Крыму стать образцом для всей России? И, наконец, была ли альтернатива «великому исходу»?

Об этом и многом другом говорится в книге историка Александра Широкограда.

- [Александр Широкоград](#)

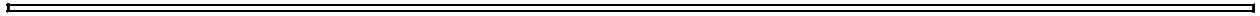
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
- [Список использованной литературы](#)
- [Приложения](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)

- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)

- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)

- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)

Александр Широкоград
Упущенный шанс Врангеля. Крым-
Бизерта-Галлиполи

Глава 1

Пролог российской драмы

16 декабря 1916 г. полковника Врангеля назначили командиром 2й бригады Уссурийской конной дивизии. Назначение было отмечено веселой офицерской пирушкой. Настроение у Петра Николаевича было весьма оптимистическое. Карьера складывалась удачно. Уссурийская дивизия воевала на Румынском фронте на чужой территории и сравнительно малой кровью.

Где-то на Западном фронте 31-летний полковник Яков Слащев командовал лейб-гвардейским Московским полком. Там же служил унтер-офицер Семен Буденный. В Петрограде на частном заводе Ургайло работал мастером Клим Ворошилов.

В Минске в Комитете западного фронта Всероссийского земского союза служил статистиком Михаил Александрович Михайлов. Однако местная полиция получила сообщение из Петрограда, что под этим именем скрывается беглый каторжник Михаил Фрунзе.

В Туруханском крае в селе Курейка отбывал срок ссыльный Иосиф Джугашвили. Недалеко сидели Герш Аронович Радомысльский и Лев Борухович Розенфельд. Тесть последнего – Лев Давыдович Бронштейн – обретался на другом конце света, где собирал в партийную кассу деньги еврейских миллионеров. Из советских учебников истории мы позже узнали, что первые два были «политическими проститутками» Зиновьевым и Каменевым, а третий – «иудушкой» Троцким.

А где же автор столь едких характеристик? Он гуляет по набережным Женевского озера в сопровождении двух партайгеноссе. Первый партайгеноссе обладал незаурядным умом и обаятельной внешностью, а второй был превосходным секретарем, законной женой, а главное, вел финансовую отчетность партии.

О чем же думал руководитель большевиков? О революции в России? О начале гражданской войны?

Да, где-то в 1914—1915 гг. он говорил о необходимости превращения империалистической войны в гражданскую. Но, увы, все эти рассуждения остались ничем не подкрепленными лозунгами, а, говоря по-русски, пустой болтовней. Возьмем собрание сочинений Ленина и посмотрим перечень его статей за ноябрь 1916 г. – февраль 1917 г. Они все посвящены деятельности

эмиграции и зарубежных социалистических партий. Нет не только статей о революции в России, но и даже о самой России.

Есть сведения, что Владимир Ильич к декабрю 1916 г. утратил в значительной степени свой оптимизм и даже утверждал, что его поколению революционеров не суждено увидеть революцию в России.

Такого же мнения придерживалась и царственная чета. 31 октября 1916 г. царица Александра Федоровна писала из Царского Села мужу в Ставку: «...я всецело полагаюсь на нашего Друга, который *думает исключительно о тебе, о Бэби и о России*; благодаря его руководству, мы перенесем эти тяжелые времена».^[1]

Супруги уже строили планы на послевоенное время. Увы, они сводились к двум пунктам. Во-первых, репрессии против всех врагов престола и «нашего Друга»: «По окончании войны тебе надо будет произвести *расправу*»^[2]. Во-вторых, демобилизованных солдат отправить добровольно-принудительно на строительство железных дорог: «Таким образом, найдется работа для наших *запасных*, когда они вернутся с войны, и это задержит их возвращение в свои деревни, где скоро начнется недовольство – надо предупредить истории и волнения, заранее придумав им занятие, а за деньги они будут рады работать»^[3].

На большее у наших соправителей умишка не хватило.

А между тем по городам Европы уже маршировали ударные части, готовившиеся к... гражданской войне в России. В Германии были сформированы части финских егерей. Замечу, что 95 % офицеров и генералов «незалежной Финляндии» (1920—1940х г.) начали свою карьеру именно в этих частях. В Австро-Венгрии были многочисленные части «сичевых стрелцов» и другие формирования из западноукраинских националистов.

Ну ладно, Германия и Австрия – противники России в войне. Но, увы, и в союзной Франции создаются Польские легионы. Представим на секунду, какой вой поднялся бы в Париже, если бы Николай II начал формирование в России частей из корсиканских националистов!

Но, может быть, этим частям соответствующие правительства готовили роль «пушечного мяса»? Нет. Все эти части почти не использовались на фронте.

А может, националистические формирования предполагалось использовать для давления на Россию в ходе мирных переговоров? Тоже нет, поскольку такая акция вызвала бы обратный эффект – бурю негодования внутри России.

В Берлине, Вене, Париже и Лондоне были абсолютно уверены о неизбежности внутреннего переворота в России, падении монархии и начале гражданской войны. И вот для этой войны готовились финские егеря, сечевые стрельцы и польские легионы.

С начала 1990х годов наши интеллигенты-образованцы подняли плач по «России, которую мы потеряли». Ах, была процветающая экономика, огромный рост рождаемости, страна управлялась мудрым святым царем. Образованцы заходят еще дальше сусальных романовских сказочек образца 1913 года.

Увы, все было далеко не так. Популярно Россию при Николае II можно представить как пышущую здоровьем молодую бабенку в модной парижской шляпке и блузке, но без юбки и порток. Ну, к примеру, Обуховский сталелитейный (ОСЗ) завод в Петербурге был одним из самых мощных в Европе. Когда в 1912 г. там ввели в строй сверхмощный пресс, в Ревельской обсерватории зафиксировали землетрясение средней силы в районе Петербурга. В 1916 г. на ОСЗ приступили к производству 16дюймовых (406мм) пушек для проектируемых линкоров. Пушки эти являлись самыми мощными в мире. Но пушки сами по себе – лишь гора металлолома. А вот прицелы и системы управления стрельбой для них, муфты Дженни (то есть приборы плавной наводки орудий), шары для погонов, на которых поворачивалась орудийная башня, и т. п. приходилось заказывать за границей.

Одной из важнейших реформ Александра II историки по праву называют судебную реформу. В результате Россия получила суд присяжных, независимую от властей адвокатуру, несменяемость судей и т. п., что вывело правосудие России на уровень передовых стран Западной Европы.

Но поскольку ни Александр III, ни Николай II не желали признавать законы, даже ими самими изданные, законность в России соседствовала с дичайшим азиатским произволом.

Начнем с того, что все политические дела расследовались не судебными следователями, а жандармами. Какое дело считать политическим, а какое – уголовным, решали власти, а не суд. Политические процессы проходили при закрытых дверях, в строжайшей тайне, зачастую в отсутствии обвиняемых. С 1878 г. многие политические дела стали передаваться военными судами. Причем в 1887 г. был издан еще особый циркуляр, где военным судам прямо запрещалось применять другие меры наказания, кроме смертной казни, а если они находили основания для смягчения приговора, то это могло достигаться лишь ходатайствами и о

смягчении приговора при конфирмации. Известен случай, когда был в 24 часа повешен студент за хранение нескольких революционных прокламаций. Сам студент не был революционером. Он просто отказался доносить, кто дал ему прокламации. Нельзя сказать о массовости таких случаев. Но зато для жандармов стало нормой грозить виселицей людям за чтение нежелательной литературы. Бывали случаи, когда жандармы грозили несовершеннолетним барышням – или скажите, кто дал книжку, или вас немедленно повесят.

Чтобы не возвращаться более к военным судам, скажу, что в 1905—1907 гг. стали функционировать военно-полевые суды, действовавшие без всяких формальностей. Функции судей исполняли обычно армейские или гвардейские офицеры, в большинстве своем абсолютно незнакомые с законами империи. Например, обыскал патруль прохожего, нашли в кармане браунинг. Ношение оружия не запрещалось законами империи, но поручик или прапорщик решает отпустить прохожего или расстрелять на месте. Часто выполнение приговора военно-полевых судов сопровождалось глумлением над осужденными или их телами. Модно было по свежим могилам пустить солдат церемониальным маршем под звуки «камаринской». В 1905—1907 гг. без суда или по приговорам военно-полевых судов было казнено по разным данным от 8 до 15 тысяч человек.

В 1914—1916 гг. жертвами военно-полевых судов стали десятки тысяч русских солдат, местных жителей и беженцев. Особенно беспощадно расправлялись с инородцами.

Кроме военного в России еще существовал и церковный суд. Мы говорим «суд» чисто формально. На самом же деле это была такая же форма внесудебной расправы, как суд «особого присутствия сената», или военный суд. Судьбу подсудимого решала церковная иерархия или святейшие власти. Естественно, никакой гласности, никаких адвокатов. Мало того, не устанавливался даже срок заключения. В XIX веке в России существовало значительное число монастырских тюрем (в Соловецком, Валаамском, Спасо-Евфимьевском (Суздальском) и других монастырях). Содержание заключенных монастырских тюрем не регламентировалось никакими законами. Зачастую люди пожизненно сидели в каменных мешках-одиночках, из которых их не выпускали даже на прогулки.

Попасть в монастырскую тюрьму можно было буквально за что угодно. Дьякон Николай Добролюбов был заключен в Спасо-Евфимьевский монастырь в 1877 г. за «крайнюю нетрезвость и буйство» и был выпущен оттуда в 1904 г. В тюрьме он писал стихи. Законами империи за пьянство и буйство положен был арест на несколько суток, а Добролюбов отсидел

27 лет, да и то вышел благодаря революции.

Крепостной графа Головина за самооскопление и за оскотление своего господина (по его же приказу) провел 62 года (!) в одиночной камере Соловецкого монастыря, где и умер в 1880 г.

В 1877 г. Особое присутствие сената приговорило двух несовершеннолетних подростков Якова Потапова и Матвея Григорьева к заключению в монастырь за участие в демонстрации в Петербурге на Казанской площади, организованной Плехановым. Яков Потапов был первым, кто публично вышел на улицу с красным знаменем, за что и оказался в одиночной камере Соловецкой тюрьмы.

В январе 1895 г. в Спасо-Евфимьевский монастырь был заключен купец Василий Рахов. «Преступник» на свои средства открыл в Архангельске ночлежный дом, детский приют на 40 человек, мастерскую для заработка нуждающимся и в голодные 1892—1893 гг. две столовые, более чем на сто человек каждая. В столовых он читал вслух Евангелие, жития святых и другие просмотренные цензурой книги. Он сопровождал чтение разъяснениями. Местное духовенство увидело в Рахове конкурента. Рахов был предан суду по обвинению в распространении штундизма, но был оправдан.

Несмотря на оправдание Рахова судом, местный архиерей, обвиняя Рахова в штундизме, просил Синод сослать его в Спасо-Евфимьевский монастырь. Выбор этого монастыря вместо ближайшей тюрьмы в Соловецком монастыре мотивировался опасением влияния Рахова на окрестное население, которое знало его. Синод удовлетворил ходатайство, и Николай II утвердил это решение. На свободу тяжелобольной Рахов вышел в 1902 г.

Таким образом, суд присяжных в России рассматривал только те дела, которые ему соизволяла передавать власть. Но и тут Александр III, и особенно Николай II любили влезать даже в чисто уголовные дела подведомственного суда присяжных. Вот, например, офицер соблазнил молодую девушку. Через некоторое время она попросила или жениться на ней, или оставить ее в покое. Как видим, довольно скромное пожелание. Офицер, не раздумывая, застрелил девушку. Суд присяжных приговорил его к каторжным работам, а царь решил, что за такие шалости достаточно и разжаловать в солдаты.

В 1907 г. в модном ресторане Санкт-Петербурга гвардейский офицер поднял тост за царя. Поблизости спал пьяный студент. Офицер увидел, что кто-то не встал, и разрядил наган в голову спящего. На беду офицера студент оказался не революционером, а племянником важного сановника.

Но и тут Николай II повелел оставить дело без последствий.

Страшным бедствием для России конца XIX – начала XX века были административные высылки. Конечно, ссылку даже в места столь отдаленные не сравнить с пребыванием на Сахалинской каторге или в тюрьме Спасо-Евфимьевского монастыря. Зато административная ссылка происходила очень легко, буквально росчерком пера, а у ссылаемого не было никакой возможности защититься или просить обжаловать приговор, а точнее, распоряжение.

Административные высылки, за редким исключением, применялись не к революционерам или уголовным преступникам, а в лучшем случае – к людям подозреваемым или инакомыслящим. Но и эта категория лиц составляла ничтожный процент высылаемых. Большинство же их составляли люди, чем-то неугодные или неудобные властям. Николаю II административные высылки очень импонировали. По его приказам в ссылку без объяснения причин и установления срока ссылки неоднократно отправлялись даже великие князья.

Вот характерный пример. В начале 1911 г. в Государственном совете обсуждался закон о введении земства в западных губерниях, внесенный премьером Столыпиным. Член Госсовета видный сановник В.Ф. Трепов специально добился аудиенции у Николая II с целью узнать, последует ли его приказ голосовать «за». Царь ответил, что он в таком деле приказывать не может и что здесь следует «голосовать по совести». Трепов истолковал эти слова как знак недоверия Столыпину, и Госсовет 92 голосами против 68 провалил закон.

В ответ Столыпин начал шантажировать царя отставкой. И, в конце концов, царь 10 марта 1911 г. в присутствии Столыпина подписал указы о перерыве сессий Госсовета и Государственной думы, и приказал выслать из Петербурга членов Госсовета П.Н. Дурнова и В.Ф. Трепова.

Ну, полбеды, если бы правом административной высылки обладал бы один царь. Но такое право получили министры, губернаторы и даже чиновники меньшего ранга. Это было введено еще до Николая II, но Александра III все боялись и действовали более осмотрительно. Новый же царь смотрел сквозь пальцы на произвол своих слуг.

Вот, к примеру, в августе 1903 г. министр внутренних дел Плеве вызвал заведующего Особым отделом департамента полиции С.В. Зубатова и без объяснения причин приказал сдать дела и ехать в ссылку во Владимир под гласный надзор полиции.

Что же случилось? Крупнейший провал охраны? Ничуть не бывало. Просто Плеве получил донос, что министр финансов С.Ю. Витте вступил в

сговор с князем В.П. Мещерским и Зубатовым с целью свержения Плеве и передачи его портфеля Витте. Кстати, донос оказался ложным, но Зубатов уже был во Владимире, а вернуться из ссылки в Москву ему разрешили только в 1910 г.

Губернаторы при Николае II распоясались дальше некуда. Замечу, что процент революционеров или просто инакомыслящих среди высланных был невелик. Можно было выслать купца, торговавшего не по цене, установленной губернатором. Говоря современным языком – пышно расцветал рэкет. Причем главными рэкетирами были губернаторы и их ближайшие чиновники.

Освистать актрису на сцене было модой среди офицеров. Помните: «Обшикать Федру Клеопатру, Моину вызвать (для того, чтоб только слышали его)». Обшикал поручик Клеопатру раз, два, а потом красотка отдалась «ответственному лицу», и поручика без объяснения причин отправляют в места не столь отдаленные. А могла ли актриса, скажем, не отдаться губернатору? Могла, но за такие штучки нижегородский губернатор Хвостов выслал весь театр из города. Это с одной стороны. А с другой – отдаваться надо было тоже с умом. Понравится молодому аристократу соблазненная им мещанка или купчиха, и предложит он сдуру ей руку и сердце. Тогда родственники аристократа сразу идут к губернатору. И на следующий день девица-красавица вместе с родителями отправляется в долгий путь.

Вятский губернатор Камышский издал постановление: «Виновные в печатании, хранении и распространении сочинения тенденциозного содержания подвергаются штрафу с заменой тюремным заключением до трех месяцев». Объяснений, кого из литераторов считать тенденциозными, не последовало. Таким образом, за решеткой можно было оказаться за хранение Толстого, Достоевского, Булгарина или Каткова. А попробуй докажи, что они не тенденциозны.

Симферопольский вице-губернатор Массальный развлекался ловлей гимназистов на улицах. Если ребенок зазевался и не углядел в пролетке его превосходительство и не отдал ему чести, то немедленно шел под арест в каталажку на несколько дней.

Не отставали от губернаторов и градоначальники. Так, на ялтинского градоначальника Думбадзе было совершено покушение. Террорист промахнулся, а затем сиганул через забор особняка какого-то купца и скрылся. Тогда градоначальник приказал расстрелять особняк из пушек. Владелец подал жалобу в Петербург, но царь был в восторге от действий Думбадзе.

Замечу, что оный градоначальник был очень озабочен и по сексуальной части. Так, он приказал полиции ловить на Южном берегу Крыма женщин, купавшихся нагишом. И началась высылка по этапу дам, которые плескались в море без купальников. Вообще-то говоря, в начале века один купальник в России приходился на несколько тысяч женщин. Да и сам Николай II купался голышом, даже документальные кадры сохранились. Чтобы не прослыть женоненавистником, Думбадзе ссылал и мужчин, которые хоть и были одеты, но преступно наблюдали за обнаженными купальщицами.

Но бдительный Думбадзе на этом не остановился. Он занялся дамами, которые хоть и имели купальные костюмы (они тогда закрывали большую часть тела), но слишком медленно шли к кабинкам для переодевания. Если какая-нибудь дама зазеваётся на подходящий к Ялте пароход или подойдет к лотку с пирожками – немедленный арест. Короче, шаг влево или вправо от дороги к купальной кабинке карался высылкой.

Подобные примеры можно приводить до бесконечности. Таковую Россию нам хотят вернуть интеллигенты-образованцы? Граф Л.Н. Толстой сравнивал управление Россией Николаем II с правлением кокандского хана, а князь рюрикович П.В. Долгоруков назвал Романовых «татаро-немецкой» династией, немецкой по национальности, но татарской по методам управления.

Наши историки почему-то упустили тот факт, что националисты по всей Российской империи Николая II и его сатрапов объединяли с русским народом, а избавление от беспредела видели не в борьбе против самодержавия вместе с другими народами империи, а в отделении от России.

А была ли альтернатива самодержавию в России? Понятно, о большевиках речи нет – они построили СССР. А что бы нам дала рвавшаяся к власти либеральная буржуазия?

Начнем с того, кем сейчас из «российских промышленников» восторгается либеральная печать? Мамонтовыми, Рябушинскими, Морозовыми, Третьяковыми, Лианозовыми. Но все это – текстиль и другие товары широкого потребления. А вот ВПК империи на 90 % был казенным – заводы Военного, Морского и Горного ведомств.

Я несколько лет работал в Военно-историческом архиве, архиве ВМФ и др. и ни разу не видел, чтобы стоимость корабля или пушки у частного завода была бы ниже, чем у казенного. К примеру, если стоимость крейсера (корвета) на казенной русской верфи принять за 100 %, то стоимость постройки его аналога на частной верфи была бы 150 и более процентов.

Зато на европейской или американской верфи – 70—90 %. Таким образом, отечественная частная тяжелая промышленность не могла конкурировать не только с иностранными фирмами, но даже с казенными заводами.

В годы Первой мировой войны стоимость снарядов, выпускаемых частными заводами, в 1,5—2 раза была выше, чем у казенных. Обратимся к монографии начальника Главного Артиллерийского управления (ГАУ) в 1914—1917 гг. генерал-лейтенанта А.А. Маниковского «Боевое снабжение русской армии в мировую войну» (Москва: Воениздат, 1937). На странице 144 приведены цены на боеприпасы в 1916 г.: 76мм шрапнель стоила на казенном заводе 9 руб. 83 коп., а на частном – 15 руб. 32 коп., то есть переплата составляла 64 процента. 76мм граната (в данном случае осколочно-фугасный снаряд) стоила 9 руб. 00 коп. и 12 руб. 13 коп. соответственно; 122мм граната – 30 руб. 00 коп. и 45 руб. 58 коп.; 152мм граната – 42 руб. и 70 руб. и т. д.

Об аферах наших промышленников можно написать несколько пухлых томов. Вот характерный пример. Наша армия к началу войны не имела орудий ближнего боя. Из патриотических побуждений наши предприниматели начали производство всевозможных примитивных минометов и бомбометов, представлявших опасность исключительно для собственной прислуги. Все это охотно покупалось тыловыми чинами Военного министерства, а на фронте их отказывались даже принимать. По данным того же Маниковского, к июлю 1916 г. на тыловых складах скопилось 2866 минометов, от которых отказались войска. Надо ли говорить, что среди них не было ни одного изготовленного на казенных заводах.

Многие частные заводы – Путиловский в Петрограде, Мариупольский сталелитейный и другие существовали в основном за счет взяток сановникам. Так, Путиловский завод контролировался «хозяином русской артиллерии» великим князем Сергеем Михайловичем и его метрессой Матильдой Кшесинской. В 1907 г. в Государственную думу морскому министру Григоровичу был сделан депутатский запрос, почему заказ на броню строившихся линкоров был дан частному Мариупольскому заводу, а не Ижорскому заводу Морского ведомства, производившему более качественную броню по втрое (!) меньшей цене. Министр ответил, что заказ уже сделан и говорить тут нечего.

Александр II, не меняя в целом азиатского деспотического образа правления^[4], выделил буржуазии анклав для управления. Речь идет о самоуправлении городов и земствах. Ну и что? Показали ли нам земцы и городские думы прообраз «новой России»? Осчастливили ли они

население? Да, в чем-то они улучшили ситуацию. А в целом – почитайте Чехова, Гиляровского, Горького и других дореволюционных авторов.

Любопытный пример. Московские городские власти стали допекать домовладельцев поборами и различными придирами. И вот домовладелец – отставной адмирал, вспомнил, что еще в XIX веке он с эскадрой был во Франции, и ему присвоили звание почетного гражданина. И он, хохмы ради, написал французскому послу, что, мол, обижают французского гражданина. Посол сделал запрос в МИД, после чего городские власти напрочь забыли о существовании старика адмирала.

Анекдот? Да. Но вот куда более серьезный вопрос, который мог закончиться гибелью тысяч русских солдат. Еще в 1879 г. русское правительство, посчитав огромные потери в ходе Балканского похода 1877—1878 гг., решило в случае следующей войны с Турцией высадить большой десант в Босфоре. Для этого строились броненосцы, специальная артиллерия для действия в Проливах, выдавались безвозмездные ссуды компаниям для строительства паровых судов, которые сейчас назвали бы кораблями двойного назначения (торговые и десантные).

А чтобы отправить в Босфор одновременно 150—200 тысяч человек, нужны хорошо оборудованные торговые порты. Ну а в мирное время, чем больше товарооборот, тем больше богатеет и расстраивается город у порта. И решил министр Александра II передать благоустройство торговых портов в ведение городских дум. А для этого ввели для купцов десяток сборов – якорный сбор, ластовый, «полукопеечный» (полкопейки с пуда груза на корабле) и другие сборы. Увы, 1890 г. все черноморские торговые порты оказались в ужаснейшем состоянии. Судовладельцы утверждали, что подобного они не видели ни в одном порту Европы.

В 1889 г. керченский градоначальник (царской властью) сделал запрос «демократически избранной» керченской городской думе о том, куда делись огромные средства от судовых сборов, поскольку в порту «ничего не делается». Думцы ответили, что они не обязаны отчитываться перед градоначальником. Тяжба перешла в Петербург в Сенат, который и постановил, что думцы правы.

Надо ли говорить, что эти средства разворовывали непосредственно члены «думы», или имело место «нецелевое использование».

Думцы российской глубинки не отставали от своих приморских коллег и свирепо грабили речные пароходные компании. Промышленники разорялись или шли на различные ухищрения, чтобы не платить за стоянки у «золотых причалов». На реках думцы занимались откровенным пиратством. Время замерзания Волги, Днепра, Северной Двины и других

рек существенно зависит от изменений климата. Соответственно, судовладельцы вели навигацию «до последнего», пока пароходы и баржи не вмерзли в лед. Сами реки считались государственной собственностью, и плавание и стоянки в них были бесплатными. Однако во время ледохода зимовка на фарватере могла закончиться печально. Гораздо удобнее было зимовать в протоках и заводах. Цивилизованно зимовать у городских пристаней, как это делалось в советское время, было невозможно из-за грабительских поборов. Но и там на моряков нападали пираты, пардон, думцы из соседнего города: гони бабки! Промышленники жаловались в Петербург, тяжбы шли годами. Но на местах полиция, зависимая от думцев, обирала купцов до нитки.

В конце 1880х годов началось проектирование первого в России нефтепровода Баку – Батум. И тут же против него ополчилась «прогрессивная общественность» городов Поволжья. Придумать сказочки про экологию у них извилин не хватило. И посему либеральные газеты открыто писали, мол, по Волге меньше наливных барж пройдет, упадут доходы думцев от речного рэкета.

Россия по тоннажу морского торгового флота существенно уступала всем крупным державам мира. Например, Англии в 40 (!) раз. Россия плелась где-то после Норвегии и Швеции. Кто виноват? Самодержавие? Так правительство ежегодно выделяло значительные суммы на строительство торговых судов и безвозмездно компенсировало убытки ряду судоходных компаний. Тот же «Добровольный флот» был построен на деньги всей страны. Патриоты России отдавали последние копейки на строительство пароходов «Доброфлота». А либеральные «демократически избранные думцы» грабили наш торговый флот. И так было во всех областях экономики России.

Либеральные думцы, земцы, разные там душки приват-доценты и присяжные поверенные на банкетах произносили смелые тосты за свободу и конституцию. Составляли «адреса» царю с прозрачными и не совсем прозрачными требованиями. Суть их – «дайте порулить».

К 1917 г. в России сложилась парадоксальная ситуация. Ни царь, ни либеральная оппозиция не знали, куда вести империю. Ни у Николая II, ни у кадетов не было никаких определенных планов в области внешней политики, военной стратегии, в земельном и национальном вопросах и т. д.

Царь, царица и Распутин лишь импульсивно реагировали на возникавшие внутренние и внешние проблемы.

И вот в Петрограде произошла Февральская революция. Нравится нам или нет, но она оказалась масонским переворотом, в результате которого к

власти пришло масонское Временное правительство. А в свидетели призовем... Ленина. Да ведь он же ни разу не употреблял слово «масоны»! Ну и что. Так ведь и сами масоны своих соратников (подельщиков) масонами не называли, а выражались всегда как-нибудь иносказательно. Так вот что писал вождь: «Эта восьмидневная революция была, если позволительно так метафорически выразиться, “разыграна” точно после десятка главных и второстепенных репетиций; “актеры” знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действия»^[5]. Замените слово «актеры» на «братья» – и все встанет на свои места.

По данным масона Н.Н. Берберовой^[6], в первый состав Временного правительства (март – апрель 1917 г.) вошло десять «братьев» и один «профан». «Профанами» масоны называли близких к ним людей, которые, однако, формально не входили в лож. Таким «профаном» в первом составе Временного правительства оказался кадет П.Н. Милюков, назначенный министром иностранных дел.

Берберова пишет, что состав будущего правительства был представлен «Верховному Совету Народов России» уже в 1915 г. Берберова без лишней скромности приводит статистику: «Если из одиннадцати министров Временного правительства первого состава десять оказались масонами, братьями русских лож, то в последнем составе, “третьей коалиции” (так называемой Директории), в сентябре – октябре, когда ушел военный министр Верховский, масонами были все, кроме Карташова – те, которые высиживали ночь с 25 на 26 октября в Зимнем дворце и которых арестовали и посадили в крепость, и те, которые были “в бегах”».

Масоны сравнительно легко захватили власть в Петрограде, образовав Временное правительство, а на места губернаторов были направлены комиссары Временного правительства. Но, увы, у масонов не было никакой ни политической, ни военной, ни экономической более-менее удовлетворительной программы.

Летом 1917 г. лишь отдельные армейские части и корабли сохранили относительную боеспособность и могли вести активные действия. Остальная же масса войск воевать не желала и практически не подчинялась командирам, как старым, так и назначенным Временным правительством.

Временное правительство не могло решить аграрный вопрос. Немедленно дать землю крестьянам? Министры-масоны боялись обидеть помещиков. Послать в деревню карательные отряды огнем и мечом навести

порядок? Тоже нельзя – нет частей, способных выполнить этот приказ. Единственный выход – пообещать, что вот, мол, в конце года соберем Учредительное собрание, оно и решит вопрос о земле. Но сеять надо весной. А кто будет сеять, боронить и т. д., когда неизвестно, кому достанется урожай осенью?

В марте – июне 1917 г. только в Европейской России произошло 2944 крестьянских выступления. К осени 1917 г. в Тамбовской губернии были захвачены и разгромлены 105 помещичьих имений, в Орловской губернии – 30 и т. д. Размах крестьянских восстаний был больше, чем во времена Разина и Пугачева, но те выступления крестьян историки называют крестьянскими войнами, а в марте – октябре 1917 г. в России вроде бы гражданской войны и не было.

В принципе можно сказать, что Гражданскую войну, даже если бы не было националистов, устроил не Ленин, а Мария Владиславовна Захарченко, урожденная Лысова. Машенька Лысова окончила Смольный институт и была весьма утонченной интеллектуальной барышней. Но когда в начале лета 1917 г. мужики сожгли родительскую усадьбу, Машенька организовала отряд из помещичьих сынков и гимназистов, спалила несколько сел и лично расстреливала крестьян, уличенных в грабежах поместий. В Добрармии Машенька расстреливала пленных красноармейцев уже из «Максима», за что господа офицеры прозвали ее «бешеной Марией».

Причем таких «Машенек», «Петенек», «Вовочек» были тысячи, а о Машеньке мы знаем только потому, что мадам Захарченко (ее фамилия по восьмому мужу) стала одной из главных фигуранток в операции «Трест». Историк С.Г. Кара-Мурза назвал одну из главных причин Гражданской войны «социальный расизм влиятельнейшей части российской элиты».

Но, на мой взгляд, куда более важным фактором стал девятый вал сепаратизма, спровоцированный Февральской революцией. К октябрю 1917 г. под ружье было поставлено несколько сот тысяч военнослужащих «незаконных вооруженных формирований», созданных сепаратистами в Финляндии, Прибалтике, Украине, Бессарабии, Крыму (татары), на Кавказе и в Средней Азии. Эти формирования (армии) подчинялись исключительно властным гособразованьям сепаратистов.

Замечу, что отделяться от России желали не только самозванные лидеры «иностранцев», но и верхушка казачества на Кубани, «областники» (леволиберальная буржуазия) в Сибири и т. п. Поначалу они говорили лишь о федеративном устройстве России, а затем – и напрямую об отделении от центра, что советского, что белогвардейского.

Важно отметить, что сепаратисты всех мастей претендовали не только на земли, заселенные их народностями, но и на обширные регионы, где преобладали лица других национальностей. Так, поляки требовали возрождения Речи Посполитой «от можа до можа», то есть от Балтики до Черного моря. Финны претендовали на Кольский полуостров, Архангельскую и Вологодскую губернии, а также на всю Карелию. Территориальные претензии сепаратистов многократно перекрывались. Так, на Одессу претендовали поляки, украинцы и румыны. Понятно, что без большой гражданской войны решить эти территориальные споры было невозможно.

Предположим на секунду, что большевики в середине октября 1917 г. решили отказаться от захвата власти, а их руководители отправились бы обратно в Швейцарию, США, сибирскую ссылку и т. п. Неужели вожди сепаратистов отказались бы от своих планов и распустили бы свои бандформирования? Неужели германское командование отказалось бы от удара по развалившейся русской армии и не пошло бы на сговор с прибалтийскими и украинскими националистами?

Весной – летом 1918 г. неминуемо произошло бы германское вторжение. Союзники также высадились бы на Севере и на Дальнем Востоке России. Вялотекущая гражданская война перешла бы в тотальную гражданскую войну, но без участия большевиков.

Возникает вопрос – сумело бы никого не представлявшее Временное правительство во главе с Керенским выиграть эту войну? Ответ однозначный – нет! А кто бы победил? И думать над этим не хочу, а интересующихся отсылаю к авторам многочисленных «фэнтези», которые рассказывают нам, что было бы, если бы Гитлер захватил Англию, взял Москву и прочая, и прочая...

Так что именно Октябрьская революция и последовавшая диктатура большевиков спасли Россию от распада, который был еще в 1915 г. запланирован в министерских кабинетах Лондона и Парижа. Была ли большевистская диктатура кровавой? Да, была, но ее противники устроили бы еще более кровавую баню, если бы смогли. «Если о государе говорят, что он добр, его царствование не удалось», – это сказал не Ленин, а Бонапарт.

Глава 2

Приключения барона в войне и революции

Дворяне Врангели ведут свой род с XI века, но не имя, ни происхождение его основателя неизвестны. В Датской летописи XIII века упоминается деревня Уварангеле, а фамилия Врангелей впервые встречается в документах от 1277 г. Позже род Врангелей обосновался в Швеции. Во время Северной войны в армии короля Карла XII было 79 Врангелей, и 13 из них пали под Полтавой.

Один из сыновей Карла Густава в конце XVII века переселился в Россию и поступил на службу к Петру Великому. Так как одна из прабабок генерала Врангеля была дочерью генерал-аншефа Петра Ганнибалова, сына Абрама, то мы можем считать, что Врангели были в дальнем родстве с Пушкиным! В роду русских Врангелей были известные генералы и мореплаватели.

Отец нашего героя Николай Егорович Врангель прослужил несколько лет в лейб-гвардейском кавалергардском полку, а затем перешел на службу в Министерство внутренних дел. Тут следует заметить, что до 1917 г. служба в гвардии была необходимым этапом успешной карьеры, как военной, так и статской. Подавляющее большинство министров и ведущих сановников империи начинали службу именно в гвардии.

Н.Е. Врангель недолго прослужил в МВД, вышел в отставку и занялся предпринимательской деятельностью.

Мать нашего героя Мария Дмитриевна была дочерью морского офицера. В 1880—1890е годы семья жила в Ростове-на-Дону, где Н.Е. Врангель служил директором страхового общества «Эквитэбль» и входил в правление нескольких угледобывающих акционерных обществ, а также владел небольшим имением в Донской области.

В семье Врангелей родилось три сына. Петр был старшим. Средний, Николай, позже стал известным историком искусства, а младший, Всеволод, умер в детстве от дифтерита.

После окончания Ростовского реального училища Петр по желанию отца поступил в Санкт-Петербургский горный институт императрицы Екатерины II. Его отец надеялся, что, выучившись на горного инженера, старший сын поедет в Сибирь, где устроится в какое-нибудь из

акционерных обществ по добыче золота. После поступления Петра в Горный институт вся семья переехала в столицу.

Петр Врангель окончил институт с золотой медалью и для обязательного по закону прохождения действительной военной службы в сентябре 1901 г. поступил вольноопределяющимся 1го разряда в лейб-гвардейский Конный полк, где служили многие из Врангелей. В октябре 1902 г. он выдержал испытание на корнета гвардии при Николаевском кавалерийском училище по 1му разряду, был произведен в офицеры (получил чин корнета гвардии) и зачислен в запас гвардейской кавалерии.

С октября 1902 г. по январь 1904 г. Петр Врангель служил чиновником для особых поручений при Иркутском генерал-губернаторе, однако в службе по Министерству внутренних дел быстро разочаровался (обстоятельства его службы и жизни в Иркутске неизвестны).

После начала Русско-японской войны он добровольно вступил в армию и в феврале 1904 г. был зачислен во 2й Верхне-удинский полк Забайкальского казачьего войска в чине хорунжего, а затем переведен во 2й Аргунский казачий полк, входивший в состав отряда генерала Ренненкампа. В мае 1905 г. Петр Врангель был переведен во 2ю сотню Отдельного дивизиона разведчиков. Он участвовал в боевых действиях и был награжден орденом Святой Анны IV степени с надписью «За храбрость» и орденом Святого Станислава III степени с мечами и бантом.

Петр твердо решил посвятить свою жизнь военной службе и поэтому стремился сравняться со своими сверстниками, выпускниками военных училищ, в чинах. Он старался получать отличия не орденами, а чинами, и своего добился. Уже в декабре 1904 г. Петра произвели в сотники, а в сентябре 1905 г. – в подъесаулы. Оба чина были получены досрочно, и теперь Врангель не только сравнялся со сверстниками в чинах, но и обошел многих в старшинстве.

Из Маньчжурии наш герой писал домой длинные письма, которые баронесса М.Д. Врангель, литературно обработав, отсылала в журнал «Исторический вестник», где они публиковались.

По окончании войны Врангель в январе 1906 г. был переведен в 55й драгунский Финляндский полк с переименованием в штабс-ротмистра и до августа, будучи прикомандированным к Северному отряду генерала Орлова, в его составе участвовал в подавлении крестьянских выступлений в Прибалтике. В мае 1906 г. за отличие в делах против неприятеля был награжден орденом Святой Анны III степени.

В августе 1906 г. Врангель добился прикомандирования к лейб-гвардейскому Конному полку. В марте 1907 г. на параде по случаю

полкового праздника Николай II заметил его в конно-гвардейском строю (Петра выделяли награды, высокий рост и защитная, куда более скромная по сравнению с конногвардейской, драгунская форма). Узнав, что заинтересовавший его офицер из рода баронов Врангелей, император выразил желание, чтобы тот служил в лейб-гвардейском Конном полку, куда Врангель и был тотчас же переведен в чине поручика гвардии.

Это – официальная версия возвышения Петра Врангеля, принятая как в его семье, так и среди его современных апологетов. Версия вполне имеет право на существование, так как Николай II обожал награды и любил фрунт. Но в гвардии повышения часто происходили и по постельной линии. К этому времени Петр познакомился с двадцатичетырехлетней фрейлиной из двора вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Звали оную фрейлину Ольга Михайловна, она была дочерью влиятельного при дворе камергера Иваненко. Судя по всему, царю еще до парада намекнули о Врангеле, ну а высоченный рост и отличная выправка тоже сыграли свою роль.

В августе 1907 г. состоялась свадьба, и Ольга Михайловна Иваненко стала баронессой фон Врангель. В браке у Петра и Ольги Врангелей родилось четверо детей: Елена (1909 г.), Петр (1911 г.), Наталья (1914 г.) и Алексей (1922 г.).

Современные монархисты представляют брак барона сплошной идиллией. Но, судя по всему, Ольге Михайловне иной раз приходилось несладко. Так, даже С.В. Карпенко, весьма благожелательно относившийся к Врангелю, писал: «Среди однополчан он выделялся крайним честолюбием, решительностью, находчивостью и вспыльчивостью, обладая при этом обычной для конногвардейцев неумеренной склонностью к кутежам. За пристрастие к шампанскому “Piper-Heidsieck” он получил среди товарищей прозвище “Пайпер”».^[7]

В 1907—1910 гг. Врангель учился в Николаевской академии Генерального штаба. Но командованию армейскими частями и особенно работе в штабах барон предпочел службу в лейб-гвардии. В мае 1912 г. он вернулся в Конный полк в качестве командира эскадрона. В августе следующего года барона произвели в ротмистры. Казалось бы, зачем учиться в академии Генштаба, чтобы стать командиром эскадрона? Нормальному человеку это покажется глупостью. Но, как ни странно, Петр Николаевич был абсолютно прав. В царской России заурядному ротмистру гвардии было гораздо проще сделать военную или статскую карьеру, чем талантливому, но не родовитому генерал-майору в отдаленном военном округе.

Но война спутала все карты. Недаром великий князь Константин Павлович любил повторять: «Война портит войска».

В августе 1914 г. лейб-гвардейский конный полк в составе Гвардейской кавалерии перешел прусскую границу, и третий эскадрон барона Врангеля обходным маневром вынудил противника оставить город Пильканен. На следующее утро начался жестокий встречный бой. Кавалергарды князя Долгорукого, находясь в авангарде, приняли на себя всю тяжесть удара, и к концу дня положение их стало критическим.

Большой урон нашим войскам наносила прусская батарея, расположенная впереди деревни Каушен, на одном пригорке, слева от крестьянской мельницы. Тогда ротмистр Врангель вызвался захватить батарею конной атакой, на что и получает разрешение начальства. Посадив свой эскадрон на коней и весьма умело прикрываясь перелесками и лощинами, он незаметно приблизился к батарее на один километр и, рассыпавшись с первым полуэскадром, стремительно бросился на врага. Пруссаки открыли огонь по кавалерийской лаве, который пришелся по низу, и потерь в людском составе, кроме офицеров, почти что и не было. Прямым попаданием картечи была убита лошадь под Врангелем, и, чудом спасшийся, он пешком добежал до орудий, где шел рукопашный бой. Потеря батареи заставила немцев поспешно отойти, и наши эскадроны заняли деревню Каушен.

За Каушенское дело ротмистр Врангель был награжден Георгиевским крестом и получил должность начальника штаба сводно-кавалерийской дивизии. В декабре 1914 г. его назначили флигель-адъютантом и произвели в чин полковника, а за отличие в дальнейших боях он получил Георгиевское оружие.

Здесь я привожу официальную версию, благо, иных версий Каушенского боя нет. Был ли Врангель таким храбрецом, действительно ли его подчиненные кавалеристы считали, что «барон заморожен, и его немецкая пуля не берет»? Не знаю, но на ум приходит первый бой Николая Ростова, за что он, кстати, был награжден Георгиевским крестом. Ейбогу, стоит перечитать этот эпизод «Войны и мира».

Ольга Михайловна Врангель отправилась за мужем в действующую армию. Она записалась в сестры милосердия Георгиевской Петроградской общины и работала в военном госпитале в городе Вильно. В годы войны работа в госпиталях была модной среди титулованных особ империи. На медицинском поприще они себя не слишком утруждали, по несколько раз в год отправлялись в длительный отпуск и т. п. Кроме всего прочего, Ольга Михайловна оказалась близко к месту службы мужа, и барон имел

возможность часто посещать жену.

Как мы уже знаем, конец 1916 г. полковник Врангель встретил на Румынском фронте. О том, что происходит с бароном в бурное революционное время, нам расскажет сам Врангель. Для этого есть две веские причины. Во-первых, барон был мало кому известной личностью и не участвовал активно в событиях 1917 г., так что иных свидетельств о его жизни у историков почти нет. Ну а во-вторых, нам крайне интересно формирование взглядов Врангеля в ходе «российской смуты». Хотя при этом мы должны все время помнить, что это не записки очевидца, а мемуары эмигранта, написанные через несколько лет после окончания Гражданской войны, и, соответственно, события рассматриваются с учетом позднейшего. Ну а от «остроумия на лестнице» не свободен почти ни один мемуарист.

«После кровопролитных боев лета и осени 1916 года, к зиме на большей части фронта операции затихли. Войска укрепляли с обеих сторон занятые ими рубежи, готовились к зимовке, налаживали тыл и пополняли убыль в людях, лошадях и материальной части за истекший боевой период...

Солдаты после 2х лет войны, в значительной массе, также были уже не те. Немногие оставшиеся в рядах старые солдаты, несмотря на все перенесенные тяготы и лишения, втянулись в условия боевой жизни; но остальная масса, те пополнения, которые непрерывно вливались в войсковые части, несли с собой совсем иной дух. Состоя в значительной степени из запасных старших сроков, семейных, оторванных от своих хозяйств, успевших забыть пройденную ими когда-то школу, они неохотно шли на войну, мечтали о возвращении домой и жаждали мира. В последних боях сплошь и рядом наблюдались случаи “самострелов”, пальцевые ранения с целью отправки в тыл стали особенно часты. Наиболее слабые по составу были третьеочередные дивизии.

Подготовка пополнений в тылу, обучение их в запасных частях стояли в общем весьма низко. Причин этому было много: неправильная постановка дела, теснота и необорудованность казарм, рассчитанных на значительно меньшее количество запасных кадров, а главное, отсутствие достаточного количества опытных и крепких духом офицеров и унтер-офицеров инструкторов. Последние набирались или из инвалидов, или из зеленой молодежи, которой самой надо было учиться военному делу. Особенно резко все эти недочеты сказывались в пехоте, где потери и убыль кадровых элементов были особенно велики.

Со всем этим армия все еще представляла собой грозную силу, дух ее

был все еще силен, и дисциплина держалась крепко. Мне неизвестны случаи каких-либо беспорядков или массовых выступлений в самой армии, и для того, чтобы они стали возможными, должно было быть уничтожено само понятие о власти и дан наглядный пример сверху возможности нарушить связывающую офицеров и солдат присягу.

Двухлетняя война не могла не расшатать нравственные устои армии. Нравы огрубели; чувство законности было в значительной мере утеряно. Постоянные реквизиции – неизбежное следствие каждой войны – поколебали понятие о собственности. Все это создавало благоприятную почву для разжигания в массах низменных страстей, но, повторяю, необходимо было, чтобы искра, зажегшая пожар, была бы брошена извне.

В этом отношении много старались те многочисленные элементы, которыми за последние месяцы войны обростала армия, особенно в ближайшем тылу; “земгусары”, призывного возраста и отличного здоровья, но питающие непреодолимое отвращение к свисту пуль или разрыву снаряда, с благосклонного покровительства и помощью оппозиционной общественности, заполнили собой всякие комитеты, имевшие целью то устройство каких-то читален, то осушение окопов. Все эти господа, главным образом прапорщиков, писарей, фельдшеров и солдат технических войск из “интеллигенции”, облакались во всевозможные формы, украшали себя шпорами и кокардами и втихомолку обрабатывали низы армии...

Становилось все более и более ясным, что там, в Петербурге, неблагополучно. Бесперывная смена министров, непрекращающиеся конфликты между правительством и Думой, все растущее количество петиций и обращений к Государю различных общественных организаций, требовавших общественного контроля, наконец, тревожные слухи о нравственном облике окружавших Государя лиц, – все это не могло не волновать тех, кому дороги были Россия и армия.

Одни из старших начальников, глубоко любя родину и армию, жестоко страдали при виде роковых ошибок Государя, видели ту опасность, которая нарастала и, искренне заблуждаясь, верили в возможность “дворцового переворота” и “бескровной революции”. Ярким сторонником такого взгляда являлся начальник Уссурийской конной дивизии генерал Крымов, в дивизии которого я в то время командовал 1 м Нерчинским казачьим полком. Выдающегося ума и сердца человек, один из самых талантливых офицеров генерального штаба, которых приходилось мне встречать на своем пути, он последующей смертью своей и предсмертными словами: “я умираю потому, что слишком люблю родину”, – доказал свой патриотизм. В неоднократных спорах со мною в длинные зимние вечера он доказывал

мне, что так дальше продолжаться не может, что мы идем к гибели и что должны найтись люди, которые ныне же, не медля, устранили бы Государя “дворцовым переворотом”...

Другие начальники сознавали, что изменить положение вещей необходимо, но сознавали вместе с тем, что всякий переворот, всякое насильственное выступление в то время, когда страна ведет кровавую борьбу с внешним врагом, не может иметь места, что такой переворот не пройдет безболезненно и что это будет началом развала армии и гибели России.

Наконец, среди старшего командного состава было не малое число и “приемлющих революцию” в чаянии найти в ней удовлетворение для своего честолюбия или свести счеты с тем или другим неугодным начальником. Я глубоко убежден, что ежели бы с первых часов смуты ставка и все командующие фронтами были бы тверды и единодушны, отрешившись от личных интересов, развал фронта, разложение армии и анархию в тылу можно было бы еще остановить».^[8]

В этих коротких цитатах Врангель говорит очень о многом и одновременно о многом умышленно умалчивает. Начнем с того, что королевские династии в странах Западной Европы могли существовать без постоянных убийств монархов лишь за счет того, что сами монархи правили не произвольно, а по ими же самими установленным законам. В Западной Европе имелись силы, которые могли в какой-то мере контролировать действия монархов. Так, в Англии с XIII века действовал парламент, а во Франции – парламенты^[9], независимая или полунезависимая церковь, наконец, сильные феодалы, располагавшие большими материальными средствами и военной мощью.

Несколько иная ситуация сложилась в Риме во II—IV веках н. э. и позже в Византии. Там император был одновременно и главой церкви, и не имел систем сдерживания и противовесов. Примерно такая же картина наблюдалась в феодальных монархиях Востока IX—XIX веков. В таких странах большинство императоров, ханов, эмиров и султанов умирали не в своей постели. Убийство монарха являлось не чрезвычайным, а рутинным событием.

К сожалению, Россия XVIII—XIX веков принадлежала к государствам византийско-азиатского типа. Вспомним, что царица Софья, Петр I, Екатерина I, Анна Леопольдовна, Елизавета Петровна, Екатерина II и Александр I пришли к власти в ходе военных переворотов, совершенных стрельцами или гвардией.

В Европе шутили: «В России самодержавие, ограниченное удавкой». Как ни грустно, но это было правдой.

Приход к власти Николая I ознаменовался восстанием декабристов. Новый царь решил заняться «воспитанием» гвардии. 1825 год стал переломным годом в истории нашей гвардии, после чего началась ее полнейшая деградация. Пусть планы декабристов представляли собой утопию, но это были наиболее умные и талантливые люди страны.

Место декабристов заняли в основном карьеристы и недалекие люди. Важнейшей задачей царизма было воспитание в лейб-гвардейских офицерах буквально собачьей преданности монарху.

Начальство сделало все, чтобы круг интересов гвардейских офицеров был жестко очерчен – уставы, фрунт, лошади, спорт, балы, женщины (начиная с высокопоставленных дам и кончая проститутками), карты и вино.

Рассказывая о быте русской гвардии конца XIX века, романисту нет нужды напрягать фантазию. Все уже хорошо описано очевидцами. По словам биографа Николая II историка Грюнвальда, состоявшего в свое время в этой гвардии, разница между Преображенским полком и другими прославленными полками заключалась в том, что преображенцы были меньше известны своими попойками, а больше увлекались лошадьми и женщинами, слыли самыми отменными знатоками уставной службы и отличались безукоризненной выправкой на парадах.

А вот как описывал времяпровождение своих однополчан В.П. Обнинский: «Пили зачастую целыми днями, допивались к вечеру до галлюцинаций... Так, нередко великому князю и разделявшим с ним компанию гусарам начинало казаться, что они уже не люди, а волки. Все раздевались тогда донага и убегали на улицу... Там садились они на задние ноги (передние заменялись руками), поднимали к небу свои пьяные головы и начинали громко выть. Старик буфетчик знал уже, что нужно делать. Он выносил на крыльцо большую лохань, наливал ее водкой или шампанским, и стая устремлялась на четвереньках к тазу, лакала языком вино, визжала и кусалась».

Характерный пример гвардейца – граф Вронский из «Анны Карениной». Собственно, таким офицером и стал цесаревич Николай. Этот тип офицера идеален для несения охраны монарха. В бою из гвардейского офицера будет отличный командир роты или эскадрона.

В 1880—1900 гг. произошла настоящая революция в военном деле. Введены магазинная винтовка Мосина, унитарные патроны и противооткатные устройства в артиллерии; дымный порох заменяется

бездымным; снаряды вместо черного пороха снаряжаются пироксилином; появляется автоматическое оружие от пистолетов до пулеметов и автоматических пушек. Все это проходило мимо гвардейских офицеров. Ну, прикажут изучить винтовку Мосина или 12 см гаубицу Круппа, изучат досконально, не прикажут – никто ими и не поинтересуется.

Можно ли представить себе семнадцатилетнего корнета или прапорщика гвардии, который не ходил бы на балы, в оперу, не волочился бы за дамами, не играл в карты, не пил, а сидел бы ночи напролет за трудами Руссо, кодексом Юстиниана, писал трактаты по баллистике и историю Корсики. Да такой и минуты бы не продержался в гвардии. Да, впрочем, и из армии его бы вытурили за того же Руссо.

Алексей Вронский как человек мне лично симпатичен, и, думаю, большинство современных дам от него в восторге. Но задумаемся на секунду о его дальнейшей карьере. После гибели Анны Толстой отправляет Вронского добровольцем на войну в Болгарию. После вступления в войну России в 1877 г. он немедленно вернется на царскую службу. Если Алексей не будет убит (вероятность чего не превышает 20 %), то уже в 1880х годах он станет полковником. В 1905 г. граф Вронский положит дивизию под Мукденом или Ляоляном, а в 1914 г. – корпус под Танненбергом.

А вдруг его покалечит на войне или болезнь заставит сменить военную службу на статскую? Вообразите, какой из него получится действительный статский советник или министр!

Увы, это не авторские предположения. У знатного гвардейца не было иного пути, разве что сопьется...

Неудачи в ходе боевых действий 1904—1905 гг., 1914—1915 гг., а также участие в карательных операциях 1905—1907 гг. непоправимо подорвали престиж не только гвардейских, но и армейских офицеров. Вот любопытная большая красивая книга «Краткая летопись 6й конно-горной батареи 1807—1907 гг.» (Вильно, 1907). Там несколько глав с описанием войн, где участвовала сия батарея: 1812—1815 гг. – война с Наполеоном; 1831 г. – подавление польского восстания; 1849 г. – подавление венгерского восстания; 1905 г. – боевые действия в Таврической губернии. Батарея действовала повзводно: 1й взвод прошел с боями 1200 верст, 2й взвод – 1000 верст. 1й взвод выпустил столько-то снарядов, 2й взвод – столько-то.

А теперь риторический вопрос – как должно было вести себя малороссийское селянство спустя 13 лет, изловив парочку «золотопогонников»?

Уже через несколько часов после расстрела 9 января 1905 г. мирной демонстрации гвардейскими полками разъяренная толпа на Невском

переворачивала сани с господами офицерами и начинала их нещадно бить.

В 1916 г. русские солдаты не знали, за что они воюют. В августе 1914 г. царь объявил, что Россия защищает братьев-славян, которых угнетают австрияки. Но 1 октября 1915 г. братушки-болгары объявили войну... «клике Распутина». Именно так было сказано в заявлении болгарского правительства.

В отличие от 1941 г. враг не угрожал русской земле. Шла нудная, но чрезвычайно кровавая позиционная война на окраинах империи с преобладанием нерусского населения, а также на территории Румынии и Турции.

Решающей силой в позиционной войне была тяжелая артиллерия. Но в России ее почти не было. На Западном фронте в 1916—1918 гг. союзники при наступлении на 1 км фронта сосредотачивали больше орудий большой и особой мощности, нежели было во всей царской армии.

Увы, только в 1916 г. до наших генералов дошла вся катастрофичность положения в стране. Царь в 1915 г. объявил себя главнокомандующим армией, хотя он 20 лет назад командовал батальоном и более никогда не занимался вопросами управления войсками и военной промышленностью. Совет министров остался в Петрограде. В итоге в нарушение всех законов Российской империи министры начали ездить с докладами и для получения «высочайших указаний» в Царское Село к императрице Александре Федоровне. Та информировала о делах своего мужа, а в основном внимала советам «нашего Друга». Империя фактически лишилась управления.

И вот в генеральских и офицерских кругах разговоры о том, как все плохо, переходят к традиционному русскому вопросу: «Что делать?», а затем: «С чего начать?» Начинаются разговоры о различных вариантах военного переворота.

За два месяца до Февральской революции генерал-лейтенант А.М. Крымов в частном отчете депутатам Думы о положении на фронте заявил: «Настроение в армии такое, что все с радостью будут приветствовать известие о перевороте. Переворот неизбежен, и это на фронте чувствуют... Время терять нельзя...»

Одним из самых оригинальных способов было нападение на автомобиль императора с воздуха. Причем было два варианта: сбросить бомбу на автомобиль и спикировать методом «камикадзе». Авиационный вариант граничил с авантюрой, но о его пресечении царь начал готовиться еще в первые месяцы 1915 г. – ПВО Царского Села стала сильнейшей в России. Именно туда, а не на фронт отправляли первые автомобильные батареи 76мм зенитных пушек Лендера и 40мм зенитных автоматов

Виккерса. Начальником сил ПВО («воздушной охраны») был назначен протеже Распутина полковник Мальцев. Конечно, эти батареи не смогли бы прикрыть наши войска на огромном фронте от Либавы до Дуная, но зато их боевое применение имело огромное значение как для конструкторов зенитных орудий, так и для разработки наставлений по зенитной стрельбе. Царское Село же было удалено на расстояние около 600 км от линии фронта. Ни в 1915 г., ни в 1916 г. у немцев не было самолетов, способных нанести удар даже по целям, удаленным на 300 км. Я уж не говорю, что кайзеру не было никакого резона бомбить царицу с Вырубовой и Распутиным.

Что же это? Очередной просчет генералов? Нет. Задранные в небо стволы Лендеров и Виккерсов всегда были готовы к встрече... своих самолетов.

Более реальным, чем авиационный, был железнодорожный вариант. Группа офицеров под командованием генерала Крымова поднимает по тревоге несколько подразделений и на переходе между Царским Селом и Петроградом захватывает царский поезд, вынуждает царя согласиться на отречение от престола.

Захват поезда намечался несколько раз, но все время переносился. Последний раз операция была перенесена на 1 марта 1917 г. Почему же срывалась операция? Причины были технического и морального характера. Конвой мог оказать сопротивление, а Николай II наверняка отказался бы подписать отречение подобию-поздорову. Вероятность 99 %, что захват поезда кончится так же, как и визит гвардейский офицеров в спальню Павла I.

Офицерам и генералам страна многое дает и вправе многое спросить с них.

Умные офицеры могли вызвать овации народа и поцелуи гимназисток как в 1905 г., так и в 1915 г. Кстати, в день отречения Николая II на вечернем балу в Петрограде великий князь Борис Владимирович на радостях танцевал запрещенное Николаем II танго.

Но увы, увы... Все всё понимали, все возмущались, «под пламенные тирады мы пили вино как воду», а вот перчаток пачкать никто не захотел. Вот все скопом и угодили под колесо истории. Над военными заговорщиками с середины 1916 г. начали смеяться обыватели обеих столиц. Вот характерная юмореска из газеты «Русская воля»:

Москва. Ну-с...

Петроград. Трус... А вы-с?..

Москва. Увы-с...

И вот генерал-лейтенант Крымов и полковник Врангель систематически обсуждают в штабе дивизии вопросы о дворцовом перевороте. А ведь это тягчайшее государственное преступление. Подслушал бы какой-нибудь вестовой и закричал: «Слово и дело государево!», и по законам военного времени петля обоим. Но Врангель и Крымов ничем не рисковали – об этом тогда болтали офицеры во всех штабах. Болтали и... ничего не делали.

Несколько слов стоит сказать о сослуживцах Врангеля по Уссурийской дивизии. Так, командир Приморского драгунского полка генерал-майор Сергей Иванович Одинцов с декабря 1917 г. служил в аппарате РККА, а с ноября 1919 г. командовал 7й армией, защищавшей Петроград от войск Юденича. Однако большинство офицеров полка оказались в рядах белых в Сибири и на Дальнем Востоке. Дело в том, что в конце 1917 г. вся дивизия бросила фронт и отправилась по домам на восток.

Адъютантом Врангеля во время командования Нерчинским полком был Григорий Михайлович Семенов, а подъесаулом служил барон Роберт (Роман) Федорович Унгерн фон Штернберг.

Первый из них с помощью японцев попытался стать правителем Дальнего Востока и произвел сам себя в генерал-лейтенанты. Захвачен Красной Армией в Хабаровске в августе 1945 г., осужден и приговорен к высшей мере, в 1946 г. повешен в Москве.

Ну а подъесаул, «барон», тоже сам себя произвел в генерал-лейтенанты, но пошел еще дальше и назначил себя, любимого, великим монгольским ханом и потомком Чингисхана. Выдан сообщниками большевикам и после публичного процесса 15 сентября 1921 г. расстрелян в Новосибирске.

Но мы отвлеклись, и я вновь предоставляю слово Врангелю:

«Я выехал в Петербург в середине ноября (1916 г.); несколькими днями позже должны были выехать офицеры, входившие в состав депутации...

В верхах, близких к Государю и двору, по-видимому, продолжали не отдавать себе отчета в надвигающейся грозе. Высшее общество и высшая бюрократия были, казалось, всецело поглощены обычными “важными” вопросами, кто куда будет назначен, что говорится в партии Великого Князя или Императрицы... Светская жизнь шла своей обычной чередой, и казалось, что кругом меня не участники грядущей драмы, а посторонние зрители.

Через несколько дней после приезда я назначен был дежурным флигель-адъютантом к Его Императорскому Величеству. Мне много раз

доводилось близко видеть Государя и говорить с Ним. На всех видевших Его вблизи Государь производил впечатление чрезвычайной простоты и неизменного доброжелательства. Это впечатление являлось следствием отличительных черт характера Государя – прекрасного воспитания и чрезвычайного умения владеть собой.

Ум Государя был быстрый, Он схватывал мысль собеседника с полуслова, а память Его была совершенно исключительная. Он не только отлично запоминал события, но и лица, и карту; как-то, говоря о Карпатских боях, где я участвовал со своим полком, Государь вспомнил совершенно точно, в каких пунктах находилась моя дивизия в тот или иной день. При этом бои эти происходили месяца за полтора до разговора моего с Государем, и участок, занятый дивизией, на общем фронте армии имел совершенно второстепенное значение.

Я вступил в дежурство в Царском Селе в субботу, сменив флигель-адъютанта герцога Николая Лейхтенбергского. Государь в этот день завтракал у Императрицы. Мне подан был завтрак в дежурную комнату. После завтрака Государь гулял; а затем принял нескольких лиц, сколько я помню, вновь назначенного министром здравоохранения, профессора Рейна и министра финансов Барка.

Обедали на половине Императрицы. Кроме меня посторонних никого не было, и я обедал и провел вечер один в Семье Государя. Государь был весел и оживлен, подробно расспрашивал меня о полку, о последней блестящей атаке полка в Карпатах. Разговор велся частью на русском, частью, в тех случаях, когда Императрица принимала в нем участие, на французском языках. Я был поражен болезненным видом Императрицы. Она значительно осунулась за последние два месяца, что я Ее не видел. Ярko выступали красные пятна на лице. Особенно поразило меня болезненное и как бы отсутствующее выражение Ее глаз. Императрица главным образом интересовалась организацией медицинской помощи в частях, подробно расспрашивала о новом типе только что введенных противогазов».

Тут стоит прервать барона и напомнить читателю, что в письме к мужу от 4 февраля 1916 г. царица спрашивала: «Интересно бы знать, годится ли противогазная маска Алека?» И с чего бы такая узкотехническая деталь стала интересовать Алису и Григория, столь мало разбиравшихся в физике и химии? Или это был запрос кукловодов Распутина?

Но вот все формальности закончены, и в середине декабря Врангель возвращается на фронт.

«Поздней ночью я встретил дивизию, отходившую на линию реки

Серета. Мы простояли несколько дней на этой линии, а затем, смененные пехотой, усиленными переходами перешли в район Галаца, где сосредоточивалась крупная масса конницы, объединить которую должен был генерал от кавалерии граф Келлер. На нашем крайнем левом фланге шли жестокие бои, намечался прорыв нашей пехотой неприятельского фронта, и конницу нашу предполагалось бросить в тыл Макензену. Прорыв не удался и, напрасно простояв сутки под открытым небом, под проливным дождем, конница вновь была оттянута в тыл. Наша дивизия отошла в район Текучи-Бырлат.

Как-то на одном из переходов во время привала ко мне прибыл от генерала Крымова, шедшего в головном полку, ординарец и передал мне, что начальник дивизии просит меня к себе. Подъехав к голове колонны, я увидел группу офицеров штаба дивизии, гревшихся вокруг костра и разбиравших только что привезенную почту. Генерал Крымов, держа в руке несколько скомканных газет, нетерпеливыми большими шагами ходил в стороне. Увидев меня, он еще издали, размахивая газетами, закричал мне: “Наконец-то подлеца Гришку ухлопали...”

В газетах был ряд сведений об убийстве Распутина. Прибывшие одновременно письма давали подробности.

Из трех участников убийства я близко знал двух – Великого Князя Дмитрия Павловича и князя Ф.Ф. Юсупова.

Какие чувства руководили ими? Почему, истребив вредного для Отечества человека, они не объявили об этом громко, не отдали себя на суд властей и общества, а, бросив в прорубь труп, пытались скрыть следы? Трудно верилось полученным сообщениям».

Как не совестно барону в середине-то 1920х годов нести такую чушь! Убийство Распутина еще раз показало, что никакой власти в России нет и в помине. Императрица Александра Федоровна отдала приказ арестовать и расстрелять без суда убийц «нашего Друга». Однако «другая власть» взяла дом великого князя Дмитрия Павловича под охрану. Царь срочно бросает Ставку и едет в Петербург. Но там он не решается даже отдать убийц под суд и ограничивается ссылкой князя Феликса Юсупова в его имение Ракитное в Курской губернии, а великого князя Дмитрия Павловича отправляет на Персидский фронт. Другой убийца – Пуришкевич – заранее в Санитарном поезде уехал на Западный фронт и там оказался вне действия царской власти.

Но вернемся к жизнеописанию барона:

«10го января я получил известие о состоявшемся назначении моем командиром 1й бригады Уссурийской конной дивизии, в состав которой

входили Приморский драгунский и мой Нерчинский казачьи полки. Грустно было расставаться с полком, которым я командовал более 14ти месяцев, с которым делил и тягости боевой жизни, и ряд славных побед. Полк принимал старший полковник полка Маковкин, о назначении которого моим заместителем я еще в Петербурге просил Государя и Походного Атамана Великого Князя Бориса Владимировича.

Сдав полк, я, воспользовавшись нахождением дивизии в армейском резерве, поехал на несколько дней в Яссы».

Там Врангель получил телеграмму о производстве его в чин генерал-майора.

«С производством моим в генералы мне надлежало вступить в командование дивизией, и я выехал на фронт.

В двадцатых числах января дивизия получила приказание перейти в район г. Кишинева. Здесь сосредоточивалась большая часть русской конницы с Румынского фронта. Богатая местными средствами и главным образом фуражом, Бессарабия давала возможность нашей коннице занять широкое квартирное расположение и в течение зимнего затишья на фронте подправиться и подкормиться.

Я повел дивизию крупными переходами. Стояла чрезвычайно снежная зима с обычными в этой части Румынии метелями. Однако привычные к зимнему походу забайкальские кони шли легко, и переход наш во вновь назначенный район мы сделали быстро и без особых затруднений.

Небольшой, чистый и благоустроенный губернский город Кишинев, обыкновенно тихий и молчаливый, был необычайно оживлен. Помимо моей дивизии в ближайшем к городу районе расположены были весь конный корпус генерала Келлера, Туземная, так называемая дикая дивизия князя Багратиона... Масса офицеров всевозможных кавалерийских и казачьих полков наполняли театры и рестораны...

4го или 5го марта, в то время, как я сел ужинать, вернулся из города ординарец штаба дивизии Приморского драгунского полка корнет Квитковский и передал мне о слышанных им в городе слухах о всеобщем восстании в Петербурге и о том, что “из среды Думы выделено будто бы Временное Правительство”. Более подробных сведений он дать не мог. Часов в восемь вечера меня вызвал из города к телефону генерал Крымов. По голосу его я понял, что он сильно взволнован: “В Петербурге восстание, Государь отрекся от престола, сейчас я прочту вам манифест, его завтра надо объявить войскам”.

Я просил генерала Крымова обождать и, позвав начальника штаба, приказал ему записывать за мной слова манифеста. Генерал Крымов читал,

я громко повторял начальнику штаба отдельные фразы. Закончив чтение манифеста Государя, генерал Крымов стал читать манифест Великого Князя Михаила Александровича. После первых же фраз я сказал начальнику штаба: “Это конец, это анархия”.

Конечно, самый факт отречения Царя, хотя и вызванный неудовлетворенностью общества, не мог, тем не менее, не потрясти глубоко народ и армию. Но главное было не в этом. Опасность была в самой идее уничтожения монархии, исчезновении самого Монарха. Последние годы Царствования отшатнули от Государя сердца многих сынов отечества. Армия, как и вся страна, отлично сознавала, что Государь действиями Своими больше всего Сам подрывает престол. Передача Им власти Сыну или Брату была бы принята народом и армией не очень болезненно. Присягнув новому Государю, русские люди, так же как испокон веков, продолжали бы служить Царю и родине и умирать за “Веру, Царя и Отечество”.

Но в настоящих условиях, с падением Царя, пала сама идея власти, в понятии русского народа исчезли все связывающие его обязательства, при этом власть и эти обязательства не могли быть ни чем соответствующим заменены.

Что должен был испытать русский офицер или солдат, сызмальства воспитанный в идее нерушимости присяги и верности Царю, в этих понятиях прошедший службу, видевший в этом главный понятный ему смысл войны...

Надо сказать, что в эти решительные минуты не было ничего сделано со стороны старших руководителей для разъяснения армии происшедшего. Никаких общих руководящих указаний, никакой попытки овладеть сверх психологией армии не было сделано. На этой почве неизбежно должен был произойти целый ряд недоразумений. Разноречивые, подчас совершенно бессмысленные, толкования отречений Государя и Великого Князя (так, один из командиров пехотных полков объяснил своим солдатам, что “Государь сошел с ума”), еще более спутали и затемнили в понятии войск положение. Я решил сообщить войскам оба манифеста и с полной откровенностью рассказать все то, что было мне известно – тяжелое положение в тылу, неудовольствие, вызванное в народе многими представителями власти, обманывавшими Государя и тем затруднявшими проведение в стране мира, необходимого в связи с настоящей грозной войной. Обстоятельства, сопровождавшие отречение Государя, мне неизвестны, но манифест, подписанный Царем, мы, “присягавшие Ему”, должны беспрекословно выполнить, так же как и приказ Великого Князя

Михаила Александровича, коему Государь доверил Свою власть.

Утром полкам были прочитаны оба акта и даны соответствующие пояснения. Первые впечатления можно характеризовать одним словом – недоумение. Неожиданность ошеломила всех. Офицеры, так же как и солдаты, были озадачены и подавлены. Первые дни даже разговоров было сравнительно мало, люди притихли, как будто ожидая чего-то, старались понять и разобраться в самих себе. Лишь в некоторых группах солдатской и чиновничьей интеллигенции (технических команд, писарей, состав некоторых санитарных учреждений) ликовали. Персонал передовой летучки, в которой, между прочим, находилась моя жена, в день объявления манифеста устроил на радостях ужин; жена, отказавшаяся в нем участвовать, невольно через перегородку слышала большую часть ночи смех, возбужденные речи и пение.

Через день, объехав полки, я проехал к генералу Крымову в Кишинев. Я застал его в настроении приподнятом, он был весьма оптимистически настроен. Несмотря на то, что в городе повсеместно уже шли митинги и по улицам проходили какие-то демонстрировавшие толпы с красными флагами, где уже попадались отдельные солдаты из местного запасного батальона, он не придавал этому никакого значения; он искренне продолжал верить, что это переворот, а не начало всероссийской смуты. Он горячо доказывал, что армия, скованная на фронте, не будет увлечена в политическую борьбу, и “что было бы гораздо хуже, ежели бы все это произошло после войны, а особенно во время демобилизации... Тогда армия просто бы разбежалась домой с оружием в руках и стала бы сама наводить порядки”».

Через несколько дней генерал-лейтенант Крымов вызвал Врангеля к себе и предложил отправиться с письмом Крымова к военному министру Гучкову.

Дело в том, что Крымов и Гучков еще до войны были близкими друзьями. Но не будем забывать: идет тяжелая война, а командир корпуса снимает с фронта командира дивизии и отправляет его с личным секретным письмом в Петроград. Да ведь это еще одно военное преступление! Увы, наш барон резко возмущался, видя разгильдяйство среди нижних чинов, но для себя и людей своего круга он считал дозволенным все.

В тот же вечер Врангель выехал в Петроград.

«На станции Жмеринка мы встретили шедший с севера курьерский поезд. Среди пассажиров оказалось несколько очевидцев последних событий в столице. Между ними начальник 12й кавалерийской дивизии свиты генерал барон Маннергейм (командовавший впоследствии в

Финляндии белыми войсками). От него первого, как очевидца, узнал я подробности столичных народных волнений, измены правительству воинских частей, имевшие место в первые же дни случаи убийства офицеров. Сам барон Маннергейм должен был в течение трех дней скитаться по городу, меняя квартиры. Среди жертв обезумевшей толпы и солдат оказалось несколько знакомых: престарелый граф Штакельберг, бывший командир Кавалергардского полка граф Менгден, Лейб-Гусар граф Клейнмихель... Последние два были убиты в Луге своими же солдатами запасных частей гвардейской кавалерии.

В Киеве между поездками я поехал навестить семью губернского предводителя Безака. По дороге видел сброшенный толпой с пьедестала, в первые дни после переворота, памятник Столыпина. Безаки оставили обедать. За обедом я познакомился с только что прибывшим из Петербурга членом Думы бароном Штейгером и от него узнал подробности того, что происходило в решительные дни в стенах Таврического дворца. От него впервые услышал я хвалебные отзывы о Керенском. По словам барона Штейгера, это был единственный темпераментный человек в составе правительства, способный владеть толпой. Ему Россия была обязана тем, что кровопролитие первых дней вовремя остановилось.

На станции Бахмач к нам в вагон сел адъютант Великого Князя Николая Николаевича, полковник граф Менгден. Он оставил в Бахмаче поезд Великого Князя, направлявшегося из Тифлиса в Могилев, где Великий Князь должен был принять главное командование. Граф Менгден ехал в Петербург, где у него оставалась семья – жена, дети и брат. Он ничего еще не знал о трагической смерти последнего. Пришлось выполнить тяжелую обязанность сообщить ему об этом. Граф Менгден передал мне, что Великий Князь уже предупрежден о желании Временного Правительства, чтобы Он передал главное командование генералу Алексееву и что Великий Князь решил, избегая лишних осложнений, этому желанию подчиниться. Я считал это решение Великого Князя роковым. Великий Князь был чрезвычайно популярен в армии как среди офицеров, так и среди солдат. С Его авторитетом не могли не считаться и все старшие начальники: главнокомандующие фронтов и командующие армиями. Он один еще мог оградить армию от грозившей ей гибели, на открытую с Ним борьбу Временное Правительство не решилось бы.

В Царском дебаркадер был запружен толпой солдат гвардейских и армейских частей, большинство из них были разукрашены красными бантами. Было много пьяных. Толкаясь, смеясь и громко разговаривая, они, несмотря на протесты поездной прислуги, лезли в вагоны, забив все

коридоры и вагон-ресторан, где я в это время пил кофе. Маленький рыжеватый финляндский драгун с наглым лицом, папироской в зубах и красным бантом на шинели, бесцеремонно сел за соседний столик, занятый сестрой милосердия, и пытался вступить с ней в разговор. Возмущенная его поведением, сестра стала ему выговаривать. В ответ раздалась площадная брань. Я вскочил, схватил негодяя за шиворот и, протащив к выходу, ударом колена выбросил его в коридор. В толпе солдат загудели, однако никто не решился заступиться за нахала.

Первое, что поразило меня в Петербурге, это огромное количество красных бантов, украшавших почти всех. Они были видны не только на шатающихся по улицам, в расстегнутых шинелях, без оружия, солдатах, студентах, курсистках, шоферах таксомоторов и извозчиках, но и на щеголеватых штатских и значительном числе офицеров. Встречались элегантные кареты собственников с кучерами, разукрашенными красными лентами, владельцами экипажей с приколотыми к шубам красными бантами. Я лично видел несколько старых, заслуженных генералов, которые не побрезгали украсить форменное пальто модным революционным цветом. В числе прочих я встретил одного из лиц свиты Государя, тоже украсившего себя красным бантом; вензеля были спороты с погон; я не мог не выразить ему моего недоумения увидеть его в этом виде. Он явно был смущен и пытался отшучиваться: “Что делать, я только одет по форме – это новая форма одежды...” Общей трусостью, малодушием и раболепием перед новыми властителями многие перестарались. Я все эти дни постоянно ходил по городу пешком в генеральской форме с вензелями Наследника Цесаревича на погонах (и, конечно, без красного банта) и за все это время не имел ни одного столкновения.

Эта трусливость и лакейское раболепие русского общества ярко сказались в первые дни смуты, и не только солдаты, младшие офицеры и мелкие чиновники, но и ближайшие к Государю лица и сами члены Императорской Фамилии были тому примером. С первых же часов опасности Государь был оставлен всеми. В ужасные часы, пережитые Императрицей и Царскими Детьми в Царском, никто из близких к Царской Семье лиц не поспешил к Ним на помощь. Великий Князь Кирилл Владимирович сам привел в Думу гвардейских моряков и поспешил “явиться” М.В. Родзянко. В ряде газет появились “интервью” Великих Князей Кирилла Владимировича и Николая Михайловича, где они самым недостойным образом порочили отрекшегося Царя. Без возмущения нельзя было читать эти интервью.

Борьба за власть между Думой и самочинным советом рабочих и

солдатских депутатов продолжалась, и Временное Правительство, не находившее в себе силы к открытой борьбе, все более становилось на пагубный путь компромиссов.

Гучков отсутствовал в Петербурге. Я решил его ждать и, зайдя в военное министерство, оставил свой адрес, прося уведомить, когда военный министр вернется. Через день ко мне на квартиру дали знать по телефону, что министр иностранных дел П.Н. Милюков, осведомившись о приезде моем в Петербург с поручением к А.И. Гучкову, просил меня к себе. На другой день утром я был принят весьма любезно Милюковым.

– Александр Иванович Гучков отсутствует, – сказал мне министр, – но я имею возможность постоянно с ним сноситься. Я могу переслать ему ваше письмо, а также постараюсь совершенно точно передать ему все то, что вы пожелали бы мне сообщить. Мы с Александром Ивановичем люди разных партий, – прибавил улыбаясь Милюков, – но теперь, как вы понимаете, разных партий нет, да и быть не может.

Передав письмо генерала Крымова министру, я постарался возможно подробнее высказать ему свой взгляд на опасность для армии создавшегося положения. Я указал ему, что в настоящую минуту, когда особенно необходима твердая дисциплина, надлежит всеми мерами поддерживать престиж начальников, что последние приказы расшатывают дисциплину в армии и сами создают пропасть между офицерским составом и солдатами, что требование дисциплины “лишь только в строю” вредно и бессмысленно.

– Сейчас война, и мы все воины, и офицеры и солдаты, где бы мы ни находились: в окопах, в резерве или в глубоком тылу, – мы все время, в сущности, несем службу и находимся “в строю”. Новые права солдата, требование обращения к солдатам на “вы”, право посещать общественные места, свободно курить и т. д., хорошему солдату сейчас не нужны. Русский простолудин сызмальства привык к обращению на “ты” и в таком обращении не видит для себя обиды; в окопах и на привале русские офицеры и солдаты живут вместе, едят из одного котла и закуривают от одной папироски – свободным посещением публичных мест, курением и прочими свободами воспользуются лишь такие солдаты, как те, что шатаются ныне по улицам столицы.

Министр слушал меня весьма внимательно, делая пометки все время в блокнот.

– То, что вы говорите, весьма интересно, я точно передам все это Александру Ивановичу Гучкову. Однако должен заметить, что те сведения, которыми мы располагаем, то, что мы слышим здесь от представителей

армии, освещает вопрос несколько иначе.

– Это возможно, – ответил я, – но позвольте спросить вас, о каких представителях армии вы изволите говорить. О тех, что заседают в совете рабочих и солдатских депутатов, неизвестно кем выбранные и кем назначенные, или о тех, которых я видел только что на улицах города, разукрашенных красными бантами. Поверьте мне, что из хороших офицеров и солдат в Петербурге сейчас находятся лишь те, что лежат в лазаретах, и едва ли они могут быть вашими осведомителями. Я не сомневаюсь, что все прочие, кто случайно находился здесь, сейчас уже поспешили вернуться в свои родные части.

– Конечно, я не берусь судить, – Александр Иванович Гучков в этом вопросе компетентнее меня. Вероятно, по его возвращении он пожелает лично вас видеть. Пока будьте уверены, я в точности передам все вами сказанное...

Вернувшись домой, я нашел телеграмму генерала Крымова, он сообщал мне, что вызван военным министром в Петербург, что я назначен временно командующим дивизией и должен немедленно вернуться в Кишинев. С большим трудом достав билет, я в тот же вечер выехал из Петербурга.

15го марта я прибыл в Кишинев. Генерал Крымов, не дождавшись меня, накануне выехал, с ним уехал и начальник штаба дивизии полковник Самарин. Полковник Самарин, по приезде в Петербург, был назначен начальником кабинета военного министра; его заместителем оказался генерального штаба подполковник Полковников, донской казак, через несколько дней после моего приезда прибывший к месту службы. Подполковник Полковников, оказавшийся впоследствии, после корниловских дней, во главе Петербургского военного округа и сыгравший в дни падения Временного Правительства столь печальную роль, в должности начальника штаба дивизии оказался способным, толковым и дельным работником...

17го марта был день полкового праздника Амурского казачьего полка. Полк этот был включен в состав дивизии сравнительно недавно – весной 1916 года, и по внутреннему порядку своему невыгодно отличался от других полков дивизии. Год тому назад, когда полк находился в Петербурге, неся охрану, в полку была громкая история – убийство казаками своего офицера. Амурские казаки, отличные солдаты, были, в большинстве случаев, народ буйный и строптивый. Полком командовал Амурского казачьего войска полковник Сычев. Подъехав к выстроенному для парада полку, я с удивлением увидел, вместо сотенных значков, в большинстве

сотен красные флаги. Для флагов этих казаки, видимо, использовали “подручный материал”, и на флаг одной из сотен, очевидно, пошла юбка из красного ситца с какими-то крапинками. Командир подскакал с рапортом, оркестр заиграл марсельезу. Приняв рапорт командира полка, я спросил его, что значит этот маскарад, и услышал неожиданный для меня ответ, – “казаки этого потребовали”. Я объявил полковнику Сычеву, что не допускаю никаких “требований” подчиненных, что уставом ясно указано о порядке встречи старших начальников, что при встрече полк обязан играть полковой марш и что цвет значков каждой сотни установлен. Проехав по фронту, поздоровавшись с сотнями и поздравив с войсковым праздником, я, став перед фронтом полка, обратился к казакам:

– Я ожидал встретить славный ваш полк под старым своим знаменем, а сотни с их боевыми значками, вокруг которых погибло героической смертью столько славных амурских казаков. Под этими значками хотел я собрать сегодня вас и выпить за славу Амурского войска и Амурского полка круговую чарку, но под красной юбкой я сидеть не буду и сегодняшний день с вами провести не могу.

Круто повернув коня, я поскакал домой.

В тот же день я отдал приказ по дивизии, где объявил выговор командиру Амурского полка за допущение беспорядков в строю. Полковник Сычев, поддержанный заведующим хозяйством есаулом Гордеевым, пьяницей и плохим офицером, пытался вызвать неудовольствие полка против меня, стараясь внушить офицерам и казакам, что я оскорбил полк и в лице его все амурское казачество, что я сам не казак, а потому и обижаю казаков – одним словом, раздался тот припев, который впоследствии напевали так часто вожди “самостийного” казачества. Как только я узнал о недопустимых действиях командира полка и его помощника, я без лишних слов отдал приказ об отрешении обоих от должности и предписал им в тот же день выехать из пределов дивизии. Приехав в Амурский полк, я собрал офицеров, разъяснил им дело и высказал свой взгляд на вещи. В командование полком я приказал вступить Полковникову (в этой должности он был впоследствии утвержден по ходатайству генерала Крымова), а о действиях полковника Сычева и есаула Гордеева приказал командиру 2ой бригады, генералу Железнову, произвести расследование для предания их суду».

Не знаю, кому как, а мне последняя фраза барона кажется «остроумием на лестнице». Ведь из корпуса его вскоре исключили. Сам Врангель объясняет это разногласиями с Крымовым, но вряд ли это было главной причиной отъезда барона 5 апреля 1917 г. в Петроград.

«Я застал Петербург необыкновенно оживленным. С раннего утра и до поздней ночи улицы города были наполнены толпами народа. Большую часть их составляли воинские чины. Занятия в казармах нигде не велись, и солдаты целый день и большую часть ночи проводили на улицах. Количество красных бантов, утерев прелесть новизны, по сравнению с первыми днями революции, поуменилось, но зато неряшливость и разнузданность как будто еще увеличились. Без оружия, большей частью в расстегнутых шинелях, с папиросой в зубах и карманами, полными семечек, солдаты толпами ходили по тротуару, никому не отдавая чести и толкая прохожих. Щелканье семечек в эти дни стало почему-то непременно занятием “революционного народа”, а так как со времени “свобод” улицы почти не убирались, то тротуары и мостовые были сплошь покрыты шелухой. С большинства аптек и вывесок придворных поставщиков, в стремлении уничтожить “ненавистные признаки самодержавия”, толпой в первые дни революции были сорваны орлы, и отсутствие на привычных местах вывесок производило впечатление какого-то разгрома.

В Таврическом дворце, городской думе, во всех общественных местах, на площадях и углах улиц ежедневно во все часы шли митинги. Это была какая-то вакханалия словоизвержения. Казалось, что столетиями молчавший обыватель ныне спешил наговориться досыта, нагнать утерянное время. Сплошь и рядом, в каком-либо ресторане, театре, кинематографе, во время антракта или между двумя музыкальными номерами какой-нибудь словоохотливый оратор влезал на стул и начинал говорить. Ему отвечал другой, третий, и начинался своеобразный митинг. Страницы прессы сплошь заняты были речами членов Временного Правительства, членов совета рабочих и солдатских депутатов, речами разного рода делегаций. Темы были всегда одни и те же: осуждение старого режима, апология “бескровной революции”, провозглашение “продолжения борьбы до победного конца” (до “мира без аннексий и контрибуций” тогда еще не договорились), восхваление “завоеваний революции”. Спасать Россию уже не собирались, говорили лишь о спасении “завоеваний революции”. Формула эта стала наиболее ходячей, и в невольном стремлении сделать ее более удобоваримой договорились до “спасения революции”, получилось что-то безграмотное и бессмысленное.

Борьба между Временным Правительством и советом рабочих и солдатских депутатов продолжалась. Надо отдать справедливость левым элементам, они действовали решительно и определенно шли к намеченной цели. Временное Правительство, в правой его части, наоборот, все время

явно избегало решительных действий и слов, искало “компромисса” и подыгрывалось под “революционную демократию”... В то время как “широкая амнистия” покрыла не только бывших революционеров, но и явных агентов германского генерального штаба; в то время как прибывшие прямо из Германии во главе с Лениным большевики, среди бела дня захватив дом балерины Кшесинской на Каменноостровском проспекте^[10], обращались с балкона к толпе слушателей, призывая их к позорному миру, и Временное Правительство не смело их арестовать, – в Петропавловскую крепость заключались бывшие сановники, министры и другие лица, лишь потому, что они не угодны революционной демократии. В то время, как левая печать открыто вела разлагающую армию пропаганду, правые газеты конфисковывались и закрывались. В Крыму, по приказанию Временного правительства, распоряжением полковника Верховского производились обыски у членов Императорской Фамилии.

Не избежала обыска и престарелая императрица Мария Федоровна. Агенты вошли к ней в спальню и шарили в ее вещах, невзирая на то, что Императрица находилась в постели. Одновременно с обыском у членов Императорской Семьи подвергся обыскам и ряд частных лиц, проживающих в Ялте, в том числе и моя жена. У нее отобрали мои письма, в которых, конечно, ничего найти не могли».

В Петрограде Врангель отправился к военному министру Гучкову, но был принят его секретарем.

В своих «Записках» Врангель бичует генералов и офицеров, «приемлющих революцию». Большинство фамилий нам ничего не говорит, но характеристику одного персонажа стоит привести полностью, благо, с этим типом нам еще предстоит встретиться.

«“Поставившим на революцию” оказался и бывший мой однополчанин, а в это время начальник 1й кавалерийской дивизии, генерал Бискупский. Лихой и способный офицер, весьма неглупый и с огромным честолюбием, непреодолимым желанием быть всегда и всюду первым, Бискупский был долгое время в полку коноводом, пользуясь среди товарищей большим влиянием. Он женился на известной исполнительнице романсов Вяльцевой и долго сумел скрывать этот брак, оставаясь в полку. Такое фальшивое положение все же продолжаться не могло, и за два года до войны Бискупский полковником ушел в отставку. Он бросился в дела, основывал какие-то акционерные общества по разработке нефти на Дальнем Востоке, вовлек в это дело ряд бывших товарищей и, в конце концов, жестоко поплатился вместе с ними. Овдовев, он поступил в Иркутский гусарский полк и, быстро двигаясь по службе, в конце войны

командовал уже дивизией. В Петербурге он попал делегатом в совет солдатских депутатов от одной из армий. Он постоянно выступал с речами, по уполномочию совета, совместно с несколькими солдатами, ездил для переговоров с революционным кронштадтским гарнизоном и мечтал быть выбранным председателем военной секции совета. Как и следовало ожидать, из этого ничего не вышло. Выбранным оказался какой-то фельдшер, и Бискупский вскоре уехал из Петербурга».

В столице Врангель пытается сколотить офицерскую организацию ультраправого типа.

«Военная организация в столице, располагавшая хотя бы небольшими военными силами и могущая выступить в нужную минуту, казалась мне для успеха дела совершенно необходимой. Ко мне обращался ряд лиц, частью из существующих уже военных организаций, частью находящихся в частях столичного гарнизона. Мне скоро удалось войти в связь с офицерами целого ряда частей. На целый ряд этих частей мы могли вполне рассчитывать.

Сведениями своими я решил поделиться со старым однополчанином и другом моим графом А.П. Паленом (впоследствии командир корпуса в Северо-Западной армии генерала Юденича). Ожидая со дня на день назначения в армию, я предполагал оставить его во главе дела в Петербурге. Граф Пален очень подходил для намеченного дела; он легко мог, не возбуждая особых подозрений, вести свою работу в столице. Он всю жизнь прослужил в гвардии в Петербурге, его знала почти вся гвардия, и среди офицеров Петроградского гарнизона он пользовался общим уважением. Вместе с тем его сравнительно небольшой чин, свойственная ему молчаливость и замкнутость давали возможность рассчитывать, что ему удастся вести работу с достаточной скрытностью.

В помощь нам мы привлекли несколько молодых офицеров. Нам удалось раздобыть кое-какие средства. Мы организовали небольшой штаб, прочно наладили связь со всеми военными училищами и некоторыми воинскими частями, расположенными в столице и пригородах, организовали ряд боевых офицерских дружин. Разведку удалось поставить отлично. Был разработан подробный план занятия важнейших центров города и захвата всех тех лиц, которые могли бы оказаться опасными».

Бездарные «временные» министры решили удержаться у власти путем разгрома супостата. Поразить германскую армию на карте оказалось просто и легко.

«Новый министр “революционной армии” Керенский непрерывно метался на фронте, произносил истерические речи и призывал

“революционные войска спасать завоевания революции”. Маршевые пополнения шли на фронт, неся плакаты с призывами: “Война до победного конца”, “Все на фронт”, “Лучше смерть, чем рабство” и т. д. Несмотря на “революционный порыв”, эти маршевые пополнения, большей частью, разбегались по дороге.

В середине июня я получил телеграмму за подписью дежурного генерала 8й армии полковника графа Гейдена, коей испрашивалось согласие мое на назначение меня “впредь до освобождения дивизии” командиром бригады 7й кавалерийской дивизии. Я ответил согласием. Однако проходили дни, все более и более приближался час перехода армии в наступление, а приказа о назначении не было.

18го июня армии Юго-Западного фронта атаковали противника, 8я армия генерала Корнилова вторглась в Галицию, фронт противника был прорван, наши войска овладели Галичем и Станиславовым. Казалось, после долгих месяцев победа вновь озаряла русские знамена.

Наконец, 30го июня, я получил телеграмму о назначении меня командующим, но не бригадой, а 7й кавалерийской дивизией. Через день я выехал в Каменец-Подольск.

6го июля я прибыл в Каменец-Подольск. Здесь узнал я последние новости. “Прорыв революционной армии”, о котором доносил председателю правительства князю Львову “военный министр”, закончился изменой гвардейских гренадер, предательски уведенных с фронта капитаном Дзевалтовским. За ними, бросая позиции, стихийно побежала в тыл вся 11я армия. Противник занял Тарнополь, угрожая флангу и тылу соседней 8й армии генерала Корнилова.

Геройская гибель ударных батальонов, составленных, большей частью, из офицеров, оказалась напрасной. “Демократизированная армия”, не желая проливать кровь свою для “спасения завоеваний революции”, бежала, как стадо баранов. Лишенные власти начальники бессильны были остановить эту толпу. Перед лицом грозной опасности безвольное и бездарное правительство как будто прозрело, оно поняло, казалось, необходимость для армии иной дисциплины, кроме “революционной”. Назначение генерала Корнилова главнокомандующим Юго-Западного фронта, вместо генерала Брусилова, назначенного незадолго верховным главнокомандующим, казалось, подтверждало это...

27го августа, имея надобность в каких-то указаниях, я проехал верхом в штаб армии. В штабе я застал большое волнение. Только что получена была телеграмма генерала Корнилова, где он, обращаясь к армии, говорил о “свершившемся великом предательстве...” (Телеграмма Керенского,

объявляющая главнокомандующего изменником, была получена несколькими часами позже). Вместе с тем, ставкой приказывалось снять радио и не принимать никаких телеграмм от председателя правительства. Армейский комитет против последнего протестовал, его поддерживал и. д. генерал-квартирмейстера, “приемлющий революцию”, полковник Левицкий. Командующий армией генерал Соковнин и начальник штаба генерал Ярон казались совершенно растерянными. С большим трудом удалось мне получить копию с телеграммы главнокомандующего, причем командующий армией предложил мне не объявлять телеграммы этой впредь до выяснения обстановки и получения указаний от главнокомандующего фронтом генерала Щербачева.

Командующий армией не нашел в себе сил вступить в борьбу с армейским комитетом и отдал приказание полковнику Левицкому “с распоряжением о снятии радио повременить”. В то время как я, выйдя из штаба, сажусь на лошадь, полковник Левицкий с торжествующим видом объявил это стоящим тут же представителям армейского комитета. Я не сдержался и резко заявил полковнику Левицкому, что невыполнение приказа главнокомандующего при настоящих условиях считаю совершенно преступным и, что касается моего корпуса, то немедленно по прибытии в штаб отдам распоряжение о снятии радиостанции.

Часов в шесть вечера ко мне заехал генерал Одинцов, он сообщил мне о полученной армейским комитетом телеграмме Керенского, объявляющей Корнилова изменником. По его словам, командующий армией и начальник штаба совсем растерялись, и все распоряжения отдает полковник Левицкий, поддерживаемый армейским комитетом. Генерал Одинцов совершенно неожиданно предложил мне “поднять по тревоге корпус, арестовать штаб и вступить в командование армией”. Я мог только недоуменно развести руками.

Рано утром адъютант доложил мне, что дивизионный комитет 3й казачьей дивизии вызывает в дивизию членов дивизионного комитета 7й дивизии, что в 3ю дивизию прибыли представители армейского комитета и что генерал Одинцов, по требованию армейского комитета, задержал готовившуюся к отправке на погрузку 2ю бригаду 3й дивизии, которая накануне получила указание о направлении в Одессу».

В конце концов, после продолжительных митингов 3я дивизия решила поддержать Керенского, а в 7й дивизии так ничего и не решили. Сам же Врангель вновь отправился в столицу. В Петроградском военном округе, куда Врангель хотел получить назначение, места для него не нашлось, и барон отправился в ставку к генералу Духонину.

«Ставка эти дни была полна волнениями. Беспрерывно заседал армейский комитет. Генералы Духонин, Дидерихс и Вырубов не отходили от аппаратов Юза. Стало известно о движении генерала Краснова с 3 корпусом на Петербург, за ним должны были двигаться еще войска. Но уже через день заговорили об “измене генерала Черемисова”. В штабе главнокомандующего северным фронтом уже велась недостойная игра. Генерал Черемисов довольно прозрачно давал окружающим понять, что в ближайшие дни он готовится стать верховным главнокомандующим. Вызванные в Петербург правительством эшелоны были задержаны генералом Черемисовым в пути; казаки Уссурийцы стали брататься с большевиками. Еще раз в верхах армии появилась растерянность, нерешительность, предательство и трусость...

В день, когда мне стало известно о назначении верховным главнокомандующим прапорщика Крыленко, я решил уехать из армии. Генерал Духонин меня более не удерживал. Получив нужные бумаги, я зашел к Вырубову попрощаться. Я застал его сильно расстроенным, он только что вернулся от Духонина, который получил известие об отданном Крыленкой приказе войскам “вступить в переговоры с противником”, при этом Крыленко телеграфировал Духонину, требуя сдачи должности начальнику гарнизона, генералу Бонч-Бруевичу. Бездарный, тупой и на редкость беспринципный – Бонч-Бруевич успел втереться в доверие могилевского совдепа. Генерал Духонин предложил генералам Дидерихсу и Вырубову освободить их от связывающего слова не оставлять друг друга. Вырубов отказался, решив до конца разделить участь с главнокомандующим, Дидерихс же, хотя и решил остаться, но в качестве “частного человека”, заручившись приказом за подписью Духонина об откомандировании в Кавказскую армию. По словам Вырубова, генерал Духонин решил ставку переносить в Киев.

С тяжелым чувством я выехал из армии. Восемь месяцев тому назад Россия свергла своего Монарха. По словам стоявших у власти людей, государственный переворот имел целью избавить страну от правительства, ведшего его к позорному сепаратному миру. Новое правительство начертало на своем знамени: “Война до победного конца”. Через восемь месяцев это правительство позорно отдало Россию на милость победителю. В этом позоре было виновато не одно безвольное и бездарное правительство. Ответственность с ним разделяли и старшие военачальники и весь русский народ. Великое слово “свобода” этот народ заменил произволом и полученную вольность претворил в буйство, грабеж и убийство».

Глава 3

Начало Гражданской войны

Как нам назвать события 25 октября 1917 г. в Петрограде? Октябрьским переворотом или Великой Октябрьской Социалистической революцией? Увы, Великая Октябрьская революция не была ни октябрьской, ни великой, ни революцией. Для доказательства первого достаточно заглянуть в календарь, а для доказательства второго и третьего утверждений – труды Ленина и других большевиков за 1917—1920 гг. Первые месяцы и даже годы в разговорах между собой и даже в открытых статьях они называли события 7 ноября (25 октября по старому стилю) исключительно октябрьским переворотом. Великая революция – это уже эпитеты партийных пропагандистов в последующие годы. Не было никакого штурма Зимнего, равно как и залпа «Авроры».

В октябре 1917 г. по Зимнему был сделан один холостой выстрел «Авроры» и 2 (два!) боевых выстрела из орудий Петропавловской крепости, зато в октябре 1993 г. по Белому дому было выпущено несколько тысяч снарядов калибра от 30 до 125 мм включительно.

Зимний практически никто не защищал. Около двух тысяч юнкеров и рота женского батальона были вызваны к Зимнему обманом – одних позвали нести караульную службу, других – грузить дрова. Увидев, что дело пахнет не дровами, а керосином, почти все юнкера и дамы мирно разошлись, революционные солдаты и матросы им не препятствовали. Далее солдаты и матросы, для приличия немного постреляв, в основном в потолки, заняли дворец и арестовали министров Временного правительства.

То же, что нам многократно показывало советское, а сейчас «общественное» телевидение, является не документальными показами взятия Зимнего, а кадрами художественного фильма «Октябрь», снятого много лет спустя.

Большевики не брали, а тем более не узурпировали власть. Они нашли ее в дерьме, старательно отмыли и начали управлять.

Боюсь, что уже читатель-патриот побагровел – автор ёрничает, издевается над русской историей! Успокойтесь, у них за бугром все было гораздо хуже, чем у нас. Вот, к примеру, 14 июля 1789 г. в Бастилии гарнизон состоял из 95 инвалидов и 30 швейцарцев, пушки были сняты со

стен, а амбразуры заколочены. В крепости томились семеро заключенных (четверо сидели за подлоги, двое сумасшедших и один развратник-садист). На требование сдать крепость комендант Де Лонэ предложил вожакам восстания отобедать с ним и мирно решить все проблемы. Подъемный мост был опущен. Толпа ворвалась в Бастилию. Комендант, четверо офицеров и трое инвалидов были зверски убиты. Революционеры, воткнув головы убитых на пики, гордо двинулись по Парижу.

Таким образом, если штурм Зимнего был веселой опереттой, то взятие Бастилии представляло довольно отвратительное зрелище. Но вот парадокс – французы уже 219 лет ежегодно с большой помпой отмечают взятие Бастилии, 14 июля – это главный государственный праздник Франции. Впрочем, этот парадокс легко объясним. Штурм Зимнего и Бастилии сами по себе явления незначительные, но они стали вехами великих процессов, которые потрясли весь мир. Действительно, с 1789го и с 1917 года история всего человечества лет на семьдесят определялась в основном тем, что происходило во Франции или России.

С начала 90х годов XX века либеральные историки и СМИ вдалбливают нам, что в Гражданской войне были лишь две силы – «красные» и «белые».

Подробно о составе «белых» мы поговорим позже. А пока для нас белые – это коктейль из монархистов, государственников правого толка и лиц без определенных взглядов, мечтавших навести порядок в стране в границах 1914 г. Замечу, что «белые» не получили ни одного голоса в «Учредилке».

Главное же то, что Гражданская война к 25 октября 1917 г. уже шла. И если бы большевики отказались брать власть и даже, фантастический вариант, приняли нейтралитет в Гражданской войне, война бы все равно шла и была бы как минимум не менее кровавой.

Националисты уже поставили под ружье сотни тысяч бойцов и без большой крови не собирались отказываться от создания национальных государств на территории империи. Крестьяне в основном уже захватили помещичьи земли и разграбили барские усадьбы. Главное же, что это были не «поселяне» образца 1905—1907 гг., когда эскадрон казаков, двигаясь от деревни к деревне, мог за месяц перепороть весь уезд. Солдаты вернулись домой с «трехлинейками», а зачастую и с «максимами» – а вдруг в хозяйстве пригодятся.

Особую группу составляли казаки. Новая власть им почти ничего не давала. Главное же, они боялись потерять свои привилегии по сравнению с пришлыми русскими крестьянами и инородцами, проживавшими на

казацких территориях.

В ходе Корниловского мятежа премьер Керенский объявил атамана Войска Донского генерала А.М. Каледина мятежником и потребовал его прибытия в Петроград для допроса. Каледин, безусловно, сочувствовал Корнилову, но в заговоре не участвовал. В день начала Корниловского мятежа он объезжал глухие станицы Донской области, расположенные вдали от железных дорог.

В ответ Каледин создал местное независимое «Войсковое правительство». На Дон со всей страны стали съезжаться контрреволюционно настроенные офицеры. Генералы Л.Г. Корнилов, М.В. Алексеев и А.И. Деникин 2 (15) ноября 1917 г. приступили в Новочеркасске к формированию Добровольческой армии.

Достаточно компетентный эмигрантский историк Гражданской войны Дмитрий Лехович писал: «Каледин знал, что генералам и съехавшимся на Дон офицерам повсюду в России грозила смертельная опасность. Он не мог отказать им в приюте и из своих личных средств помогал беженцам. На упреки критиков атаман указывал на старый казачий обычай: “С Дона выдачи нет!” Но в то же время под давлением все обострявшихся событий он просил генерала Алексеева обставить вербовку добровольцев возможно конспиративнее и советовал перевести алексеевскую организацию куда-нибудь за пределы области – в Ставрополь или в Камышин, то есть в пункты, находившиеся вне области Войска Донского, но в то же время прикрытые ею от центра европейской России.

Генерал Алексеев не последовал совету Каледина. Он не перенес свою деятельность ни в Ставрополь, ни в Камышин. По многим причинам он этого сделать не желал, да и не мог.

А добровольцы пробирались на Дон и в одиночку, и целыми группами. Влекли их туда имена признанных вождей. Двое из них – Алексеев и Корнилов – были Верховными Главнокомандующими; Деникин – Главнокомандующим сперва Западным, затем Юго-Западным фронтами; а Каледин заслужил всеобщее уважение как командующий 8й армией, а потом как атаман Войска Донского. Кроме того, по своему происхождению и Алексеев, и Корнилов, и Деникин в прямом смысле вышли из народа.

С риском быть опознанными по дороге, с опасностью быть расстрелянными на месте двигались туда офицеры, юнкера, кадеты, студенты. Старшее поколение интеллигенции выжидало. Но молодежь, глубоко оскорбленная в своем чувстве патриотизма, готова была идти на любые лишения и жертвы».^[11]

На Дон отправились и деятели правого центра: П.Н. Милюков,

П.Б. Струве, член кадетской партии М. Федоров, князь Г.Н. Трубецкой, бывший председатель Государственной думы М.В. Родзянко. Приехал в Новочеркасск и Керенский, но там «правителем России» его никто считать не пожелал, и уехал Александр Федорович, несолоно хлебавши. Позже в своих мемуарах Керенский будет отрещиваться от своих донских походов.

Кто же должен был стать вождем антибольшевистского движения? Лехович писал по этому поводу: «С приездом Корнилова обнаружилось одно обстоятельство: его взаимоотношения с генералом Алексеевым настолько обострились, что совместная работа представляла большие затруднения. “О чем они говорили (при встрече), – писал генерал Деникин, – я не знаю, но приближенные вынесли впечатление, что расстались они темнее тучи...”

Вскоре состоялось совещание старших генералов и общественных деятелей, приехавших из Москвы. “По существу, – говорил Антон Иванович, – весь вопрос сводился к определению роли и взаимоотношений двух генералов – Алексеева и Корнилова. И общественные деятели, и мы были заинтересованы в сохранении их обоих в интересах армии. Ее хрупкий еще организм не выдержал бы удаления кого-нибудь из них: в первом случае (уход Алексеева) армия раскололась бы, во втором – она бы развалилась. Между тем обоим в узких рамках только что начавшегося дела было, очевидно, слишком тесно.

Произошла тяжелая сцена. Корнилов требовал полной власти над армией, не считая возможным иначе управлять ею, и заявил, что в противном случае он оставит Дон и переедет в Сибирь. Алексееву, по-видимому, трудно было отказаться от прямого участия в деле, созданном его руками. Краткие, нервные реплики их перемешивались с речами общественных деятелей, которые говорили о самопожертвовании и о государственной необходимости соглашения...”

Чтобы покончить с трениями, колебаниями и создать обстановку, при которой дальнейшая работа была бы возможна, генерал Деникин предложил компромиссное решение: военная власть должна была перейти к генералу Корнилову; гражданская власть и внешние сношения – к генералу Алексееву; все вопросы, связанные с управлением Донской областью, – к генералу Каледину.

Схема Деникина была одобрена и принята. Таким образом, на первых порах белого движения образовался триумvirат, представлявший из себя, как говорил Антон Иванович, “в эмбриональном состоянии” первое противобольшевистское правительство.

В день Рождества 1917 года генерал Корнилов вступил в командование Добровольческой армией». ^[12]

В конце 1917 г. Каледину удалось занять большую часть Донбасса, где он разгромил Советы и ввел военное положение. 2 (15) декабря казаки и офицерские части взяли Ростов. Эмигрант Лехович писал: «Однако Ростов не оправдал расчетов Корнилова. Его многочисленное рабочее население враждебно встретило корниловские части. А буржуазия не откликнулась на призыв посылать в армию пополнение. Откликнулись только дети!» ^[13]

Увы, так будет везде. Народ не желал идти под знамена белых генералов. Основной контингент Добрармии – бывшие офицеры царской армии, экзальтированные юнкера и гимназисты. Из низших классов добровольно к белым шли отдельные группы казаков, рыбаков астраханской дельты и т. п., которые из-за каких-то своих проблем поссорились с советской властью, и теперь их единственным убежищем стала Добрармия.

Для ликвидации калединского гособразования большевики стягивали части со всей Европейской России.

25 декабря 1917 г. (7 января 1918 г.) советские войска начали наступление от Горловки (отряд Р.Ф. Сиверса), Луганска (отряд Ю.В. Саблина), на миллеровском направлении (отряд Г.К. Петрова), от станции Тихорецкая (отряды А.И. Автономова). 28 января (10 февраля) советские войска (группировка Сиверса) заняли Таганрог и продолжили с боями наступление на Ростов.

Большинство казаков (всего войско Донское к октябрю 1917 г. насчитывало 1,5 млн человек) не поддержали Каледина. 29 января (11 февраля) 1918 г. Каледин собрал «донское правительство» и предложил сложить полномочия. В тот же день атаман Каледин застрелился. Генералы Алексеев и Корнилов с офицерскими частями оставили Дон и начали отход на Кубань.

Первый кубанский поход длился 80 дней. Пройдя за это время расстояние в 1200 км, добровольцы, покинув Ростов 9 февраля, 30 апреля вернулись обратно на Дон в станицы Мечетинскую и Егорлыкскую. Длинной петлей они обогнули степную равнину Кубанской области, проникнув даже в горные аулы Северного Кавказа. В ходе похода добровольцы похоронили на Кубани до четырех сотен своих бойцов и вывезли более полутора тысяч раненых. Однако за счет пополнения армии кубанскими казаками ее численность достигла 5 тыс. человек. Первый кубанский поход фактически был рейдом крупного партизанского отряда

по тылам противника.

31 марта (13 апреля) 1918 г. добровольцы попытались взять Екатеринодар (с 1920 г. Краснодар) и были разбиты, а сам Корнилов убит. Генерал Алексеев был ранен, и командование Добрармией принял А.И. Деникин. Добровольцы отступили на Дон, у них оставалось только четыре 76мм пушки.

Между тем полковник М.Г. Дроздовский еще в декабре 1917 г. собрал на Румынском фронте около тысячи офицеров. 11 марта 1918 г. отряд Дроздовского выступил из Ясс и с боями прошел через Каховку, Мелитополь, Бердянск, Мариуполь и Таганрог. 5 мая он вышел на Дон и соединился с войсками Деникина.

Глава 4

Межу курултаем и гетманшафтом

Итак, Гражданская война набирает обороты, а где же наш славный барон? Он с семьей греется пол ласковым солнцем Крыма. «Еще с первых дней смуты сюда бежало из Петербурга, Москвы и Киева громадное число семейств. Люди в большинстве случаев богатые и независимые, не связанные со службой или покинувшие ее и в большинстве случаев чуждые политической жизни, они внесли с собой в Крым особую атмосферу, столь далекую от политической борьбы и тревожных переживаний большинства крупных центров России. В окрестностях Ялты проживала после переворота и большая часть Членов Императорской Семьи: престарелая императрица Мария Федоровна с дочерьми Великими Княгинями Ксенией Александровной и Ольгой Александровной, Великие Князья Николай Николаевич, Петр Николаевич, Александр Михайлович с Семьями. В самой Ялте, Алушке, Симеизе и Гурзуфе жил целый ряд лиц петербургского общества, – старых наших знакомых. Все часто виделись между собой. Многие старались перенести сюда привычный уклад петербургской жизни».^[14]

Крым встретил Февральскую революцию как-то скучно, рутинно, во всяком случае, без каких-либо эксцессов.

Первый звонок к анархии в Крыму прозвучал 25 марта, когда в Симферополе в торжественной обстановке открылся съезд мусульман Крыма. На съезде был создан Крымский мусульманский исполнительный комитет (КМИК), в состав которого вошли Челеби Челебиев (избран также комиссаром духовного правления и Таврическим муфтием), Джафар Сайдамет, А. Озенбашлы, С. Меметов и другие, в основном члены национальных татарских партий крайне левого, и к тому же сепаратистского, направления.

18 мая 1917 г. КМИК и организованный в его составе военный комитет, возглавляемый подполковником 32го запасного пехотного полка Алиевым, постановил создать из солдат – крымских татар отдельные воинские части и перевести в Крым запасной эскадрон Крымского конного полка, подчинив его КМИКу.

38я запасная пехотная бригада, состоявшая из 32го, 33го и 34го полков, бригадной школы прапорщиков, находившейся в Симферополе,

35го полка, расквартированного в Феодосии и ряда других более мелких подразделений, насчитывала более 20 тысяч солдат-запасников из Таврической губернии и Украины. Крымские татары составляли в этой бригаде довольно большой процент.

Уже в июне 1917 г. на кораблях Черноморского флота начались случаи открытого неповиновения командирам. Так, на эсминце «Жаркий» в начале июня команда отказалась выполнять приказы командира Г.М. Веселого. А комиссия ЦИК предложила миноносцу «Жаркий»... «прекратить кампанию», то есть встать на прикол в Севастополе и более не участвовать в боевых действиях.

5—6 июня в Севастополе революционные матросы произвели аресты нескольких десятков офицеров. А затем было решено обыскать и обезоружить всех офицеров Черноморского флота.

Желая избежать кровопролития, адмирал Колчак издал приказ, немедленно переданный по радиотелеграфу: «Считаю постановление делегатского собрания об отобрании оружия у офицеров позорящим команду, офицеров, флот и меня. Считаю, что ни я один, ни офицеры ничем не вызвали подозрений в своей искренности и существовании тех или иных интересов, помимо русской военной силы. Призываю офицеров во избежание возможных эксцессов, добровольно подчиниться требованиям команд и отдать им все оружие».

В 17 часов того же дня, 6 июня, члены судового комитета флагманского броненосца «Георгий Победоносец», пришли в адмиральскую каюту и потребовали от Колчака сдать оружие. Тот выставил депутатов из своей каюты, затем вышел на палубу и выбросил за борт свою Георгиевскую саблю с надписью «За храбрость», полученную за оборону Порт-Артура.

В тот же вечер начальник штаба Черноморского флота адмирал М.И. Смирнов телеграфировал в Петроград Временному правительству о произошедших событиях. Ночью он получил ответную телеграмму, подписанную премьером князем Львовым и военным министром Керенским. В телеграмме приказывалось Колчаку и Смирнову немедленно выехать в Петроград для личного доклада. Временное командование флотом возлагалось на адмирала В.К. Лукина. В телеграмме также содержался строжайший приказ возвратить оружие офицерам.

Черноморский флот практически стал небоеспособен. 7 июля команда крейсера «Память Меркурия» отказалась выполнять приказ командования, а 29 июля то же произошло на эсминце «Поспешный». Да и на кораблях, участвовавших в боевых действиях, дисциплина стала понятием

относительным.

27 июля миноносец «Гневный» возвратился в Севастополь с захваченной турецкой лайбой, груженной маслинами, орехами и табаком. Команда отказалась сдать груз в распоряжение Севастопольского Совета и сама распродала его прямо на площади Нахимова.

18 июля Временное правительство назначило на должность командующего Черноморским флотом Александра Васильевича Немитца с производством его в контр-адмиралы. Сам Немитц вспоминал: «Адмирал А.В. Колчак, уезжая с заданием Временного правительства в Америку, указал на меня, как своего заместителя в Черном море. Поставив меня в известность о таком предложении, А.Ф. Керенский пригласил проехать с ним в Ставку верховного главнокомандующего... Я в беседе с А.Ф. Керенским интересовался только одним вопросом, могут ли быть приняты правительственные меры для ограждения дисциплины в частях. Ответ на этот вопрос был равносителен ответу на вопрос, “существует или нет власть Временного правительства?”»

В июле 1917 г. большинство татар из 38й бригады вышли из повиновения командования. Они заняли под казармы Татарскую учительскую школу и ряд других зданий в Симферополе. Татарские подразделения демонстративно маршировали по городу. Любопытно, что Керенский сообщил по телефону Крымскому мусульманскому военному комитету, что он ничего не имеет против формирования татарских частей.

26 ноября 1917 г. татары собрали курултай, который объявил себя учредительным собранием Крыма и даже сформировал Национальное правительство, более известное под именем Директории (не путать с украинской Директорией).

Татарское правительство возглавил Ч. Челебиев, а директором по военным и внешним делам стал Джафер Сайдамет. 21—22 декабря все части Крымской конной бригады и полк «Уриет», согласно приказу Крымского штаба № 6, в торжественной обстановке были приведены к присяге «на защиту основных законов Курултая».

У татар не было командующего войсками, который был бы военным специалистом и имел хоть какой-то политический вес. Посему они предложили принять начальство над татарским воинством... барону П.Н. Врангелю. Собственно, ничего удивительного в этом не было. Объявил же себя его бывший сослуживец подъесаул немецкий барон Унгерн монгольским ханом, наследником Чингисхана, так почему бы генерал-майору фон Врангелю не стать наследником Гиреев?

История оказалась довольно скандальная, и Врангель в «Записках»

выворачивается, как может: «По примеру Дона и Украины перед лицом надвигающейся красной волны решили соорганизоваться в лице “Курултая” и крымские татары». Это в марте-то 1917 года в Крыму надвигалась «красная волна»?!

«Вновь сформированное татарское правительство носило коалиционный характер, хотя преобладала “демократическая политика”, ярким представителем которой был председатель правительства и военный министр Сайдамет, по примеру господина Керенского также из адвокатов. Сайдамета, кроме демократических элементов, выдвигала еще и туркофильская группа. В распоряжении правительства имелась и горсточка вооруженной силы: занимавший гарнизоны Симферополя, Бахчисарая и Ялты Крымский драгунский полк, укомплектованный крымскими татарами, несколько офицерских рот, кажется, две полевые батареи. Гарнизон Севастополя и Севастопольская артиллерия были уже в явно большевистском настроении. В Симферополе, местопребывании Курултая, был спешно сформирован и штаб армии, начальником которого состоял генерального штаба полковник Макуха. Совершенно для меня неожиданно я получил в Ялте телеграмму за подписью последнего, сообщаящего мне, что крымское правительство предлагает мне должность командующего войсками. Для переговоров мне предлагалось прибыть в Симферополь. В тот же день в Крыму была объявлена всеобщая мобилизация, долженствующая, по расчетам штаба, позволить в кратчайший срок сформировать целый корпус и развернуть кавалерию в бригаду. Я решил приехать в Симферополь и на месте выяснить обстановку, прежде чем дать какой-либо ответ на сделанное мне предложение.

В Симферополе, столице Крыма, застал я оживление необычайное: шла регистрация офицеров, какие-то совещания, непрерывно заседали разные комиссии. Начальник штаба полковник Макуха произвел на меня впечатление скромного и дельного офицера. Поглощенный всецело технической работой, он, видимо, был далек от политики. Последняя оказалась окрашенной типичной керенщиной: предполагая опереться на армию, штатский крымский главковерх, так же как и коллега его в Петербурге, мыслил иметь армию демократизованную с соответствующими комитетами и комиссарами. С первых же слов моего свидания с Сайдаметом я убедился, что нам не по пути, о чем откровенно ему и сказал, заявив, что при этих условиях я принять предлагаемую мне должность не могу. Сайдамет учел, по-видимому, бесполезность меня уговаривать и лишь просил до отъезда не отказать присутствовать на имеющем быть вечером в штабе совещании. На этом совещании должен

был быть рассматриваемым предложенный генерального штаба полковником Достоваловым план захвата Севастопольской крепости. Меня по этому вопросу просили дать заключение. Если бы я еще доселе и колебался в своем отказе принять командование над войсками крымского правительства, то после этого совещания все сомнения мои должны были исчезнуть. Хотя предложенный и разработанный полковником Достоваловым план и был всеми присутствовавшими на совещании военными лицами, в том числе и мною, и начальником штаба полковником Макухой, признан совершенно неосуществимым, тем не менее “военный министр”, выслушав присутствовавших, заявил, что соглашается с полковником Достоваловым и предложил начальнику штаба отдать немедленно распоряжение для приведения предложенного полковником Достоваловым плана в исполнение. На утро я выехал в Ялту».

Какая прелесть! Русский генерал-майор обсуждал вопрос о поступлении на службу курултаю, целью которого было создание независимого татарского государства! Барон обсуждал план захвата татарами Севастополя. Да вот беда, то ли план плох оказался, то ли в цене не сошлись, в общем, уехал Врангель в Ялту. Но вопрос, на какое утро? Тут дата крайне важна, а барон запомнил.

Татарские отряды 23 декабря вошли в Евпаторию и после короткой перестрелки разоружили находившиеся там части, в том числе Киевскую школу летчиков-наблюдателей, школу стрельбы по воздушному флоту и 1ю Украинскую казачью батарею.

Воодушевленные легким успехом в Евпатории, татары двинулись на Севастополь. Через два часа после разоружения семисот матросов. Татарские части – 2й конный полк и две роты полка «Уриэт» – перешли границу Севастопольского крепостного района у села Дуванкой и попытались захватить Камышловский железнодорожный мост. Мост охраняла дружина рабочих Севморзавода. Вскоре на помощь к ним из города пришел отряд красногвардейцев. Совместными усилиями им удалось отбить атаку татар.

10 января татары выбили отряд матросов из имения графа Мордвинова. Матросы отошли за реку Качу, а затем, после часовой перестрелки, погрузились в железнодорожный эшелон и ушли в Севастополь.

В Севастополе большевики и анархисты поняли, что надо экстренно спасать ситуацию. Срочно был создан Военно-революционный штаб и сформированы десантные отряды из моряков. Присутствие кораблей Черноморского флота решило все дело.

31 января гидрокрейсер «Румыния»^[15], а также вооруженные транспорты «Трувор», «Данай» и «Геркулес» вышли с десантом из Севастополя в Евпаторию. Десанту матросов без особого труда удалось выбить татар из Евпатории.

Кроме Евпатории, матросы Черноморского флота высадились в Ялте и Феодосии. Особенно упорные бои шли в районе Ялты, где войска курултая были поддержаны боевиками мусульманской организации «Тан». Руководил татарами полковник Е.И. Достовалов. Ялта два раза переходила из рук в руки. Окончательно большевики захватили ее лишь 15 января, а переодевшийся в штатское Достовалов бежал в Симферополь.

13 января моряки штурмом овладели Бахчисараем и двинулись к Симферополю. Войска курултая начали разбегаться. При подходе красных к Симферополю на татарские части напали учебная команда 33го запасного полка и боевая дружина завода «Анатра». В тот же день город был взят почти без боя.

Итак, перед нами загадка, в какое утро Врангель вышел из татарской авантюры?

«8го января утром по городу распространились слухи, что ночью произошло столкновение между двумя эскадронами Крымских драгун, расположенных в Ливадийском дворце, и местной красной гвардией, что крымцы отошли в горы, и власть в городе захвачена советами. Около полудня, от имени советов, появились прокламации, указывающие на то, что отныне единственную власть в городе является местный совет, и требующие немедленной сдачи обывателями всякого оружия. Под вечер прибыло в город судно, и высадившиеся матросы, руководимые членами местного совета, приступили к повальным обыскам.

Эти обыски не миновали и нас. Часов в десять вечера к нам на дачу на Нижне-Массандровской улице явились человек шесть матросов, обвешанные пулеметными лентами и гранатами, предъявили какой-то мандат и требование допустить их для производства обыска в квартиру. Я отдал приказание их впустить и предоставить полную свободу, наблюдая лишь за тем, чтобы, воспользовавшись обыском, представители “революционного народа” чего-либо не стянули. Все имевшееся у нас оружие еще с утра было надежно спрятано в подвале и на чердаке.

Около девяти часов 10 января я проснулся от орудийной стрельбы. От прислуги узнал, что ночью спустились с гор Крымские драгуны, что западная часть города ими занята, что на рассвете из Севастополя прибыли два миноносца, которые и обстреливают город. Одевшись, я вышел на балкон вместе с гостившим у нас братом жены. В городе слышалась

сильная ружейная стрельба, часто рвались шрапнели, обстреливалась, главным образом, центральная часть города. От снарядов значительно пострадали некоторые здания. Два снаряда попали в соседний с нашей дачей дом, а несколько осколков упало у нас в саду.

Около полудня мне пришли доложить, что отряд матросов находится в саду, и посты выставлены у входа в усадьбу. Я прошел в сад и увидел человек пятнадцать матросов и вооруженных штатских, столпившихся у балкона.

– Кто здесь старший? – спросил я.

Вышел какойто матрос.

– Вот, заявляю вам, что я генерал, а это, – указал я на моего шурина, – тоже офицер – ротмистр. Знайте, что мы не скрываемся.

О нашем присутствии матросы, видимо, уже знали.

– Это хорошо, – сказал назвавший себя старшим, – мы никого не трогаем, кроме тех, кто воюет с нами.

– Мы только с татарами воюем, – сказал другой. – Матушка Екатерина еще Крым к России присоединила, а они теперь отлагаются...»

Как видим, революционный матрос оказался большим государственным, чем наш барон – будущий борец «за единую и неделимую»!

Позже Врангель был арестован, а затем отпущен Ялтинским советом, по версии «Записок», по просьбе жены. В конце февраля 1918 г. семья Врангелей переехала в поселок Кореиз – подальше от Ялтинского совета. Как-то утром у церкви барон и баронесса фон Врангель увидели благостную картину – по шоссе к Севастополю тянулись длинные колонны германских войск.

«Надо отдать справедливость немцам, они вели себя чрезвычайно корректно, стараясь, видимо, сделать присутствие свое для обывателей наименее ощутимым. С их приходом были отменены все стеснительные ограничения, введенные большевиками, – карточная система, закрытие текущих счетов и проч., но обязательное получение пропусков для выезда и въезда в Крым осталось в силе.

Немецкая комендатура оказывала всяческое содействие к восстановлению в правах тех владельцев имущества или квартир, кои были захвачены большевиками. Некоторые из местных большевиков, не успевшие эвакуироваться, были по жалобам потерпевших арестованы и заключены в тюрьму немецкими властями. С другой стороны, замешкавшимся в Крыму более видным большевистским деятелям немцы, несомненно, сами дали возможность беспрепятственно убраться восвояси.

На следующий день по занятии Кореиза представители немецкого командования посетили Великого Князя Николая Николаевича в имении “Дюльбер”, где находились все Члены Императорской Семьи. Великий Князь Николай Николаевич через состоящего при Нем генерала барона Сталя передал прибывшим, что, если они желают видеть Его, как военнопленного, то Он, конечно, готов этому подчиниться; если же их приезд есть простой визит, то Он не находит возможным их принять. Приехавшие держали себя чрезвычайно вежливо, заявили, что вполне понимают то чувство, которое руководит Великим Князем, и просили указать им, не могут ли быть чем-нибудь полезны. Они заявили, что Великий Князь будет в полной безопасности и что немецкое командование примет меры к надежной Его охране. Барон Сталь, по поручению Великого Князя, передал, что Великий Князь ни в чем не нуждается и просит немецкую охрану не ставить, предпочитая охрану русскую, которую немцы и разрешили сформировать.

Понемногу улеглись тревожения последних дней, и на пасхальной неделе заметно было давно не виданное в Крыму оживление. Все прятавшиеся по своим дачам, воспользовавшись хорошими весенними днями, повысыпали на пляж, ездили в город и стали собираться друг у друга...

С приходом немцев снова стали появляться газеты, главным образом киевские. Переворот на Украине и образование гетманства были для нас полной неожиданностью.

Генерала Скоропадского я знал исключительно близко. Мы провели службу в одной бригаде – я в Конной Гвардии, он – в Кавалергардском полку, где долго был полковым адъютантом. Во время японской войны мы служили вместе во 2й Забайкальской казачьей дивизии. В 1911 году, прокомандовав недолго Финляндским драгунским полком, он был назначен командиром Конной гвардии и с полком вместе вышел на войну. Последовательно он командовал нашей бригадой, а затем 1й гвардейской кавалерийской дивизией. Во время Августовских боев, осенью 1914 года, я в течение месяца исполнял должность начальника штаба Сводной дивизии, которой командовал генерал Скоропадский».

И вот «великий патриот России» отправляется к старому другу. Не удалось сделать карьеру при курултае, почему бы не выдвинуться в гетманшафте?

А что происходило в те дни на «незалежной» Украине? Еще 19 апреля 1917 г. собрался в Киеве учредительный конгресс. Членов его никто не выбирал, а так – кто хотел, тот и поехал. Оная компания объявила себя

представителями всей Украины и избрала руководство страны, названное Центральной Радой. Президентом утвердили профессора Михайло Грушевского. В свое время профессор успешно сотрудничал с австро-венгерской разведкой, а позже будет не менее успешно сотрудничать со всеми украинскими властями и в конце концов станет совслужащим.

После переговоров с Центральной Радой глава Временного правительства Керенский согласился, чтобы Рада управляла пятью губерниями – Киевской, Полтавской, Подольской, Волынской и Черниговской.

Однако ни Временное правительство в Петрограде, ни Центральная Рада не имели реальной поддержки ни у народа, ни у армии. Даже отъявленный самостийник Орест Субтельный вынужден признать: «Центральная Рада с головой погрузилась в бесконечные дискуссии о границах своих полномочий, пренебрегая при этом такими более прозаическими, но куда более насущными проблемами, как укрепление законности и порядка, обеспечение снабжения городов и работа железных дорог. Она также оказалась неспособной решить наболевшую проблему передела земли. Как следствие, первоначальное единство, продемонстрированное украинцами ранее, быстро распалось. Обострились политико-идеологические противоречия между социал-демократами, составлявшими в Центральной Раде большинство, и многочисленными социалистами-революционерами. Погрязнув в бесплодных дебатах и раздорах, члены Центральной Рады, власть которой фактически уже ограничивалась окрестностями Киева и нескольких крупных городов, утратили связь с селом, а значит и с массами, связь, достигнутую на короткий срок благодаря различным съездам, проходившим в Киеве. Губернии были предоставлены самим себе».^[16]

27 января (9 февраля) 1918 г. Германия и Австро-Венгрия подписали с правительством Центральной Рады мирный договор. От имени Рады подпись поставил какой-то студент Севрук.

Согласно этому договору, Центральная Рада обязалась поставить Германии и Австро-Венгрии до 31 июля 1918 г. 60 млн пудов хлеба, 3 млн пудов живого веса рогатого скота, 400 млн штук яиц, сотни тысяч пудов сала, масла, сахара и других продуктов.

Германские войска двинулись к Киеву, а австрийские – к Одессе. Мониторы и канонерские лодки австрийской Дунайской флотилии пришли в Одессу и попытались подняться вверх по Днепру, но не сумели пройти пороги.

16 февраля (1 марта) первый батальон саксонской пехоты появился на

киевском вокзале. Давняя мечта австрийских и германских политиков осуществилась:

*Од Києва до Берліна
Протяглася Україна.*

В Киеве обосновалась главная квартира германского командования во главе с генерал-фельдмаршалом Германом фон Эйхгорном.

Красные части на Украине не могли противостоять германо-австрийским частям. Мало того, Советская Россия по рукам и ногам была связана Брестским миром и не могла открыто вести боевые действия на Украине. Поэтому местные левые с согласия Москвы создали ряд полунезависимых республик: Донецко-Криворожскую Советскую республику (ДКСР), Одесскую Советскую республику, Таврическую Советскую республику и Донскую Советскую республику.

К лету 1918 г. германо-австрийские интервенты оккупировали Украину, Крым, Донскую область, часть Таманского полуострова, часть Воронежской и Курской губерний. На востоке оккупационная зона ограничивалась линией Батайск – Дон – Северный Донец – Дёгтево – Осинówka – Новобелая – Валуйки – Грушевка – Белгород – Суджа – Рыльск. В «сферу влияния» Австро-Венгрии (по соглашению от 29 марта 1918 г. между Берлином и Веной) входили часть Волынской, Подольская, Херсонская и Екатеринославская губернии. (Управление и эксплуатация угольных и горнорудных районов здесь были совместными.) Николаев, Мариуполь и Ростов-на-Дону занимали смешанные части (германское командование в Николаеве и Ростове-на-Дону, австро-венгерское – в Мариуполе). Остальные губернии Украины, Крыма, а также Таганрог оккупировали германские войска. Железнодорожный и водный транспорт на всей оккупированной территории ставился под контроль германского командования.

Вскоре германские оккупационные власти решили заменить Центральную Раду более эффективным «туземным» правительством. Нашелся и повод. Руководство Рады организовало похищение с целью выкупа киевского миллионера, банкира Абрама Доброго. В ночь с 24 на 25 апреля два офицера украинской армии и трое штатских похитили банкира. Позже выяснилось, что похищением руководил некто Осипов – чиновник особых поручений украинского Министерства внутренних дел, личный секретарь начальника политического департамента Гаевского. Банкира захватили в автомобиль, привезли на вокзал и притащили к вагону, стоявшему на запасных путях под охраной сечевых стрельцов. Потом этот вагон прицепили к обычному пассажирскому поезду, шедшему

в Харьков. Осипов, не скрывая, кто он, предложил решить проблему всего за 100 тысяч: «Есть одно лицо, которое за деньги может ликвидировать всю эту историю. Но придется после уплаты немедленно покинуть пределы Украины».

Увы, деятели из Рады оказались дилетантами в сложной науке рэкета. Они оставили на свободе жену Доброго. Та немедленно обратилась в германскую комендатуру. Немцы среагировали мгновенно. Возможно, тут роль сыграло и сотрудничество Доброго в годы войны с германской разведкой, ведь Абрам через Персию сбывал украинский сахар в Германию. А тут я предоставляю слово украинскому историку Олесю Бузине: «28 апреля 1918 г. в зал киевского Педагогического музея, где заседала Центральная рада, вошел красивый, как Бог, немецкий лейтенант (все офицеры кайзеровской армии были писанные красавцы) и на чистом русском языке, слегка запинаясь, скомандовал: “Именем германского правительства приказываю вам всем поднять руки вверх!”»

Неожиданно выяснилось, что депутаты “першого українського парламенту” прекрасно понимают по-русски. Особенно когда команды на этом языке отдает немецкий офицер. В полном составе рада послушно подняла руки. Получилось что-то вроде финальной сцены из гоголевского “Ревизора” – все молчали...

Зал заседания постепенно заполняли солдаты. Слышались крики “Хальт!” и грохот прикладов. По паркету глухо стучали кованые сапоги. Вошли еще двое офицеров – один из них, видимо, старший в чине от того, который говорил по-русски. Шум стих. В воцарившейся тишине снова раздался голос немецкого лейтенанта: “Вы все скоро разойдетесь по домам. Нам нужно только арестовать господ Ткаченко (министр внутренних дел), Любинского (министр иностранных дел), Жуковского (военный министр), Гаевского (директор департамента Министерства внутренних дел) и Ковалевского (министр земельных дел). Покажите мне их, пожалуйста”. Последняя фраза была адресована председательствующему: “Я их не вижу”, – ответил Грушевский. Действительно, в зале были только Любинский и Гаевский. Их тут же вывели.

Остальные остались сидеть с поднятыми руками. Старший в чине офицер что-то сказал по-немецки младшему. Тот перевел: “У кого есть револьверы, отдайте сейчас, потому что кто не отдаст, будет строго наказан. После у всех будет ревизия”. “Я протестую против ревизии парламента!” – взмолился Грушевский. “Будьте спокойны, пожалуйста!” – осадил его лейтенант.

Происходящее чертовски напоминало сцену из американского боевика,

когда полиция накрывает банду чикагских гангстеров. Двое или трое из депутатов встали с мест и положили свои “шпалеры” на стол возле лейтенанта. Только после этого депутатскому “хору” разрешили опустить руки. По одному, как нашкодивших котов, немцы стали выпускать членов Центральной рады в соседнюю секретарскую комнату, предварительно требуя назвать имя и домашний адрес. А потом, обыскав, переписав и пересчитав всех, выпустили на улицу – “вольно”, как утверждал корреспондент киевской газеты “Народная воля”, чей номер выйдет через два дня после описываемых событий, 30 апреля.

Было примерно пять вечера. Вся процедура заняла полтора часа». [\[17\]](#)

Так произошел разгон Центральной Рады.

Генерал-фельдмаршал Эйхгорн решил дать Украине... гетмана. Кстати, это слово было вполне понятно и немцам, поскольку происходило от германского слова гауптман (Hauptmann) – начальник. На должность гауптмана Эйхгорн предложил генерал-лейтенанта Павла Петровича Скоропадского. Тот происходил по прямой линии от Василия Ильича Скоропадского, родного брата бездетного гетмана Левобережья Ивана Ильича Скоропадского (1708—1722). Павел Петрович владел богатейшими имениями в Полтавской и Черниговской губерниях. Кроме всего прочего, он был еще и масоном высокого градуса и ранее пребывал в тех же ложах, что и Грушевский, и Петлюра.

Избрание гауптмана, пардон, гетмана, состоялось 29 апреля 1918 г. в цирке Крутикова на Николаевской улице в Киеве. Режиссером представления был тот же Эйхгорн. В цирке были собраны «хлеборобы-собственники». Несколько «хлеборобов» выступило с речами, требуя спасти Украину от хаоса, а сделать это может только гаупт..., то есть гетман. И тут в одной из лож цирка появился одетый казаком Скоропадский. «Хлеборобы» дружно «прокричали его гетманом».

Началась эпоха новой гетманщины, или, как шутили киевляне, «гетманшафт». Сам гетман поселился в доме киевского генерал-губернатора. Любопытная деталь: под кабинетом гетмана на втором этаже находилось помещение германского караула. Так что Павел Петрович Скоропадский сидел на германских штыках не только в переносном, но и в прямом смысле.

Скоропадский немедленно «сменил вывеску на лавочке». Ему как-то неудобно было быть гетманом «Украинской Народной Республики», и название это было заменено на «Украинскую державу». Срочно была набрана сердючная дивизия для охраны особы гетмана, дивизия генерала Патнева (в Харькове), 1я пехотная дивизия, сформированная австрийцами

из военнопленных во Владимире-Волынском, а также несколько «охранных» и пограничных сотен. Кроме того, гетман начал формировать и отряды из белых офицеров.

И к этому гетману на службу попросился наш барон. «В Киев я прибыл вечером. На следующее утро я позвонил во дворец гетмана справиться, когда Скоропадский сможет меня принять. Мне ответили, что гетман просит меня к завтраку. Скоропадский помещался в бывшем доме генерал-губернатора на Институтской улице. Вход охранялся караулом офицерской роты. Первый этаж был занят канцелярией, верхний занимался гетманом. В приемной мне бросился в глаза какой-то полковник с бритой головой и клоком волос на макушке, отрекомендовавшийся полковым писарем “Острица-Полтавец”. Он говорил исключительно на “украинской мове”, хотя и был кадровым русским офицером. Дежурным адъютантом оказался штабс-ротмистр Кочубей, бывший кавалергард. Мы разговорились. Он рассказал мне о перевороте, о той, будто бы бескорыстной, помощи, которую оказывают Украине немцы, о популярности Скоропадского. По его словам, в самом непродолжительном времени будет сформирована большая армия, средства на которую обещали немцы».

Врангель пишет складно: приехал, завтракал с гетманом. Но ведь барон вроде воевал с Германией? Ни правительства Ленина, ни Брестского мира он не признавал. А теперь он хочет вступить в армию, контролируемую и оплачиваемую немцами. Замечу, что руководство Добармии считало себя в состоянии войны с Германией.

Самое забавное, что в «Записках» несколькими абзацами ниже Врангель обличает своего сослуживца генерала Одинцова: «И вы находите возможным работать заодно с германским шпионом Троцким».

Как у нас любят навешивать ярлыки на политических противников! Врангель и Сталин хором утверждают, что Троцкий – германский шпион. Но сам-то барон, кланчащий чин у гауптмана Скоропадского, кто?

Но и с гетманом Врангелю договориться не удалось. Я несколько раз перечитал «Записки» барона, но внятного ответа на сей вопрос не нашел.

Из Киева Врангель поехал в район Бобруйска, где у него было большое поместье. В начале августа 1918 г. Врангель вернулся в Киев. Барон вновь несколько раз завтракал с гетманом Скоропадским. «Я узнал, что проживавший в Киеве генерал А.М. Драгомиров собирается ехать на Дон и Кавказ и в тот же день зашел к нему. Наш разговор решил мою участь. Генерал Драгомиров передал мне, что он только что получил письмо от генерала Алексеева. Генерал Алексеев получил предложение объединить

русские противобольшевистские силы на сибирском фронте, ему обещана широкая поддержка союзных держав. Генерал Алексеев приглашал генерала Драгомирова ехать с ним, и последний через несколько дней выезжал в Екатеринодар. Он звал меня с собой, но мне необходимо было заехать к семье в Крым, и мы решили встретиться в Екатеринодаре.

Через пять дней я был уже в Ялте, а через пятнадцать, вместе с женой, решившей разделить мою судьбу, выехал пароходом в Ростов».

Глава 5

Врангель вступает в Добрармию

В августе 1918 г. в Крыму при немцах было относительно спокойно. Ходили поезда и пароходы. Врангель с женой и детьми сели в Ялте на пассажирский рейсовый пароход «Принц Альбер» и отправились в Ростов.

В Ростове семейство Врангелей пробыло три дня и, «сделав необходимые покупки», отправилось на поезде в Екатеринодар. Как видим, переезд из зоны, оккупированной немцами, на территорию, контролируемую Добрармией, происходил легко и без каких-либо помех, хотя Добрармия, как я уже говорил, формально находилась в состоянии войны с Германией.

«В отличие от Киева и Ростова, Екатеринодар носил отпечаток прифронтового города. На улицах, в гостиницах и ресторанах мелькали военные формы. В войсковом собрании, куда мы прямо с вокзала поехали завтракать, я встретил много знакомых. С трудом получив через коменданта города комнату и условившись по телефону с генералом Драгомировым вечером быть у него, я утром зашел в штаб армии.

Начальника штаба генерала Романовского и и. д. генерал-квартирмейстера полковника Сальникова я не знал, но в числе офицеров штаба оказалось несколько моих старых знакомых, между прочим исполнявший должность старшего адъютанта штаба 1й гвардейской кавалерийской дивизии, в бытность мою в ее составе, полковник Апрелев, старый сослуживец мой по гвардии. Теперь он занимал должность начальника связи. В составе разведывательного отделения оказался бывший офицер моей 7о кавалерийской дивизии поручик Асмолов. Асмолов и Апрелев участвовали в борьбе Добровольческой армии с самого начала и оба принимали участие в так называемом “Ледяном походе”. От Апрелева я узнал, что генерал Корнилов еще в Ростове делал попытки разыскать меня и дважды писал мне в Петербург, зовя в армию. Ни одно из этих писем до меня не дошло.

Ко времени моего приезда в Екатеринодар в боевом составе армии числилось около 35 000 штыков и шашек при 80 орудиях. Списочный состав был во много раз больше, – большое число офицеров и солдат осело в тылу и многочисленных штабах и канцеляриях. Штаб верховного руководителя генерала Алексеева, канцелярия помощника его по

гражданской части генерала Драгомирова (предполагавшийся отъезд генерала Алексеева в Сибирь не состоялся, и генералу Драгомирову по приезду в Екатеринодар была предложена эта должность), штаб командующего армией генерала Деникина, с многочисленными отделами были переполнены офицерами. Большое число офицеров, особенно старших начальников, числились в резерве командующего армией (армия состояла из: 1й пехотной дивизии (генерал Казанович), 2й пехотной (генерал Боровский), 3й пехотной (полковник Дроздовский), 1й Конной (генерал Эрдели), 1й Кубанской казачьей (генерал Покровский), 2й Кубанской казачьей (полковник Улагай), Отдельной кубанской казачьей бригады (полковник Шкуро) и Пластунской бригады (генерал Гейман)), ожидая отправки на фронт.

В середине августа вся западная часть Кубанской области и север Черноморской губернии были освобождены от большевиков. Новороссийск, Екатеринодар и Ставрополь были в наших руках. Преодолевая сопротивление во много раз сильнее противника, наши части продолжали двигаться вперед: на правом фланге, в горах Черноморья работали пластуны генерала Геймана; 1ая Кубанская казачья дивизия генерала Покровского, вела бои в районе Майкопа, удерживавшегося большевиками; в районе станицы Петропавловской действовала 1ая Конная дивизия; 3я пехотная дивизия полковника Дроздовского наступала на город Армавир, упорно оборонявшийся красными; в районе Невинномысской сражалась 2ая пехотная дивизия генерала Боровского, имея на левом фланге в Баталпашинском отделе партизан полковника Шкуро. К северо-востоку от Ставрополя, прикрывая тыл 2й пехотной дивизии, действовала 2я Кубанская казачья дивизия полковника Улагая^[18]. В резерве Главнокомандующего находилась 1я пехотная дивизия генерала Казановича. Состав войск был сборный – частью добровольцы, частью мобилизованные. Конница, за исключением двух конных полков, приданных пехотным дивизиям, состояла исключительно из казаков-кубанцев и черкесов.

В пехоте, артиллерии и технических войсках было исключительно большое число офицеров. Был ряд чисто офицерских частей.

Большинство старших начальников были мне неизвестны. Я близко знал лишь генерала Эрдели. Полковника Дроздовского, приведшего свои части с Румынского фронта, я знал лишь по академии генерального штаба, курс которой он проходил одновременно со мной. Генерала Покровского, произведенного в этот чин Постановлением Кубанского правительства, я знал по работе его в Петербурге, в офицерской организации, возглавляемой

графом Паленом. В то время он состоял на службе в авиационных войсках в чине штабс-капитана. Незаурядного ума, выдающейся энергии, огромной силы воли и большого честолюбия, он в то же время был мало разборчив в средствах, склонен к авантюре. Наконец, полковника Шкуро я знал по работе его в Лесистых Карпатах во главе “партизанского отряда”. Это был период увлечения ставки партизанщиной. Партизанские отряды, формируемые за счет кавалерийских и казачьих полков, действовали на фронте как-то автономно, подчиняясь непосредственно штабу походного атамана. За немногими исключениями туда шли главным образом худшие элементы офицерства, тяготившиеся почему-либо службой в родных частях. Отряд есаула Шкуро во главе со своим начальником, действуя в районе XVIII корпуса, в состав которого входила и моя Уссурийская дивизия, большей частью болтался в тылу, пьянствовал и грабил и, наконец, по настоянию командира корпуса генерала Крымова, был с участка корпуса отозван. Генералов Боровского, Казановича и Геймана я совсем не знал.

Снабжение армии было чисто случайное, главным образом за счет противника. Снабжение огнестрельными припасами частью производилось с помощью Дона, в обмен на некоторые необходимые Дону продукты. Технические средства почти отсутствовали, в медикаментах также ощущался крайний недостаток. Довольствие производилось исключительно за счет населения.

Силы противника исчислялись в 80 000 штыков и шашек при 100 орудиях. Располагая огромными запасами наших бывших армий, противник был несравненно сильнее и технически, однако неумелое руководство и отсутствие дисциплины сводили на нет это превосходство.

Вечером я посетил генерала Драгомирова. Он откровенно признался мне, что весьма тяготится чуждым ему родом деятельности; по его словам, он согласился принять должность помощника генерала Алексеева по гражданской части лишь ввиду усиленных настояний последнего и не имея возможности приложить свои силы на близко знакомом ему чисто военном деле. Он предложил мне на следующий день явиться к генералу Алексееву и к генералу Деникину. Однако первый по нездоровью не мог меня принять.

Генерал Деникин принял меня в присутствии начальника своего штаба генерала Романовского. Среднего роста, плотный, несколько расположенный к полноте, с небольшой бородкой и длинными черными с значительной проседью усами, грубоватым низким голосом, генерал Деникин производил впечатление вдумчивого, твердого, кряжистого, чисто

русского человека. Он имел репутацию честного солдата, храброго, способного и обладавшего большой военной эрудицией начальника. Его имя стало особенно популярным со времени нашей смуты, когда сперва в должности начальника штаба верховного главнокомандующего, а затем главнокомандующего юго-западного фронта, он независимо, смело и твердо подымал голос свой на защиту чести и достоинства родной армии и русского офицерства.

До приезда моего в Добровольческую армию я почти не знал генерала Деникина. Во время Японской войны он недолго служил в корпусе генерала Ренненкампа и я встречал его несколько раз; в минувшую войну я мельком видел его в Могилеве. Командующий армией напомнил мне о нашем знакомстве в Маньчжурии, сказал, что слышал обо мне не раз от генерала Корнилова:

– Ну как же мы вас используем. Не знаю, что вам и предложить, войск ведь у нас не много...

– Как вам известно, ваше превосходительство, я в 1917 году командовал кавалерийским корпусом, но еще в 1914 году я был эскадронным командиром и с той поры не настолько устарел, чтобы вновь не стать во главе эскадрона.

– Ну уж и эскадрона... Бригадиром согласны?

– Слушаю, ваше превосходительство.

– Ну, так зайдите потом к Ивану Павловичу, – сказал генерал Деникин, указывая на начальника штаба, – он вам все расскажет.

Я оставил генералу Романовскому мой адрес, и он на другой день утром вызвал меня к себе. Он передал мне предложение командующего армией вступить во временное командование 1й конной дивизией. Начальник этой дивизии генерал Эрдели получил специальную командировку в Грузию и его отсутствие могло продолжаться значительное время. Между тем его заместитель, командир одной из бригад дивизии, генерал Афросимов, оказался не на должной высоте. Генерал Романовский дал мне понять, что генерал Эрдели по возвращении получит, вероятно, другое назначение и явится возможность окончательно оставить дивизию за мной».

29 августа Врангель выехал по Владикавказской железной дороге к дивизии, действовавшей в районе Майкопа.

«Дивизия вела наступление на станицу Петропавловскую, откуда накануне наши части были вытеснены красными. Наскоро напившись чаю, мы рысью проехали вперед. Вскоре мы заметили маячившую вдали лаву. Это оказались части Уманского казачьего полка. Красные, теснимые с

фронта 1й бригадой и обойденные с фланга уманцами, отходили. Поздоровавшись с уманцами, я проехал далее по фронту и вскоре встретил 1й Екатеринодарский казачий полк. Полк этот входил в состав сводного корпуса, которым я командовал в Галиции. Среди офицеров и казаков оказалось несколько старых моих сослуживцев. К вечеру мы прибыли в станицу Темиргоевскую и наспех пообедав, я с начальником штаба дивизии, старым сослуживцем моим по гвардии, бывшим лейб-драгуном, полковником Баумгартеном, засел знакомиться с делами.

1я конная дивизия состояла из Корниловского конного полка, укомплектованного казаками разных отделов: 1го Уманского и 1го Запорожского из казаков Ейского отдела; 1го Екатеринодарского из казаков Екатеринодарского отдела; 1го Линейного из казаков лабинцев и 2го Черкесского, пополняемого черкесами заречных аулов Лабинского отдела. В дивизию входила 1я и 2я конно-горная и 3я горная батареи. Все три батареи имели почти исключительно офицерский состав. При дивизии имелся и пластунский батальон весьма слабого состава. Технические средства в дивизии почти отсутствовали. Ни телефонов, ни телеграфов не было, но имелась радиостанция. Снабжение огнестрельными припасами, как и во всей Добровольческой армии, производилось исключительно за счет противника. Во время господства большевиков большинство оружия и патронов в станицах были запрятаны казаками и при освобождении той или иной станицы казаки являлись в части, в большинстве случаев, вооруженными и с некоторым запасом патронов. Изредка штаб армии присылал добытые с Дона снаряды и патроны. При дивизии имелась небольшая санитарная летучка с доктором и несколькими сестрами, однако почти без всяких средств. Лекарств почти не было, перевязочный материал отсутствовал, бинты заготавливались из подручного материала...

25го сентября после тяжелой болезни в Екатеринодаре умер верховный руководитель Добровольческой армии генерал Алексеев. С ним закончилась яркая страница героической борьбы русских патриотов. Его имя останется в нашей истории наравне с именами лучших русских людей.

Со смертью генерала Алексеева должность верховного руководителя упразднилась, а генерал Деникин принял звание главнокомандующего Добровольческой армии, помощником его по гражданской части оставался генерал Драгомилов, помощником по военной части был назначен генерал Лукомский».

Не могу удержаться и не привести эпизод из боевых действий Добрармии, описанных Врангелем.

1 октября 1918 г. Станица Михайловская. Врангель посещает

храмовый праздник. Вот он входит в церковь. «Старики черкесы обратились ко мне с просьбой вести далее на бой их сынов, или же просили отпустить в родные аулы. При этом они свидетельствовали, что по первому зову готовы все до одного встать рядом со своими сынами. Я отпустил их, благодаря за службу, и выдал им несколько десятков захваченных нами пленных, с тем, чтобы их судил аульный суд. Едва я отошел, направляясь с бригадой в станицу Константиновскую, как черкесы, набросившись на пленных, тут же на глазах обывателей всех перерезали».

Ну а после такого-то наши интеллигенты-образованцы будут рассказывать нам сказочки о «белом рыцаре»? Спору нет, обе стороны совершали жестокости, излишние даже для Гражданской войны. Но одна сторона воевала, чтобы построить великое государство, пусть деспотичное, но с равенством всех граждан. И они действительно создали мощнейшую в военном и экономическом отношении державу. «Сталин принял страну с деревянной сохой, а оставил ее с атомной бомбой». Это сказал не я, а главный антикоммунист XX века Уинстон Черчилль.

Что же касается вождей Белого движения, то они, будучи яркими монархистами, о чем сами признавались в мемуарах, обманывали армию и народ лозунгами непредрежденности. Мол, побьем большевиков и тогда всем миром решим, что делать.

В конце августа и в начале ноября генерал Деникин произнес две речи, в которых он высказал «общие основания добровольческой политики».

26 августа, при первом посещении Ставрополя, Деникин говорил: «Добровольческая армия, совершая свой крестный путь, желает опираться на все государственно мыслящие круги населения. Она не может стать орудием какой-либо политической партии или общественной организации. Тогда она не была бы русской государственной армией. Отсюда – недовольствие нетерпимых и политическая борьба вокруг имени армии. Но, если в рядах армии и живут определенные тенденции, она не станет никогда палачом чужой мысли и совести. Она прямо и честно говорит: будьте вы правыми, будьте вы левыми, – но любите нашу истерзанную родину и помогите нам спасти ее. Добровольческая армия чужда социальной и классовой борьбы. В той тяжелой болезненной обстановке, в которой мы живем, когда от России остались лишь лоскутья, не время решать социальные проблемы. И не могут части русской державы строить русскую жизнь каждая по-своему. Поэтому те чины Добровольческой армии, на которых судьба возложила тяжелое бремя управления, отнюдь не будут ломать основное законодательство. Их роль – создать лишь такую обстановку, в которой можно было сносно, терпимо жить и дышать до тех

пор, пока всероссийские законодательные учреждения, представляющие разум и совесть народа русского, не направят жизнь по новому руслу – к свету и правде». ^[19]

В другой речи декларативного характера, которую Деникин произнес 1 ноября, в день открытия Кубанской рады в Екатеринодаре, он призывал к единению, говорил о том, что интересы Кубани требуют тесного взаимодействия с Добровольческой армией, ставшей единственной преградой от нашествия большевиков с севера. Он указывал на необходимость в условиях жесткой борьбы иметь единую армию с единым командованием. Он заявлял, что его армия, «ведя борьбу за самое бытие России, не преследует никаких реакционных целей и не предрешает формы будущего образа правления, ни даже тех путей, какими русский народ объявит свою волю». Он также заявлял, что «Добровольческая армия признает необходимость и теперь, и в будущем самой широкой автономии составных частей русского государства и крайне бережного отношения к вековому укладу казачьего быта». ^[20]

Итак, государственная форма правления, государственные границы, земельный вопрос, реституция собственности, перешедшей к иным владельцам, – все это, равно как и многое другое, оставлялось на потом. Кто будет решать эти вопросы? Какая-нибудь «Учредиловка» или просто победители-генералы своими декретами?

При всей своей политической безграмотности крестьяне прекрасно понимали, что генералы заставят их вернуть помещичьи земли и захваченное в усадьбах имущество. В пропагандистском и идейном отношении белые напрочь проиграли красным в самом начале Гражданской войны.

Глава 6

Что несла России Добрармия?

В музее Политической истории России в Петербурге во дворце Кшесинской экспонируется агитационный плакат Добровольческой армии, изображающий линию фронта. Слева – жиденькая цепь бойцов, одетых в лохмотья и подгоняемых в бой нагайками евреев-комиссаров. Позади их – разрушенные дома и заводы с плакатами «Рабство», «Голодная смерть», «Насилие». А сверху языки пламени обрамляют демоническую физиономию еврея – то ли Льва Давыдовича, то ли символа еврейства. Еврей протягивает когтистые руки к русской земле.

А вот справа, как на параде, идут плечом к плечу фирменно одетые добровольцы. Позади их подводы с радостными поселянами, привезшими хлеб белым рыцарям. Дымят трубы заводов, на них плакаты «Труд», «Законность», «Порядок». На заднем плане – церковь, идут поезда, плывут пароходы.

Ну а в качестве подписи к плакату процитирую самого Врангеля:

«В станице Курганной я застал грабивших лавки и отбиравших у иногороднего населения лошадей казаков дивизии генерала Покровского. К моему негодованию во главе грабителей оказалось несколько офицеров. Я приказал их привести к себе и предупредил, что ежели через час они окажутся еще в расположении моей дивизии, то я предам их тут же военно-полевому суду и расстреляю как мародеров. Через полчаса ни одного казака в станице уже не оказалось. Я телеграфировал генералу Покровскому о действиях его людей».

Тут я чего-то вспомнил и речь пьяного матроса из стихотворения Максимилиана Волошина «Большевик»: «Буржуй здесь мой, и никому чужим их резать не позволю».

Опять предоставляю слово нашему герою:

«К сожалению, как мне пришлось впоследствии убедиться, генерал Покровский не только не препятствовал, но отчасти сам поощрял дурные инстинкты своих подчиненных. Среди его частей выработался взгляд на настоящую борьбу не как на освободительную, а как на средство наживы. Конечно, трудно, почти невозможно было искоренить в казаках, дочиста ограбленных и разоренных красными, желание отобрать награбленное добро и вернуть все потерянное. Почти все солдаты красной армии имели

при себе значительные суммы денег, в обозах красных войск можно было найти все, начиная от мыла, табака, спичек и кончая собольими шубами, хрустальной посудой, пианино и граммофонами. В этот первый период Гражданской войны, где одна сторона дралась за свое существование, а в рядах другой было исключительно все то мутное, что всплыло на поверхность в период разложения старой армии, где страсти с обеих сторон еще не успели утихнуть и озлобление достигало крайних пределов, о соблюдении законов войны думать не приходилось. Красные безжалостно расстреливали наших пленных, добивали раненых, брали заложников, насиловали, грабили и жгли станицы. Наши части со своей стороны, имея неприятеля и спереди и сзади, будучи ежедневно свидетелями безжалостной жестокости врага, не давали противнику пощады. Пленных не брали. Живя исключительно местными средствами, имея недостаток во всем и не получая казенных отпусков, части невольно смотрели на военную добычу, как на собственное добро. Бороться с этим, повторяю, в первый период было почти невозможно. Я старался лишь не допустить произвола и возможно правильное распределить между частями военную добычу».

Но, может быть, Врангель сгущал краски, пытаясь дискредитировать своего главкома Деникина?

Вот одно их писем Деникина, отправленное им генералу Май-Маевскому, впоследствии попало в руки большевиков и было опубликовано. В нем Деникин обрушивался на командующего Добровольческой армией: «Происходят грандиозные грабежи отбитого у большевиков государственного имущества, частного достояния мирного населения; грабят отдельные воинские чины, небольшие шайки, грабят целые воинские части, нередко при попустительстве и даже с соизволения лиц командного состава. Разграблено и увезено или продано на десятки миллионов рублей самого разнообразного имущества начиная с интендантских вещевых складов и кончая дамским бельем. Расхищены кожевенные заводы, продовольственные и мануфактурные склады, десятки тысяч пудов угля, кокса, железа. На железнодорожных контрольных пунктах задерживаются (представителями деникинской власти) отправляемые под видом воинских грузов вагоны с громадным количеством сахара, чая, стеклом, канцелярскими принадлежностями, косметикой, мануфактурой. Задерживаются отправляемые домой захваченные у неприятеля лошади...»^[21]

Письмо это было написано 10 сентября, но Май-Маевский был удален с должности всего лишь 23 ноября.

Имущество, захваченное у неприятеля и полученное самоснабжением,

скрывалось местными воинскими частями от главного интендантского управления. «Армии, – писал Деникин, – скрывали запасы от центрального органа снабжения, корпуса от армии, дивизии от корпусов, полки от дивизий... Военная добыча стала для некоторых снизу – одним из двигателей, а для других сверху – одним из демагогических способов привести в движение иногда инертную, колеблющуюся массу».^[22]

Донская армия в этом отношении не уступала Добровольческой. Она перевозила на Дон даже заводские станки, не говоря уже о нашумевшем в свое время рейде генерала Мамонтова, прорвавшегося с отборным отрядом донской конницы в глубокий тыл противника. Возвращаясь из этого рейда, Мамонтов телеграфировал в Новочеркасск: «Посылаю привет. Везем родным и друзьям богатые подарки; донской казне – 60 миллионов рублей; на украшение церквей – дорогие иконы и церковную утварь»^[23], и эта телеграмма, по выражению Деникина, «воистину прозвучала похоронным звоном».

Деникин издавал законы о самых суровых наказаниях за грабежи, вплоть до смертной казни. По наиболее вопиющим случаям массовых грабежей создавались следственные комиссии. Военачальники также издавали грозные указы против грабежей, которые разлагали армию. Но все эти приказы и законы разбивались о стену глухого сопротивления казаков и офицеров. Деникин прекрасно понимал, что нужно «рубить с голов», а не «бить по хвостам». Однако к этому времени печать и молва возвеличили удачливых и смелых, но поощряющих грабежи военачальников, таких, как Шкуро, Мамонтов, Покровский, до народных героев, дав им тем самым «служебный иммунитет».^[24]

Так что в условиях разорения и общего упадка нравов Деникин не мог справиться со старшими военачальниками. В то же время одни военачальники не хотели, а другие не могли обуздать войска в сложившейся ситуации, когда все слои населения, от крестьян до предпринимателей, не желали жертвовать своим имуществом ради армии.^[25]

Уездная и сельская администрация также «сквозь пальцы» смотрела на грабежи проходящих частей Добрармии, поскольку не желала конфликтов с войсками, да и на нужды крестьянства представителям власти было глубоко плевать. Все это привело к нарастающему недовольству крестьянства в отношении белых, и желание защитить свое добро от «белой саранчи» толкало их в ряды повстанческих отрядов.

Военная юстиция также была бессильна бороться с

«самоснабжением». Грабители, казнокрады, взяточники, мародеры могли попасть под военно-полевой суд только по представлению их непосредственного военного начальства. А если жалоба в военную прокуратуру приходила от жителей, то ее передавали для дознания тому же начальству. А начальники, сами нечистые на руку, предавали провинившихся суду только в том случае, если имели к виновным личные счеты. При этом старались предавать их именно военно-полевому суду, члены которого ими же самими и назначались, и поэтому можно было влиять на приговоры в сторону их смягчения. Следственный аппарат оставлял желать лучшего, так что следствие могло тянуться бесконечно, и военачальники в тех случаях, когда дело было уж слишком громким, а карать виновных не хотелось, передавали дела следователю военного суда в тылу, а виноватого отправляли на фронт, где поди-ка его найди. То есть, таким образом, дело прекращалось. И из тысяч преступников осуждались и наказывались единицы, которых по каким-то причинам не желали вырывать их начальники.

В тех же редких случаях, когда все же удавалось осудить расхитителя трофейного и казенного имущества, его начальство обращалось к главкому с просьбой о помиловании и почти всегда получало положительный ответ.

«Самоснабжение» стало главным фактором морального разложения войск. Недостатки снабжения заглушали укоры совести, а безнаказанность побуждала к воровству и грабежам. Поскольку наказания за грабежи были исключением, ограбление крестьян стало правилом. Это озлобляло население, которое убеждалось, что при добровольцах было ничуть не лучше, чем при большевиках. Растущая враждебность населения стимулировала сопротивление реквизициям, что приводило к репрессиям и к усилению грабежей, когда добровольцы уже не только не желали платить, но и не выдавали квитанции. В результате армия, в которой бойцы превращались в грабителей, воюющих ради грабежей, разлагалась ужасающими темпами. Уже летом 1919 г. в тыловых учреждениях поползли слухи о начавшемся разложении армии.^[26]

Конечно, не следует забывать, что грабежи чинов Добрармии проводились лишь в городах, вдоль железных дорог и в отдельных небольших районах, прилегающих к ним. На большей же части территории, занятой ВСЮР^[27], власть принадлежала красным партизанам, зеленым и различным бандам. Так, например, зеленые действовали в горном и степном Крыму, на Черноморском побережье Северного Кавказа.

Несмотря на присутствие белого флота, а также эскадр союзников, на

Черном море большой размах получило... пиратство. Вот небольшой пример: выдержки из рапорта командира Евпаторийского порта от 18 августа (1 сентября) 1919 г.: «...в порту у меня ничего нет; вывозится же из порта мука и соль на миллионы рублей, но я не могу даже прекратить грабежи парусников на рейде, так как нет ни одного катера, нет вооруженной команды, а не то, чтобы учесть и взять в руки правительства вывоз продуктов. В городе очень много большевиков».^[28]

Итак, белые власти не могут пресечь пиратство на рейде Евпатории... Вообразите себе, что происходило в открытом море!

На Украине, как и на занятых денikinцами территориях, так и повсеместно орудовали сотни больших и малых банд. Особый размах приобрела «махновщина». Полубандит, полуанархист Нестор Махно собрал банду из нескольких тысяч человек еще в апреле 1918 г. в тылу германо-австрийских войск. Крестьяне охотно шли под знамена Махно. Он избавлял их от всех поборов со стороны немцев, белых и помещиков. Махно щедро делился с повстанцами «военной добычей» в захваченных городах, железнодорожных эшелонах и т. д.

Численность армии Махно была непостоянной. В периоды успехов его «армия» разрасталась. В ней появлялись полки, дивизии, корпуса с неопределенной структурой и численностью. При неудачах «армия» распылялась, а сам Махно с отдельными отрядами уходил от преследования. Части махновцев, состоявшие из конницы и пехоты, посаженной на тачанки с пулеметами, обладали большой подвижностью, они совершали переходы до 100 км в сутки.

Махновцы, пользуясь поддержкой населения, организовали надежно работающую разведывательную сеть.

Осенью 1919 г. численность махновской «Революционно-повстанческой армии Украины» достигла 30—35 тыс. человек. В конце сентября Махно совершил рейд по тылам белогвардейцев и захватил многие районные центры и города, в том числе Пологи, Гуляй-Поле, Бердянск, Никополь, Мелитополь, Екатеринослав, который удерживал более месяца.

Но мы отвлеклись. Партизаны, махновцы, зеленые – это тема другой работы. Вернемся к ситуации в Добрармии.

Привыкшие к легким заработкам на грабежах офицеры летом 1919 г. устремились в тыл, кто – на «хлебные» должности, кто – в длительные командировки. В результате с лета началось разбухание тыловых управлений Добрармии, сильно бросавшееся в глаза на фоне некомплекта строевых частей. Численность боевых частей Добрармии увеличивалась

медленно, хотя поток добровольцев во вновь занятых районах был довольно существенным. Главными причинами этого были потери и дезертирство местных жителей и пленных красноармейцев, принудительно поставленных в строй. Значительно ослабляла армию и утечка офицеров в тыл. Так что численность Добрармии увеличивалась за счет разбухания тыловых учреждений, куда всеми правдами и неправдами перебирались уклонявшиеся от фронта офицеры.

Особой формой легального дезертирства стали формирования. Под предлогом воссоздания известной в старой армии части офицер вызывался в тыл. Но из-за уклонений от мобилизации формирование замедлялось. Причем из-за перебоев в снабжении для формирования новой части не хватало не только людей, но и оружия, и обмундирования. В результате новую часть так и не удавалось сформировать. Зато интенданты получали возможность разбазарить полученное снаряжение, а начальники – разворовать казенные деньги. Офицеры же получали легальное прикрытие для занятия в тылу спекуляциями или игрой на бирже.^[29]

Однажды Петр Великий изрек: «Для ведения войны нужны три вещи: во-первых, деньги, во-вторых, деньги, и, в-третьих, деньги».

В конце 1918 г. – начале 1919 г. советское правительство начало выпуск бумажных денег. Для них было использовано клише, созданное при Временном правительстве. В частности, там красовался двуглавый орел, хотя и без короны. Большевики лишь добавили подпись главного комиссара Государственного банка Г.Л. Пятакова, за что деньги получили обывательское название «пятаковские» или «пятаковки».

Первые деньги белых^[30] были выпущены в октябре 1918 г. в Ростове-на-Дону. Это были деньги «Всевеликого Войска Донского» (купюры в 500, 1000 и 5000 рублей). Особым спросом эти деньги не пользовались.

С начала 1919 г. деникинское командование пыталось наладить выпуск собственных денег. В октябре 1919 г. Особое совещание одобрило предложение Управления финансов заказать в Англии банкноты на хорошей бумаге на сумму 22 миллиарда рублей. Были заказаны денежные знаки разных достоинств. Заказ начал выполняться с декабря 1919 г. В январе 1919 г. в Новороссийск прибыли первые партии денег.

Историк С.В. Карпенко, замечу, явно сочувствующий белым, писал: «С весны 1919 г., по мере продвижения ВСЮР на север, занимаемая ими территория все более расширялась. Это расширение территории автоматически включало в обращение все новые выпуски бумажных денежных знаков разных времен и правительств, а также, ввиду

хронического дефицита наличных денег, все суррогаты, способные играть роль средства платежа.

На советской территории, наводненной обесценившимися дензнаками разных выпусков, ввиду запрета (или ограничения) свободной торговли большая часть бумажной денежной массы использовалась лишь как средство накопления (рабочими и сов-служащими, получающими зарплату) или ходила в ограниченном пространстве черного рынка. А с приходом белых, объявлением свободной торговли и появлением товаров в продаже вся накопленная денежная масса выбрасывалась изголодавшимся и обнищавшим населением на рынок. Кроме того, большое количество денег, которые хранились в частях и учреждениях Красной Армии, захватывалось в качестве трофеев и, вместо передачи в казначейство, также выбрасывалось на рынок. Таким образом, расширение территории в денежном отношении вело к постоянному и значительному увеличению объема и росту разнообразия денежной массы, став своеобразным – “фронтовым” – видом эмиссии.

В итоге денежный оборот на территории ВСЮР оказался перенасыщенным бумажными дензнаками, крайне пестрым и засоренным суррогатом. Кроме донских бумажных рублей, выпущенных находившейся в ведении донского войскового правительства Ростовской экспедицией государственных бумаг, на территории ВСЮР ходили рубли, выпущенные императорским (“романовские” или “николаевские”) и Временным (“думские” и “керенские”) правительствами, карбованцы и гривны, выпущенные украинскими властями, крымские рубли, а кроме них – различные суррогаты: разменные денежные знаки, выпущенные органами городского самоуправления, облигации и купоны различных займов, краткосрочные обязательства Государственного казначейства, гарантированные чеки отделения Государственного банка и прочие банковские обязательства. Существенную долю оборота составляли рубли, выпущенные органами Советской власти: во-первых, “романовские”, “думские” и “керенские”, которые Наркомат финансов печатал со старых клише, во-вторых, советские рубли 1918 и 1919 гг. выпуска (“пятаковские”), и, в-третьих, дензнаки, выпущенные правительствами советских республик, существовавших на Северном Кавказе. Наконец, в свободном обращении находилась завезенная немцами, французами, англичанами и американцами иностранная валюта.

Дензнаки, выпущенные после 1917 г., ходили преимущественно в своих “родных” кругах. В Новороссии ходили рубли, напечатанные Одесской экспедицией в конце 1918 – начале 1919 г., на Украине –

карбованцы и гривны, в Крыму – те же украинские, а также немецкие марки, выпущенные немцами при занятии Крыма, поскольку они не считали его частью Украины, и рубли, выпущенные крымским правительством, на Кубани – донские рубли, выпущенные Ростовской экспедицией, и суррогаты, выпущенные кубанским правительством в Екатеринодаре и Армавире, на Дону – донские рубли, в Закавказье – боны, выпущенные закавказскими правительствами».^[31]

Огромные проблемы для деникинцев представляли советские деньги – «пятаковки». Власти предприняли несколько попыток запретить «пятаковки» или искусственно занизить их курс. Все было безрезультатно. Население верило, что красные вернутся, и это было основной причиной устойчивости курса «пятаковок».

Любопытно, что буржуазия свои добровольно-принудительные пожертвования Добровольческой армии вносила в большинстве случаев «пятаковками», что вызывало бешенство белых генералов.

Добровольческие власти в Харькове, Киеве, Симферополе, Одессе и других городах конфисковывали имущество и капиталы кооперативов на том основании, что они получали деньги от большевиков. Такой финансовый удар по кооперативам привел к свертыванию их деятельности и соответственно обострению проблем наполнения рынка продовольствием и промышленными товарами первой необходимости.^[32]

Аннулирование советских денег подорвало финансирование армии, что вызвало недовольство в войсках, так как в кассах частей и на руках у военнослужащих было полным-полно «пятаковок». Армейские финансовые органы, интенданты и бойцы при захвате советских учреждений, штабов Красной Армии все найденные деньги забирали себе. Большинство пожертвований населения на нужды деникинской армии также поступали советскими деньгами. Таким образом, войсковые части и чины накапливали советские дензнаки и широко использовали их в расчетах с населением за реквизируемые продукты, фураж, лошадей, повозки и т. д. К этому их вынуждали перебои с финансированием армии и выплатой денежного довольствия. К тому же многие деникинцы предпочитали придерживать более дорогостоящую валюту «до лучших времен», тем более что население охотно брало «пятаковки».^[33]

На стабилизации финансирования на территории ВСЮР могли благотворно сказаться западные кредиты и займы. Но денег «тетушка Антанты» упорно не желала давать, справедливо полагая, что они быстро разойдутся по широким генеральским карманам. В качестве примера

можно вспомнить западные займы начала 90х годов XX века, как и куда они разошлись.

Другой вопрос, что оружие и обмундирование Деникину, а позже Врангелю шли широким потоком. Военный министр Великобритании Уинстон Черчилль объяснял это в парламенте тем, что всё это – запасы военных лет, ненужные в мирное время. В этом он был недалек от истины.

Крестьяне еще в мировую войну не захотели давать хлеб и сено в обмен на обесцененные рубли. И уже в 1916 г. в Совете министров обсуждались планы введения в империи... продразверстки. Но по политическим причинам пойти на это царские министры не могли.

Руководство ВСЮР в хлебном вопросе металось из стороны в сторону, то вводя хлебную монополию, то пытаясь заготовить зерно для армии «свободной покупкой». Власти платили наличными за 25 % сдаваемого крестьянами хлеба, а на 75 % выдавали квитанции.

В июле 1919 г. была введена «хлебная повинность» – 5 пудов с десятины, засеянной в 1919 г.

Не был решен вопрос и о земле. Где-то земля возвращалась прежним владельцам, где-то новый владелец должен был отдавать половину урожая, а где-то – одну пядь.

Большевики во второй половине 1918 г. в Тульской, Вятской, Калужской, Витебской и других губерниях ввели продразверстку, то есть изъятие излишков хлеба у населения. Обобщив опыт 1918 г., Совнарком декретом от 11 января 1919 г. ввел продразверстку на всей территории Советской России, а позже, в том же году, в Белоруссии и на Украине.

Деникинцам ввести продразверстку помешали не идейные соображения, а отсутствие должного количества войск для реализации одного мероприятия. Не будем забывать, что под контролем ВСЮР находились районы Кубани и Дона, где казаки не потерпели бы отъема хлеба, а также Гуляй-Поле с батькой Махно и южная Украина с десятками местных атаманов.

В итоге руководство ВСЮР так и не смогло решить продовольственной проблемы. Каждый военный начальник старательно грабил местное население и пытался урвать максимум от центральных властей. Не было исключением в этом и Врангель.

Летом 1919 г. Врангель, командующий тогда Кавказской армией, постоянно жаловался Деникину, что его армия не получает кредиты, а посему его «орлы», в отличие от бойцов других армий, сражаются «голодными». Тогда Деникин в начале августа запросил Лукомского, дружески расположенного к Врангелю, и получил ответ, что Кавказская

армия требует довольствие на слишком большое количество людей. Так, в июле Врангель просил средств на 80 тысяч бойцов, а в августе – уже на 110 тысяч, хотя реально боевой состав Кавказской армии не превышал 15 тысяч человек.^[34]

Полный развал экономики Юга России заставил Деникина двинуться в поход на Москву. Тот же Карпенко писал: «Во взятии Москвы и создании центрального правительства России главное командование ВСЮР видело решение всех экономических проблем, откладывая “до Москвы” проведение реформ в экономике и ограничиваясь временными регулирующими мерами.

С другой стороны, экономика юга России не позволяла воевать против центральной Советской власти дольше весны 1920 г.: до этого времени должны были быть исчерпаны продовольственные запасы Кубани, а перспектива нового урожая была не ясна в связи с войной и разрухой».^[35]

Лозунг освобождения России от большевизма стал для Добр-армии хорошим прикрытием «похода за зипунами».

Глава 7

Тетушка Антанта – портрет без грима

Как уже говорилось, Добровольческая армия формально находилась в состоянии войны с Германией. Еще в апреле 1918 г. бывший командующий Румынским фронтом генерал от инфантерии Д.Г. Щербачев, бежавший к румынам, был объявлен представителем Добровольческой армии при королевском дворе. В октябре 1918 г. Щербачев в Бухаресте вступил в переговоры с французским генералом А. Бертело, который был назначен главнокомандующим союзными силами в Румынии, Трансильвании и на Юге России.

3 ноября 1918 г. Щербачев после переговоров с Бертело доложил Деникину, что результаты совещания превзошли все его ожидания. Он писал, что генерал Бертело, имеющий поддержку премьер-министра Франции Клемансо, уполномочен «проектировать и осуществлять все вопросы политические и военные, касающиеся юга России и спасения его от анархии». Генерал Щербачев сообщил о достигнутом между ним и генералом Бертело соглашении: «Для оккупации Юга России будет двинуто настолько быстро, насколько это возможно, 12 дивизий, из коих одна будет в Одессе на этих же днях.

Дивизии будут французские и греческие.

Я (генерал Щербачев) буду состоять по предложению союзников и генерала Бертело при последнем и буду участвовать в решении всех вопросов.

База союзников – Одесса; Севастополь будет занят также быстро.

Союзными войсками Юга России первое время будет командовать генерал д'Ансельм с главной квартирой в Одессе.

По прибытии союзных войск, кроме Одессы и Севастополя, которые будут, несомненно, заняты ко времени получения Вами этого письма, союзники займут быстро Киев и Харьков с Криворожским и Донецким бассейнами, Дон и Кубань, чтобы дать возможность Добровольческой и Донской армиям прочнее организовать и быть свободными для более широких активных операций.

В Одессу, как в главную базу союзников, придут огромное количество всякого рода военных средств, оружия, боевых огнестрельных запасов, танков, одежды, железнодорожных и дорожных средств,

аэронавтики, продовольствия и проч.

Богатые запасы бывшего Румынского фронта, Бессарабии и Малороссии, равно как и таковые Дона, можно отныне считать в полном вашем распоряжении...»^[36]

Генерал Деникин позже вспоминал: «Это письмо своей определенностью выводило нас, наконец, из области предположений. Широкая и конкретная постановка вопроса открывала перед нами новые, необычайно благоприятные перспективы, ставила новые задачи в борьбе с большевиками». ^[37]

24 ноября в Севастополь пришел британский легкий крейсер «Кентербери», посланный на разведку. А на следующий день заявила большая эскадра «тетушки Антанты». Как писал князь Оболенский, ставший главой губернского земского собрания: «Солнце грело, как весной, зеленовато-синее море ласково шумело легким прибоем у Приморского бульвара, с раннего утра наполнившегося густой толпой народа, с волнением ожидавшего приближения эскадры. Я тоже присоединился к этой толпе. Все напряженно смотрели в прозрачную синюю даль. Вдруг толпа заволновалась, кто-то из стоявших на скамейках крикнул – “вот они”, и действительно, на горизонте показалась полоска дыма, потом другая, третья... Суда шли в кильватерной колонне. Дредноуты, крейсера, миноносцы...»^[38]

Впереди шли британские дредноуты «Суперб» и «Темерер», за ними – французский дредноут Джастис («Justice») и итальянский «Леонардо да Винчи», крейсера «Галатея», «Аргонавт» и девять эсминцев.

«Толпа кричала “Ура!” и махала шапками. Наконец, свершилось то, чего мы ждали в течение четырех лет войны и двух лет разложения России». ^[39]

Как только дредноуты бросили якорь, к британскому флагману двинулись три катера: на одном находились деятели нового крымского правительства, на другом – губернского земского собрания, а на третьем – представители Добровольческой армии. Англичане быстро поставили почетную публику на место, как в переносном, так и в прямом смысле. Им пришлось постоять пару часов в помещении линкора, где не было мест для сидения. Затем их принял британский адмирал Колторн. Он выслушал гостей, но отказался вступать в какие-либо переговоры, сославшись на отсутствие инструкций от своего правительства.

На берег были высажены шестьсот британских морских пехотинцев и 1600 сенегальцев из 75го французского полка. Англичане строго

потребовали, чтобы на всех судах в Севастополе были спущены Андреевские флаги и подняты английские. Однако другие союзники потребовали и свою долю в разделе германских и русских судов.

Как писал советский военно-морской историк В. Лукин: «Англичане споров не заводили, и когда французы пожелали поднять свои флаги на боевых германских подводных лодках, коих было четыре “UB-14”, “UB-42”, “UB-37”, “UB-23”, то англичане спустили на двух из них свои флаги, а французы поднимали свои. На “Воле” и миноносцах были подняты английские флаги и посажена английская команда (было оставлено всего три русских офицера), и суда эти отправились в Измид (залив и порт в Мраморном море). Германские подводные лодки англичане быстро снабдили командой, и через три дня суда стали опять действующими боевыми судами, но уже английского флота. Французы лодки только перекрасили, ими не воспользовались, и их две лодки пришли вскоре в полный беспорядок. Про весь происшедший разбор флота напрашивается такая заметка, если судить по имеемым письменным документам. Англичане желали все годное в боевом отношении забрать себе или сделать так, чтобы этих судов не было, т. к. всякий военный флот, кроме своего, им органически противен; французы желали взять флот для того, чтобы как трофеи привести его в свои порта; итальянцы были скромны и вели себя вежливо, греки зарились на коммерческие суда. Для русского офицерства приход союзников вместо ожидаемой радости принес много огорчений. Они не учли того, что Россия была дорога Антанте как сильный союзник, с потерей же силы – Россия потеряла для них всякое значение. В политическом положении союзники не могли разобраться (и сами русские офицеры в этом путались). Становятся понятными все огорчения офицеров группы “Андреевского флага”, когда, например, французы потребовали разоружения русских подводных лодок. Союзники желали обеспечить себя и только, и поэтому оставить лодки боееспособными было для них рискованно. Англичане так и сделали – они сразу увели суда в Измид – “подальше от греха”, как говорится. Им в местной политике белогвардейской России, конечно, было разбираться трудно: так например, когда командующим русскими морскими силами на Черном море был назначен адмирал Канин (назначение это было не то “Крымского”, не то “Уфимского” правительства), Добровольческая армия выдвинула своего адмирала Герасимова. К 27 ноября оказалось, что Канин – хозяин всего моря, а в портах, занятых Добрармией, – Герасимов; затем – Герасимов является морским советчиком при начальнике армии в Екатеринодаре, а позднее – идет целый ряд новых комбинаций».^[40]

Лукин писал это в 1923 г. в пору относительной свободы слова в СССР. Однако уже в начале 1930х годов советские историки создали миф о «походах Антанты», которая якобы хотела задушить молодую Советскую республику и восстановить в России власть капиталистов и помещиков. Увы, реальное состояние дел в 1918—1919 гг. не только на Черном море, но и на Севере и на Дальнем Востоке ничего не имело общего с этим мифотворчеством. Союзники были совсем не против свержения советской власти, но они вовсе не жаждали увидеть во главе «единой и неделимой» России сильного диктатора типа Колчака или Деникина.

Союзники пришли не для участия в классовой борьбе, а за... «зипунами»! Да, да, они пришли грабить, а при хорошем раскладе и добиться иных политических целей. При этом на первом этапе их более заботили не большевики, а друзья-союзнички – как бы те не урвали более жирные куски. На Черном море англичане побаивались французов и итальянцев, а на Дальнем Востоке американцы – японцев и т. д. Соответственно, интервенты во всех регионах пытались балансировать между белыми армиями и самостийными правительствами.

23 ноября 1918 г. английский крейсер «Ливерпуль», французский крейсер «Эрнест Ренни» и три миноносца пришли в Новороссийск. Там был высажен десант из сенегальских стрелцов и новозеландцев.

27 октября премьер-министр Франции Клемансо приказал генералу Франше д'Эсперэ, командующему Салоникским фронтом (из 29 дивизий фронта 8 были французские), высадить войска на Украине, чтобы «изолировать и затем уничтожить русский большевизм».

Генерал д'Эсперэ ответил на этот приказ так: «Мои войска не годятся для наступления в обширной морозной стране. Самое большое, что я смогу сделать – это занять Одессу и близлежащие черноморские порты. Однако я обязан доложить вам, что хотя наши солдаты честно воевали столь долго на Востоке, и сейчас они с энтузиазмом пошли бы на Венгрию, чтобы затем триумфально промаршировать по Германии, однако в отношении оккупации и действий на Украине и в России у них не будет этого энтузиазма и могут возникнуть большие проблемы».

В Крыму в январе – марте 1919 г. боевых действий не велось, но было многовластие. Оккупанты создали свой орган власти под руководством полковника Труссона, по-прежнему существовало и кадетско-эсеро-меньшевистское Краевое правительство. На полуострове была сформирована Крымская дивизия под командованием генерал-майора А.В. Корвич-Круковского, подчинявшаяся власти Деникина. В декабре дивизия была переформирована в Крымско-Азовский корпус, командующим

которого стал генерал-майор А.А. Боровской. В степных районах власть принадлежала татарским националистам. Все эти четыре власти ненавидели друг друга, но не пытались силой нарушить хрупкий политический баланс на полуострове. Это было вызвано нехваткой сил у каждой из сторон, а главное, общей боязнью большевиков.

2 апреля 1919 г. в Севастополь прибыл перешедший на службу в Добрармию контр-адмирал М.П. Саблин. Деникин назначил его на пост «Главного командира судов и портов Черного моря». В инициативном порядке русские морские офицеры создали в Крыму флотилию из нескольких вооруженных мобилизованных гражданских судов и подводной лодки «Тюлень». В конце марта – начале апреля эта белая флотилия начала действовать на Азовском море и в Керченском проливе.

Любопытно, что и крымское Краевое правительство решило создать собственный флот. По его указанию мичман Г.М. Галафре начал восстановление миноносца «Живой».

В первые дни апреля 1919 г. 1я Заднепровская Украинская советская дивизия прорвала оборону деникинцев на Перекопе и начала наступление в степном Крыму. 7 апреля Краевое правительство бежало из Симферополя в Севастополь под защиту союзного флота. Однако там они быстро поняли, что и «тетушка Антанта» тоже начала собирать чемоданы.

10 апреля в середине дня члены Краевого правительства с семьями собрались на Графской пристани. Отсюда их перевезли на катерах на греческое судно «Трапезонд». Но отход судна был отложен из-за разногласий с главнокомандующим сухопутными войсками Антанты полковником Труссоном. Он категорически требовал, чтобы министры передали ему все деньги, взятые из Краевого банка и казначейства Севастополя. Сумма эта достигала одиннадцати миллионов рублей. Члены Краевого правительства пытались объяснить, что часть денег уже потрачена на жалованье чиновникам, съехавшимся со всего полуострова, и на организацию эвакуации. Но эти объяснения для полковника были малоубедительны, и он пригрозил оставить Краевое правительство в Севастополе. В результате через два дня французам было передано семь миллионов рублей и значительные ценности из банков Симферополя и Севастополя^[41]. Каково! Чем не разборки современных крутых парней?!

Убежать «краевым» удалось только 15 апреля на греческом судне «Надежда». 16 апреля красные подошли к окраинам Севастополя. Союзное командование, не уверенное в своих солдатах, вступило в переговоры с большевиками. В конце концов, было достигнуто какое-то соглашение. Я пишу «какое-то», поскольку его оригинальный текст так и не был

опубликован официальными историками, как западными, так и советскими. И те, и другие предпочитают держать его в секретных фондах. Суть же соглашения ясна: союзники сдают Севастополь красным, а те не мешают им уничтожать корабли Черноморского флота и вывозить награбленное.

Под соглашением поставили свои подписи начальник штаба 1й Крымской дивизии Красной Армии Сергей Петриковский, комиссар дивизии Астахов и французский полковник Труссон.

Председатель Реввоенсовета Л.Д. Троцкий счел это соглашение предательским и приказал передать дело Петриковского в ревтрибунал. Однако у последнего были какие-то связи с Дмитрием Ильичом Ульяновым, и тот быстренько накатал письмо брату. В результате Петриковский «вышел сухим из воды».

Сейчас некоторые крымские историки, видимо, не обладая полной информацией, считают Петриковского героем, спасшим тысячи жизней севастопольцев. На самом же деле красные имели возможность лихим налетом захватить не только Севастополь, но и значительную часть флота Антанты.

17 апреля союзное командование произвело «учебную стрельбу» с французского дредноута «Франция» («France»), в результате которой было убито и ранено несколько мирных севастопольцев. После этого команда линкора взбунтовалась и подняла красный флаг.

19 апреля около часу дня съехавшие на берег команды с французских кораблей «Франс», «Жан Барт», «Мирабо», «Дюшайль» и «Верньо» устроили по улицам Севастополя демонстративное шествие с красными флагами и пением «Интернационала».

После расстрела демонстрантов «Франс» под командованием судового комитета поднял якоря и убыл восвояси. 1 мая дредноут был уже в Бизерте.

Кроме всего прочего, к 16 апреля, то есть к подходу красных к Севастополю, французский линкор «Мирабо» водоизмещением 20 тыс. тонн стоял на ремонте в севастопольском доке, и вывести его можно было лишь через 10 дней.

Соглашение же, подписанное Петриковским, дало возможность союзникам увести из Севастополя десятки боевых судов и транспортов. Так, самый сильный корабль Черноморского флота «Воля» был уведен англичанами в турецкий порт Измид, где он стал рядом с германским «Гебенем». Большинство других русских судов были англичанами затоплены или выведены из строя.

Французы тем временем взорвали ряд фортов Севастопольской крепости, а также разгромили базу гидроавиации, уничтожив все самолеты.

Лишь два гидросамолета французы погрузили на русский транспорт «Почин», который был уведен интервентами в Пирей.

Обратим внимание, по версии советских историков союзники прибыли в Россию, чтобы помогать белым, но, несмотря на все мольбы командования Добрармии, интервенты категорически отказались передавать им боевые корабли Черноморского флота. Кстати, то же самое произошло и на Каспийском море, где англичане до осени 1919 г. не допустили создания белогвардейской флотилии, а затем, уходя, отдали самые ценные корабли царской Каспийской флотилии «Карс», «Ардаган» и другие... мусаватистам (азербайджанским националистам), а белым – лишь несколько вооруженных пароходов, которые ранее числились наливными шхунами. Это еще одна хорошая иллюстрация того, что Англии, да и Западу вообще, как кость в горле был императорский флот, и они не желали видеть любой русский флот – хоть советский, хоть деникинский.

Тем не менее белым удалось в феврале – марте 1919 г. захватить подводную лодку «Тюлень» и несколько вооруженных пароходов. А в апреле к ним присоединился крейсер «Кагул» (бывший «Очаков»). Крейсер был в прекрасном состоянии, в 1917 г. на нем завершился капитальный ремонт. Он получил новую артиллерию: четырнадцать 130/55мм пушек, две 75/50мм пушки Кане, переделанные для зенитной стрельбы, и два 40мм зенитных автомата Виккерса. По непонятным причинам немцы в 1918 г. сделали крейсер «плавбазой» водолазной партии, работавшей по подъему линкора «Императрица Мария». Союзники же решили, что находившийся внешне в затрапезном виде крейсер ни на что не годен, и оставили его в покое.

Этим воспользовались белые. «Капитан 2го ранга Потапьев начал набирать команду и готовить крейсер к походу. К моменту ухода из Севастополя команда крейсера состояла из 42 морских офицеров, 19 инженеров-механиков, двух врачей, 21 сухопутного офицера, нескольких унтер-офицеров и 120 охотников флота, включая три десятка присланных из Екатеринодара кубанских казаков, и это при нормальном составе в 570 человек».^[42]

Замечу, что «охотниками» в дореволюционной русской армии называли добровольцев. Увы, среди этих охотников не было ни одного профессионального моряка. В основном это были юнкера, гимназисты, семинаристы и т. д.

«Кагул» не был исключением, в 1919—1920 гг. белый флот на Черном море имел низкую боеспособность из-за отсутствия профессиональных матросов. Так, в конце апреля 1919 г. из-за недостатка кочегаров «Кагул»

мог идти лишь со скоростью 6 узлов.

15—16 апреля белая флотилия в составе «Кагула», «Тюленя», посыльных судов «Буг» и № 7, а также нескольких буксиров и транспортов покинула Севастополь. Пароход «Дмитрий» вел на буксире подводные лодки «Утку» и «Буревестник», буксир «Бельбек» – миноносец «Жаркий», буксир «Доброволец» – миноносец «Живой», который с полпути пошел своим ходом. Кроме того, на буксирах шли эсминцы «Поспешный» и «Пылкий», миноносцы «Строгий» и «Свирепый», канонерская лодка «Терец», посыльное судно № 10 (бывший миноносец № 258) и транспорт «Рион». Белая флотилия направлялась в Новороссийск.

Большевики не препятствовали эвакуации союзников. 28 апреля последние французские части покинули Севастополь. При этом линкор «Мирабо», который с большим трудом удалось вывести из дока, шел на буксире линкора «Джастис». Его броневые плиты общим весом свыше 1000 т французы оставили в Севастополе. Летом 1920 г. Врангель ухитрился эту броню тихо «толк-нуть» итальянской фирме.

Итак, красные без боя вошли в Севастополь. 28—29 апреля 1919 г. в Симферополе прошла 3-я областная конференция большевиков. Из Москвы на конференцию прибыли чрезвычайный уполномоченный Совета обороны Л.Б. Каменев, кандидат в члены Оргбюро ЦК ВКП(б), инструктор ЦК М.К. Муранов, нарком внутренних дел УССР К.Е. Ворошилов. Конференция приняла постановление об обороне Крымской Советской Социалистической республики (КССР) и Временного рабоче-крестьянского правительства.

В состав правительства вошли председатель Д.И. Ульянов^[43], нарком внутренних дел Ю.П. Гавен, нарком военно-морских сил П.Е. Дыбенко, нарком просвещения И.А. Назукин, нарком иностранных дел С.М. Меметов, нарком юстиции И. Арабский и др. Замечу, что в правительстве не менее пяти человек были крымскими татарами (Фирдевс, Меметов, Удрисов, Арабский и Боданинский).

6 мая 1919 г. правительство опубликовало Декларацию, в которой провозглашались задачи КССР: борьба против контрреволюции; создание регулярной Красной Армии (для этого был образован Наркомат по военным и морским делам, РВС); организация советской власти на местах и подготовка Съезда советов.

Декларация провозглашала КССР не национальным, а территориальным образованием. Объявлялось о равноправии всех национальностей в Крыму, о национализации промышленных предприятий и о конфискации помещичьих, кулацких и церковных земель.

В Севастополе же для начала местный ревком по старой памяти решил взять с обывателей контрибуцию. С 4 по 13 мая «спекулянты» должны были уплатить 5 млн рублей, 3 млн рублей – «торгово-промышленный класс», 1 млн рублей – домовладельцы и 1 млн рублей – владельцы садовых и земельных участков. Увы, собрать контрибуцию в срок не удалось, и ревком арестовал всех сборщиков оной. Однако дни советской власти в Крыму были сочтены.

После оставления Севастополя белые остались в Крыму лишь на Керченском полуострове. Это отчасти объясняется тем, что корабли союзников поддерживали огнем белые части, занявшие оборону на Ак-Манайском перешейке шириной 22 км. 27 апреля к Керченскому перешейку подошел крейсер «Кагул», из-за недостатка кочегаров имевший бузловой ход.

К этому времени в Феодосийском заливе, примерно в двух милях от берега, вытянувшись в одну линию, стояли английские дредноуты «Айрон Дюк» и «Мальборо», одни гидрокрейсер (база гидросамолетов) «Эмпресс», греческий броненосец «Лемнос», несколько английских и два французских миноносца.

28 апреля по просьбе штаба сухопутного отряда дредноут «Айрон Дюк» под флагом командующего английским флотом адмирала Сеймура бомбардировал селение Владиславовка, где сосредоточились части красных. Через несколько дней по Владиславовке одним орудием стрелял «Кагул», а корректировалась стрельба с английского гидросамолета. Это были первые выстрелы деникинского флота по позициям красных.

Тут следует заметить, что и англичане, и белые уже к весне 1919 г. поняли значение мелководья в районе Крымского и Керченского перешейков. Весной 1919 г. британское адмиралтейство направило на Черное море три монитора М-17, М-18 и М-29 полным водоизмещением 650 тонн, с осадкой 2 м и скоростью хода 9—11 узлов. Первые два монитора имели на вооружении по одной 234мм, 76мм и 57мм пушки, а М-29 был вооружен двумя 152мм и одной 57мм пушками. Любопытно, что М-18 из Константинополя в Севастополь шел на буксире британского эсминца «Тобаго».

7—11 апреля монитор М-17 поддерживал огнем белых в Карпинитском заливе (к западу от Перекопа), а к началу мая перешел в Арабатский залив Азовского моря. Там же находились мониторы М-18 и М-29, легкий крейсер «Калипсо», эсминец «Тобаго» и французский эсминец «Командант Борн». Все они вели обстрел Керченского перешейка со стороны Азовского моря, а также Геническа и других городов Приазовья, занятых красными.

Я умышленно уделяю много места боевым действиям на мелководье Карпинитского и Арабатского заливов, чтобы на конкретных примерах показать «некорректность» Ф.С. Октябрьского и других наших адмиралов, оправдывавших свое бездействие в 1941—1942 гг. якобы невозможностью вести боевые действия в этих мелководных районах.

С 1 по 4 мая 1919 г. красные вели отчаянные атаки позиций белых, особенно на берегу Азовского моря. Но, увы, и туда доставали 13,5дюймовые (343мм) снаряды британских дредноутов. Огонь корабельной артиллерии корректировался с привязанных аэростатов, поднятых над транспортами. Наступление красных 5 мая окончательно захлебнулось.

17 июня началось новое наступление Добровольческой армии в Донецком бассейне, угрожавшее сообщению Крыма с севером. На 18 июня было назначено наступление войск на Ак-Манайской позиции на Керченском полуострове. Утром 18го крейсер «Кагул» должен был высадить в тылу у красных у местечка Коктебель армейский десант, в задачу которого входил захват дорог, ведущих из Феодосии в глубь Крыма. Командовал десантом генерал-майор Яков Александрович Слащёв.

Ночью крейсер принял на борт 160 человек десанта из состава 52го Виленского полка при десяти пулеметах. Рано утром «Кагул» в сопровождении английского миноносца подошел к Коктебелю и с помощью буксира «Дельфин» высадил десант. Не встретив сопротивления, десант двинулся вперед и занял деревню Насыпкой.

После этого «Кагул» с дистанции 17 км сделал 20 выстрелов по селению Старый Крым, где находились резервы красных. Кроме того, имея телефонную связь с начальником десанта, крейсер по его указанию оказал десанту огневую поддержку. Всего «Кагул» выпустил 67 фугасных и 4 шрапнельных 130мм снаряда.

Около 17 часов десант соединился с прорвавшими фронт на Керченском полуострове левофланговыми частями генерала Боровского.

Наступление на перешейке было поддержано артиллерийским огнем: со стороны Черного моря – дредноута «Мальборо» и другими английскими кораблями, со стороны Азовского моря – посыльным судном «Граф Игнатъев» и мониторами.

В ночь на 21 июня красные в панике оставили Севастополь и Симферополь и бежали к Перекопу. Уйти красным помог случай. 22 июня белая флотилия при поддержке британских кораблей попыталась высадить десант в Геническе – последнем порту Азовского моря, остававшемся у красных. Ночью с двух боиндеров, вооруженных 152мм орудиями, под

прикрытием канонерской лодки К-15 был высажен первый эшелон десанта. Транспорт «Перикл» со вторым эшелоном рано утром подошел к берегу под прикрытием двух английских эсминцев. Но тут из-за сильной пелены дождя выскочил красный бронепоезд, в упор расстрелял «Перикл» и огнем разогнал эсминцы. Высадившиеся десантники второго эшелона были захвачены в плен или уничтожены. Первый эшелон десанта белым пришлось забрать на суда. Таким образом, один бронепоезд красных сорвал высадку тактически важного десанта. Геническ был занят белыми лишь 6 июля, и то с суши.

Следует заметить, что в 1919 г. внутренняя ситуация в Англии и Франции была достаточно напряженная. Значительная часть населения требовала прекращения интервенции в Россию.

11 июня 1919 г. был отдан приказ самому сильному французскому линкору «Прованс» выйти из Тулона и следовать на Черное море. На линкоре началось восстание. Почти одновременно восстали команды линкоров «Вольтер» и «Кондорсэ», стоявших в Бизерте, и на крейсере «Гишен» в порту Итеа. Моряков поддерживали рабочие заводов Тулона и Бреста, где начались баррикадные бои.

Забастовали транспортники, докеры, металлисты, горняки, текстильщики и др. В 1919 г. не было ни одной демонстрации, ни одной забастовки, на которых наряду с требованиями 8часового рабочего дня, повышения заработной платы, признания прав профсоюзов и т. д. не появились бы лозунги, выражавшие солидарность с Советской Россией. Требование «Руки прочь от России!» стала лозунгом всех забастовщиков.

1 мая 1919 г. в Париже на первомайскую демонстрацию левые силы вывели полмиллиона человек. В тот же день прошли мощные демонстрации в Лионе, Марселе, Бордо, Руане, Гавре и других городах.

10 января 1919 г. в Англии пришло к власти коалиционное правительство, состоявшее из консерваторов и либералов. Премьер-министром стал Ллойд Джордж, военным министром – Уинстон Черчилль, а министром иностранных дел – лорд Керзон.

В том же месяце Англию сотрясли многочисленные стачки рабочих. В начале года по всей стране было создано общественное движение «Руки прочь от Советской России».

В отличие от Франции, британский кабинет решил не втягивать свои сухопутные части в бои на Юге России, а предпочел занять нефтеносный район Баку.

17 ноября 1918 г. Баку был окончательно оккупирован британскими войсками под командованием генерала В. Томсона. Приказом генерала

Томсона в Баку вводилось военное положение до того момента, когда «гражданская власть окажется настолько сильной, чтобы освободить войска от ответственности за поддержание общественного порядка». С введением в Баку военного положения английское командование фактически всю административную власть в городе и в Бакинской губернии брала в свои руки. Вся судебная и исполнительная власть оказалась сосредоточенной в руках генерала Томсона. 29 ноября 1918 г. все торговые суда Каспийского флота перешли в распоряжение английского командования.

23 декабря 1918 г. английский десант высадился в Батуме. Вскоре англичане взяли под контроль и железную дорогу Батум – Баку, ну и, самой собой разумеется, нефтепровод.

За девять месяцев, с декабря 1918 г. по август 1919 г., англичанами было вывезено из Баку до 30 млн пудов нефти на сумму в 113,5 млн рублей.

Правительство Ллойда Джорджа постоянно лавировало в отношении русского вопроса. Разумеется, все члены кабинета придерживались старой формулы: «У Британии нет постоянных союзников, а есть только постоянные интересы». Но вот в чем состоят их интересы в России, британские министры понять не могли. Ну, вывоз нефти и вообще всего, что плохо лежит, это понятно. А кого поддерживать в Гражданской войне?

Оказать помощь Деникину «по полной программе»? Но Англия не нуждалась в «единой и неделимой» России.

Оказать серьезную поддержку сепаратистам? Тоже не резон. Этак Британия выбьет единственный идеологический козырь Белого движения. И тогда именно большевики станут подлинными борцами за «единую и неделимую». Гражданская война превратится в борьбу с иноземцами за государственную независимость и самовывживание России.

Да и сумеют ли белые и националисты эффективно использовать британскую помощь? А посылать свои части на борьбу с большевиками страшно.

16 января 1919 г. Ллойд Джордж на совещании союзников в Париже заявил: «Положение в России очень скверное, неизвестно кто берет верх, но надежда на то, что большевистское правительство падет, не оправдалась. Есть даже сообщение, что большевики теперь сильнее, чем когда бы то ни было, что их внутреннее положение сильно, что их влияние на народ теперь сильнее... Но уничтожить его мечом... это означало бы оккупацию нескольких провинций в России. Германия, имея миллионы человек на восточном фронте, держала только край этой территории. Если послать теперь для этой цели тысячу британских солдат в Россию, они

взбунтовались бы... Мысль о том, чтобы уничтожить большевизм военной силой, – безумие... Военный поход против большевиков сделал бы Англию большевистской и принес бы Лондону Совет».

Двойственность британской политики, расхождения во взглядах между Черчиллем и Ллойд Джорджем, отсутствие ясно продуманной программы действий – все это приводило Деникина в полное уныние. И однажды с присущей ему непосредственностью он спросил англичан, «в каком качестве они пришли на Кавказ – в качестве ли друзей, или врагов?». ^[44]

Антанта одновременно помогала новообразованным Прибалтийским республикам, Польше, Украинской Директории, Грузии и Азербайджанской республике. Правда, главным получателем помощи стал Деникин, хотя общая сумма помощи националистам существенно превышала средства, выделяемые Добрармии.

С марта по июнь 1919 г. Добрармия получила из Великобритании 100 тыс. винтовок, 2 тыс. пулеметов, 315 орудий, 200 самолетов, 12 танков. Во втором полугодии 1919 г. Великобритания предоставила Деникину 250 тыс. винтовок, 200 орудий, 30 танков, а также огромное количество боеприпасов и снаряжения. Из США деникинцы летом и осенью 1919 г. получили около 100 тыс. винтовок, свыше 140 тыс. пар обуви и значительное количество боеприпасов.

Несколько десятков или даже сотен британских офицеров непосредственно принимали участие в боях с красными в составе Добровольческой армии. В большинстве своем это специалисты – механики, танкисты, артиллеристы.

В конце лета 1919 г. правительство Ллойда Джорджа принимает решение о выводе британских войск из России. В августе 1919 г. британские войска покидают Русский Север. Любопытно, что «просвещенные мореплаватели» даже не удосужились оставить белым свои довольно мощные мониторы. Самим же англичанам эти суда были не нужны, их в 1920х годах вывели из боевого состава флота.

Параллельно происходил и вывод британских войск из Баку и Батума. Эти территории интервенты передали националистическим правительствам Азербайджана и Грузии. Замечу, что Батум для начала Лондон хотел отдать итальянцам, и те готовили экспедиционный корпус, но по здравому размышлению решили на Кавказ не соваться.

Англичане расформировали свою военную флотилию на Каспии. Все суда бывшей царской Каспийской военной флотилии и часть транспортных судов они передали мусаватистам. Часть мобилизованных в британскую военную флотилию судов англичане передали Добровольческой армии.

Таким образом, летом 1919 г. на Каспии возникла белая флотилия с базой в Петровске (с 1922 г. Махачкала). Значительную часть торгового флота англичане угнали в персидский порт Энзели, который они использовали как свою военно-морскую базу с начала 1918 г.

С ноября 1918 г. по лето 1923 г. британская и французская эскадры постоянно находились в Константинополе. С августа 1919 г. по ноябрь 1920 г. британские и французские военные корабли почти постоянно находились в портах Крыма и Кавказа. Само по себе военное присутствие этих держав на Черном море было невелико, но в любой момент за двое-трое суток в любой пункт Черноморского побережья из Константинополя могла легко прибыть большая эскадра союзников.

Итак, к осени 1919 г. выяснилось, что «тетушка Антанта» не желает и не готова к полномасштабной войне в России против большевиков. Точнее, верхи не знают, что делать, а низы в принципе не хотят вмешиваться в русские дела.

Кроме того, важную роль играли антагонистические противоречия среди союзников. Так, к примеру, постоянная японская оккупация русского Дальнего Востока неизбежно вела к японской аннексии Северного Китая, против чего решительно выступали и Англия, и США.

Главным фактором определившейся политики Англии и Франции в России стало подписание в июне 1919 г. Версальского пакта. Вспомним, что перемирие с Германией было заключено, когда линия фронта шла исключительно по территории стран Антанты. Германская армия и флот были мощнее, чем когда-либо в истории. На вооружение поступали новые типы подводных лодок, самолетов и зенитных орудий. В 1918 г., наконец, было развернуто массовое производство танков, а также противотанковых ружей и пушек, что лишало союзников их главного козыря – танковых частей.

И вот союзники навязали в Версале немцам унижительный договор, превращавший Германию в третьеразрядную страну. Чуть ли не треть Германской империи была отдана новообразованным странам – Польше и Чехословакии, а также Франции, Бельгии и Дании. Причем почти на всех отнятых территориях большинство населения составляли немцы.

Данциг с областью переходил под попечительство Лиги Наций, из него было решено сделать «вольный город». Основная часть Германии была отделена от Восточной Пруссии «польским коридором».

Численность германской армии была определена в 100 тысяч человек. Германия не должна была иметь артиллерии большой мощности, зенитной и противотанковой артиллерии, танков и авиации. Германии запретили

иметь «радиостанции дальней связи».

Германия фактически теряла суверенитет над своей территорией. Так, все ее аэродромы должны были быть открыты для самолетов союзников, которые могли летать куда угодно и когда угодно. Кильский канал, проходящий в глубину германской территории, должен был быть всегда открыт для торговых и военных (!) кораблей союзников. Были объявлены международными путями реки Эльба, Одер, Неман и Дунай (от Ульма до впадения в Черное море).

Для наблюдения за выполнением военных условий договора создавались три международные контрольные комиссии.

Экономические условия договора сводились к следующему. Особая репарационная комиссия должна была определить к 1 мая 1921 г. сумму контрибуции, которую Германия обязана была покрыть в течение 30 лет. До 1 мая 1921 г. Германия обязывалась выплатить союзникам 20 миллиардов марок золотом, товарами, судами и ценными бумагами. В обмен за потопленные суда Германия должна была предоставить все свои торговые суда водоизмещением свыше 1600 тонн, половину судов свыше 1000 тонн, одну четверть рыболовных судов и одну пятую часть всего своего речного флота и в течение пяти лет строить для союзников торговые суда общим водоизмещением по 200 тысяч тонн в год.

Помимо всего прочего, Германия в течение 10 лет обязывалась поставлять Франции до 140 миллионов тонн угля, Бельгии – 80 миллионов, Италии – 77 миллионов. Германия должна была передать союзным державам половину всего запаса красящих веществ и химических продуктов и одну четвертую часть из будущей выработки до 1925 г.

Столь же унижительные условия были навязаны Австрии. Миллионы австрийских немцев вдруг оказались во враждебных государствах. После развала Австро-Венгерской империи подавляющее большинство австрийских немцев, включая социалистов, мечтало об объединении с Германией и Аншлюсом. Но, увы, Аншлюс был запрещен отдельной статьей Версальского договора.

Весьма интересны статьи Версальского договора в разделе «Россия и Русские государства». Согласно статье 116: «Германия признает и обязуется уважать, как постоянную и неотчуждимую, независимость всех территорий, входивших в состав бывшей Российской Империи к 1му августа 1914 года.

Согласно с постановлениями, включенными в статьи 259 и 292 частей IX (Финансовые положения) и X (Экономические положения) настоящего Договора, Германия окончательно признает отмену Брест-Литовских договоров, а также всяких иных договоров, соглашений или конвенций,

заключенных ею с Максималистским Правительством в России.

Союзные и Объединившиеся державы формально оговаривают права России на получение с Германии всяких реституций и репараций, основанных на принципах настоящего Договора».

Статья вроде бы вполне приличная. Но уже в первой фразе заключена беспредельная наглость и глупость «версальских мудрецов».

К 28 июня 1919 г. по всей России шла Гражданская война, причем воевали не только белые с красными. Войну вели десятки националистических клик с красными, белыми и между собой. Никаких границ еще не было и в помине. Даже опереточные эстонское и латвийское правительства не могли договориться об общей границе, и дело дошло до вооруженных столкновений. Какие же «незалежные» государства должна была признать Германия и какие границы? Как показала история, единства в признании тех или иных границ в пределах бывшей Российской империи не было даже у самих западных союзников.

Статья 116 специально была написана союзниками, дабы заранее поссорить Германию с красной или белой Россией – без разницы.

Что же касается права России на репарации с Германией, то это было издевательство над двумя великими народами. С одной стороны, Россия в войне 1914—1918 гг. понесла людские и материальные потери куда большие, чем Франция, и по справедливости должна была получить большие репарации с Германии. Но, с другой стороны, Германия физически была не в силах выплатить уже наложенные на нее репарации Франции, Англии и Бельгии. Так что же могла получить Россия, что большевистская, что деникинская?

Оценивая Версальский договор, Ленин называл его грабительским и зверским: «У Германии он берет уголь, берет молочных коров и ставит ее в условия неслыханного, невиданного рабства».^[45]

Еще более точной стала фраза: Версальский мир «является величайшим ударом, который только могли нанести себе капиталисты и империалисты... победивших стран».^[46]

Замечу, что Ленин не был единственным, кто предрекал крах Версальскому миру, нечто подобное высказали десятки дипломатов и политиков Англии, США, Италии и Германии.

Англия и Франция захотели гораздо больше, чем могли удержать. Они смертельно боялись Германии и России, все равно каких – красных, белых или коричневых.

Чтобы держать в повиновении Россию и Германию, имевших к 1914 г.

две самых мощных армии в мире, союзники решили создать цепь новообразованных государств-лимитрофов^[47] – Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши и Чехословакии. На юге опорой союзников должна была стать Румыния, захватившая венгерские и русские земли.

Теперь главной заботой Англии и Франции было сохранение статус-кво в Европе, и в особенности санитарного кордона из стран-лимитрофов.

Полномасштабная агрессия Англии и Франции в Россию, независимо от хода войны, могла развалить этот кордон и способствовать усилению Германии, а в перспективе и аннулировать Версальский пакт.

Заключение Версальского пакта формально не имело отношения к боевым действиям ВСЮР против Красной Армии. Но фактически Версаль исключил полномасштабную агрессию союзников в Россию. Теперь белым генералам оставалось надеяться лишь на себя. Увы, большинство генералов, в числе которых был и наш барон, этого не поняли.

Чтобы понять ситуацию в Европе, не нужно было быть великим стратегом. Но тут Врангель, да и другие генералы, вели себя как легкомысленные дамочки, считающие, что муж должен содержать их по гроб жизни, даже если они сами бросили его. А почему должен? Да потому, что должен, и всё тут!

Ситуация комичная, но, увы, она привела к гибели и лишениям миллионы русских людей.

Глава 8

Как Врангель взял «Красный Верден»

Весной 1919 г. между деникинцами и армиями Южного фронта развернулась напряженная борьба за Донецкий угольный бассейн. Советским войскам пришлось сражаться в чрезвычайно трудных условиях: началась весенняя распутица, разлились реки, войска не могли получать регулярно боеприпасы, снаряжение и продовольствие. Районы, где действовали армии Южного фронта, были охвачены эпидемией сыпного тифа. Так, например, в 9й армии почти половина бойцов была поражена сыпняком. В тылу Южного фронта, на среднем Дону, вспыхнул антисоветский мятеж казаков.

Южный фронт остро нуждался в пополнениях. Из центральных районов страны подкрепления в этот период направлялись главным образом на Восточный фронт, где развернулось наступление армий Колчака.

Между тем Деникин настойчиво увеличивал свои силы в Донбассе. В марте у белых там было всего 21 тысяча штыков и сабель, а в апреле – 38 тысяч, а к началу мая численность белогвардейских войск, сражавшихся против Южной армии, достигла 100 тысяч человек. В составе советских армий Южного фронта насчитывалось всего 73 тысячи штыков и сабель.

Большим «подарком» добровольцам стал мятеж командира 7й украинской стрелковой дивизии М.А. Григорьева. Штабс-капитан царской армии Григорьев ухитрился послужить у украинской Центральной Рады, у гетмана Скоропадского и у Петлюры. Наконец 2 февраля 1919 г. он перешел на сторону красных. И вот 7 мая 1919 г. в Елизаветграде (с 1924 г. Кировоград) Григорьев устраивает мятеж. К его 7й дивизии присоединяется еще несколько частей. В итоге численность григорьевцев дошла до 20 тысяч человек при 50 орудиях, 700 пулеметах и шести бронепоездах.

В своем «Универсале» Григорьев выдвинул лозунги украинских националистов: «Власть Советам народа Украины без коммунистов», «Украина для украинцев», «Свободная торговля хлебом» и т. д.

Внезапность выступления позволила мятежникам захватить Черкассы, Умань, Кременчуг, Екатеринослав, Елизаветград, а позднее – Херсон, Николаев и другие города. Григорьевщина распространилась на большой

территории Херсонской и Екатеринославской губерний (с центром в городе Александрии).

В конце июня – в июле 1919 г. части Е.Е. Ворошилова и А.Я. Пархоменко нанесли серьезное поражение Григорьеву. С остатками своих войск он присоединился к анархисту Махно. Понимая, что от такого бузитера толку будет мало, а склок много, Нестор Иванович приказал своему конвою пристрелить Григорьева.

24 мая крупные силы добровольцев (преимущественно конница) переправились через реку Донец у хутора Дубовый на стыке 23й и 16й советских дивизий и двинулись на север. 29 мая белые подошли к станции Миллерово, углубившись в тыл красных на 75 км и окончательно разрезав 9ю армию на две части. 25 июня белые взяли Харьков.

В таком же трудном положении оказалась и 10я Красная армия. Белые к 7 мая оттеснили ее за линию реки Маныч. До 13 мая на берегах Маныча шли кровопролитные бои, при этом группе генерала Кутепова дважды удавалось прорваться через Маныч южнее станицы Великокняжеской. Однако, убедившись в бесполезности этих неорганизованных попыток, белые 13 мая начали перегруппировку, окончание которой планировали на 18 мая. Конные части белых направились вдоль Маныча к югу для обхода красных частей, сосредоточенных в районе Великокняжеской. Однако еще до окончания перегруппировки конный корпус Улагая в боях в районе Приютная, Ремонтная разбил степную группу 10й Красной армии и подошел к станице Грибеевской.

10 мая конница 10й армии под командованием Думенко потерпела под станицей Грибеевской тяжелое поражение. Сообщения 10й армии находились под ударом конницы Улагая. Это заставило 10ю армию прекратить 21 мая в районе Великокняжеское боевые действия с переправившейся здесь конной группой генерала Врангеля и начать поспешный отход.

Врангель красноречиво описывает отступление красных: «На станциях и железнодорожных разъездах стояли брошенные противником эшелоны с потухшими паровозами. Сбежавшееся из соседних деревень население растаскивало грузы. Среди всевозможных товаров, мануфактуры, посуды, снарядов, сельскохозяйственных машин, оружия, медикаментов лежали забившиеся в вагоны больные, вперемешку с трупами. В одном из вагонов я видел умирающего, под головой которого подушку заменял труп его товарища. На одном из разъездов нам показали поезд мертвецов. Длинный ряд вагонов санитарного поезда был сплошь наполнен умершими. Во всем поезде не оказалось ни одного живого человека. В одном из вагонов лежали

несколько мертвых врачей и сестер. По приказанию генерала Покровского особые отряды производили очистку железнодорожных зданий от больных и трупов. Я наблюдал, как на одной из станций пленные откатывали ручные вагонетки со сложенными, подобно дровам, окоченевшими, в разнообразных позах, мертвецами. Их тут же за станцией сваливали в песчаные карьеры в общую могилу.

От станции Каргалинской до Кизляра на протяжении 25 верст железнодорожный путь был забит сплошной лентой брошенных составов. Здесь были оставлены запасы неисчислимой стоимости: оружие, огнеприпасы, громадное количество медикаментов, медицинских инструментов, обувь, одежда, вперемешку с автомобилями, мебелью, галантереей и хрусталем. Охранять все это было некому, и бесценные запасы расхищались населением окрестных деревень. Один из составов, вероятно от неосторожности, загорелся. Находившиеся в некоторых вагонах артиллерийские грузы взорвались. Чернел длинный ряд обгорелых вагонов, и на значительном пространстве кругом разбросаны были обезображенные трупы, среди них много женщин и детей.

Освобожденный от красного ига Терек подымался. Станицы, через которые мы проезжали, кишели народом. Скакали спешившие на сбор к станичному правлению казаки. Шли в праздничных нарядах статные, красивые казачки. На околице одной из станиц мы встретили человек пять казачат с винтовками. Автомобиль завяз в грязи, и пока подоспевшие казаки его вытаскивали, я разговорился с казачатами:

– Куда идете, хлопцы?

– Большевиков идем бить, тут много их по камышу попряталось, як их армия бежала. Я вчера с семерых убил, – в сознании совершенного подвига заявил один из хлопцев, казачонок лет двенадцати, в бешмете и огромной мохнатой папахе».

Лично я уверен, что «хлопец» убивал не красных пришлых бойцов, а своих односельчан – женщин и детей, прятавшихся от белых. Нетрудно представить себе, что произойдет с хлопцем через полгода, когда красные вернутся. Родственники убитых односельчан словили бы хлопца и его родню и постарались бы не дать им быстро умереть. А через 80 лет какой-нибудь историк-демократ, брызгая слюной, будет расписывать муки двенадцатилетнего хлопца, замученного по личному приказу товарищей Ленина и Троцкого.

Уверен, что любой кайзеровский офицер, будь то на Украине или во Франции, пусть даже не дворянин, а «офицер военного времени», отнял бы у хлопца ружье, а самого бы хлопца приказал основательно выдрать. Но

наш барон фон Врангель уж слишком перенял азиатские правила, как и прочие Голштейн-Готторпы, Унгерны и К°. Тот же барон Унгерн, сослуживец Врангеля, публично казнил как пленных, так и своих соратников – жег на медленном огне, живыми зарывал в землю, «посредством утопления» и т. д.

Я не собираюсь доказывать, что красные были белыми и пушистыми. Я даже допускаю, что в тылу у красных было казнено людей больше, чем у белых. Но если взять относительные цифры, то есть отношение числа казненных к общему числу жителей на контролируемой территории, то пальму первенства, безусловно, нужно отдать господам Колчаку, Деникину, Врангелю и Семенову. Хотя любой подсчет казненных через 90 лет будет изрядно неточен.

Ясно лишь одно – стороны Гражданской войны, равно как и их нынешние апологеты, не вправе упрекать друг друга в нарушениях международных правил ведения войны, в жестокости и т. д.

Но вернемся к приключениям нашего барона. Тиф косил не только красных, но и белых. Врангель заболел сыпным тифом и был отправлен в Кисловодск на лечение.

«Жар поднимался, меня душили страшные кошмары. Ко всему этому прибавились повторившиеся сердечные спазмы, бесконечно мучительные. Генерал Юзефович и его жена в эти дни проявили ко мне трогательную заботливость. Я был прекрасно обставлен, для лечения были приглашены профессор Ушинский и в помощь ему несколько врачей, поочередно дежуривших. Через несколько дней прибыл вызванный из Екатеринодара известный бактериолог профессор Юрьевич.

Генерал Юзефович вызвал телеграммой из Крыма мою жену. Она нашла меня в положении очень тяжелом. Я с трудом узнал ее и через несколько часов после ее приезда впал в полное беспамятство. Положение мое все ухудшалось. На пятнадцатый день болезни оно стало почти безнадежным. Врачи отчаялись спасти меня. Профессор Юрьевич предупредил жену, что она должна быть готова к худшему. Генералу Юзефовичу доктора объявили, что едва ли я доживу до утра. Жена решила пригласить священника исповедовать и причастить меня. В дом доставлена была пользовавшаяся большим почетом жителей Чудотворная икона Божьей Матери. Я был без сознания, и исповедь могла быть только глухая. Однако во время исповеди я неожиданно пришел в себя, в полном сознании исповедывался и причастился, но после причастия вновь впал в беспамятство. Отслужив молебен, батюшка ушел, а жена осталась у моего изголовья, ежечасно ожидая моей смерти.

Я беспрерывно бредил, вдруг начинал командовать, отдавать боевые распоряжения. Иногда бред становился совершенно бессвязным, и я бесконечно повторял одно какое-нибудь слово. К утру я окончательно изнемог.

Неожиданно к вечеру шестнадцатого дня болезни температура стала падать, на семнадцатый день наступил кризис, и я был спасен. Спасению своему я, конечно, обязан тому исключительному уходу, которым был окружен, и главным образом беззаветному самоотвержению жены, не отходившей от меня за все время моей болезни.

Выздоровление было длительно и мучительно. Я был страшно слаб, сильно болели ноги. Лишь в середине марта смог я перейти из постели в кресло. В первые дни начала выздоровления я получил чрезвычайно сердечное письмо от генерала Деникина. Он поздравлял меня с избавлением от смертельной опасности и посылал пожелание скорейшего полного выздоровления».

В 20х числах марта семейство барона отправилось на отдых в Сочи.

«В Сочи для меня отведена была прелестная дача на самом берегу моря. Несмотря на раннее время года, весна на побережье была в полном ходу. Теплый весенний воздух был наполнен ароматом цветов и трав; я целые дни пролеживал на солнце, отъедался и отсыпался, быстро восстанавливая утерянные силы. Газеты приходили редко, но я имел возможность быть сравнительно хорошо осведомленным, так как был связан прямым проводом со штабом генерала Юзефовича, последний, кроме того, часто писал мне. Он препроводил мне, между прочим, копию рапорта своего генералу Деникину, в коем он вновь настаивал на необходимости развития операции наши на Царицынском направлении, стремясь выйти на соединение с войсками адмирала Колчака, победоносно подходившего к Волге. Соображения генерала Юзефовича я разделял полностью и решил при личном свидании с генералом Деникиным вновь поднять этот вопрос».

4 апреля 1919 г. Врангель подает Деникину рапорт:

«Прибыв в Екатеринодар после болезни и подробно ознакомившись с обстановкой, долгом службы считаю доложить мои соображения:

1. Главнейшим и единственным нашим операционным направлением полагаю должно быть направление на Царицын, дающее возможность установить непосредственную связь с армией адмирала Колчака.

2. При огромном превосходстве сил противника, действия одновременно по нескольким операционным направлениям невозможны.

3. После неудачной нашей операции на Луганском направлении, мы на правом берегу Дона вот уже около двух месяцев лишь затыкаем дыры, теряя людей и убивая в них уверенность в своих силах.

4. В ближайшем месяце на севере и востоке России наступает распутица и, вопреки провокационному заявлению Троцкого о необходимости перебрасывать силы против армии адмирала Колчака, операции на этом фронте должны приостановиться и противник получит возможность перебросить часть сил на юг. Используя превосходство сил, противник сам перейдет в наступление от Царицына, причем создастся угроза нашей базе.

5. Необходимо вырвать, наконец, в наши руки инициативу и нанести противнику решительный удар в наиболее чувствительном для него направлении.

На основании вышеизложенных соображений полагал бы необходимым, отказавшись от активных операций на правом берегу Дона, ограничиться здесь лишь удержанием линии устье Миуса – Ст. Гундоровская, чем прикрывается жел. дор. Новочеркасск – Царицын. Сокращение фронта на 135 верст (0,4 фронта занимаемого ныне до Гундоровской) даст возможность снять с правого берега Дона находящиеся здесь части Кавказской Добр-армии, использовав их для действий на главнейшем направлении. В дальнейшем, наступая правым флангом, наносить главный удар Кавказской Добрармией, действуя от Торговой вдоль железнодорожных линий на Царицын, одновременно конной массой в две-три дивизии обрушиться на степную группу противника и по разбитии ее двинуться на Черный Яр и далее по левому берегу Волги в тыл Царицына, выделив небольшую часть сил для занятия Яшкульского узла и поднятия сочувствующего нам населения Калмыцкой степи и низовья Волги. Время не терпит, необходимо предупредить противника и вырвать у него столь часто выпускаемую нами из рук инициативу.

Генерал-лейтенант Врангель».

Тут следует пояснить значение Царицына – будущего Сталинграда. К 1919 г. это был большой промышленный город. Овладев им, можно было пересечь коммуникации по Волге. С июля 1918 г. по январь 1919 г. Донская армия генерала Краснова три раза безрезультатно пыталась взять Царицын. Руководил обороной Царицына председатель Военного Совета Северо-Кавказского военного округа И.В. Сталин. Позже Сталин уехал в Москву и не имел никакого отношения к боевым действиям в районе Царицына. Кто-то из красных военспецов ляпнул, что Царицын стал «красным Верденом».

Это выражение крайне понравилось барону и его генералам, когда они захватили город.

Но нужно ли было брать «красный Верден» летом 1919 г.? Об этом поговорим позже, а пока обратим внимание на оценку Врангелем метода пополнения Добровольческой армии.

«Вопрос о создании запасных частей для пополнения войсковых кадров до сего времени не был должным образом разрешен. Из всей занятой армиями генерала Деникина территории Юго-Востока России лишь в Черноморской и Ставропольской губерниях гражданская власть полностью сосредотачивалась в руках главного командования. В прочих областях действовала автономная казачья власть. В значительной части казачьих областей население было смешанное – казаки и иногородние. И если относительно первых ставка, хотя и неохотно, все же готова была признать государственные права атаманов и казачьих правительств, то в отношении иногороднего населения это право главное командование хотело оставить за собой. При этих условиях разработка мобилизационного плана была чрезвычайно затруднительна. Дело не пошло далее бесконечной переписки между штабом главнокомандующего и войсковыми штабами. В ростовском округе, распоряжением командующего округом донского генерала Семенова, также производилась “мобилизация”. Мобилизация эта сводилась к тому, что на улицах хватали прохожих, регистрировали и брали на учет. Кроме естественного неудовольствия в населении и полного дискредитирования в его глазах власти, эти мероприятия ничего дать не могли. Я тщетно телеграфировал в ставку, доказывая необходимость точно установить взаимоотношения командующего армией с представителями местной власти, но ничего добиться не мог, – штаб главнокомандующего, видимо, оказывался бессильным разрешить эту задачу и всячески уклонялся от определенного ответа.

В то время, как насущнейшие жизненные вопросы оставались неразрешенными, главное командование стремилось разрешить ряд вопросов общероссийского масштаба, долженствовавших охватить все области государственного устройства России. Разработкой этих вопросов было занято образованное Главнокомандующим Особое Совещание из лиц по личному выбору генерала Деникина. Работы Особого Совещания по этим вопросам вылились в форму двух программных писем генерала Деникина на имя председателя Особого Совещания. Несколько позже была издана “особая декларация” о “целях, которые преследует командование Вооруженными Силами на Юге России в вооруженной борьбе с советской

властью и в государственном строительстве”. Все эти документы ничего реального не давали, ограничиваясь общими местами вроде “уничтожения в стране большевистской анархии и водворения в стране правового порядка”, “восстановления могущественной Единой и Неделимой России”, “широкого местного самоуправления”, “гарантии свобод”, “немедленного приступа к земельной реформе для устранения земельной нужды трудящегося населения”, “немедленного проведения рабочего законодательства, обеспечивающего трудящиеся классы от эксплуатации их государством и капиталом...”. Все это было столь же бесспорно, сколь и неопределенно. Намеченная этими документами программа главного командования должна была служить руководящими данными для деятельности “Освага” – отдела пропаганды, долженствующего противопоставить свою деятельность пропаганде большевиков. Громоздкое с огромными штатами учреждение “Освага” пребывало в Ростове. Оно стоило правительству бешеных денег и давало надежное убежище многочисленным уклоняющимся от выполнения своего воинского долга. Непомерно разросшийся “Осваг” стремился охватить все отрасли жизни армии и страны. Он не только “внедрял в сознание масс идеологию, исповедуемую Главным Командованием”, “популяризировал вождей”, но и ставил себе целью “облагораживание литературного вкуса обывателя”. Так объяснил мне один из деятелей этого учреждения в Ростове издание отделом пропаганды художественно-литературных повременников.

Была у “Освага” и другая, более темная сторона деятельности – так называемая “информация вверх”, составление секретных сводок, касающихся деятельности политических партий, организаций и отдельных лиц. Наиболее секретные из этих сводок в числе двух экземпляров представлялись лишь председателю Особого Совещания и самому Главнокомандующему. В них давались сведения о деятельности самых ближайших к генералу Деникину лиц.

В обществе и в армии отношение к “Освагу” было весьма недружелюбное. В армии этому много способствовало назначение помощником начальника отдела пропаганды профессора К.Н. Соколова небезызвестного полковника Энгельгардта, бывшего в первые дни смуты комендантом Петрограда...

2го мая Главнокомандующий подписал приказ о подчинении мне армейской группы в составе: 1го Кубанского корпуса, 1й конной дивизии, Горской дивизии и Астраханской отдельной бригады. Группе ставилась задача форсировать Маныч, овладеть станцией Великокняжеская. В мое распоряжение поступил и авиационный отряд (восемь аппаратов) под

начальством полковника Ткачева. С фронта вдоль линии железной дороги должна была действовать, содействуя операции, 6-я пехотная дивизия. В общем резерве Главнокомандующего оставались атаманы.

В вагоне Главнокомандующего познакомился я с генералом Кутеповым. Последний уезжал для принятия Добровольческого корпуса. Небольшого роста, плотный, коренастый, с черной густой бородкой и узкими, несколько монгольского типа глазами, генерал Кутепов производил впечатление крепкого и дельного человека.

В два часа я выехал в Новоманычскую. Опыт использования деревянных щитов для переправы вполне удался. В станице кипела работа; казаки разбирали заборы, сколачивали щиты. К моему приезду в станице Новоманычской, поселке Полтавском и селе Бараниковском были построены полки. Я объехал части, говорил с казаками. Прием был мне оказан самый восторженный.

После объезда мы заехали в штаб 1-го конного корпуса, где собрались начальники разъездов, исследовавших переправы. Ознакомившись с их докладами, я окончательно наметил пункт переправы в 18-ти верстах восточнее села Бараниковское. Тут же я отдал директиву.

Переправа намечалась в ночь на 4-е мая. Ударная группа состояла из 1-го конного корпуса, 1-й конной дивизии и Астраханской отдельной бригады. Для прикрытия Бараниковской переправы и связи с ударной группой оставалась Горская дивизия. На генерала Фока было возложено объединение артиллерийской группы, долженствовавшей в случае необходимости содействовать переправе. Весь день 3-го мая должен был быть посвящен на подготовку материалов для переправы. Поздно ночью вернулся я в Торговую, 3-го прибыли из Ростова мои лошади, я выслал их немедленно в штаб 1-й конной дивизии.

Главнокомандующий получил донесение о блестящем успехе генерала Улагая. Последний, выдвинувшись со своим корпусом от Св. Креста, к северу от Маныча в районе села Ремонтное – станица Граббеевская (в 120 верстах на восток от ст. Великокняжеская), наголову разбил конный корпус противника под начальством товарища Думенко, захватил более 20 орудий, много пулеметов и пленных, 2-й кубанский корпус генерала Улагая был сформирован в районе Св. Креста уже по завершении Кавказской операции и состоял из 2-й и 3-й кубанских дивизий и 3-й кубанской пластунской бригады. Одна бригада 2-й кубанской дивизии под начальством полковника Фостикова временно была выделена из 2-го конного корпуса и прикомандирована к 1-й конной дивизии генерала Шатилова. Об успехе генерала Улагая я немедленно послал

телефонограмму начальникам моих частей, приказав сообщить о победе полкам.

Получил генерал Деникин телефонограмму и от генерала Май-Маевского. Последний сообщал, что, вследствие изменившейся обстановки, решил пока не отходить. По предложению полковника Кусонского я, с согласия Главнокомандующего, отправил командиру Добровольческого корпуса телеграмму, поддерживающую в принятом решении: “Главнокомандующий и я приветствуем ваше мужественное решение”.

На рассвете началась переправа. Я застал 1й конный корпус уже заканчивающую переправу. Мелководный, топкий, местами высохший, покрытый солью, выступившей на поверхность вязкой черной грязи, Маныч ярко блистал на солнце среди плоских, лишенных всякой растительности берегов. Далеко на север тянулась безбрежная, кое-где перерезанная солеными бачагами солончаковая степь. Там маячила наша лава, изредка стучали выстрелы. Длинной черной лентой тянулась от переправы наша конница, над колонной реяли разноцветные значки сотен. Сверкали медным блеском трубы полковых хоров. На южном берегу в ожидании переправы спешили кубанские, терские, астраханские полки. Вокруг дымящихся костров виднелись группы всадников в живописных формах.

К восьми часам главная масса конницы закончила переправу, а к полудню перешла на северный берег вся артиллерия, в том числе и тяжелая. Теснимый нашими передовыми частями противник медленно отходил на запад. Части генерала Шатилова, 1я конная дивизия и бригада кубанцев полковника Фостикова наступали вдоль северного берега реки. Правее, заслонившись частью сил с севера, вдоль большого тракта, двигался 1й конный корпус генерала Покровского. В моем резерве осталась отдельная Астраханская бригада (два астраханских и 1й черкесский полки) генерала Зыкова.

Подойдя к Бараниковской переправе, генерал Шатилов бросил свои части в атаку и овладел окопами противника, захватив около полутора тысяч пленных. Бараниковская переправа была в наших руках. Горская дивизия начала переправу, я подчинил ее генералу Шатилову.

Наступали сумерки. Полки заночевали на местах. Стояла холодная майская ночь. Люди зябли и не могли заснуть. В лишенной всякой растительности степи нельзя было разжечь костров. Нельзя было напоить даже коней, негде было достать пресной воды. Я на несколько часов проехал в Новоманычскую перекусить и напиться чаю и с рассветом был

уже вновь на северном берегу реки.

С первыми лучами солнца бой возобновился, противник делал отчаянные попытки задержать наше продвижение, однако, теснимый генералом Покровским, после полудня начал отход к станции Великокняжеской. 1й конный корпус занял хутора бр. Михайликовых и Пишванова. Хутора эти, зимовники донских коннозаводчиков, когда-то дышавшие богатством, ныне представляли собой груды развалин: дома стояли с оторванными дверьми, выбитыми окнами, фруктовые сады с деревьями, обломанными и обглоданными конями, амбары с растасканными соломенными и камышовыми крышами, заржавленными и поломанными сельскохозяйственными орудиями. Все являло собой картину полного разрушения, следы многократных боев. Огромное, разбросанное по всей степи, количество трупов коней, рогатого и мелкого скота дополняло эту унылую картину. Многочисленные, частью пересохшие, соленые бачаги и вся солончаковая степь кругом были буквально усеяны падалью. Ее сладкий, противный запах положительно пропитывал воздух.

В пять часов была назначена общая атака. Для обеспечения боевого порядка с севера к хуторам Безугловым были выдвинуты астраханцы генерала Зыкова. Выбрав удобный наблюдательный пункт – огромную скирду соломы, я в бинокль стал наблюдать за движением колонн. Дивизии строили резервный порядок. Артиллерийский огонь с обеих сторон усилился. В тылу противника в районе Великокняжеской реяли аэропланы. Далеко на левом фланге прогремело “ура”. В бинокль были видны быстро несущиеся, вскоре исчезнувшие за складкой местности полки 1й конной дивизии. Части генерала Покровского строили боевой порядок.

Неожиданно далеко вправо, почти в тылу, раздались несколько оружейных выстрелов. Почти одновременно прискакал казак с донесением от Зыкова. Со стороны станции Ельмут в охват нашего правого фланга подходили большие конные массы противника. (То был спешивший на выручку своим, двинутый усиленными переходами от ст. Ремонтной конный корпус “товарища” Думенко.) В бинокль было видно, как развернулись и двинулись вперед астраханцы. Их батарея открыла огонь. Над полками были видны рвущиеся снаряды противника. Но вот среди астраханцев стало заметно какое-то волнение. Ряды их заколебались, заметались, и, мгновенно повернув назад, казаки бросились врассыпную. Беспорядочной толпой астраханцы неслись назад. Вскочив в автомобиль, я помчался к ближайшим частям генерала Покровского, успел остановить его корпус и повернуть частью сил против конницы врага. Славные кубанцы и терцы задержали противника. Однако новый успех генерала Шатилова,

захватившего более 2000 пленных, орудия и пулеметы, развития не получил. Части заночевали на позициях.

Подход новых крупных сил противника значительно осложнял наше положение. Имея в тылу одну весьма неудобную переправу у с. Бараниковского и владея на северном берегу Маныча весьма ограниченным плацдармом, мы, в случае успеха противника, могли оказаться в очень тяжелом положении.

Свежих резервов у меня не было. Астраханцы, потеряв раненым начальника дивизии генерала Зыкова и убитыми и ранеными всех командиров полков – потеряли всякую боеспособность. Расстроенные части рассеялись, казаки и черкесы отдельными группами и в одиночку текли в тыл. Я выслал мой конвой к переправам собирать беглецов и, отведя на южный берег, привести полки в порядок, беспощадно расстреливая ослушников и трусов. На замену астраханцам я просил генерала Деникина выслать мне атаманцев. Утром последние прибыли ко мне.

Бго с рассветом бой возобновился на всем фронте. Третьи сутки почти не спавшие, не евшие горячего люди и непоенные кони окончательно истомились. Однако, невзирая на это, я требовал полного напряжения сил для завершения начатого дела до конца. В течение дня нам удалось расширить занятый нами плацдарм. Части генерала Покровского вновь заняли хутора Безуглова, части генерала Шатилова подошли на 2—3 версты к станице Великокняжеской.

На закате я назначил общую атаку, дав горцам, 1й конной дивизии и бригаде полковника Фостикова направление на станицу Великокняжескую. Первым – с юго-востока, вторым – с востока. Генералу Покровскому приказал “сковать и разбить конницу Думенко”. Для предварительного расстроя красной конницы приказал эскадрилье полковника Ткачева произвести бомбовую атаку.

С начала артиллерийской подготовки я объехал фронт полков, сказав людям несколько слов, приказал снять чехлы и распустили знамена. При построении боевого порядка всем полковым хорам приказал играть марши своих частей. Как на параде строились полки в линии колонн, разворачиваясь в боевой порядок. Гремели трубачи, реяли знамена. Вот блеснули шашки, понеслось “ура”, и масса конницы ринулась в атаку, вскоре скрывшись в облаках пыли. Гремела артиллерия, белые дымки шрапнелей густо усеяли небо. Я на автомобиле понесся к полкам генерала Покровского. Налет полковника Ткачева оказался весьма удачным. Противник потерял большое число людей и лошадей; морально

потрясенные его части расстроились. К сожалению, генерал Покровский замешкался, упустил удобный момент ударить на расстроенного противника. Последний успел оправиться и, не приняв атаки, стал поспешно отходить.

Великокняжеская была взята. Успех противника, форсировавшего Маныч и проникшего в глубокий тыл Добровольческой и Донской армий, грозя отрезать их от главной базы, завершился нашей победой. Х армия красных была разгромлена. Противник за три дня потерял около 15 000 пленных, 55 орудий и 150 пулеметов.

Путь к Царицыну и Волге был открыт».

7 мая 1919 г. в станицу Великокняжескую к Врангелю приехал на автомобиле сам Деникин. Там он издает директиву:

«Манычская операция закончилась разгромом противника и взятием Великокняжеской. Приказываю:

1. Генералу Эрдели овладеть Астраханью.
2. Генералу Врангелю овладеть Царицыном. Перебросить донские части на правый берег Дона. Содействовать операции генерала Эрдели.
3. Генералу Сидорину с выходом донских частей Кавказской армии на правый берег Дона, подчинив их себе, разбить Донецкую группу противника. Подняв восстание казачьего населения на правом берегу Дона, захватить железную дорогу Лихая – Царицын и войти в связь с восставшими ранее казачьими округами.
4. Прочим фронтам вести активную оборону.
5. Разграничительные линии: между генералами Эрдели и Врангелем Благодарное – Яшкуль – Енотайск все для Эрдели.
6. О получении донести.

Великокняжеская, 8 мая № 06796.

Главком Генлейт Деникин

Начштабглав Генлейт Романовский».

Генерал от кавалерии И.Г. Эрдели еще 16 апреля 1919 г. был назначен командующим войсками Терско-Дагестанского края. Врангель оставался командующим армией, однако прилагательное «Добровольческой» исчезло, и она называлась просто Кавказской армией.

В состав Кавказской армии к этому времени входило четыре корпуса: 2й Кубанские (2я и 3я Кубанские казачьи дивизии, 3я Кубанская пластунская отдельная бригада), Сводный (Сводно-Горская конная дивизия и Донская Атаманская бригада) и 4й конный (1я Конная дивизия, Кубанская

пластунская отдельная бригада, Астраханская конная дивизия) корпуса. В оперативном подчинении генерала П.Н. Врангеля находился Сводно-Донской корпус (4я и 13я Донские дивизии).

Врангель пообещал Деникину взять Царицын в течение трех недель и попросил подкрепление осадной артиллерии и пехоты.

8 мая Врангель отдает приказ по Кавказской армии:

«Приказ Кавказской армии № 1.

Станица Великокняжеская. 8го мая 1919 года.

Славные войска Манычского фронта.

Волею Главнокомандующего, генерала Деникина, все вы объединены под моим начальством и нам дано имя “Кавказская Армия”.

Кавказ – Родина большинства из вас, Кавказ – колыбель вашей славы...

От Черного и до Каспийского моря пронесли вы, гоня перед собой врага, – палящий зной и стужа, горы Кавказа и безлюдные ставропольские степи не могли остановить вас. Орлы...

Орлиным полетом перенесетесь вы и через пустынную степь калмыков к самому гнезду подлого врага, где хранит он награбленные им несметные богатства, – к Царицыну, и вскоре напоите усталых коней водой широкой матушки-Волги...

Генерал Врангель».

Как видим, у Врангеля фантазия убогая: мог бы выдать про «сорок веков», смотрящих на вас с обрывов Волги. И почему у «подлого врага» сердце именно в Царицыне? И в чем цель похода? Освободить город от власти большевиков или отобрать у них «несметное» число зипунов?

Врангель писал: «Противник поспешно отходил, наши части с трудом поддерживали с ним соприкосновение. Конница генерала Покровского вышла на линию железной дороги, горцы, усиленные атаманцами, под общим начальством полковника Гревса были направлены мною западнее железной дороги, 1я конная дивизия была оттянута в мой резерв. Войскам ставились задачи:

а) 2му кубанскому корпусу генерала Улагая (2я и 3я кубанские дивизии и 3я пластунская бригада) – преследовать противника от станции Граббевской вдоль Царицынского тракта, выделив часть сил на фронт Ремонтная – Зимовники для действия в тылу красных, отступавших перед 1м кубанским корпусом вдоль железной дороги.

б) 1му кубанскому корпусу генерала Покровского (1я кубанская, 2я

терская, бя пехотная дивизии и все бронепоезда) – преследовать главные силы красных, отходящих вдоль железной дороги на Царицын.

в) Сводному корпусу полковника Гревса (Горская и Атаманская дивизии) – отбросить части противника, действующие западнее железной дороги, за реку Сал и, прижав их к Дону, разбить.

г) Донскому корпусу генерала Савельева (4я и 13я донские казачьи дивизии) – разбив и уничтожив части противника, действующие между реками Салом и Доном, переправиться на фронте Цымлянская – Мариинская на правый берег Дона и ударить в тыл Донской группе красных.

д) Конному корпусу генерала Шатилова (1я конная дивизия, астраханская дивизия и два пластунских батальона) – составить резерв командующего армией.

Таким образом имелось в виду при фронтальном преследовании главной массы противника вдоль железной дороги частями правой колонны содействовать этому преследованию ударами в тыл, стремясь отрезать красным главный путь их отхода; лево-фланговые же колонны должны были путем маневра прижать к Дону и разбить те части врага, которые действовали против левого фланга армии и могли угрожать флангу всей операции, а затем, переправившись частью сил (Донской корпус) через Дон, нанести удар в тыл группе противника, действующей на правом берегу Дона против донцов.

Уже 11 мая колонны армии, выполняя поставленные им директивы, подошли своими частями к реке Салу, гоня перед собой отступавшего на всем фронте врага; командир 2го кубанского корпуса генерал Улагай, выставив заслон (полковника Мамонова) в сторону Торговое-Заветное, направил, согласно заданию, большую часть сил под общим командованием генерала Бабиева^[48] (пять конных полков и два пластунских батальона) на станцию Ремонтная в целях выйти противнику в тыл и отрезать ему пути отхода. Несмотря на отчаянные попытки красных зацепиться за естественный рубеж реки Сала и остановить наше продвижение, мы после двухдневных горячих боев овладели неприятельской позицией, форсировав реку.

С выходом 2го кубанского корпуса на линию железной дороги преследование главных сил противника вдоль железнодорожной линии было возложено на генерала Улагая, в руках которого сосредоточивались 2й кубанский корпус, одна бригада первой кубанской дивизии, астраханцы и бя пехотная дивизия. Группе генерала Улагая передавались и бронепоезда, однако, вследствие порчи пути и уничтожения красными большого

железнодорожного моста через Сал, последние временно действовать не могли. Генералу Улагаю указывалось при движении на север выдвинуть для обеспечения правого фланга астраханскую дивизию, направив ее в район озера Ханата-Альматин. На левом фланге 2го Кубанского корпуса уступом впереди двигался 1й Кубанский корпус генерала Покровского. Полковнику Гревсу, блестящим образом выполнившему свою задачу и разбившему у хутора Красноярского остатки прижатого им к Дону противника, причем взяты были 24 орудия, большое число пленных, громадные обозы и большие гурты скота и лошадей, было приказано передать Атаманскую дивизию в Донской корпус генерала Савельева. Последний переправился через Дон и вошел в состав Донской армии. Полковник Гревс с Горской дивизией должен был двигаться левым берегом Дона, обеспечивая левый фланг армии, 1я конная дивизия и пластуны, объединенные в руках генерала Шатилова, продолжали оставаться в моем резерве.

Наступление наших колонн велось в чрезвычайно тяжелых условиях по безлюдной и местами безводной степи. Противник, отходя, взрывал мосты и железнодорожные сооружения; подвоз был крайне затруднен. Наскоро сформированному, имевшему в своем распоряжении самые ограниченные средства штабу приходилось заново создавать и налаживать снабжение. Средства связи почти совершенно отсутствовали. Все обращения мои к штабу Главнокомандующего успеха не имели».

На самом деле Деникин давал Кавказской армии все, что мог. Так, Врангелю были отправлены только что сформированные 1й и 4й танковые отряды. В первом отряде были два британских танка МК-V, а во втором – два танка МК-A «Уипет». Любопытно, что танковыми отрядами командовал англичанин – майор Брус, а один танк МК-V был укомплектован британским экипажем из восьми человек.

В апреле 1919 г. в Новороссийск прибыл 47й отряд королевских ВВС (21 офицер и 179 рядовых). Главной базой дивизиона стал Екатеринодар. Там на городском ипподроме был построен большой аэродром. 10 июня первые пять новейших бомбардировщиков «Де Хэвиллэнд» ДН-9, пилотируемых англичанами, вылетели в расположение Кавказской армии.

Наступавшие части Врангеля поддерживали легкие бронепоезда «Орел», «Генерал Алексеев» и «Вперед за Родину», а также тяжелый бронепоезд «Единая Россия». После взятия Царицына к ним присоединился тяжелый бронепоезд «Иоанн Калита».^[49]

Царицын защищала 10я армия. Ей командовал А.И. Егоров. 25 мая он

получил ранение, и в командование вступил Л.Л. Ключев. Астрахань защищала вновь созданная 13 марта 1919 г. 11я армия. Командующие постоянно менялись. Скажу лишь, что с 7 мая по 10 июня 1919 г. ей командовал Киров. Кроме того, Сергей Миронович был председателем Военно-революционного комитета Астраханского края и фактически руководил обороной Астрахани. Армия была сравнительно невелика, к апрелю ее численность составляла 12,3 тыс. человек при 59 орудиях.

Севернее Царицына находилась 9я армия. Важным аргументом красных было наличие двух больших речных флотилий – Волжско-Камской (выше Царицына) и Астрахано-Каспийской в районе Астрахани. Я умышленно не привожу списочного числа их кораблей, дабы не вводить в заблуждение читателей. Дело в том, что, например, в Астрахано-Каспийской флотилии систематически происходили ротации ядра флотилии, экипажи переходили с одного судна на другое и перемещали артиллерию. В составе флотилии было около 30 эсминцев и сторожевых судов, переправленных с Балтики. Но для боевых действий в районе Царицына гораздо большегодились канонерские лодки с орудиями калибра 75—102 мм, переделанные из волжских буксиров, и плавучие батареи (баржи) с орудиями калибра 102—152 мм. На 15 февраля 1919 г. личный состав Астрахано-Каспийской флотилии состоял из 2900 военморов и 630 вольнонаемных.

Роль красных флотилий увеличивалась тем, что единственный железнодорожный мост через Волгу находился у Саратова примерно в 320 км выше Царицына. Ниже Саратова на Волге тогда не было никаких мостов. На Волге от района Дубовки и до самой Астрахани имелись тысячи островов, рукавов и протоков, что допускало скрытое перемещение и маскировку кораблей. Так, канонерка или плавбатарея могла быть замаскирована в протоке у острова и вести навесной огонь на дистанцию 10—18 верст.

Взятие Царицына белыми прервало судоходство по Волге. Однако при этом Астрахань по-прежнему имела связь с центром по железной дороге Астрахань – Саратов, через Красный Кут. Эта железная дорога проходила по левому берегу Волги примерно в 170 км от Царицына. Вдоль правого (западного) берега Волги железных дорог не было вплоть до Нижнего Новгорода. Железнодорожные линии выходили к Царицыну, Камышину, Саратову и Самаре.

Врангель считал важной целью Добрармии соединение с войсками Колчака. Однако Колчаку не удалось даже дойти до Волги. Красная Армия перешла в решительное контрнаступление. 4 мая она взяла Бугуруслан,

5го – Чистополь и Сергеевск, 13го – Бугульму, 9 июня – Уфу, 11 июля Чапаев прорвал осаду белыми Уральска.

Так что для соединения с Колчаком Врангелю нужно было двигаться за Урал. Но даже если бы красные не разбили Колчака, то Царицын – самое неудачное место randevu для последующего совместного похода на Москву. На левом берегу Волги от Астрахани до Саратова – пустыня или степь без железных дорог, идущих к Волге. Так что поход на Царицын с самого начала был крупным стратегическим просчетом Деникина и Врангеля. В пересказе же барона поход на Царицын представляется грандиозным успехом, чуть ли не переломным пунктом Гражданской войны.

«15 (28) мая наши части заняли станцию Котельниково и форсировали реку Курмоярский-Акса́й. 1й Кубанский корпус генерала Покровского быстро выдвинулся вперед, после горячего боя овладел хутором Верхне-Яблочным, где захватил свыше 2000 пленных, 10 орудий, 25 пулеметов и громадные обозы. Однако, вследствие быстрого выдвижения 1го Кубанского корпуса, между его правым флангом и левым флангом 2го корпуса генерала Улагая образовался разрыв, который противник удачно использовал. 17 мая с утра он перешел значительными силами в наступление, охватывая левый фланг нашей пехоты. Последняя не выдержала, дрогнула и, бросив свою артиллерию, стала поспешно отходить на Котельниково. Начальник дивизии генерал Патрикеев, пытавшийся со своим штабом восстановить в частях порядок, был настигнут красной конницей и зарублен, 6я пехотная дивизия была почти полностью уничтожена. Артиллерия дивизии была захвачена противником. Генерал Бабиев, бросившийся со своей конницей на выручку стрелков, отбросил было противника, отбил наши орудия, но затем сам был оттеснен. Тогда командир корпуса генерал Улагай, прибывший на место боя во главе своего конвоя и случайно собранных им ближайших частей, бросился в атаку, опрокинул врага, вернул потерянные пехотой орудия и вынудил противника начать отход, дав яркий образец значения личного примера начальника.

20 мая части армии достигли реки Есауловский Аксай на фронте от хутора Жутов до устья реки. Противник занял сильно укрепленную позицию с окопами и проволочными заграждениями на правом берегу Аксая, сосредоточив главные силы на фронте хуторов Генералов – Аксайско-Чиковский.

После крайне упорного боя 20—22 мая доблестные части 1го Кубанского корпуса сбили врага с позиций и, прорвав его фронт, нанесли сильное поражение. Стремительно преследуя разбитые части противника на хутор Кумской на протяжении 30 верст, генерал Покровский натолкнулся

на свежие силы красных, двигавшиеся против его правого фланга со стороны Громославской; между тем 2й Кубанский корпус генерала Улагая, встретив упорное сопротивление противника на остальной части фронта позиции за рекой Есауловский Аксай, был скован боем и не мог оказать поддержки 1му корпусу. Я выслал генералу Улагаю из своего резерва пластунов и гаубицы...

24го мая утром части армии атаковали противника на укрепленной линии Есауловский Аксай. Корпуса форсировали реку на участке хутор Жутов – Дураков, сбили противника с укрепленной позиции и угрозой охвата справа и слева заставили стремительно отходить. Красные не успели даже испортить железнодорожный мост через реку Аксай. Неотступно преследуя противника, части 2го корпуса генерала Улагая к вечеру 24го мая овладели станцией Гнилоаксайской; в то же время части 4го генерала Шатилова и 1го генерала Покровского корпусов, пройдя за день с боем свыше 20 верст, подошли к реке Мышкова, причем 4й корпус занял деревню Ивановку.

В боях 20—24 мая части армии, особенно же 1й корпус, понесли тяжкие потери, как в казаках, так и в командном составе. Между прочими начальниками ранен был тяжело в голову доблестный генерал Бабьев; полковник Ткачев, лично производя воздушную разведку, был ранен ружейной пулей в руку.

Между тем 1й Кубанский корпус, развивая дальнейшее наступление свое 2й Терской дивизией, войдя в связь с донцами после весьма упорного боя, во время которого терцы пять раз ходили в атаку против красных коммунистов, занял при поддержке донцов железнодорожный мост через реку Дон у хутора Рычкова. Противник отошел к станции Ляпичево. К 27 мая части подошли к укрепленной позиции противника по реке Царица. Я назначил общую атаку на рассвете 27го числа.

С тех пор как бывший в моем резерве 4й конный корпус вошел в общую линию боевого порядка, я непосредственно управлял войсками, следуя верхом при 4 м корпусе. В ночь на 27е перед атакой армия ночевала в поле. Стояла тихая звездная ночь. Воздух напоен был степным ароматом. Далеко по степи раскинулись бивуаки полков. Я спал на бурке, подложив под голову подушку седла. Кругом слышались голоса казаков, фыркали кони, где-то далеко на заставе слышались выстрелы. Казалось, что история перенесла нас на целый век назад, в эпоху великих войн, когда не было ни телеграфов, ни телефонов, и вожди армий сами водили войска в бой.

На рассвете армии дружно атаковали позицию красных, 3я Кубанская дивизия во главе с храбрым генералом Павличенко прорвала фронт

противника, 2й Кубанский корпус, преследуя врага по пятам, занял станцию Тингуту. По мере приближения к Царицыну противник оказывал все более ожесточенное сопротивление. В Царицын лихорадочно сосредоточивались красные части на поддержку разбитой X армии. Сюда была стянута почти вся XI армия с Астраханского направления. С фронта адмирала Колчака подошла дивизия коммунистов. Из 16ти городов центральной России подвезено было 8000 человек пополнения. К коннице Думенко, из 8ми полков, подошли 1500 всадников конницы Жлобы. Из Астрахани в Царицын прибыло два миноносца. Суда и баржи Волжской флотилии были вооружены не только легкой, но и тяжелой артиллерией. В распоряжении противника находилось несколько бронепоездов. В бою на реке Царице части вновь понесли тяжкие потери. Однако близость Царицына, сулившего отдых после тяжелого непродолжительного похода, вселяла в войска силы и они с неудержимым порывом шли вперед, 29го мая 2й и 4й корпуса подошли к реке Червленной, с боем форсировали ее и сбили державшегося на северном берегу противника. В то же время 1й корпус после упорного боя овладел станцией Кривомузгинской, захватив здесь около 2000 пленных...

29го мая войскам армии был отдан приказ: а) 2му Кубанскому корпусу генерала Улагая наступать на фронт Царицын – Воропоново и овладеть Царицыном с юга; б) 4му Конному корпусу генерала Шатилова, сосредоточив главную массу своих сил на левом фланге, – наступать на фронт Воропоново – Гумрак и овладеть Царицыном с запада; в) 1му корпусу генерала Покровского наступать вдоль железной дороги Лихая – Царицын и по овладении станцией Карповка составить армейский резерв, направить одну бригаду в район станции Котлубань – хутор Грачевский, с целью отрезать противнику пути отхода на северо-запад.

Преодолевая упорное сопротивление противника после ряда жестоких боев, генерал Улагай занял Теплые воды, подойдя на десять верст к городу; корпус генерала Шатилова достиг реки Ягодной; корпус генерала Покровского овладел станцией Карповка.

Наличие у противника сильной судовой артиллерии, при отсутствии у нас дальнобойных орудий, чрезвычайно затрудняло действия частей генерала Улагая. Последний доносил, что, по его мнению, трудно рассчитывать на успех атаки города с юга и, со своей стороны, предлагал часть своих сил передать в распоряжение генерала Шатилова, для нанесения решительного удара с запада. Последнее направление представляло и тактические выгоды, создавая угрозу путям отхода красных. Я принял предложенное генералом Улагаем решение. Атака была

намечена на рассвете 1го июня.

В ночь с 31го мая на 1е июня была произведена необходимая перегруппировка. В руках генерала Шатилова были объединены: 4й конный корпус, 2я Кубанская дивизия, три полка 1й Кубанской дивизии и 3я пластунская бригада. Ударная группа сосредоточилась в районе Гавриловка – Варваровка.

Вечером 31го мая был получен подписанный накануне Главнокомандующим приказ о подчинении его адмиралу Колчаку. Принятое Главнокомандующим решение я горячо приветствовал».

4 июня (н. с.) 10я армия перешла в контратаку. Врангель отвел войска на линию рек Червяня и Коровка, при этом правый фланг белых оказался в районе поселка Сарепта.^[50]

На помощь Царицыну из Астрахани был направлен Северный (речной) отряд кораблей в составе эсминца «Яков Свердлов», вспомогательных крейсеров «Ильич», «III Интернационал», «Красное знамя», трех канонерских лодок, плавучей батареи, трех посыльных судов, трех катеров, двух пароходов и нескольких катеров-разведчиков. Возглавлял отряд командир бригады вспомогательных крейсеров А. Заламанов.

Однако белым удалось выйти к Волге ниже Райгорода, примерно в 50 км ниже Царицына. В результате Северный отряд кораблей оказался отрезанным от Астрахано-Каспийской флотилии и вынужден отойти к Царицыну.

Тут следует заметить, что красные военморы слишком увлеклись преследованием колчаковцев на Каме и затянули переброску судов Волжской флотилии к Царицыну.

Директива о переброске судов с Камы последовала лишь 2 июля, то есть уже после падения Царицына.

Врангель решает произвести перегруппировку войск и атаковать Царицын с юга. Там была единственная железная дорога, по которой с Кубани шли белые бронепоезда. Только там с железнодорожной платформы можно было разгрузить английские танки. Пройти 30—40 км по бездорожью МК-V и МК-A не могли, они просто вышли бы из строя. Несколько упрощенно можно сказать, что Врангель решил двинуть вдоль железной дороги броневой таран.

Днем 14 (27) июня войска Кавказкой армии получили директиву:

«Группе генерала Улагая (2й и 4й корпуса, 7я пехотная дивизия, дивизион танков, броневых автомобилей и 4 бронепоезда) прорвать фронт противника и, развивая наступление вдоль железной дороги Сарепта – Царицын, овладеть Царицыном с юга.

1му Кубанскому корпусу, выделив часть сил для обеспечения маневра с севера, наступать в общем направлении на хутор Россошинский – Гумрак, дабы прижать противника к Волге и отрезать ему путь отхода на север.

Начало общего наступления с рассветом 16го июня».

Наступление белых началось в ночь на 16 (29) июня вдоль железной дороги от деревни Копани. Западнее железной дороги наступали четыре танка и три бронеавтомобиля. Непосредственно за ними наступали только что прибывшая на фронт 7я пехотная дивизия и отряды пластунов.

По железной дороге двигалась колонна бронепоездов. Первым шел бронепоезд «Орел» в составе трех орудийных и одной пулеметной бронеплощадок. Дальше находился легкий бронепоезд Донской армии «Атаман Самсонов» и за ним тяжелый бронепоезд «Единая Россия». Бронепоезд «Вперед за Родину» был оставлен в резерве на станции Сарепта. Пройдя две версты от семафора станции Сарепта до линии цепей белых, бронепоезд «Орел» был встречен сильным артиллерийским огнем советского бронепоезда «Товарищ Ленин», который стоял у станции Бекетовка. Однако под ответным огнем орудий бронепоезда «Орел» красный бронепоезд стал поспешно отходить дальше к северу, в сторону следующей станции Ельшанка. На советском бронепоезде были убиты его командир и механик. Бронепоезд «Орел» двинулся тогда вперед, оставив за собой части белых, и подошел к позиции красных, укрепленной проволокой. Под фланговым артиллерийским и пулеметным огнем бронепоезда красные были принуждены к отступлению в сторону станции Ельшанка.

Справа от железной дороги двигались части 3й Кубанской дивизии.

С воздуха белых активно поддерживала авиация. 23 июня (н. с.) три бригады бомбардировщиков ДН-9 впервые бомбардировали Царицын. Далее шесть ДН-9 ежедневно бомбардировали город, причем с 26 июня они совершали по два полета в день.

Кроме англичан наступавших поддерживал 1й Кубанский казачий авиаотряд. Выходивший в Новочеркасске журнал «Донская волна» сообщал в те дни своим читателям, что летчики этого отряда регулярно бомбили пристани и «большевистские кварталы» Царицына.

У красных в Царицыне было три самолета «Ньюпор-23» и два «Ньюпор-24». Вскоре число их сократилось до трех, так как два самолета столкнулись при рулежке.

24 июня красные получили пополнение в виде 4го авиаотряда, прибывшего из Моршанска. В его составе было три «Ньюпора23» и один «Сопвич». «Ньюпоры» существенно уступали «Де Хэвиллэндам» по

скорости и не могли перехватить их.

Зато 28 июня летчики 4го авиаотряда Загудаев и Чарпецкий сбили «Ньюпор-23» Кубанского авиаотряда. Аэроплан сел на брюхо на советской территории. Летчик капитан Гибер фон Грейфенфельд пытался бежать, но был застрелен красноармейцами.

Врангель писал: «Противник бежал частью на Царицын, частью в Воропоново. Брошенная для спасения положения со стороны станции Басаргино в направлении на Червленноразное красная конница, поддержанная двумя бронепоездами, успеха не имела. Наша конница, поддержанная бронеавтомобилями, отбросила красных. Конница генерала Шатилова заняла станцию Воропоново. На правом фланге 3я Кубанская дивизия при помощи бронепоездов овладела станцией и деревней Бекетовка и отбросила противника к станции Ельшанка.

Противник отошел на 2ю и последнюю укрепленную позицию, расположенную по высотам южнее и юго-западнее Царицына, по линии станция Ельшанка – село Ельшанка – Крутенькая. В то время как развивался бой на фронте ударной группы генерала Улагая, корпус генерала Покровского после артиллерийской подготовки перешел в наступление в общем направлении на Котлубань, но успеха достичь не мог. В 3 часа дня генерал Покровский вновь атаковал красных, прорвал фронт и совершенно разгромил противника, взяв 5000 пленных и 8 орудий, выйдя на фронт Карповка – Бабуркин, одновременно конные части 1го корпуса заняли хутор Вертячий. Около 5 часов вечера войска генерала Улагая вновь атаковали противника и после ожесточенного боя овладели станцией и селом Ельшанкой и станцией Садовой. Успеху атаки много способствовали наши аэропланы, бомбардировавшие войска противника. Неприятель отошел к самой окраине города.

К сожалению, генерал Улагай не воспользовался расстройством противника, чтобы на плечах его ворваться в город, и с темной наступление приостановил. За ночь противник успел оправиться и закрепиться. Я приказал на рассвете атаковать врага и во что бы то ни стало овладеть городом. Однако генерал Улагай все время ссылаясь на чрезмерное утомление людей и просил атаку отложить.

Наступил рассвет, противник продолжал лихорадочно укрепляться. Я на автомобиле лично проехал вперед, переговорил с генералом Улагаем и настоял на атаке. В пять часов вечера ударная группа снова двинулась в бой. 3я Кубанская и 7я пехотная дивизии при поддержке бронепоездов после жестокой схватки прорвали наконец фронт красных и ворвались в город. Одновременно с атакой Царицына конница генерала Шатилова

повела наступление на станцию Гумрак, овладела станцией и окончательно разгромила врага, пытавшегося здесь задержаться.

Разбитый на всех участках враг искал спасения в поспешном отступлении на север. (Кроме большого количества пленных, орудий и пулеметов мы захватили 2 красных бронепоезда “Ленин” и “Троцкий”, 131 паровоз и около 10 000 вагонов, из них 165 классных и 2085 груженых артиллерийскими и интендантскими грузами).

18го июня я отдал приказ:

Приказ Кавказской Армии № 57

18 июня 1919 года. Г. Царицын.

Славные войска Кавказской армии!

8го мая под станцией Великокняжеской вы разбили противника и погнали его к Царицыну.

С тех пор, в течение сорока дней, не зная отдыха, вы гнали врага. Ни безводье калмыцких степей, ни палящий зной, ни отчаянное сопротивление врага, к которому беспрерывно подходили подкрепления, не могли остановить вас.

В ряде жестоких боев вы разбили X и подошедшую XI армии противника и, подойдя к Волге, ворвались в логовище врага – Царицын...

За все эти сорок дней противник потерял 40 000 пленных, 70 орудий, 300 пулеметов; его бронепоезда, броневики и другая военная добыча попали в ваши руки.

Ура вам, храбрецы, непобедимые орлы Кавказской армии.

Слава о новых подвигах ваших пронесется как гром, и весть о ваших победах в родных станицах, селах и аулах заставит гордостью забиться сердца ваших отцов, жен и сыновей.

Генерал Врангель.

19го утром я прибыл в Царицын и прямо с вокзала поехал в собор. Огромная толпа народа заполнила храм, площадь и прилегающие к ней улицы. Престарелый епископ Дамиан за несколько дней до нашего прихода должен был бежать и скрывался где-то на окраине города. Служил настоятель собора, освобожденный из тюрьмы нашими войсками. Во время службы и он, и большинство присутствующих плакали. По окончании богослужения я вышел на площадь и обратился к населению, приветствуя граждан с их освобождением и обещая защиту и покровительство армии.

В тот же день вечером прибыл в Царицын Главнокомандующий. Приняв почетный караул, он пригласил меня и начальника штаба в вагон.

Главкомандующий благодарил нас и расспрашивал о подробностях дела.

– Ну что, как теперь настроение? Одно время было, кажется, неважным, – улыбаясь, спросил меня генерал Деникин.

– Так точно, ваше превосходительство, – нам было очень тяжело.

– Ничего, ничего, теперь отдохнете.

К приезду Главкомандующего я с генералом Юзефовичем составили подробный доклад, предлагая дальнейший план действий. Впредь до завершения операции войск генерала Эрдели, – овладение Астраханью и нижним плесом Волги, что дало бы возможность войти в реку нашей Каспийской флотилии, – дальнейшее наступление на север, при отсутствии меридиональных дорог и необеспеченности тыла армии, представлялось трудно выполнимым.

Безостановочное, стремительное наступление Донской и Добровольческой армий, при чрезвычайной растяжке нашего фронта, при полном отсутствии резервов и совершенной неорганизованности тыла, представлялось опасным. Мы предлагали Главкомандующему временно закрепиться на сравнительно коротком и обеспеченном на флангах крупными водными преградами фронте Царицын – Екатеринослав и, выделив из Кавказской армии часть сил для действия в юго-восточном направлении, с целью содействия Астраханской операции, сосредоточить в районе Харькова крупную конную массу 3—4 корпуса. В дальнейшем действовать конной массой по кратчайшим к Москве направлениям, нанося удары в тыл красным армиям. Одновременно организовывать тыл, укомплектовывать и разворачивать части, создавать свободные резервы, строить в тылу укрепленные узлы сопротивления. Все эти соображения мы изложили каждый в отдельном рапорте, которые и вручили Главкомандующему. Генерал Деникин, выслушав нас и принимая от нас рапорты, усмехнулся:

– Ну, конечно, первыми хотите попасть в Москву.

Отпуская нас, Главкомандующий сказал, что завтра будет иметь случай с нами переговорить.

На следующее утро генерал Деникин присутствовал на торжественном богослужении и принял парад войскам. После парада он пригласил меня и генерала Юзефовича в вагон и здесь, в присутствии генерала Романовского, прочел нам свою директиву:

Вооруженные Силы Юга России, разбив армии противника, овладели Царицыном, очистили Донскую область, Крым и значительную часть губерний Воронежской, Екатеринославской и Харьковской.

Имея конечной целью захват сердца России – Москвы, приказываю:

1. Генералу Врангелю выйти на фронт Саратов – Ртищево – Балашов, сменить на этих направлениях донские части и продолжать наступление на Пензу, Рузаевку, Арзамас и далее на Нижний Новгород, Владимир и Москву.

Теперь же отправить отряды для связи с Уральской армией и для очищения нижнего плеса Волги.

2. Генералу Сидорину – правым крылом, до выхода войск генерала Врангеля, продолжать выполнение прежней задачи по выходу на фронт Камышин – Балашов. Остальным частям развивать удар на Москву в направлениях: а) Воронеж, Козлов, Рязань и б) Новый Оскол, Елец, Волово, Кашира.

3. Генералу Май-Маевскому наступать на Москву в направлении: Курск, Орел, Тула. Для обеспечения с запада выдвинуться на линию Днепра и Десны, заняв Киев и прочие переправы на участке Екатеринослав – Брянск.

4. Генералу Добrorольскому выйти на Днепр от Александровска до устья, имея в виду в дальнейшем занятие Херсона и Николаева.

5. Генералам Тяжельникову (командующий войсками Черноморской области) и Эрдели продолжать выполнение ранее поставленных задач.

6. Черноморскому флоту содействовать выполнению боевых задач генералов Тяжельникова и Добровольского и блокировать порт Одессу.

7. Разграничительные линии: а) между группой генерала Эрдели и Кавказской армией – прежняя; б) между Кавказской и Донской армиями – Калач, граница Донской области, Балашов, Тамбов, Моршанск, все пункты для Донской армии; в) между Донской и Добровольческой армиями – Славяносербск, Старобельск, Валуйки, Короча, Щигры, Верховье, Узловая, Кашира – все пункты для Донской армии; г) между Добровольческой армией и 3 м корпусом – северная граница Таврической губернии – Александровск.

8. Железная дорога Царицын – Поворино – Балашов предоставляется в общее пользование Кавказской и Донской армиям.

9. О получении донести.

Царицын, 20 июня 1919 года.

Нр 08878.

Генерал-лейтенант Деникин.

Начальник штаба генерал-лейтенант Романовский.

Директива эта, подучившая впоследствии название “Московской”,

являлась одновременно смертным приговором армиям Юга России. Все принципы стратегии предавались забвению. Выбор одного главного операционного направления, сосредоточение на этом направлении главной массы сил, маневр – все это отсутствовало. Каждому корпусу просто указывался маршрут на Москву.

Прослушав директиву, мы с генералом Юзефовичем буквально остоленели. Сам генерал Деникин был Московской директивой, видимо, очень доволен. Закончив чтение, он весело добавил:

– Да, вот как мы стали шагать. Для этой директивы мне пришлось взять стоверстную карту.

Мне и поныне непонятно, как мог этот документ выйти из-под пера генерала Деникина.

Я доложил Главнокомандующему о том, что части мои после тяжелого трехсотверстного похода по пустыне и сорокадневных напряженных боев окончательно истомлены, и просил дать возможность армии хоть немного передохнуть. Главнокомандующий согласился:

– Конечно, ведь до выхода донцов к Камышину в вашем распоряжении будет, вероятно, недели две. Вам только следует не задерживать переправы тех частей, которые вы пошлете на левый берег.

Тут же Главнокомандующий отдал распоряжение о возвращении в Добровольческую армию 7й пехотной дивизии и направлении туда 2й Терской казачьей дивизии, Осетинского конного полка и пластунских Терских и Осетинского батальонов, взамен коих мне высылалась 2я Кубанская пластунская бригада. Наши части, преследуя разбитого противника, уже к вечеру 19го июня, сбив неприятеля с высоты северного берега реки Пичуга, овладели посадом Дубовка. Я приостановил дальнейшее преследование, выслав для сохранения связи с противником небольшие конные части. На левый берег Волги я наметил переправить 3ю Кубанскую казачью дивизию генерала Мамонова.

В тот же день генерал Деникин с чинами моего штаба обедал у меня. Во время обеда я провозгласил тост за здоровье Главнокомандующего. Генерал Деникин, отвечая мне, подчеркнул значение сегодняшнего дня.

– Сегодня мною отдан приказ армиям идти на Москву».

Я умышленно привел длинную цитату из записок барона, дабы показать быструю эволюцию его «стратегии». То он требует и получает лучшие силы для штурма Царицына и требует еще большие силы для похода на Москву. И вот теперь, получив «триумф» в Царицыне, Врангель сразу же вспомнил об «отсутствии меридиональных дорог» и предложил двинуться с лучшими частями своей армии в Харьков и уже оттуда идти на

Москву.

Ну а генерал Эрдели пусть берет Астрахань, «что дало бы возможность войти в реку нашей Каспийской флотилии». Ну и стратег! Он хоть представлял себе осадку белых крейсеров, переделанных из каспийских товаро-пассажирских и наливных судов? Эти суда и в мирное-то время в Волгу не заходили, а перегружали свои товары и нефть на мелкосидящие волжские пароходы и баржи на 12футовом рейде Астрахани, то есть не доходя верст 20—30 до города.

Ну и наконец стоит пару слов сказать о молебнах, которые так обожал наш барон. Западные и отечественные профессиональные антикоммунисты уже 80 лет льют крокодильи слезы по убиенным и посаженным в тюрьмы деятелям церкви. Как мы знаем, Корнилов, Деникин, Врангель и другие белые генералы беспощадно вешали штатских большевистских агитаторов. А почему большевики должны были иначе относиться к попам, служащим молебны в честь Врангеля и призывавшим верующих к вооруженной борьбе с советской властью?

Для атеистов-большевиков попы, ксендзы, муллы и ламы были такими же пропагандистами и мятежниками.

Замечу, что и наши сверхнабожные цари из династии Романовых тоже постоянно убивали и мучили деятелей церкви. Так, Алексей Михайлович вешал за ребро монахов Соловецкого монастыря. Уже при Петре I сожгли на костре протопопа Аввакума. А Екатерина Великая велела навечно заточить в каземате Ревельской крепости архиепископа ростовского Арсения. Она же отправила на вечную каторгу несколько попов, служивших молебны в честь Емельяна Пугачева.

Ну а в годы Первой мировой войны сотни, если не тысячи священнослужителей различных конфессий были расстреляны британскими, германскими, австрийскими и русскими (!) генералами.

Еще раз повторяю, я не за красных и не за белых. Мои родственники не участвовали в Гражданской войне. Предки по отцу – дворяне – сидели тихо всю войну в «незалежной» Грузии, а предки по матери – крестьяне – в селе Барышово Гжатского уезда. Воевали лишь два брата моего деда Василия Дмитриевича Широкограда, причем на стороне белых. Сам же мой дед не был трусом, он воевал на Турецком фронте на бронепоезде, в проектировании которого принимал участие. А вот стрелять в соотечественников не захотел.

Ни я, ни мои родители никогда не состояли в КПСС. Но меня тошнит от вранья и шулерских повадок наших либералов и «ура-патриотов» белогвардейского толка.

Глава 9

Царицынские страдания барона

Белым крупно повезло, что летом 1919 г. Волга сильно обмелела. В связи с этим глубокоосидающие суда Астрахано-Каспийской флотилии были отправлены вверх по Волге на ремонт. В частности, после падения Царицына крейсера «Красное Знамя» и «Ильич» были отправлены на перевооружение и ремонт в Саратов, куда и пришли 14 июля 1919 г. Больше в боевых действиях в кампанию 1919 г. крейсера «III Интернационал» («Дело»), «Красное Знамя» («Коломна») и «Ильич» («Бамбак») не участвовали. Осень и зиму они провели в Паратовском затоне у Казани. Эсминец «Яков Свердлов» провел осень и зиму в Саратове. Выше Саратова зимовали эсминцы «Туркменец Ставропольский», «Прыткий», «Ретивый», «Прочный», а также подводные лодки «Минога», «Макрель», «Касатка» и «Окунь». Все они после 1 июля 1919 г. в боевых действиях не участвовали.

Вообще говоря, при защите Царицына наши военморы действовали в целом безграмотно. Через 23 года, в ноябре – декабре 1942 г., канонерки Волжской флотилии на таких же буксирах и с такими же орудиями наводили страх на немцев. Канонерки находились на Ахтубе, за островом Сарпинским и ниже его. Они простреливали не только весь Сталинград, но и десятикилометровую зону на правом берегу Волги длиной около 70 км. Замечу, что при огромной огневой и воздушной мощи немцев в течение всей Сталинградской битвы не было потеряно ни одной канонерской лодки.

Надо ли говорить, что если бы командование обеих флотилий вовремя сосредоточило достаточное число кораблей у Царицына, Врангель не только не взял бы город, но и драпал бы до самой Кубани.

Видимо, кто-то намекнул об этом барону, и 21 июня (4 июля) Зя Кубанская дивизия выше Царицына форсировала Волгу и заняла село Средне-Ахтубинское, примерно там, где в 1942 г. будут стоять канонерские лодки «Чапаев» и «Усыкин». Попы, как положено, встретили белых колокольным звоном.

Советская 10я армия отступала от Царицына к Камышину по правому берегу Волги. Врангель приказал преследовать ее 1му Кубанскому корпусу. Кубанцы 22 июня (5 июля) овладели селом Балыклей. Но через два дня в районе острова Большой Варкин белые были остановлены частями 10й армии.

Предпринятые в последующие дни так же безуспешные атаки с фронта и фланга укрепленной красными позиции выяснили невозможность овладеть Камышиным силами одного лишь 1го корпуса. Врангель решил выдвинуть на поддержку генерала Покровского 4й корпус.

27го июня армии была дана директива:

а) 1му Кубанскому корпусу генерала Покровского, протянув свой левый фланг до реки Иловли, временно, до выхода 4го корпуса на указанную ему линию, – перейти к активной обороне;

б) 4му корпусу (1я конная и Сводно-горская дивизии) под командой генерала Успенского (генерал Топорков еще не прибыл из Добровольческой армии), выйдя через деревни Грязная – Зензеватка к реке Иловля, развернуться между этой последней и рекой Медведицей на фронте Гусевка – Даниловка, имея задачей в дальнейшем наступлении выйти на фронт Камышин – Красный Яр;

в) 2му Кубанскому корпусу (2я Кубанская дивизия и 9й пластунский батальон) под командой генерала Говорущенко, оставаясь в резерве командующего армией, перейти в район Дубовки.

Продвижение армии вперед при отсутствии меридиональных железных дорог в тылу армии чрезвычайно затрудняло снабжение. Для подвоза белые могли пользоваться лишь рекой Волгой. Для обеспечения движения белой транспортной флотилии на восточный берег реки был выделен небольшой отряд 1го Кубанского корпуса, который по переправе через Волгу 28 июня занял Балыклейские хутора.

Овладев Царицыным, Врангель решил обзавестись собственным флотом. Однако красным удалось увести все пароходы из Царицына, и трофеями белых стали лишь четыре паровых катера и двадцать несамоходных барж. Врангель попытался перевести пять малых буксиров с Дона. В июле была создана собственная военная флотилия, состоявшая из десятка катеров, перевезенных по железной дороге с Черноморского флота. Наиболее боеспособными были «катера-истребители» – моторные катера водоизмещением около 15 тонн, со скоростью 15—18 узлов, вооруженные одной-двумя пушками калибра 37—47 мм. Командовал врангелевской флотилией капитан 1-го ранга А.Н. Заев.

Сам Врангель все это время оставался в Царицыне, занятый наведением нового порядка.

«Все эти дни мне пришлось работать не покладая рук; помимо оперативных распоряжений у меня был целый ряд забот по гражданскому управлению части Саратовской и Астраханской губерний. Под рукой не было никакого организованного аппарата. За продолжительное

владычество красных была уничтожена подавляющая часть местных интеллигентных сил, все приходилось создавать сизнова. Исправляющим должность Саратовского губернатора был назначен полковник Лачинов, бывший кавалергард, затем адъютант наместника Кавказа, одно время помощник губернатора Батумской области. Сообщая мне об этом назначении, генерал Деникин упомянул, что имел в виду сделать мне приятное, так как знает о близких моих с Лачиновым отношениях. Видимо, кто-то из лиц, выдвигавших Лачинова, ввел Главнокомандующего в заблуждение. Я знал Лачинова лишь по непродолжительной службе в одной бригаде молодыми офицерами. Он прибыл с несколькими лицами своего управления в Царицын на следующий день после отъезда Главнокомандующего. Как показало дальнейшее, он оказался не в состоянии справиться со своим делом. Астраханским губернатором был назначен Б.Е. Крыштафович, по прежней своей службе хорошо знавший Астраханское войско. Подведомственная ему область пока ограничивалась лишь частью Черноярского уезда. В Царицын прибыл и Астраханский атаман Ляхов, честный и скромный человек. По приглашению его я посетил станицу Верхнецарицынскую, первой из астраханских станиц освобожденную от красного ига. Станичный сбор поднес мне звание почетного казака.

Город Царицын, Красный Верден, как называли его большевики, оказался в ужасном состоянии. Все мало-мальски состоятельное или интеллигентное население было истреблено, магазинов и лавок не существовало. Зимой в городе свирепствовали страшные эпидемии, смертность была огромной, умерших не успевали хоронить, трупы сваливались в овраге у городской тюрьмы. По словам жителей, в овраге свалено было до 12 000 трупов. С весной трупы стали разлагаться, зловоние стояло на несколько верст кругом. Я отдал распоряжение сформировать рабочие команды из пленных и засыпать овраг. Работа длилась целую неделю. Улицы города представляли собой свалочное место. Одних конских трупов было вывезено из города и пригородов более 400. Уже через несколько дней по нашем приходе город стал оживать. Улицы наполнились народом. С левого берега Волги понавезли всякой живности и зелени. Продукты быстро падали в цене. Постепенно стали открываться магазины».

Получается любопытная картинка. Во всех городах, занятых ВСЮР в 1919 г., цены резко шли вверх, усиливалась инфляция. А у нашего барона все наоборот.

На самом деле в Царицыне белые устроили большой погром.

Кооперативы были разграблены. Под видом розыска казенного имущества шли повальные обыски среди рабочих и простых обывателей. Естественно, бравые казаки опознавали как казенное имущество все, что им приглянулось.

Несколько десятков улиц, особенно улица Яблокова, украшали десятки виселиц. Казненные висели на площади вокзала и на железнодорожных платформах. Однако перевешать всех подозреваемых было слишком хлопотно, и начались массовые расстрелы на реке Царице, за «кирпичным оврагом» и в ряде других мест.^[51]

Любопытно, что 14 октября 1998 г. на научной конференции «Актуальные проблемы истории Царицына» выступил В.Д. Зимин, доктор исторических наук, преподающий в Волгоградской академии Государственной службы, с докладом «Белое движение в поисках национального консенсуса».

Барон любил расставлять консенсусы по центральным улицам Царицына. Всего по советским данным в городе было повешено и расстреляно свыше 3,5 тысячи человек.

«29го июня в Петров день был у меня официальный обед для епископа, начальников губернии, представителей администрации и города. В тот же день вечером я выехал в Екатеринодар. Я хотел добиться присылки мне наконец кубанских пополнений.

Главнокомандующий принял меня в присутствии генерала Романовского. Я доложил о ничтожном боевом составе полков, отсутствии необходимых пополнений, указал, что общая численность войск, входящих в состав армии, столь незначительна, что совершенно не оправдывает существование многочисленных штабов, и что если части не будут пополнены, то казалось бы необходимым свести некоторые из них вместе, расформировать ряд штабов и самую армию свести в корпус».

Очень странно. Барон освободил от злодеев большой город, бьют колокола, народ ликует, дамы цветочки кидают. Казалось бы, десятки тысяч горожан, казаков и поселян из окрестных станиц огромными толпами начнут осаждать белые штабы: возьмите нас бить красных извергов. А Петр Николаевич поехал побираться к Главкому: людишек нет, дайте еще кубанских казачков.

«Мне удалось получить согласие Главнокомандующего на оставление в составе армии впредь до завершения Камышинской операции 2й Терской дивизии и обещание присылки в ближайшее время формируемых на Кавказе Ингушской и Дагестанской конных бригад. Вместе с тем на время Камышинской операции ввиду общности задач, поставленных мне и

Донской армии и тесно связанных операций правофланговых моих и Донских частей, 1й донской отдельный корпус (3я и 4я пластунские и 10я и 14я конные бригады) был в оперативном отношении подчинен мне. 1й донской корпус занимал широкий фронт, имея ближайшей задачей занятие железнодорожного участка Красный Яр – Самойловка.

А.И. Пильц предложил мне на должность саратовского губернатора генерал-лейтенанта Ермолова, бывшего губернатора Дагестанской области. Не имея своего кандидата, я не возражал, и генерал Ермолов вскоре прибыл к месту службы.

Пробыв в Екатеринодаре 4 дня, я выехал в Царицын.

Немедленно по занятию Царицына я приказал выбрать позицию к северу от города и начать ее укрепление. Последняя должна была преграждать с севера подступы к Царицыну и к станции Гумрак, позволяя использовать в течение боев кольцеобразную железнодорожную сеть Царицынского узла. Уже через несколько дней рекогносцировка позиции была закончена. Начинаясь у Волги, к северу от балки Мокрая Мечетка, позиция тянулась по северному берегу этой балки, подходила к железнодорожной дороге к северу от станции Гумрак и, пересекая дорогу, давала станции Гумрак еще некоторое обеспечение с северо-запада. Балка Грязная, впадающая в Мокрую Мечетку, с севера делила позицию на два естественных участка. Ближайший тыл позиции, балка Мокрая Мечетка с лежащими на дне балки селами Городище и Уваровка, давал надежное укрытие от огня, но не был удобен для маневрирования. Я назначил начальником работ инженерных войск генерала Глаголева. Из пленных сформирован был ряд рабочих дружин. Лесные материалы и огромные запасы проволоки, брошенные красными при отходе, имелись на месте».

Итак, взяв Царицын, барон уже боится его уронить. А «демократическая пресса» Царицына с упоением расписывает взятие Саратова... Колчаком!

Рабочих и служащих Царицынского оружейного завода (будущий знаменитый завод «Баррикады») под угрозой расстрела заставили выйти на работу. Замечу, что в 1914—1919 гг. завод еще не изготовлял новых орудий. Но при красных с апреля 1918 г. по январь 1919 г. было отремонтировано 547 орудий, построено и вооружено 20 бронепоездов, отремонтировано 46 бронеавтомобилей и т. д.

Однако, к великому удивлению рабочих Орудийного завода, им пришлось не столько работать на белых, сколько заниматься демонтажем завода. День и ночь сматывались огромные бухты и грузились в вагоны. Были сняты особо ценные электрические приборы, электроштиты,

трансформаторы и т. д. Из кузницы были вывезены молоты (осталось только два). Была демонтирована самотаска, увезен весь подвижный транспорт.

В июле и августе более трехсот вагонов с награбленным имуществом Орудийного завода белые отправили на юг. В сентябре инженер Васильев и его подручные приступили к демонтажу нефтепровода и трубопровода.

Тут Врангель оказался на удивление прозорливым. Бежать все равно придется, а столь ценное оборудование, в большинстве своем импортное, можно и на Западе продать.

Но пока белые пытаются наступать.

«5го июля, узнав от перебежчиков, что расположенные в районе деревень Николаевка – Романов красноармейские части готовы при нашем наступлении сдать в плен, части 1й конной дивизии на рассвете зашли со стороны деревни Николаевки в тыл 12му советскому полку, который действительно после небольшого сопротивления целиком сдался в плен. Части дивизии стремительно двинулись на Рыбинское, где захватили в плен весь штаб 2й советской стрелковой бригады. Дивизия взяла в этот день свыше 1000 пленных, около 30 пулеметов и большой обоз.

Вплоть до 11го июля армия вела упорные бои, стремясь овладеть подступами к Камышину. 1й корпус сдерживал врага на фронте остров Большой – Варкин – Щепкин – Липовка; 4й, выйдя долиной реки Иловли во фланг и тыл неприятельских позиций, угрожал непосредственно Камышину. К противнику все время продолжали подходить свежие части. Я приказал 2му корпусу выдвинуться из моего резерва на присоединение к 1му. Части 2го корпуса начали 6го июля сосредотачиваться в Балыклее.

К вечеру 11го июля части армии, проведя перегруппировку, заняли исходное для атаки положение. Атака была назначена на рассвете 12го июля. Войскам ставилась задача: атаковать и разбить противника, стремясь прижать его к реке Волге и постараться овладеть Камышином. Войска расположились: 1й корпус – против укрепленной позиции противника, тянувшейся от берега Волги через Варкин, Щепкин на Липовку. 2й корпус у Балыклеи, 4й корпус на правом берегу Иловли на фронте Рыбинское – Романов, уступом впереди левого фланга 1го корпуса.

В то время как части армии готовились к нанесению противнику решительного удара под Камышином, отряд 1го корпуса, занявший 28го июля на левом берегу Волги хутора Балыклейские, успешно продвинулся вперед. Однако 2го июля противник, перейдя в наступление, оттеснил отряд. Последний понес большие потери и, теснимый противником, стал быстро отходить на юг. 6го июля он был уже у Водяного. Быстрый отход

левогобережного отряда 1го корпуса обнажил фланг нашей Камышинской группы и создал угрозу тылу 3й Кубанской дивизии, удачно продвигавшейся к юго-востоку и успевшей овладеть уже посадом Царев и Капустиным Яром. Разъезды 3й дивизии уже подходили к железной дороге Саратов – Астрахань.

Для обеспечения тыла Камышинской группы и 3й Кубанской дивизии на левый берег Волги в село Безродное спешно был переправлен отряд под командой полковника Львова, в составе батальона стрелкового полка 3й Кубанской дивизии, двух конных дивизионов, сформированных из добровольцев Заволжья, и одной батареи. Отряд полковника Львова, перейдя в наступление, уже 8го июля занял деревню Широкое и погнал противника далее на север.

На рассвете 12го июля части армии атаковали красных. Группа генерала Покровского (1й и 2й кубанские корпуса), стремительно атаковав противника с юга, сбила его на всем фронте его укрепленной позиции и погнала на север.

Преследуя красных, части группы уже к 12 часам вышли на линию Караваинка – Романовна – 6 верст северо-западнее Ежовки, захватив при этом более 1000 пленных, орудия и пулеметы, 4й конный корпус, совместно с 10й донской конной бригадой, имевшей задачей, действуя долиной реки Иловли в обход Камышинской группы противника с севера, нанести главный удар своим правым флангом, в 3 часа атаковал красных, занимавших позицию на высотах левого берега ручья Березовый, сбил их и стал преследовать на Саломатино – Таловку, которые и занял, захватив при этом более 2000 пленных, орудия и пулеметы.

13—14го июля бой под Камышином продолжался с тем же успехом.

Части группы генерала Покровского, тесня упорно сопротивлявшегося и старавшегося задержаться на каждом рубеже врага, отбросили его за реку Сестренку. 2я терская дивизия овладела железнодорожным мостом через реку Иловлю, заняла деревни Грязнуха и Ельховка, откуда продолжала преследование красных на Ельшанку. Бой отличался крайним ожесточением, красные дрались отчаянно, не сдаваясь в плен. Пленных было захвачено всего лишь около 500 человек.

В то же время 4й конный корпус, двигаясь из района Саломатино – Костарево, гнал перед собой противника долиною реки Иловли. 14го июля части корпуса заняли район Барановское – Кокушкин и продолжали движение на деревню Дубовку, стремясь перехватить все пути отхода к северу от Камышина.

10я донская конная бригада к тому же времени заняла деревню

Моисеево.

15го июля под сокрушительными ударами генерала Покровского пал Камышин.

Противник, окруженный со всех сторон и прижатый к Волге, искал спасения в бегстве. Многие его части были почти полностью уничтожены (в 3дневную операцию под Камышином было взято около 13 000 пленных, 43 орудия и много пулеметов. В Камышине было захвачено 12 паровозов, более 1000 вагонов, большое количество снарядов и патронов, 3 вагона шанцевого имущества и другие большие запасы)».

Тут Врангель сравнительно верно описывает ход военных действий, но существенно преувеличивает потери красных. Замечу, что к 15 июля (н. с.) 10я армия имела всего 26 тысяч штыков и сабель при 132 орудиях, разбросанных на широком фронте Елань – Камышин длиной свыше 145 км.

Как уже говорилось, из-за ухода вверх по Волге кораблей Северного отряда Астраханско-Каспийской флотилии 10я армия лишилась поддержки судовой артиллерии. Еще 31 июля 1919 г. Троцкий приказал объединить Астраханско-Каспийскую и Волжскую флотилии в одну Волжско-Каспийскую флотилию.

Первоначально с Камы к Камышину пришли канонерки «Карл Маркс» и «Лейтенант Шмидт». 16—18 июля «Карл Маркс» обстреливал войска противника в районе выше села Балыклей. Туда же прибыла и баржа-авиатранспорт «Коммуна», шедшая на буксире парохода «Самородок». Кроме того, на «Самородке» имелся привязной аэростат для корректировки артогня.

Речной авиаотряд красных включал в себя двенадцать летающих лодок (М-5, М-9 и М-20) и три истребителя «Ньюпор». 16 июля состоялся первый вылет гидросамолета флотилии. Он бомбардировал деревню Быково.

24 июля к Северной части Волжско-Каспийской флотилии присоединились канонерские лодки «Авангард Революции» и «Стенька Разин», а также сторожевое судно «Борец за Свободу».

31 июля 1919 г. в строй Северной части Волжско-Каспийской флотилии вступили шесть канонерских лодок литеры «Б». Они представляли собой колесные буксирные пароходы, мобилизованные на Средней Волге в июне 1919 г.

Канонерки «Бурный» и «Бедовый» были вооружены четырьмя 75/50мм пушками. Канонерки «Бдительный» и «Буревестник» имели по четыре 76мм зенитных пушки Лендера, «Бесстрашный» и «Беспощадный» – по четыре 102/60мм пушки (позже одну пушку демонтировали). Две последние канонерки пришли на фронт 18 августа, а

остальные – 30 августа.

Пока 1й Кубанский корпус наступал на Камышин, 1й Донской корпус Кавказской армии попытался овладеть Астраханью. На левом берегу Волги генерал Мамонтов, успешно продвигаясь вперед, 30 июля (н. с.) овладел Владимировкой и станцией Ахтуба, выйдя на железную дорогу. Его разъезды в районе станций Эльтон и Шунгай взорвали железнодорожную линию Саратов – Астрахань и захватили один эшелон следовавших к Астрахани пополнений.

23 июля 1919 г. из Волжско-Каспийской флотилии был выделен специальный Верхнеастраханский отряд кораблей под командованием А.К. Векмана, бывшего капитана 2-го ранга царского флота, у красных он дослужился до вице-адмирала. Отряд базировался на Владимировку и Черный Яр.

Против Верхнеастраханского отряда действовал новый британский авиаотряд. Эти ДН-9 прибыли к Врангелю в начале июля. Англичане базировались на аэродроме в Бенетовке. 30 июля в ходе бомбардировки Черного Яра ружейным огнем с земли был сбит один из «Де Хэвиллэндов». 5 августа пять ДН-9 три раза бомбили Черный Яр, сбросив в общей сложности 67 бомб.

К 15 августа 1919 г. в составе красной 11й армии насчитывалось 14,2 тыс. штыков, 3,2 тыс. сабель, 40 орудий, два бронепоезда, два броневика и семь аэропланов.

В начале сентября части 11й армии контратаковали белых. 4 сентября на правобережном участке ударная группа заняла Вязовку. 5 сентября две бригады 34й стрелковой дивизии заняли хутора Каменный и Каменный Яр. После трехдневного затишья бой разгорелся с новой силой. 9 сентября полки 50й стрелковой и 8й кавалерийской дивизий заняли Солодники. Успеху наступающих частей активно содействовали суда Верхнеастраханского отряда. С целью отвлечь внимание противника от Царицына ударные части 298го полка перешли в наступление на кизлярском направлении, но были вынуждены отойти под нажимом численно превосходящих сил противника.

Однако Врангель перебросил туда 3ю Кубанскую дивизию под командованием генерала Бабиева.

Врангель писал:

«Рядом успешных боев генерал Бабиев отбросил противника в укрепленный Черноярский лагерь. Часть его конницы, обойдя Черный Яр с юга, вышла к Волге на участке Грачевская – Соленое Займище. С 1го по 10е сентября (с 14 по 23 сентября по старому стилю) части генерала

Бабиева захватили 3000 пленных, 9 орудий и 15 пулеметов. Черноярская группа красных потеряла свою активность».

Отступавшие красные части были окружены в районе Черного Яра. Они закрепились и при содействии судов флотилии оказывали упорное сопротивление. Установленная на правом берегу Волги в районе Соленого Займища батарея белых преградила сообщение по реке с окруженными войсками.

26 сентября белые начали наступление на Черный Яр. От огня белой батареи был разбит буксир красных и сгорели две баржи с нефтью. Бомба с аэроплана белых попала в корму плавбатарей № 2, один человек убит, 8 ранено.

27 сентября белые захватили исправный вооруженный пароход красных «Братья Сафоновы». ^[52]

В районе Черного Яра остались вооруженные пароходы (канонерские лодки):

«Бела Кун» (до 4 сентября 1919 г. «Адлер», до 8 февраля 1919 г. «Вега»), «Товарищ Маркин» (до 1 июля 1919 г. «Слуга Покорный») и «Карл Маркс» (до 5 мая 1919 г. «Марк»), а также плавбатарея № 2 (до 26 мая 1919 г. № 3, бывшая баржа «Золотая рыбка», плавбатарея была вооружена двумя 152/45мм, одной 76мм и одной 37мм пушками, и двумя пулеметами).

Командующий Волжско-Каспийской флотилией Раскольников приказал считать эти суда Верхнеастраханским отрядом, а суда, действовавшие ниже Соленого Займища – Среднеастраханским отрядом. Командовать этим отрядом был назначен В.А. Арский.

1 октября три аэроплана белых бомбили суда Волжско-Каспийской флотилии. На перехват вылетели два красных истребителя «Ньюпор». В воздушном бою один «Ньюпор» был сбит, белые же потерь не имели.

3 октября с 6 до 11 часов белая авиация произвела три налета на суда обоих отрядов. Авиабомбами был потоплен вооруженный пароход «Демагог» (бывший «Иосиф»), повреждены «Маркин» и «Бела Кун».

4 октября красные части взяли Соленое Займище, а 5 октября Верхнеастраханский и Среднеастраханский отряды флотилии воссоединились.

Глава 10

Бои на Кубани

Главным фронтом Кавказской армии Врангеля по-прежнему оставался Северный. Врангель писал:

«Напрягая крайнюю энергию, красные в середине июля успели сосредоточить в Саратове большую часть своей 2й армии. Силы, коими располагал противник, достигали 40 000, превосходя численностью мою армию во много раз. Результаты ошибочной стратегии главного командования начинали сказываться. Предложенный мною по освобождению Северного Кавказа план – освободившиеся по завершению Кавказской операции наши силы использовать на Царицынском направлении, дабы соединиться с силами адмирала Колчака, – был Главнокомандующим отвергнут. Вместо этого Кавказская армия была переброшена в Донецкий бассейн. Сложившаяся независимо от нас общая обстановка вынудила нас в конце апреля сосредоточить значительные силы на Царицынском направлении, но драгоценное время было уже потеряно, противник получил возможность, действуя по внутренним операционным линиям, сосредоточить свои силы на Восточном фронте, разбить армии Верховного Правителя и освободившимися силами обратиться на нас».

Тут нельзя не сделать ряда замечаний. О невозможности соединения с войсками Колчака уже говорилось, сей адмирал в августе находился уже за Уралом. Кавказскую же армию у Врангеля Деникин не отнимал, а лишь перебросил несколько частей в центр России.

А теперь вновь вернемся к запискам барона:

«25го июля я на автомобиле с начальником штаба выехал в Камышин. Чем далее продвигались мы на север от Царицына, тем более местность представляла собой характерные черты средней полосы России. Вид деревенских построек, характерный великорусский говор крестьян, все это резко отличалось от Кавказа и Задонья.

26го вечером мы выехали из Камышина по железной дороге до станции Неткачево, откуда проехали в деревню Грязнуха, где находился штаб генерала Покровского. Осмотрев расположенные в резерве части, мы проехали с генералом Покровским в Каменный овраг к генералу Топоркову. Я хотел совместно с начальником штаба и командирами корпусов обсудить общее положение. Последнее складывалось для нас весьма

неблагоприятно. Значительно усилившийся, превосходящий нас во много раз численностью противник должен был ежечасно перейти в наступление, и наши части должны были неминуемо быть отброшены к югу. Единственный наш коммуникационный путь – Волга – был под ударами врага. Наша транспортная флотилия состояла всего из двух захваченных нами в Царицыне буксиров, весьма слабой силы. На своевременный подход подкреплений рассчитывать было нельзя. При значительном удалении от базы и отсутствии путей подвоза артиллерийское снабжение пришло в расстройство. Вплоть до Царицына подготовленных узлов сопротивления не было. Войска, отброшенные к югу, неминуемо должны были сотни верст катиться назад. Имей мы силы продолжать наступление и атаковать противника в Саратове, не дав ему закончить сосредоточение, обстановка могла бы круто измениться в нашу пользу. Однако в настоящих условиях об этом нечего было и думать. Не только продолжать наступление, но и рассчитывать продолжительное время удержаться на настоящих позициях мы не могли. Надо было думать лишь о том, чтобы сберечь армию впредь до прибытия подкреплений и возможности с помощью их перейти в контрнаступление.

На военном совещании 27го июля было принято решение в случае перехода противника в общее наступление избегать решительных боев и медленно отходить, задерживаясь на каждом рубеже, лишь нанося короткие удары врагу, с целью выигрыша времени.

27го июля я вернулся в Камышин, откуда телеграфировал Главнокомандующему:

“Противник продолжает спешно сосредотачивать части к Саратову: с Уральского фронта переброшена 22я стрелковая дивизия, из Нижнего Новгорода отряд волжских матросов, из Казани и Самары 16 легких и тяжелых батарей, прибыло из внутренних губерний шесть тысяч пополнения, за счет которых восстановлены вторая бригада второй дивизии и полностью 38я дивизия, сформированы в саратовском районе 2я бригада 34й дивизии, 5я отдельная стрелковая бригада и Николаевский батальон.

Обстановка повелительно требует полного использования камышинской победы и неустанного продвижения на Саратов, дабы не дать красным закончить сосредоточение и вырвать у нас инициативу. Однако полное расстройство снабжения вследствие невозможности иметь впредь до падения Астрахани водный транспорт, крайнее истощение частей Кавармии, сделавшей за три месяца с непрерывными боями более тысячи верст и огромный некомплект в единственно боеспособных кубанских частях исключает возможность дальнейшего продвижения Кавармии на

Саратов. На военном совете комкоров, собранном мною вчера в Каменном Овраге, дальнейшее продвижение на север единогласно признано невозможным. С болью в сердце вынужден отказаться от дальнейшего наступления Кавармии и отдать директиву Нр 01226. На поддержку северной группы Кавармии выдвигаю три полка 6й дивизии, прибытие которых на фронт могу ожидать не ранее 15го августа – части с тяжестями следуют походом.

Камышин 28 июля 1919 года

Нр 193/ш.

Врангель”.

Горькое чувство овладело мною. Я ясно отдавал себе отчет, что ошибочная стратегия Главнокомандующего неминуемо сведет на нет все наши военные успехи, достигнутые такой дорогой ценой. Второй уже раз успехи моей армии сводились на нет тем, что легшие в основу оперативного плана обещания Главнокомандующего передачи мне сил, необходимых для успешного завершения операции, не выполнялись. Сосредоточив все внимание на казавшемся ему главнейшим “Московском” направлении, главное командование уделяло Добровольческой армии все свои заботы. Нелады между Главнокомандующим и Кубанским правительством тяжело отражались на снабжении моих частей. Низшие органы штаба Главнокомандующего проявляли в отношении нужд далекой сердцу генерала Деникина Кавказской армии полную невнимательность.

29го июля я обратился к Главнокомандующему с официальным письмом».

Там содержалось уже прямое обвинение в адрес Главкома:

«До назначения меня командующим Кавказской армией я командовал теми войсками, которые ныне составляют Добровольческую, числящую в своих рядах бессмертных корниловцев, марковцев, дроздовцев. Борьба этих славных частей в Каменноугольном районе – блестящая страница настоящей великой войны. Безмерными подвигами своими они стяжали себе заслуженную славу... Вместе со славой они приобрели любовь Вождя, связанного с ними первым “ледяным походом”. Эта любовь перенеслась и на армию, носящую название “Добровольческой”, название, близкое Вашему сердцу, название, с которым связаны Ваши первые шаги на Великом Крестном пути... Заботы Ваши и Ваших ближайших помощников отданы полностью родным Вам частям, которым принадлежит Ваше сердце.

Для других ничего не осталось.

Разве это не так? В то время как Добровольческая армия, почти не встречая сопротивления в своем победоносном шествии к сердцу России, непрерывно увеличивается потоком добровольно становящихся в его ряды опаматовших русских людей, Кавказская армия, прошедшая за три последних месяца с непрерывными боями более тысячи верст и взявшая число пленных, в десять раз больше нежели она сама, истекая кровью в неравной борьбе и умирая от истощения, посылает на Добровольческий фронт последние свои силы. В то время как в рядах Добровольческой армии сражаются части, имеющие в своих рядах 70 % офицеров (7я пехотная дивизия), полки Кавказской армии ведут в бой есаулы, а сотни и роты – урядники и приказные. В то время как там, у Харькова, Екатеринослава и Полтавы, войска одеты, обуты и сыты, в безводных калмыцких степях их братья сражаются за счастье одной Родины – оборванные, босые, простоволосые и голодные. Чем виновны они? Неужели тем, что кучка негодяев одного с ними края, укрывшись в тылу, отреклась от общей матери – России?! Неужели ответственны за них те, кто кровью своей оросил путь от Черного моря до Каспия и от Маныча до Волги?!»

Тут барон ставит все с ног на голову. Возникает естественный вопрос, а какой черт тянул его к Царицыну? О скудности края, отсутствии железных дорог вдоль правого берега Волги, наличии двух красных речных флотилий и т. п. мы уже знаем.

Лично я уверен, что Деникин никогда не смог бы победить в Гражданской войне. Но определенный шанс взять Москву у Антона Ивановича был. В Добрармии имелись прекрасные офицерские полки, и, сосредоточив их на одном направлении удара, понятно, на московском, грамотно используя танки и артиллерию, осенью 1919 г. вполне можно было взять Москву. Это была не Первая мировая, а Гражданская война, когда эскадрон мог быть сильнее дивизии, четыре бронепоезда могли разгромить целую армию (взятие Баку в апреле 1920 г.) и т. д. Другой вопрос, что со взятием Москвы Гражданская война бы не закончилась, а лишь затянулась.

Как видим, Врангель страстно желает, чтобы Деникин наделал еще больше ошибок.

Еще раз повторяю, от Камышина до Саратова – голая степь с редкими населенными пунктами. В Саратове Врангель мало что нашел бы. А вот Деникин захватил многолюдные районы в Курской, Воронежской и Орловской губерниях. Там он мог получить пополнения в сотни тысяч человек, если бы конечно... за ним пошел народ.

В захваченных Добрармией городах все шло по полной программе – колокольный звон, иерархи церкви в золоченых рясах, «мамзели и дети-пузанчики кидали цветы и розанчики». Не было лишь толп добровольцев.

Первоначальные успехи Деникина объясняются, с одной стороны, рыхлостью красных частей, а с другой – желанием значительной массы обывателей поиграть в демократию, в эсеров, в меньшевиков, в анархистов. Характерный пример: в начале июня 1919 г. в занятом красными Севастополе было всего 100 коммунистов и от 400 до 500 сочувствующих. Многие еще не осознавали, что на дворе не 1917й, а 1919 год, и есть только две партии – белые и большевики. Тут генерал-лейтенант Деникин оказал огромную услугу товарищу Ленину, превратив в труху все партии болтунов-краснобаев – кадетов, эсеров, меньшевиков и др. Именно благодаря Деникину народ пошел к большевикам.

Но вернемся к боевым действиям армии Врангеля в районе Камышина. На левом фланге Южного фронта Реввоенсовет сформировал Особую группу В.И. Шорина, бывшего полковника царской армии. В состав группы вошли 9я и 10я армии, а также конный корпус Семена Буденного, всего 52,5 тыс. штыков и 14,5 тыс. сабель при 314 орудиях.

Тут я не могу удержаться, чтобы не упомянуть о боевом эпизоде, прекрасно иллюстрирующем стиль Гражданской войны. 7 августа 1919 г. части 1го Донского корпуса пытались отбить у красных село Печки примерно в 20 верстах от железнодорожной станции Поворино (восток Воронежской губернии). Там был сосредоточен отряд бронепоездов «Единая Россия», «Атаман Самсонов» и «Генерал Мамонтов» и отряд британских танков. После интенсивной артподготовки в атаку пошли ромбовидные танки. Красная пехота бросилась бежать. Белая пехота поднялась во весь рост и побежала... в противоположную сторону. Танки погонялись за большевиками, а затем тоже повернули назад. В итоге красные перешли в контрнаступление и отбили не только Печки, но и железнодорожную станцию Кардаил.

10 августа отряд судов Северной части Волжско-Каспийской флотилии отправился в рейд в тыл белых. 11 августа суда подошли к деревне Даниловка. В это время у «Авангарда Революции» полетела плица на гребном колесе. В деревне Нижняя Добрынка высажено 100 человек десанта. Прикрывать десант оставлены «Лейтенант Шмидт» и катер-истребитель.

Отряд дошел до южной оконечности острова Дубовский, откуда начал обстреливать железнодорожную станцию и город Камышин. Затем отряд вернулся в свою временную базу – деревню Золотое. Главной же базой

Северной части флотилии был Саратов.

14 августа суда флотилии вновь вышли в рейд и обстреляли деревню Банновка, у Даниловки отряд попал под обстрел батареи белых.

16 августа канонерки «Ваня Коммунист», «Троцкий» и «Лейтенант Шмидт», сторожевое судно «Борец за Свободу» и семь катеров-истребителей совершили рейд вниз по реке к селу Галкино, откуда обстреляли кавалерийские подразделения белых в районе сел Усть-Кулалинское – Добринка. А ночью была обстреляна кавалерия у Галкина.

В тот же день в Саратов пришли новые канонерские лодки «Бесстрашный», «Беспощадный» и «Буйный».

19 и 20 августа флотилия вновь обстреливала Камышин. Гидросамолет сбросил на город 4 пуда бомб.

Красные военморы захватили катера «Пчелка» и «Ястреб» из военной флотилии Врангеля. Любопытно, что эти катера раньше принадлежали ВМФ... Греции.

20 августа врангелевские войска оставили Камышин и отошли на рубеж река Сестренка – Белые Горки – Таловка – Саломатино. Врангель писал:

«9го (22) августа закончилась перегруппировка армии. Части 6й дивизии (Саратовский пехотный полк несколько времени тому назад был переброшен на левый берег Волги, в помощь отряду генерала Мамонова) вдвинулись в боевой порядок. Во главе 1го Кубанского корпуса (остатки 3й пластунской бригады, гренадерская бригада 6й дивизии, 4я Кубанская казачья дивизия, Сводно-Горская конная дивизия) стал генерал Писарев, сменивший заболевшего и эвакуированного генерала Покровского, 1й корпус продолжал отходить вдоль Волги и Саратовского большака. 1я конная дивизия, 1я и 2я кубанские дивизии и Ингушская конная бригада сосредоточились на левом фланге армии. Объединенная генералом Топорковым конная группа отходила в общем направлении вдоль реки Иловли и далее на станцию Котлубань. 9го августа начали прибывать первые эшелоны пластунов переданной мне, наконец, 2й Кубанской пластунской бригады...

Работы по укреплению Царицынской позиции значительно продвигались. Стрелковые окопы были большей частью закончены, хотя ходы сообщения не были еще готовы. Проволочные заграждения в 3—4 кола имелись перед всем фронтом, за исключением крайнего правого фланга, ближайшего к Волге».

12 (25) августа Врангель получил ответ от «деда» (так в штабах Добрамии звали Антона Ивановича):

«10 августа 1919 года.

№ 011686. На №3.

гор. Таганрог.

Милостивый Государь Барон Петр Николаевич!...»

В письме Деникин напомнил барону, что именно он 30 марта предложил сосредоточить Кавказскую армию на царицынском направлении: «Что касается технических средств, то артиллерии Вы имели вполне достаточно, так как сверх состоящей при Ваших дивизиях у Вас была одна, а затем направлена и другая гаубичные батареи 2й артиллерийской бригады, единственный тяжелый (с шестидюймовыми гаубицами) дивизион был в Вашей армии, к Вам же еще до Вашего приезда были направлены – прибывший авто-броневой дивизион и английский авиационный дивизион. Дальнейшее усиление могло произойти бронепоездами и танками, это усиление было обещано, но оно всецело зависело от восстановления жел. дороги. К моменту восстановления мостов через Сал и Есауловский Аксай эти средства были в Вашем распоряжении.

Вы недовольны, что Ваше предположение относительно Астраханской операции не получило одобрения.

Можно ли было начинать операцию на Астрахань в то время, как с севера против Кавказской армии сосредоточены были крупные силы.

Ведь поворот части наших сил на юг повел бы немедленно туда же и противника, и он ударил бы по нашим сообщениям, не только по Вашим, но и по Донским. На мои по этому поводу соображения Вы ответили, что, понятно, эту операцию можно предпринимать только после разбития Камышинской группы. Камышинская операция кончилась и теперь армия едва сдерживает фронт, можно ли при этих условиях серьезно говорить о повороте на Астрахань, и что было бы теперь, если бы этот поворот состоялся раньше.

Вопросы снабжения, как я уже отметил в начале письма, действительно у нас хромают, и Вы знаете, что вполне наладить это дело при общей разрухе промышленности, при расстройстве транспорта, при самостоятельности Кубани – выше моих сил. Все меры, какие возможно, принимаются. Но вместе с тем, Вы смотрите на довольствие трофейными снарядами как на нечто ненормальное. Нет, это вполне нормальное явление, и мы бы не могли существовать уже давно, если бы не имели этого источника.

Местные средства Вы, по-видимому, считаете тоже чем-то, что в

расчет идти не должно, так как, с одной стороны, пишете о продовольственных затруднениях, о том, что армия голодная, а с другой стороны, телеграфируете, что личные силы и средства недостаточны для того, чтобы в полной мере использовать богатства района (телеграмма Ваша генералу Санникову № 1447).

Какие же основания были у Вас бросить мне обвинение в особом благоприятствовании Добровольческой армии, какие конкретно данные Вы можете привести? Разве не исключительно стратегические соображения все время руководили мной? Ведь когда генерал Май-Маевский вел героическую, неравную борьбу в Донецком бассейне, у него взяли на Царицынское направление три дивизии, хотя Вы считали силы Добровольческой армии совершенно недостаточными. Была взята дивизия с Северного Кавказа, невзирая на протесты генерала Ляхова и Терского Атамана.

Неужели же теперь, когда перед нами огромная перспектива в виде Киева, Одессы, Курска, нам следует от них отказаться и гнать войска только к Саратову? Но Вы сами же писали, что теперь вопрос решается на Курском направлении (письмо от 18го июня с. г. № 0963).

Вы пишете, что в то время как Добровольческая армия, почти не встречая сопротивления, беспрерывно увеличивается притоком добровольно становящихся в ряды ее опомнившихся русских людей, Кавказская армия, истекая кровью в неравной борьбе и умирая от истощения, посылает на Добровольческий фронт последние свои силы.

Согласуется ли это, хоть в малейшей степени, с действительностью? Ведь под этими последними силами надлежит разуместь 2ю Терскую дивизию, едва насчитывающую 520 шашек, сведенную в бригаду и по Вашему отзыву и по отзыву Атамана совершенно небоеспособную, по крайней мере в семь раз меньшую в сравнении с теми силами, которые Вы рекомендовали взять из Кавказской армии. И Вы знаете, что в это же время к Вам идут шесть пластунских и стрелковых батальонов, четыре конных полка (не считая двух калмыцких полков).

Вы меня вините в том, что в Добровольческую армию поступают добровольцы, а Вас не укомплектовывают. Вы прекрасно знаете условия пополнения. Русские люди на Вашем пути такие же, как и на пути Добровольческой армии: в свое время, оценивая Царицынское направление, Вы их настроение предполагали даже лучше, чем в Малороссии. Ну а воздействовать на Кубань, к сожалению, в большей мере, чем я это делаю, не могу, не могу, равно как не могу их заставить брать к себе в полки “солдатских” офицеров».

На мой взгляд, переписка Врангеля и Деникина интересна в двух отношениях. Во-первых, она показывает уровень «полководческого мастерства» барона, даже по сравнению с «дедом». А во-вторых, переписка свидетельствует о полнейшем бардаке в верхах Добармии. Если бы генерал царской или советской армии написал письмо, отправленное Врангелем Деникину 29 июля 1919 г., то он как минимум был бы отстранен от командования, а то и арестован. Ни в одной армии мира главнокомандующий не вступал в переписку и не оправдывался перед нижестоящим начальником.

Ну и еще одна мелочь. Деникин, пусть невнятно, но признает, что население не хочет вступать в белую армию, не только в Царицыне у Врангеля, но и в центральной части фронта.

2 сентября суда Волжско-Каспийской флотилии высадили у Дубовки десант под командованием И.К. Кожанова – командующего десантными силами флотилии. Два аэроплана белых совершили налет на десант, убив двоих и ранив десятерых десантников. На судах было ранено 7 человек. «Троцкий» и «Борец за Свободу» пошли дальше до села Пичужинского, где были обстреляны батареей противника. На помощь им были посланы «Буйный» и «Бдительный».

Командарм 10й армии Л.Л. Ключев приказал 28й стрелковой дивизии при содействии Северной части Волжско-Каспийской флотилии начать наступление на Царицын и к вечеру 5 сентября занять город. Большая роль в этой операции отводилась десантному отряду флотилии под командованием Кожанова. Этот отряд моряков численностью в 1900 человек имел в своем составе кавалеристов (180 сабель), артиллерийский дивизион (6 орудий) на пароходе «Кашгар» и санчасть на пароходе «Матвей».

5 сентября отряд Кожанова захватил Орудийный и Французский заводы^[53] севернее Царицына, а также 4 английских орудия, взяв 750 человек пленных. Саратовский пехотный полк сдался в полном составе. Флотилия поддерживала кожановцев интенсивным артиллерийским огнем. Два белых самолета атаковали суда красных, в результате чего «Урицкий» и «Троцкий» получили повреждения и понесли потери в личном составе – один человек был убит и 8 ранено. В свою очередь два красных гидросамолета бомбили Царицын, сбросив на город 8 бомб.

Против десанта Врангель бросил все имевшиеся силы, включая собственный конвой. Царицын охватила паника. Снова процитирую «Записки»:

«Я приказал полковнику Скворцову атаковать матросов во фланг в

общем направлении на оружейный завод, стремясь отрезать прорвавшихся.

Отдав приказание полковнику Скворцову, я помчался в город. По улицам тянулись отходящие обозы, шли длинные транспорты раненых, обгоняя повозки, спешили в тыл кучки тянувшихся в тыл солдат, бежали испуганные, растерянные обыватели с узлами домашнего скарба... У помещения штаба стояли два грузовика, грузились последние телефонные и телеграфные аппараты. Тут же стояли поседланные, мои и начальника штаба, кони и несколько конвойных казаков. Генерал Шатилов отдавал распоряжения последним оставшимся еще в городе офицерам штаба; офицеры спешили на вокзал, где стоял еще готовый к отходу поезд штаба.

Приказав отправить штабной поезд на станцию Сарепта, а автомобилям штаба, проехав мост через реку Царицу, ожидать за мостом приказаний, мы с генералом Шатиловым сели на коней и в сопровождении нескольких ординарцев и конвойных казаков рысью направились к северной окраине города. Я решил в случае необходимости оставить город, отходить с войсками. Мы подъезжали к вокзалу, когда над городом прогудел снаряд. Снаряд ударил в один из железнодорожных пакгаузов, раздался взрыв, черный клуб дыма взвился над вокзалом. Пыхтя, отходил со станции поезд штаба. Другой снаряд ударил недалеко от нас в какой-то дом – деревянная постройка пылала... Стреляла прорвавшаяся с севера неприятельская флотилия.

Нам встретился конвоец с донесением. Конвойцы, спешившись, наступали на оружейный завод, противник отходил».

Следует заметить, что действия Волжско-Каспийской флотилии серьезно осложняла линия заграждения, выставленная белыми катерами.

6 сентября красные военморы были атакованы тремя полками 4й Кубанской дивизии и 3 м Кабардинским полком. Десант был уничтожен, пленные расстреляны на месте.

6—7 сентября под Царицыным шли упорные бои. Волжско-Каспийская флотилия обстреливала город, а британские самолеты бомбили флотилию. 25 августа к Царицыну прибыл танковый отряд.

На рассвете 8 сентября конная группа генерала Бабиева в составе 3й Кубанской и Сводно-Горской дивизий, взаимодействуя с танками, атаковала 28ю дивизию красных у хутора Безродненского. 28я дивизия избежала полного уничтожения только благодаря появлению со стороны села Орловки красной конной бригады Городовикова, прикрывавшей с юга отход своей пехоты и сохранившей полный порядок. Бригада эта оттеснила на запад малочисленные полки Горской дивизии, причем был убит герой

Кабарды полковник Заур-Бек-Серебряков. Подоспевшая 3я Кубанская дивизия отбросила конницу красных. Преследуемый Сводно-Горской и 4й Кубанской дивизиями, противник в большом расстройстве отошел за Пичугу и, хотя здесь наше преследование за утомлением коней приостановилось, продолжал безостановочно отступать к Дубовке. Некоторые пехотные части красных бежали за Дубовку.

Врангелевская пехота и 3я Кубанская дивизия остановились в районе Орловки. Врангель проехал к ним и поздравил войска с новой победой.

К вечеру в Орловку была оттянута 4я Кубанская дивизия. Там собралась вся группа генерала Писарева. Впереди, у Пичуги оставалась Сводно-Горская дивизия, ведшая разведку на Пичужинскую, Дубовку и Прудки.

По приказу Врангеля белые на северном участке фронта (20—40 км) перпендикулярно Волге перешли к обороне и приступили к строительству долговременных укреплений.

Завязались упорные бои. Красные по-прежнему пытались наступать, белые контратаковали, но фронт медленно приближался к Царицыну. Врангель писал:

«1го (14) октября я вернулся из Воропоново в Царицын. Противник продолжал изрядно обстреливать город. Один осколок попал в крышу моего вагона. Однако вскоре наша воздушная разведка обнаружила врага. Замеченные две шестидюймовые гаубицы были атакованы нашей эскадрильей. Удачными попаданиями метательных снарядов неприятельская батарея была приведена к молчанию».

Итак, барон сидит в Царицыне под обстрелом красной артиллерии. Хвалиться больше нечем. И он в «Записках» переходит к обличению Деникина и его подчиненных:

«В глубоком тылу Екатеринославской губернии вспыхнули крестьянские восстания. Шайки разбойника Махно беспрепятственно захватывали города, грабили и убивали жителей, уничтожали интендантские и артиллерийские склады.

В стране отсутствовал минимальный порядок. Слабая власть не умела заставить себе повиноваться. Подбор администрации на местах был совершенно неудовлетворителен. Произвол и злоупотребления чинов государственной стражи, многочисленных органов контрразведки и уголовно-розыскного дела стали обычным явлением. Сложный вопрос нарушенного смутой землепользования многочисленными, подчас противоречивыми приказами Главнокомандующего не был хоть сколько-нибудь удовлетворительно разрешен. Изданными в июне правилами о

сборе урожая трав правительством была обещана половина помещику, половина посевику, из урожая хлебов $\frac{2}{3}$, а корнеплодов $\frac{5}{6}$ посевику, а остальное помещику. Уже через два месяца этот расчет был изменен, и помещичья доля понижена до $\frac{1}{5}$ для хлебов и $\frac{1}{10}$ для корнеплодов. И тут в земельном вопросе, как и в других, не было ясного, реального и определенного плана правительства. Несмотря на то, что правительство обладало огромными неподдающимися учету естественными богатствами страны, курс денег беспрерывно падал, и ценность жизни быстро возрастала. По сравнению со стоимостью жизни, оклады военных и гражданских служащих были нищенскими, следствием чего явились многочисленные злоупотребления должностных лиц.

Взаимоотношения с казачьими новообразованиями не наладились. Так называемая Южно-Русская конференция все еще ни до чего не договорилась. Хуже всего дела обстояли с Кубанью. По уходе ставки из Екатеринодара левые группы казачества особенно подняли головы. В Законодательной Раде все чаще раздавались демагогические речи, ярко напоминавшие выступления “революционной демократии” первых дней смуты. Местная пресса, органы кубанского осведомительного бюро, “Коб”, и кубанский отдел пропаганды, “Коп”, вели против “добровольческой” политики Главнокомандующего бешеную травлю».

Все идет согласно исконной нашей традиции – разговоры о том, как все плохо, переходят к разговорам о том, «кто виноват», а затем: «Что делать?».

И вот вместо того, чтобы защищать Царицын, барон идет в Ростов. Там в местном театре ему устраивается хорошо срежессированный триумф. Позже он встречается в Таганроге с Деникиным.

«Генерал Деникин встретил меня весьма любезно, однако под внешним доброжелательством чувствовалась холодная сдержанность. Прежней сердечности уже не было. Доложив подробно обстановку, я просил у Главнокомандующего дальнейших указаний. Генерал Романовский настаивал на новом наступлении моей армии в прежнем направлении. Я мог лишь повторить высказанное ранее соображение о невозможности успешно выполнить эту задачу. В конце концов Главнокомандующий согласился со мной и тут же отдал приказание начальнику штаба – “Кавказской армии вести активную оборону Царицина”. Генерал Деникин пригласил меня обедать...

После обеда генерал Деникин пригласил меня в свой рабочий кабинет, где мы пробеседовали более двух часов. Общее наше стратегическое положение, по словам генерала Деникина, было блестяще.

Главнокомандующий, видимо, не допускал мысли о возможности поворота боевого счастья и считал “заяятие Москвы” лишь вопросом месяцев. По его словам, противник, разбитый и деморализованный, серьезного сопротивления оказать не может. Указывая на карте на левый фланг нашего бесконечно растянувшегося фронта, где действовал сборный отряд генерала Розеншильд-Паулина, генерал Деникин, улыбаясь, заметил:

– Даже Розеншильд-Паулин, и тот безостановочно двигается вперед. Чем только он бьет врага – Господь ведает. Наскреб какие-то части и воюет...

Восстанию разбойника Махно в тылу генерал Деникин также серьезного значения не придавал, считая, что “все это мы быстро ликвидируем”.

С тревогой и недоумением слушал я слова Главнокомандующего.

В отношении нашей внешней и внутренней политики генерал Деникин не был столь оптимистичен. Он горько жаловался на англичан, “ведущих все время двойную игру”, и негодовал на наших соседей – грузин и поляков:

– С этими господами я решил прекратить всякие переговоры, определенно заявив им, что ни клочка русской земли они не получают.

Что же касается внутреннего нашего положения, то Главнокомандующий, отдавая себе отчет в неудовлетворительности его, раздраженно говорил об “интригах” в Ростове, виновниками которых в значительной мере считал отдельных деятелей консервативной группы – совета государственного объединения, председателем которого являлся статс-секретарь А.В. Кривошеин.

Часть этой группы, стоя в оппозиции к главному командованию, будто бы настаивала на приглашении находящегося за границей Великого Князя Николая Николаевича, единственного человека, по мнению этой группы, могущего объединить вокруг себя разнообразные элементы национальной борьбы:

– Конечно, все это несерьезно, сам Великий Князь отказывается приехать в Россию, я приглашал его вернуться в Крым, но получил ответ, что Великий Князь считает, что его приезд мог бы повредить нашему делу, так как был бы встречен недоброжелательно Западной Европой, которая все же нас сейчас снабжает...

С величайшим раздражением говорил генерал Деникин о “самостийности казаков”, особенно обвиняя кубанцев. Действительно, за последнее время демагогические группы кубанской Законодательной Рады все более и более брали вверх и недопустимые выпады против главного

командования все чаще повторялись. С своей стороны, я продолжал считать, что самостийные течения, не имея глубоких корней в казачестве и не встречая сочувствия в большей части казачьих частей, не имеют под собой серьезной почвы, что грозный окрик Главнокомандующего может еще отрезвить кубанцев, а твердо проводимая в дальнейшем, определенная общеказачья политика даст возможность установить взаимное доверие и содружество в работе».

После встречи с Главнокомандующим барон вернулся в Ростов.

«На вокзале уже ждал ряд лиц, желавших меня видеть. До позднего вечера поток посетителей не прекращался. Среди прочих лиц навестили меня несколько общественных деятелей, пожелавших со мной познакомиться. Среди них член Особого Совещания, бывший член Государственной Думы, Н.В. Савич, помощник начальника управления внутренних дел В.Б. Похвиснев и др. Заехал ко мне и председатель совета Государственного объединения статс-секретарь А.В. Кривошеин.

Разговоры со всеми этими лицами произвели на меня самое тягостное впечатление. Картина развала в тылу стала перед мной во всей полноте. Слухи об этом развале, конечно, и ранее доходили ко мне на фронте, но в этот день впервые развал этот обрисовался передо мною полностью.

На огромной, занятой войсками Юга России территории, власть фактически отсутствовала. Неспособный справиться с выпавшей на его долю огромной государственной задачей, не доверяя ближайшим помощникам, не имея сил разобраться в искусно плетущейся вокруг него сети политических интриг, генерал Деникин выпустил эту власть из своих рук. Страна управлялась целым рядом мелких сатрапов, начиная от губернаторов и кончая любым войсковым начальником, комендантом и контрразведчиком. Сбитый с толку, запуганный обыватель не знал кого слушаться. Огромное количество всевозможных авантюристов, типичных продуктов Гражданской войны, сумели, пользуясь бессилием власти, проникнуть во все отрасли государственного аппарата. Понятие о законности совершенно отсутствовало. Бесконечное количество взаимно противоречащих распоряжений не давали возможности представителям власти на местах в них разобраться. Каждый действовал по своему усмотрению, действовал к тому же в полном сознании своей безнаказанности. Губительный пример подавался сверху. Командующий Добровольческой армией и главноначальствующий Харьковской области генерал Май-Маевский безобразным, разгульным поведением своим первый подавал пример. Его примеру следовали остальные.

Хищения и мздоимство глубоко проникли во все отрасли управления.

За соответствующую мзду можно было обойти любое распоряжение правительства. Несмотря на огромные естественные богатства занятого нами района, наша денежная валюта непрерывно падала. Предоставленный главным командованием на комиссионных началах частным предпринимателям вывоз почти ничего не приносил казне. Обязательные отчисления в казну с реализуемых за границей товаров большей частью оставались в кармане предпринимателя.

Огромные запасы, доставляемые англичанами, бессовестно расхищались. Плохо снабженная армия питалась исключительно за счет населения, ложась на него непосильным бременем. Несмотря на большой приток добровольцев из вновь занятых армией мест, численность ее почти не возрастала. Тыл был набит уклоняющимися, огромное число которых благополучно пристроилось к невероятно разросшимся бесконечным управлениям и учреждениям.

Много месяцев тянущиеся переговоры между главным командованием и правительствами казачьих областей все еще не привели к положительным результатам и целый ряд важнейших жизненных вопросов оставался без разрешения.

Внешняя политика главного командования была столь же неудачной. Отношения с ближайшими соседями были враждебны. Поддержка, оказываемая нам англичанами, при двуличной политике Великобританского правительства, не могла считаться в должной степени обеспеченной. Что касается Франции, интересы которой, казалось бы, наиболее совпадали с нашими и поддержка которой представлялась нам особенно ценной, то и тут мы не сумели завязать крепких уз. Только что вернувшаяся из Парижа особая делегация в составе генерала А.М. Драгомирова, А. А. Нератова, Н.И. Астрова, графини С.В. Паниной, профессора К.Н. Соколова и других не только не дала каких-либо существенных результатов, но, отправленная без достаточной подготовки на месте, она встретила прием более чем безразличный и прошла в Париже почти незамеченной.

Бессилие власти нашло свое отражение во всех сторонах жизни, и престиж этой власти, несмотря на внешние стратегические успехи, быстро падал.

На следующий день в 11 часов утра я был у генерала Лукомского. Главнокомандующий был уже там. Тут же находился и начальник отдела пропаганды и отдела законов Особого Совещания профессор К.Н.Соколов. Последний, как государствовед, привлечен был генералом Деникиным в связи с необходимостью выработать изменения существующего

временного положения об управлении кубанским краем, должныствующие быть внесенными на утверждение Краевой Рады.

Мы условились о дальнейшем образе действий. Я должен был вечером выехать в Екатеринодар и ознакомиться с обстановкой на месте. Из Екатеринодара я предполагал проехать в Царицын, чтобы выбрать и отправить в Екатеринодар воинские части, после чего проехать в Пятигорск навестить главнокомандующего Северного Кавказа генерала Эрдели и обсудить с ним ряд мер по укомплектованию и снабжению терских казачьих и горских частей моей армии. Ко времени моего приезда в Пятигорск профессор К.Н. Соколов должен был приехать в Кисловодск, где мы могли бы, не возбуждая лишних толков, с ним встретиться и окончательно наметить подлежащие внесению в кубанскую Краевую Раду изменения положения об управлении краем».

Между тем конфликт командования Добровольческой армии и Кубанской Краевой Рады нарастал. 15 октября в Екатеринодаре открылась чрезвычайная сессия Кубанской Рады. На заседаниях раздавались призывы порвать все связи с Добрармией. По этому поводу Деникин писал:

«“Коп” (Краевой орган пропаганды) разносил агитационную литературу в тысячах экземпляров по станицам, а в витрине этого учреждения, в Екатеринодаре, изо дня в день вывешивались кубанские газеты с подчеркнутыми местами, особенно оскорбительными для Добровольческой армии, экземпляры “Известий” и “Красноармейца”, описывавшие, например, с большим злорадством развал армии адмирала Колчака или в самых радужных красках торжества “пролетарского праздника 1 мая” в советской России...

Лидеры самостийников – Омельченко, Гатагоу, Воропинов, Макаренко, Белоусов и многие другие – по поручению Рады разъезжали по Кубани и на станичных сборах выясняли наши взаимоотношения в духе демагогии, затрагивавшей наиболее чувствительные места народной психики. Нет шпата, дорога мануфактура – виновата “блокада Кубани...”. Дорог хлеб – потому что весь урожай 1919 года будет отдан главным командованием Англии (?) в уплату за снабжение... Кубанцы босы и голы (!), тогда как добровольцы, даже пленные большевики, ходят в отличном английском обмундировании (!)... “Особое совещание” – это “тот коршун, который ждет лишь того времени, когда можно будет выклевать глаза Кубанскому краю и отнять у него землю и волю...” (Макаренко). На фронте не хватает сил, ибо кубанцев заставляют проливать кровь в борьбе с “дружественными кубанцам горцами Дагестана и Чечни, с родственными им украинцами Петлюры...”. Иные агитаторы в своем толковании событий

шли гораздо дальше, требуя от правительства снять с фронта кубанские части и поставить их сильными гарнизонами по Кубани, чтобы “заставить силою не желающих исполнять распоряжения кубанской власти”... (Воропинов). Или побуждали кубанских казаков оставить ряды Добровольческой армии, которая “является виновницей Гражданской войны”. Ибо, не преследуй она “целей насаждения монархизма, давно можно было бы окончить войну и примириться с большевиками, устроив в России народную республику...” (Омельченко)». ^[54]

Парижская кубанская делегация Рады заключила договор с правительством Горской республики, который был расценен деникинскими властями как «измена России». В 1й статье договора говорилось: «Правительство Кубани и правительство Республики горских народов Кавказа настоящим торжественным актом взаимно признают государственный суверенитет и полную политическую независимость Кубани и Союза горских народов Кавказа».

Факт заключения договора Рада скрыла от Деникина, и тот прочел текст в тифлисской газете.

Поначалу Врангель хотел использовать противоречия между Радой и Добрармией, дабы свалить Деникина, но позже решил не рисковать и воздержался от поддержки Рады.

25 октября Деникин издал приказ об аресте и предании военно-полевому суду всех, кто подписал договор с Горской республикой. Кубанский край был включен в тыловой район Кавказской армии.

Врангель едет в Царицын для организации карательного рейда на Кубань. Непосредственно руководить операцией он поручает командующему тылом Кавказской армии генерал-лейтенанту В.Л. Покровскому. Тот с конной бригадой полковника Буряка прибывает в Екатеринодар.

Здание зимнего театра, где проходило заседание Рады, было окружено. Генерал Покровский потребовал выдачи священника А.И. Калабухова и еще одиннадцати депутатов.

Депутат Макаренко успел скрыться, а остальные добровольно сдались Покровскому. Вечером 6 ноября (ст. с.) состоялся военно-полевой суд, приговоривший священника к смерти. Утром следующего дня Калабухов был публично повешен на Крепостной площади Екатеринодара. Остальных арестованных членов Рады Деникин приказал выслать за границу.

Итак, Деникин и Врангель фактически произвели переворот на Кубани. Запуганная Рада приняла резолюцию «Об единении с Добровольческой армией». Но в среде казачества резко усилилась нерязнь

к Деникину и «добровольцам».

А пока Деникин воевал с Радой, на «московском направлении» происходят драматические события. 20 сентября Добровольческая армия захватила Курск и двинулась к Туле. Командование Красной Армии подтянуло резервы, в результате чего в составе Южного фронта к 15 октября оказалось 115,5 тыс. штыков и сабель, 1949 пулеметов и 500 орудий. Противостоявшие ему деникинские войска (Добровольческая армия и главные силы Донской армии) насчитывали к 15 октября около 74 тыс. штыков и сабель.

Тем временем Добровольческая армия продолжала наступление и к 9 октября вышла на рубеж Севск, Дмитровск, Петровское, угрожая Орлу. Белые потеснили 8ю армию на востоке, и между нею и 13й армией образовался разрыв в 130 км, в который устремился 3й Кубанский корпус и 6 октября захватил Воронеж. 3й Донской корпус прорвался в тыл 8й армии и занял Таловое. Разрыв между 8й и 13й армиями удалось закрыть соединениями, находившимися в стадии формирования.

Главное командование Красной Армии решило остановить противника путем перехода в контрнаступление. Для этого 7 октября Южному фронту был подчинен Конный корпус Буденного, а 9 октября – Ударная группа. Замысел советского командования был таков – вводом в сражение Ударной группы в районе Орла и Конного корпуса Буденного в районе Воронежа и переходом в наступление всех армий фронта нанести противнику решительное поражение и выйти на рубеж реки Сейм, Курск, Касторное, Нижнедевицк. В задачу Ударной группы, 13й и 14й армий являлось нанести главный удар в направлении Кромы, Фатеж, Курск.

Завязались упорные встречные бои, длившиеся почти месяц. К 27 октября войска 13й и 14й армий в районе Кром нанесли решительное поражение противнику, а Конный корпус Буденного разбил конные корпуса белых и отбросил их к станции Касторное.

В ноябре советские войска освободили Курск, Ливны, Фатеж, Севск, Льгов, Дмитриев, Тим, Касторное, Чернигов, Бахмач и вышли на рубеж Лиски, Бобров.

Врангель писал: «Утром 11го (24) ноября я получил донесение генерала Шатилова о переходе противника в наступление против наших частей на левом берегу Волги. Донесение было спокойное, генерал Шатилов считал наше положение вполне прочным. Тем не менее, я решил поспешить вернуться в армию и лишь дождаться в Ростове Главнокомандующего».

Но почему-то наш стратег не спешит в Царицын. Так, 26 ноября он в

Краснодаре улаживает дела с Радой. К этому времени белые были у Царицына сброшены с левого берега Волги частями 11й армии. С левого берега красная артиллерия начала обстрел Царицына.

Лишь через два или три дня Врангель наконец-то прибыл в Царицын. Однако 22 ноября (ст. с.) барон неожиданно получил телеграмму генерала Романовского, вызывающего его в Таганрог «в виду получения нового назначения». Врангель вызвал в Сарепту генерала Покровского, приказал ему вступить в командование армией и в сопровождении начальника штаба генерала Шатилова выехал в Таганрог.

Деникин описывает ситуацию с Врангелем следующим образом: «В начале ноября, будучи в Ставке, генерал Врангель предложил образовать из собиравшейся группы отдельную конную армию с ним во главе, перебросив для управления ею штаб Кавказской армии. Незначительность сил группы не оправдывала необходимости расстройства существовавших соединений и создания нового штаба для царицынского направления; отсутствие третьей меридиальной железной дороги не давало возможности вклинить новую армию между Добровольческой и Донской. Принимая во внимание обнаружившиеся недочеты генерала Май-Маевского и желая использовать кавалерийские способности генерала Врангеля, я решил упростить вопрос, назначив его командующим Добровольческой армией, со включением в нее конной группы Мамонтова».^[55]

Глава 11

Агония Добрармии

Свое новое назначение Врангель описал так:

«Я прибыл в Таганрог 23го ноября совсем больной. Приступ лихорадки кончился, но слабость была чрезвычайная, и разлилась желчь. С вокзала я проехал к генералу Деникину, который принял меня в присутствии начальника штаба. Главнокомандующий сразу приступил к делу:

– Ну-с, прошу вас принять Добровольческую армию.

Я заметил, что в настоящих условиях едва ли смогу оправдать оказываемое мне доверие, что предлагавшиеся мною ранее меры уже являются запоздалыми, что необходимые перегруппировки мы уже сделать не успеем и стратегического узла Харькова нам не удержать. Генерал Деникин перебил меня:

– Да, Харьков, конечно, придется оставить; это все отлично понимают, и оставление Харькова несколько не может повредить вашей репутации.

Я довольно резко ответил, что забочусь не о своей репутации, а о том, чтобы выполнить то, что от меня требуется, и что не считаю себя вправе взяться за дело, которое невыполнимо.

– Ну, в таком случае все остается по-прежнему, – с видимым неудовольствием прервал меня Главнокомандующий.

В разговор вмешался генерал Романовский:

– Вашим отказом, Петр Николаевич, вы ставите Главнокомандующего и армию в самое тяжелое положение. Только что закончено сосредоточение нашей конницы в Купянском районе. Вы отлично понимаете, что руководить такой крупной конной массой, кроме вас, никто не может. При этих условиях вы не имеете права отказываться от этого назначения.

Слова генерала Романовского несколько поколебали меня.

– Я прошу разрешения подумать. Во всяком случае, я считаю совершенно необходимым дать мне возможность выбрать своих ближайших помощников, в частности, во главе конницы должен быть поставлен хороший кавалерийский начальник. Пока конной группой руководит генерал Мамонтов, от конницы ничего требовать нельзя.

Генерал Деникин заметил, что замена генерала Мамонтова другим лицом может обидеть донцов. Однако после возражения моего, что после

намеченной Главнокомандующим переброски из Кавказской армии еще одной конной дивизии в конной группе будет более половины кубанцев, генерал Деникин согласился в случае принятия мною армии на замену генерала Мамонтова генералом Улагаем.

Я вернулся к себе в вагон, где застал генерала Шатилова, успевшего побывать в управлении генерал-квартирмейстера и подробно ознакомиться с общей обстановкой.

Общий фронт наших армий проходил от Царицына на Дубовку и дальше к устью реки Иловли, откуда по правому берегу Дона от Нижней Калитвы на город Волчанок, уже нами оставленный; пересекая железнодорожную линию Купянск – Валуйки у станции Соловей, далее на Богодухов, также нами уже очищенный; оттуда линия нашего фронта проходила к югу от городов Зеньков и Гадяч на станцию Гребенка и далее южнее городов Остер и Козенец на Бердичев, оставляя Киевский узел в наших руках; еще дальше линия фронта шла на Старо-Константинов и Проскуров и, не доходя последнего пункта, спускалась к югу, проходя восточнее городов Гусятин и Каменец-Подольск на города Могилев-Подольский и Тирасполь, и упиралась в Черное море между городами Одессой и Аккерманом. (Одесса занималась еще нами.) Общее протяжение нашего фронта было около 2000 верст. В боевом составе Вооруженных сил Юга России на 2000верстном фронте числилось около ста тысяч человек; кроме того, в распоряжении Главнокомандующего имелось еще около тридцати тысяч человек пополнений. Силы красных на всем фронте против Вооруженных сил Юга России составляли около 170—180 тысяч штыков и сабель при 700—800 орудиях.

Теснимая 13й и 14й советскими армиями с фронта и охватываемая конной группой “товарища” Буденного с правого фланга, Добровольческая армия, под угрозой глубокого охвата конной массой противника от самого Орла, на протяжении 300 верст беспрерывно катилась назад. В настоящее время закончившие сосредоточение 4й донской и 2й и 3й кубанские корпуса располагались в треугольник между железнодорожными линиями Валуйки – Купянск и Купянск – Волчанск.

Добровольческий корпус генерала Кутепова, ведя упорные бои, прикрывал Харьков. Фронт проходил у самого города. Западнее, к югу от Богодухова, заняв широкий, 50верстный фронт, растянулись части 5го кавалерийского корпуса генерала Юзефовича и терские казаки генерала Агоева, имея против себя слабые части противника. Полтава занималась сборным отрядом из запасных кавалерийских и пехотных частей генерала Кальницкого.

Общая численность действовавшего против армии противника составляла около 51 000 штыков, 7000 сабель и 205 орудий. После тяжелого 300верстного отступления и ряда кровопролитных боев наши части жестоко пострадали. Весь 1й Добровольческий корпус состоял всего из 2600 штыков. Некоторые полки были сведены в батальоны; два Марковских полка, Алексеевская дивизия и Особая бригада, почти полностью уничтоженные, отведены были в глубокий тыл на формирование, 5й кавалерийский корпус состоял всего из тысячи с небольшим сабель. Отряд генерала Кальницкого имел всего около 100 штыков и 200 сабель».

А вот мнение Деникина:

«Перед отъездом в армию в Таганроге генерал Врангель заявил мне, что он не потерпит присутствия в ней генералов Шкуро и Мамонтова, как главных виновников расстройства конных корпусов».

Причем барон сделал сие в недопустимом для любой армии стиле: «Армия разваливается от пьянства и грабежей. Взыскивать с младших не могу, когда старшие начальники подают пример, оставаясь безнаказанными. Прошу отчисления от командования корпусом генерала Шкуро, вконец развратившего свои войска. Генерал Врангель».

Деникин был против столь строгих мер:

«Генерал Шкуро находился тогда на Кубани в отпуску по болезни, что касается Мамонтова, я предостерегал от резких мер по отношению к лицу, как бы то ни было пользующемуся на Дону большой популярностью.

По прибытии в армию генерал Врангель назначил начальником конной группы достойнейшего и доблестного кубанского генерала Улагая. И хотя отряд этот был временный и назначение начальника его, всецело зависевшее от командующего армией, не могло считаться местничеством, оно вызвало крупный инцидент, Мамонтов обиделся и телеграфировал по всем инстанциям: «...учитывая боевой состав конной группы, я нахожу не соответствующим достоинству Донской армии и обидным для себя замещение, как командующего конной группой, без видимых причин лицом, не принадлежащим к составу Донской армии и младшим меня по службе. На основании изложенного считаю далее невозможным оставаться на должности командира 4го Донского корпуса». Копии этой телеграммы Мамонтов разослал всем своим полкам, а на другой день, самовольно покидая корпус, не без злорадства сообщал, как полки под давлением противника панически бежали.

Этот неслыханный поступок не встретил, однако, осуждения на Дону. Я отдал приказ об отрешении Мамонтова от командования и встретил

неожиданную оппозицию со стороны донского атамана и генерала Сидорина. Они указывали, что, помимо крайне неблагоприятного впечатления, произведенного удалением Мамонтова, на Донскую армию, 4й корпус весь разбегается и собрать его может только один Мамонтов. Действительно, когда корпус был передан обратно в Донскую армию, Мамонтов вступил вновь в командование им, собрал значительное число сабель, и впоследствии за Доном корпус этот нанес несколько сильных ударов коннице Буденного.

Успехи эти не могли изменить общего положения и не компенсировали тяжкого урона, нанесенного дисциплине...»^[56]

3 января 1920 г. части 10й и 11й армий взяли Царицын, остатки Кавказской армии бежали в степи. Красные подходили к Ростову. Ну а Врангель лез к Деникину с письмами о кардинальной реорганизации соединений белых. Понятно, что главной целью барона было спихнуть «Деда» и самому стать главнокомандующим.

«Под влиянием частного письма генерала Врангеля, о котором я перед этим упоминал, желая верить в его лояльность, я согласился с этим предложением, тем более что оно давало мне возможность без возбуждения обид и страстей вручить судьбу добровольцев тому, кто верил в них, хотел и мог вести их дальше. Хотя и дорогой ценой: временно уходило из официального обихода наименование “Добровольческая армия”, сохранявшееся по традиции и тогда, когда “армия” в боевом составе своем насчитывала не более 11/2 тысячи бойцов (31 марта 1918 г.)...

Я почувствовал это особенно тягостно при ближайшей встрече в Таганроге с генералом Врангелем, который говорил:

– Добровольческая армия дискредитировала себя грабежами и насилиями. Здесь все потеряно. Идти второй раз по тем же путям и под добровольческим флагом нельзя. Нужен какой-то другой флаг.

И, не дожидаясь моего вопроса, он спешно прибавил:

– Только не монархический...

О каком флаге он говорил, так и осталось тогда невыясненным.

Мы условились, что после оттяжки фронта армия будет свернута и генерал Врангель уедет на Кубань. Командующим Добровольческим корпусом, получившим позже наименование “Отдельного Добровольческого корпуса”, был назначен старший доброволец генерал Кутепов, который со своими славными войсками вынес главную тяжесть отступления.

Итак, 10го числа барон Врангель писал мне о своей лояльности, а на другой день произошел эпизод, рассказанный впоследствии генералом

Сидориным...

11 декабря на станции Ясиноватой в штабе Добровольческой армии состоялось свидание генералов Врангеля и Сидорина (Сидорин выехал в Ясиноватую с моего разрешения по вопросу о направлении отхода Добровольческой армии), на котором барон, жестоко критикуя стратегию и политику Ставки, поднял вопрос о свержении главнокомандующего. Для решения этого и других сопряженных с ним вопросов генерал Врангель предполагал в один из ближайших дней созвать совещание трех командующих армиями (Врангель, Сидорин, Покровский) в Ростове. Действительно, это было сделано им в ближайшие дни телеграммой, в копии, препровожденной в Ставку. Барон Врангель объяснял потом этот шаг “необходимостью выяснить целый ряд вопросов: мобилизация населения и коней в Таганрогском округе, разворачивание некоторых кубанских частей и так далее” (ни один из этих вопросов не мог бы пройти без санкции Ставки).

Оставляя в стороне вопрос о внутренних побуждениях, которыми руководствовался барон Врангель, самый факт созыва командующих армий без разрешения главнокомандующего являлся беспримерным нарушением военных традиций и военной дисциплины.

Я указал командующим на недопустимость такого образа действий и воспретил съезд».^[57]

А тем временем Добровольческая и Донская армии отступили на линию Екатеринослав – Дебальцево – Каменская и далее в направлении к устью Хопра. Дон на всем участке между Хопром и Иловлей был перейден красными, выходявшими в тыл центральной группе, а последняя продвинулась уже к Ростову на 200 и к Новочеркасску на 140 верст. Была утрачена связь между Донской и Кавказской армиями.

По данным Деникина^[58], к 20 декабря 1919 г. Вооруженные силы Юга насчитывали в своих рядах 81 тысячу штыков и сабель при 522 орудиях. Из них на главном театре – по Дону и Салу – было сосредоточено 54 тысячи (Донская армия – 37 тысяч. Добровольческий Корпус – 19 тысяч и Кавказская армия – 7 тысяч) и 289 орудий.

Боевой состав ВСЮР по данным на 5 января 1920 г.

Наименование	Штыков	Сабель	Орудий
Донского войска	18 622	19 140	154
Добровольческие части (на Дону, в Новороссии, Крыму, в Кавказской армии, на Северном Кавказе и на побережье)	25297	5505	312
Кубанского войска	5849	2468	36
Терского войска	1185	1930	7
Горские части	490	552	8
Астраханские войска	—	468	5
Всего (81 506)	51 443	30 063	522

Как видим, на бумаге белые представляли собой грозную силу. А фактически их части были разрознены, деморализованы и повсюду отступали.

Собственно Добровольческая армия вместе с донскими, кубанскими и терскими казаками, вместе со ставкой Деникина отходила на Северный Кавказ.

Войска генералов Шиллинга и Драгомирова двигались к Одессе. Корпус генерала Слащёва отступал к Перекопу.

9 декабря (ст. с.) Врангель из Юзовки подал рапорт Деникину:

«Прибыв 26го ноября в Добровольческую армию и подробно ознакомившись с обстановкой на этом, в настоящее время главнейшем участке общего фронта Вооруженных Сил Юга России, долгом службы считаю доложить следующее:

Наше настоящее неблагоприятное положение явилось следствием, главным образом, двух основных причин:

1. Систематического пренебрежения нами основными принципами военного искусства;
2. Полного неустройства нашего тыла».

Далее та же песня: я, мол, все предвидел, предупреждал:

«Продвигаясь вперед, мы ничего не делали для закрепления захваченного нами пространства; на всем протяжении от Азовского моря до Орла не было подготовлено в тылу ни одной укрепленной полосы, ни одного узла сопротивления. И теперь армии, катящейся назад, не за что уцепиться.

Беспрерывно двигаясь вперед, армия растягивалась, части расстраивались, тылы непомерно разрастались. Расстройство армии увеличивалось еще и допущенной командующим армией мерой

“самоснабжения” войск.

Сложив с себя все заботы о довольствии войск, штаб армии предоставил войскам довольствоваться исключительно местными средствами, используя их попечением самих частей и обращая в свою пользу захватываемую военную добычу.

Война обратилась в средство наживы, а довольствие местными средствами – в грабеж и спекуляцию.

Каждая часть спешила захватить побольше. Бралось все, что не могло быть использовано на месте – отправлялось в тыл для товарообмена и обращения в денежные знаки. Подвижные запасы войск достигли гомерических размеров – некоторые части имели до двухсот вагонов под своими полковыми запасами. Огромное число чинов обслуживало тылы. Целый ряд офицеров находился в длительных командировках: по реализации военной добычи частей, для товарообмена и т. п.

Армия развращалась, обращаясь в торгашей и спекулянтов.

В руках всех тех, кто так или иначе соприкасался с делом “самоснабжения”, – а с этим делом соприкасались все, до младшего офицера и взводного раздатчика включительно, – оказались бешеные деньги, неизбежным следствием чего явились разврат, игра и пьянство. К несчастью, пример подавали некоторые из старших начальников, гомерические кутежи и бросание бешеных денег которыми производилось на глазах у всей армии».

Далее шел разумный совет: «...ныне же принять определенный общий план действий, выбрав одно главное операционное направление, на которое и сосредоточить главную массу сил, не останавливаясь перед потерей некоторой части захваченного пространства».

Увы, реализовать это не было никакой возможности. И в заключение «считаю необходимым доложить, что, если предложенные мною мероприятия не будет признано необходимым полностью и безотлагательно осуществить, то, учитывая грозное положение на фронте, я не считаю возможным нести на себе ответственность командования Добровольческой армией. Генерал-лейтенант Врангель. Начальник Штаба Генерал-лейтенант Шатилов».

Надо ли вновь говорить, что за подобные рапорты в военное время положен военно-полевой суд. Вместо этого генерал-лейтенанту Врангелю было предложено оставаться «при Главнокомандующем», то есть без определенной деятельности, эдаким «запасным игроком».

14 (27) января 1920 г. Врангель получил телеграмму генерала Шиллинга: «Если Вы согласны принять должность моего помощника по

военной части, доложите Главкому и по получении разрешения немедленно выезжайте».

Барон тянет три дня, торгуясь с Деникиным. А затем делает все, чтобы не попасть туда раньше красных.

«Я хотел ехать немедленно, однако правильного сообщения с Одессой не было, приходилось ждать до 27го января, когда должен был отправиться в Крым пароход Русско-Дунайского пароходства “Великий Князь Александр Михайлович”».

Непонятно, кем был Врангель – туристом, которому нужна каюта «люкс», или генерал-лейтенантом, который мог еще 14 января вызвать катер-истребитель или миноносец и уже 15го быть в Одессе?

Увы, советская 13я армия так долго ждать барона не пожелала и стремительно двигалась вдоль Днепра к морю. Деникин обратился к Антанте с просьбой обеспечить эвакуацию войск Шиллинга из Одессы. Союзники ответили, что для эвакуации 30 тысяч солдат у них нет достаточного числа судов. Это была наглая ложь – в Константинополе находились многие десятки транспортных судов, которых хватило бы и на 100 тысяч человек.

Зато на линкоре «Айрон Дюк» в Одессу прибыл британский генерал Миллер.

21 января (3 февраля) красные заняли Очаков и взяли под контроль Днепро-Бугский лиман. 23 января (5 февраля) генерал Шиллинг отдал директиву, в силу которой войскам под общим начальством генерала Бредова надлежало, минуя Одессу, отходить на Бессарабию (переправы у Маяков и Тирасполя). Отряд генерала Стесселя в составе офицерских организаций и Государственной стражи должен был прикрывать непосредственно эвакуацию Одессы; английское морское командование дало гарантию, что части эти будут вывезены в последний момент на их военных судах под прикрытием судовой артиллерии.

7 февраля в Одессу ворвалась конная бригада Котовского. Белых судов для эвакуации войск и беженцев явно не хватало.

Английская эскадра – дредноут, крейсера «Серес» и «Кардифф», а также несколько миноносцев, среди которых был и один американский, – огня не открывали. Видимо, у них было какое-то соглашение с советским командованием. Зато уже после окончания эвакуации, 11 февраля, британская эскадра открыла по Одессе сильный огонь, под прикрытием которого миноносцы союзников вошли в гавань и захватили русские подводные лодки «Лебедь» и «Пеликан». Обе лодки были выведены в море и затоплены.

В районе Одессы красные захватили в плен около 13 тысяч человек и 342 орудия.

Группа же генерал-майора Ф.Э. Бредова отступила к границе Румынии. Однако из-за отказа румын пропустить их Бредов 11 февраля предпринял рискованный марш вдоль Днестра на север. Через две недели, 25 февраля, белые части вышли к Новой Ушице, где были встречены поляками. Некоторое время они участвовали в боях с красными на стороне поляков, а затем были разоружены и помещены в лагеря для интернированных. В августе – сентябре 1920 г. поляки помогли им перебраться в Крым.

Несколько слов стоит сказать и о 3-м армейском корпусе под командованием генерала Слащёва. У него было в наличии 2200 штыков, 12 000 шашек и тридцать две 76мм полевые пушки.

Позже генерал Слащёв писал: «Фронт Северной Таврии тянулся полукругом около 400 верст, причем прорыв моего расположения в одном месте мог привести красных к перешейкам раньше остальных моих частей, которые, следовательно, вынуждены были бы в этом случае бежать назад вперегонки с красными и подвергнуться неминуемому поражению.

Поэтому я решил Северной Таврии не оборонять и до Крыма в бой с красными не вступать, а немедленно отбросить Махно от Кичкасского моста и отправить пехоту в Крым, прикрывая ее отход от красных конной завесой. Бригаду 34й (пехотной) дивизии с обозами из Екатеринослава отправить по железной дороге на Николаев, где погрузить на суда и перевезти в Севастополь. Самому немедленно после переправы у Кичкасс ехать в Николаев – Севастополь и осмотреть оборонительное положение. План обороны Крыма в моей голове уже был намечен в общих чертах, так как Крым я знал по боям 1919 г., но окончательное решение я хотел принять на месте».^[59]

Деникин приказал Слащёву оборонять Северную Таврию во что бы то ни стало. Яков Александрович ответил категорическим отказом.

27 декабря 1919 г. белые выбили Махно с позиций у Кичкасского моста, захватив 5 пушек. 5 января 1920 г. Слащёв прибыл в Севастополь, а его части отступали в районе Мелитополя. Белые отходили столь быстро, что соприкосновение с частями красных было потеряно. Происходили лишь стычки кавалерийских дозоров.

Кроме 3го корпуса Слащёва в Крым хлынули толпы беглецов из различных частей Добровольческой армии. «Масса отдельных людей и отдельных частей в составе отдельных людей, в особенности хозяйственных частей, потекла в Крым, – вспоминал Слащёв. –

Единственным важным для меня приобретением среди беглецов были восемь, хотя и испорченных, бронепоездов и 6 танков (3 тяжелых и 3 легких).

Вся ватага беглецов буквально запрудила Крым, рассеялась по деревьям, грабя их...

...Крым был наводнен шайками голодных людей, которые жили на средства населения и грабили его. Учета не было никакого, паника была полная. Каждый мечтал только о том, чтобы побольше наgrabить и сесть на судно или раствориться среди незнакомого населения». [\[60\]](#)

До прибытия Слащёва в Севастополь белое командование собиралось защищать Крым на Перекопском валу и Сальковском перешейке. Там было вырыто несколько окопов, натянута колючая проволока и поставлены четыре 152мм крепостных пушки в 190 пудов. Слащёв же посоветовал сдать красным оба перешейка вместе с крепостными орудиями. Красные должны были ворваться в Крым, а в районе Ишуня Слащёв собирался нанести им решительный контрудар.

23 января 1920 г. на рассвете красные начали наступление на Перекоп. Стоявшие у вала четыре старые крепостные пушки открыли огонь, прикрывавший их Славянский полк (100 штыков) бежал. Красные заняли город Армянск и двинулись к Ишуню. Однако 24 января, согласно плану Слащёва, красные были контр-атакованы и бежали за Перекоп.

Во время боя 24 января губернатор граф Н.А. Татищев буквально через каждые 5 минут звонил Слащёву и спрашивал, как дела на фронте. Ведь в Севастополе и Ялте многие господа офицеры и почтенная публика начали грузиться на суда. Татищев «допек» Слащёва: «И вот в самый разгар диктовки, перебивая мою мысль, является адъютант, сотник Фрост, человек очень исполнительный, но мало думающий, и докладывает, что губернатор Татищев настоятельно просит сообщить о положении на фронте. Сознаюсь, я извелся – тут дело, а там продолжается паника – и резко отвечаю: “Что же, ты сам сказать ему не мог? Так передай, что вся тыловая сволочь может слезать с чемоданов”. А Фрост, по всегдашней своей исполнительности, так и передал. Что было!.. Паника улеглась, но на меня посыпались жалобы и выговоры, тем более что лента передачи досталась репортерам. Даже Деникин прислал мне выговор, но это выражение стало ходячим по Крыму». [\[61\]](#)

Как мы уже знаем, Врангель тянул время и не спешил отправляться в Одессу. Вместо этого барон стал требовать, чтобы его назначили командовать войсками в Крыму, то есть пожинать лавры, добытые

Слащёвым.

25 января (7 февраля) Деникин прислал Врангелю телеграмму:

«Утром 25го января генерал Лукомский прислал мне полученную им из штаба телеграмму:

1091/об.

Генералу Шиллингу даны указания удерживать одесский плацдарм и только в крайнем случае войска могут быть переброшены в Крым.

Екатеринодар

25 января 1920 года

№ 702.

Романовский.

На подлинном резолюция генерала Лукомского: “Копию генералу Врангелю, начальнику штаба”.

Между тем последние сведения ясно указывали, что падение Одессы следует ожидать с часу на час. Одесса эвакуировалась, тыловые учреждения и войска направлялись в Крым. Генерал Хольман, бывший у меня в этот день, показал мне полученное им из Одессы радио, сообщающее о том, что город через несколько часов будет сдан. Генерал Хольман весьма резко отзывался о действиях генерала Шиллинга, указывая, что с отходом войск Новороссии в Крым руководство обороной перекопа перейдет в руки генерала Шиллинга, а это знаменует собой неминуемую потерю Крыма.

– Я сообщил генералу Деникину полученные мною сведения, – сказал генерал Хольман, – и написал ему, что, по моему мнению, генерал Шиллинг командовать войсками в Крыму не может и что единственный человек, который может удержать Крым, – это вы.

Генерал Лукомский, с которым я виделся в этот день, также говорил мне, что после всего того, что происходило в Одессе, поручить оборону Крыма генералу Шиллингу нельзя, и что он, генерал Лукомский, настаивает перед Главнокомандующим на безотлагательной посылке меня в Крым, для принятия командования.

Поздно вечером я получил записку генерала Лукомского:

25/1—20.

Многоуважаемый Петр Николаевич,

Сейчас был у меня г. Хольман и сказал, что получил телеграмму о том, что Главнокомандующий доволен делами в Крыму и Слащёвым и поэтому

не считает необходимым чтобы Вас направили в Крым, а не в Одессу. Будем надеяться, что в Одессе дела не так плохи и что Вам удастся их совсем исправить. Глубоко Вас уважающий и искренне преданный А. Лукомский.

А через некоторое время и присланную им полученную от Главнокомандующего телеграмму:

1153/об.

Генерал Слащёв исправно бьет большевиков и со своим делом справляется. В случае отхода из Одессы в командование войсками в Крыму вступит генерал Шиллинг».

Барон обиделся и 27 января (9 февраля) вместе с генералом Шатиловым подал прошение об отставке: «Я решил, отправив семью в Константинополь, самому переехать в Крым, где у нас была дача».

По прибытии в Севастополь барон на квартире командующего флотом адмирала Ненюкова встретился с генералом Шиллингом. И тут якобы Шиллинг решил сдать командование над войсками в Крыму Врангелю. Что произошло на квартире у Ненюкова, советских историков не интересовало, а эмигрантские верили на слово Врангелю.

Лично я не верю ни одному слову барона. Предположим, что действительно Шиллинг решил передать должность Врангелю. Так нужно собрать генералов, в том числе Слащёва, который не только спас Крым, но у которого на тот момент были реальные военные силы. Наконец, такие дела решаются в штабах, а не на частных квартирах. Замечу, что сам Врангель не поехал к себе на дачу, и даже не остановился в севастопольской гостинице, а проживал на пароходе «Александр Михайлович» (бывший «Великий князь Александр Михайлович»).

Замечу, что к этому времени в Крыму царила анархия. Некий капитан Н.И. Орлов сам в инициативном порядке сформировал в Симферополе Крымский полк численностью 1500 человек. И вот этот Орлов поднимает мятеж. Практически все историки рассматривают «орловщину» как авантюру полусумасшедшего капитана. При этом они руководствуются мемуарами Врангеля и Слащёва. Эти два антагониста почему-то едины в своем мнении об Орлове. Эта оценка личности Орлова во многом справедлива. Но тут меня смущают небольшие детали. Вторым лицом в «орловщине» оказался герцог Сергей Георгиевич Лейхтенбергский, он же князь Романовский.

А этот персонаж имел весьма экзотическую родословную. Основателем его рода стал пасынок Наполеона Евгений Богарне. Тот женился на Амалии-Августе, дочери баварского короля Максимилиана. Замечу, что Максимилиана сделал королем Наполеон. И вот король дал дочери в приданое ландграфство Лейхтенберг.

Сын же Евгения Богарне Максимилиан женился на великой княжне Марии, дочери императора Николая I. Посему сын Максимилиана и Марии Георгий получил еще один титул – князь Романовский. Сей Георгий женился на княжне Анастасии Николаевне Черногорской. Их сыном и был коллега Орлова Сергей Лейхтенбергский. Но это еще не все. Анастасия могла потерпеть девочек в спальне супруга, но мальчиков – никогда. В итоге в 1906 г. она развелась с герцогом и вышла замуж за великого князя Николая Николаевича. Таким образом, Сергей стал еще и пасынком великого князя.

Николай Николаевич был главнокомандующим русской армии в 1914—1915 гг., а в 1915—1917 гг. командовал Кавказской армией. Великий князь был очень популярен в среде русского офицерства. В 1919 г. Николай Николаевич эмигрировал во Францию, а в конце 1919 г. предлагал Деникину вернуться в Россию и возглавить Добровольческую армию. За приглашение великого князя выступила группа штатских и военных из окружения Деникина во главе со статс-секретарем А.В. Кривошеиным. Однако «дед» категорически отказал своему бывшему начальнику.

Врангель пишет, что Сергей Лейхтенбергский был адъютантом у Слащёва, и тот вроде бы сам отправил герцога к Орлову. На этом все обрывается. Несколько далее в «Записках» барон говорит о «мальчишеской» выходке Сергея. Но, увы, мальчику было уже за тридцать, и он имел чин капитана 2-го ранга.

Итак, возникли три вопроса. Во-первых, что понадобилось герцогу у Орлова? Во-вторых, имел ли виды на Орлова на первом этапе сам Слащёв? В-третьих, был ли в курсе великий князь Николай Николаевич?

Вполне допускаю, что капитан Орлов метался между монархистами и большевиками, пытаясь найти в них опору. У капитана были встречи с двумя подпольщицами – «Катей» (Максимовой) и «Таней» (Федоровой). Большевики предложили Орлову поднять совместное восстание, освободить находящихся в тюрьме около 500 политических заключенных, а затем обратиться к народам Крыма с воззванием о проведении немедленного съезда выборных делегатов от рабочих, крестьян, солдат, создать объединенный военный штаб из представителей Ревкома и штаба Орлова.

Однако по неясным причинам Орлов разошелся с большевиками и поднял восстание один. 22 января в Симферополе он арестовывает таврического губернатора Татищева и случайно оказавшихся у него генерала Чернавина, коменданта Севастопольской крепости Субботина и других лиц. Причем Орлов утверждал, что произвел арест по указаниям Слащёва. В Таврическом банке Орлов захватил 10 миллионов рублей.

В Джанкой на переговоры со Слащёвым едет герцог Лейхтенбергский. Дальнейшее описывает Слащёв коротко и неясно: «Князь Романовский много говорил, но ничего не объяснил: понять его было совершенно невозможно. На рассвете телеграмма от Орлова: “Вы задерживаете князя, это не честно – он переговорщик”. Я ответил: “Задерживать не собирался. Его высочество едет. Я еду в Симферополь”. Кроме того, мною была передана телеграмма: “Если не освободите арестованных, то взыщу я” – следом телеграмма: “Бывшему отряду Орлова построиться на площади у вокзала для моего осмотра”. Я приехал в Симферополь.

Орлов перед моим приездом вышел из Симферополя. С ним ушло около 150 человек. 400 человек построились на площади у симферопольского вокзала. Все арестованные были освобождены Орловым по предыдущей телеграмме, и генерал Чернавин встретил меня на вокзале».

6 февраля отряд Орлова, спустившись с гор, занимает Ялту и Алушту. Генерал Покровский вооружает жителей, но они разбегаются, не приняв боя. Генерал Шиллинг направляет против него войсковые части и посыльное судно «Колхида» с десантом. Но экипаж и десантники отказываются воевать против Орлова и возвращаются в Севастополь, привезя с собой его прокламации. Текст их достаточно оригинален:

«Офицеры, казаки, солдаты и матросы.

Весь многочисленный гарнизон гор. Ялты и ее окрестностей и подошедший десант из Севастополя с русскими судами, вместе с артиллерией и пулеметами, сознавая правоту нашего общего Святого Дела, перешли к нам по первому нашему зову со своими офицерами. Генерал Шиллинг просит меня к прямому проводу, но я с ним буду говорить только тогда, когда он возвратит нам тысячи безвозвратно погибших в Одессе. По дошедшим до меня сведениям наш молодой вождь генерал Врангель прибыл в Крым. Это тот, с кем мы будем и должны говорить. Это тот, кому мы верим все, все, это тот, кто все отдаст на борьбу с большевиками и преступным тылом.

Да здравствует генерал Врангель, наш могучий и сильный духом молодой офицер.

Капитан Орлов».

Разумеется, Врангель в своих «Записках» всячески открещивается от Орлова и герцога Лейхтенбергского. А вот что по сему поводу написал сам Антон Иванович:

«В конце декабря по поручению Слащёва в Симферополь прибыл его приближенный, герцог С. Лейхтенбергский для “заведования корпусным тылом и формированиями”. Герцог вошел в сношения с капитаном Орловым и бывшим немецким лейтенантом Гомейером, которые и приступили к формированию добровольческих частей; первый – из элементов русских, второй – из немцев-колонистов и татар.

Слащёв и штаб его весьма благоволили к отряду, формировавшемуся Орловым, и обильно снабжали его деньгами и снаряжением».

Судя по всему, и Слащёв, и Врангель пытались использовать «орловщину» в борьбе против своих начальников – Деникина и Шиллинга. Когда же мятеж провалился, оба генерала стали заявлять о своей непричастности. Побыв некоторое время в Ялте, Орлов со товарищи ушел в горы. Там он партизанил до прихода красных. Затем поступил на службу к большевикам. Однако через несколько месяцев по доносу крымских подпольщиков был арестован и расстрелян.

8 февраля (ст. с.) «дед» произвел чистку севастопольского начальства. По генеральному штабу: увольняются от службы согласно прошению: помощник Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России и начальник военно-морского управления генерального штаба генерал-лейтенант Лукомский, состоящие в распоряжении Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России генерального штаба генерал-лейтенанты: барон Врангель и Шатилов. По морскому ведомству увольняются от службы: командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ненюков и начальник штаба командующего Черноморским флотом контр-адмирал Бубнов.

Мало того, Деникин через английского генерала Хольмана и адмирала Сеймура потребовал, чтобы Врангель немедленно покинул пределы территории ВСЮР. (Ну и порядки были в Добрармии!) Обиженный Врангель накатал длинное послание Деникину. Там шли традиционные перечисления заслуг барона, старые обиды и предостережения. Далее шли новые обиды:

«...8го февраля Вы отдали приказ, осуждающий выступление капитана Орлова, руководимое лицами, “затеявшими подлую политическую игру”, и предложили генералу Шиллингу арестовать виновных, невзирая на их “высокий чин или положение”. Одновременным приказом были уволены в

отставку я и бывший начальник штаба моей армии генерал Шатилов, а равно и ходатайствовавшие о моем назначении в Крым – генерал Лукомский и адмирал Ненюков. Оба приказа появились в Крыму одновременно 10го февраля».

Эта цитата взята мною из «Записок» барона. А вот кусок письма, который он постеснялся привести или запамятовал:

«Вы видели, как таяло Ваше обаяние и власть выскальзывала из Ваших рук. Цепляясь за нее в полнейшем ослеплении, Вы стали искать кругом крамолу и мятеж.

Отравленный ядом человеколюбия, вкусивший власти, окруженный бесчестными льстецами, Вы уже думали не о спасении отечества, а лишь о сохранении власти...

Русское общество стало прозревать... Все громче и громче называются имена вождей, которые среди всеобщего падения нравов остаются незапятнанными... Армия и общество во мне увидели человека, способного дать то, чего жаждали все.

Армия, воспитанная на произволе, грабежах и пьянстве, ведомая вождями, примером своим развращающими войска, – такая армия не могла воскресить России». ^[62]

Эх, попади вовремя письмо Врангеля «деду» к большевикам, политотделы можно было бы распускать, а красноармейцев заставлять заучивать наизусть высказывания барона о деяниях Добрармии.

Ну а наш барон сел на пароход «Александр Михайлович», пardon, не сел, он вообще принципиально не покидал эту «плавгостиницу», и отправился в Константинополь. Оттуда он начал рассылать сотни экземпляров своего письма, как в части Добрармии, так и в Европу в западные СМИ и русскую диаспору.

Деникин ответил коротко:

«Милостивый государь, Петр Николаевич!

Ваше письмо пришло как раз вовремя – в наиболее тяжкий момент, когда мне приходится напрягать все духовные силы, чтобы предотвратить падение фронта. Вы должны быть вполне удовлетворены...

Если у меня и было маленькое сомнение в Вашей роли в борьбе за власть, то письмо Ваше рассеяло его окончательно. В нем нет ни слова правды. Вы это знаете. В нем приведены чудовищные обвинения, в которые Вы сами не верите. Приведены, очевидно, для той же цели, для которой множились и распространялись предыдущие рапорты-памфлеты.

Для подрыва власти и развала Вы делаете все, что можете.

Когда-то, во время тяжелой болезни, постигшей Вас, Вы говорили

Юзефовичу, что Бог карает Вас за непомерное честолюбие...

Пусть Он и теперь простит Вас за сделанное Вами русскому делу зло.

А. Деникин». [\[63\]](#)

В своих воспоминаниях Антон Иванович рассказывает о бешеной схватке за власть среди белых генералов. (И это во время стремительного наступления Красной Армии!)

«В начале марта генерал Слащёв совместно с герцогом С. Лейхтенбергским и помощником Шиллинга Брянским замыслили устранить Шиллинга. Цель – вступление во власть в Крыму Слащёва, поводы – обвинение, предъявленное Брянским, который «настаивал на том, чтобы произвести обыск (у генерала Шиллинга), и гарантировал обнаружение незаконных денег и вещей. В последнюю минуту, однако, Брянский смутился и вышел из игры. В своем рапорте и письме на имя Шиллинга от 9 и 10 марта он объяснял свой поступок тем, что “любил (Шиллинга) как отца”, но, будучи посвящен в намерения Слащёва и герцога Лейхтенбергского убить Шиллинга в случае отказа его подать в отставку, он, Брянский, “борясь с этим планом, предлагал всякие средства, включая арест (Шиллинга) и обыск в (его) доме”.

Как предполагал использовать власть Слащёв – неизвестно; сам же он пишет по этому поводу: “...Я первый ему (генералу Врангелю в Константинополь) через графа Гендрикова сообщаю: ехать дальше вам нельзя, возвращайтесь, но по политическим соображениям соедините наши имена, а Шатилову дайте название – ну хоть своего помощника...”

В начале марта бывшие тогда не у дел генералы Покровский и Боровский посетили генерала Кутепова и, «решившись посвятить его в свои предположения», осведомлялись, как отнесся бы Добровольческий корпус к перевороту в пользу генерала Покровского? Генерал Кутепов ответил, что ни он, ни корпус Покровскому не подчинятся.

В каких-то сложных политических комбинациях было замешано и английское дипломатическое представительство в лице генерала Киза... Мне известен его проект реорганизации власти Юга с предоставлением главнокомандующему только военного командования. Предложение это предполагалось им поставить в ультимативной форме. По-видимому, в известной степени с такими планами находились волновавшие Новороссийск слухи о предположенной англичанами оккупации. “Из английских кругов, – телеграфировал мне 10 января Лукомский, – зондировали почву у Шликевича, председателя Земского союза, не пойдет ли он в председатели «Русского совета» по управлению Черноморской губернией в случае назначения сюда генерал-губернатора англичанами”.

Военное английское представительство отнеслось, однако, совершенно отрицательно к такого рода вмешательству в русские дела». ^[64]

А пока славные генералы качали права, фронт приближался к Кубани. Деникин утверждал:

«По условиям тоннажа и морального состояния войск одновременная, планомерная эвакуация их при посредстве Новороссийского порта была немыслима: не было надежд на возможность погрузки всех людей, не говоря уже об артиллерии, обозе, лошадях и запасах, которые предстояло бросить. Поэтому для сохранения боеспособности войск, их организации и материальной части я наметил и другой путь – через Тамань.

Еще в директиве от 4 марта при отходе за реку Кубань на Добровольческий корпус возложено было, помимо обороны низовьев ее, прикрытие частью сил Таманского полуострова у Темрюка. Рекогносцировка пути между Анапой и станцией Таманской дала вполне благоприятные результаты; полуостров, замкнутый водными преградами, представлял большие удобства для обороны; весь путь туда находился под прикрытием судовой артиллерии, ширина Керченского пролива очень незначительна, а транспортная флотилия Керченского порта достаточно мощна и могла быть легко усилена. Я приказал стягивать спешно транспортные средства в Керчь. Вместе с тем велено было подготовить верховых лошадей для оперативной части Ставки, с которой я предполагал перейти в Анапу и следовать затем с войсками береговой дорогой на Тамань...

7 марта я отдал последнюю свою директиву на Кавказском театре: Кубанской армии, бросившей уже рубеж реки Белой, удерживаться на реке Курге; Донской армии и Добровольческому корпусу оборонять линию реки Кубани от устья Курги до Ахтанизовского лимана; Добровольческому корпусу теперь же частью сил, обойдя кружным путем, занять Таманский полуостров и прикрыть от красных северную дорогу от Темрюка.

Ни одна из армий директивы не выполнила...

Большевики ничтожными силами легко форсировали Кубань и, почти не встречая сопротивления, вышли на левый берег ее у Екатеринодара, разрезав фронт Донской армии. Оторвавшийся от нее к востоку корпус генерала Старикова пошел на соединение с кубанцами. Два других донских корпуса, почти не задерживаясь, нестройными толпами двинулись по направлению Новороссийска. Многие казаки бросали оружие или целыми полками переходили к “зеленым”; все перепуталось, смешалось, потеряна была всякая связь штабов с войсками, и поезд командующего Донской армией, бессильного уже управлять войсками, ежедневно подвергаясь

опасности захвата в плен, медленно пробивался на запад через море людей, коней и повозок».^[65]

Нынешние либеральные СМИ критикуют, причем во многом обоснованно, труды советских историков, посвященные Гражданской войне. Из-за этого я предпочитаю цитировать мемуары белых вождей, ведь помимо всего они были очевидцами:

«Новороссийск тех дней, в значительной мере уже разгруженный от беженского элемента, представлял из себя военный лагерь и тыловой вертеп. Улицы его буквально запружены были молодыми и здоровыми воинами-дезертирами. Они бесчинствовали, устраивали митинги, напоминавшие первые месяцы революции, с таким же элементарным пониманием событий, с такой же демагогией и истерией. Только состав митингующих был иной: вместо “товарищей солдат” были офицеры. Прикрываясь высокими побуждениями, они приступили к организации “военных обществ”, скрытой целью которых был захват в случае надобности судов...»^[66]

Серьезно допекали добровольцев на Кавказском побережье зеленые, или, как их называли белые, «красно-зеленые». Поначалу зелеными называли мелкие группы дезертиров и повстанцев, прятавшиеся в зелени деревьев и кустов. Уже летом 1919 г. между Анапой и Адлером действовало около 15 тысяч зеленых.

За несколько дней до начала эвакуации к генералу Деникину явился генерал Бридж и передал неофициальное предложение британского правительства заключить перемирие с большевиками «в виду катастрофичности положения». Антон Иванович ответил: «Никогда».

Еще более определенно Деникин ответил 1 февраля военному корреспонденту английской газеты «Дейли Экспресс» И.Г. Гондсону: «На каких условиях вы заключили бы мир с большевиками?» «Мое единственное желание – это совершенное уничтожение советского режима. Я должен вешать всех, причастных к ужасам большевизма... Об Учредительном Собрании можно будет говорить только после наведения порядка в стране».

В Новороссийский порт прибыло десятка три военных кораблей Антанты. Британский флот был представлен дредноутом «Император Индии», крейсером «Калипсо», гидроавионосцем «Пегасус» и пятью эсминцами. Франция послала два броненосных крейсера, канонерскую лодку и два эсминца. Американцы – крейсер «Гальвестон» и два эсминца. Итальянцы – крейсер «Этис», греки – эсминец «Иепаз».

Для эвакуации самого Деникина был предназначен вспомогательный крейсер «Цесаревич Георгий», который стоял у пристани под охраной бронепоезда.

Посадка на корабли шла бестолково, отдельные группы добровольцев и казаков буквально штурмовали отходящие суда. Офицеры откровенно обвиняли Главнокомандующего и даже грозили ему физической расправой.

Эмигрантский историк Петр Варнек писал: «Один офицерский отряд пришел на пристань, у которой стоял “Цесаревич Георгий”; к этому времени генерал Деникин и его штаб уже перешли на крейсер. Начальник прибывшего отряда заявил, что он желает видеть Главнокомандующего. Опасаясь недоброго, командир “Георгия” капитан 2го ранга Домбровский посоветовал генералу Деникину с другого борта перейти на миноносец “Капитан Сакен”, что тот и сделал, взяв с собой лишь нескольких лиц своего штаба. “Капитан Сакен” тотчас же отошел и стал на якорь в отдалении. Можно считать, что с этого момента Верховное командование распалось и какое-либо руководство эвакуацией перестало существовать».

[\[67\]](#)

Чтобы обеспечить отход белых, дредноут «Император Индии» открыл огонь по наступавшим частям Красной Армии из 343мм пушек, вслед за ним начал стрельбу и французский крейсер «Вальдек Руссо» из 194мм орудий.

В эвакуации участвовали как русские суда, так и боевые корабли западных союзников. По завышенным данным белого командования из Новороссийска было вывезено 35 тысяч «добровольцев» и 10 тысяч казаков.

27 марта 1920 г. в районе Новороссийска капитулировало 22 тысячи белых. Некоторые белые части отошли к Сочи, где 2 мая капитулировало не менее 60 тысяч «добровольцев» и казаков.

Сам Деникин на «Сакене» отправился в Феодосию «подальше от кипящего страстями Севастополя». Там Главнокомандующий распустил свое правительство и дал отставку своему верному другу и начальнику штаба И.П. Романовскому (никакого отношения к августейшему семейству он не имел). Романовский вместе с британским генералом Хольмэном отправился в Константинополь. Взамен Романовского Деникин назначил начальником штаба генерала П.С. Махрова.

Вечером 19 марта (ст. с.) в Феодосию к Главнокомандующему прибыл генерал Кутепов. Он рассказал Деникину о разговоре Слащёва в ставке в Джанкое. Яков Александрович заявил, что 23 марта (ст. с.) предложил собрать совещание из представителей духовенства, армии, флота и

населения для обсуждения создавшегося положения и что, вероятно, это совещание решит обратиться к генералу Деникину с просьбой о сдаче им командования, а также предложил Кутепову принять участие в совещании. Кутепов отказался и поехал докладывать Деникину.

А вот Слащёв и Врангель в своих мемуарах строят из себя невинных гимназисток. Так, Яков Александрович утверждает, что о созыве совещания он узнал из телеграммы... Деникина.^[68]

Почти то же самое пишет и другая «гимназистка». Мол, пошла с английскими друзьями позавтракать на дредноут «Аякс», стоявший в Босфоре. И вдруг присылают телеграмму от Деникина:

«“Предлагаю прибыть к вечеру 21го марта в Севастополь на заседание военного совета, под председательством генерала-от-кавалерии Драгомирова, для избрания преемника Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. Состав совета: командиры Добровольческого и Крымского корпусов, их начальники дивизий, из числа командиров бригад и полков – половина (от Крымского корпуса по боевой обстановке норма может быть меньше), коменданты крепостей, командующий флотом, его начальник штаба, начальники морских управлений, четыре старших строевых начальника флота. От Донского корпуса генералы: Сидорин, Келчевский и шесть лиц из состава генералов и командиров полков. От штаба Главнокомандующего: начальник штаба, дежурный генерал, начальник военного управления, а также генералы: Врангель, Богаевский, Улагай, Шиллинг, Покровский, Боровский, Ефимов, Юзефович и Топорков”.

С большим трудом я поддерживал разговор. Мысли все время вертелись вокруг полученной телеграммы».

Оказывается, барон тоже ничего не знал и ничего не ведал. Так что получается, что «дед» спихнул сам себя. Это уже плагиат у Гоголя: «...офицерская вдова сама себя высекла».

Если верить Врангелю, сразу после получения телеграммы «деда» адмирал де Робек показал ему британскую ноту Деникину:

«“Верховный Комиссар Великобритании в Константинополе получил от своего Правительства распоряжение сделать следующее заявление генералу Деникину.

Верховный Совет находит, что продолжение Гражданской вой-ны в России представляет собой, в общей сложности, наиболее озабочивающий фактор в настоящем положении Европы.

Правительство его Величества желает указать генералу Деникину на

ту пользу, которую представляло бы собой, в настоящем положении, обращение к советскому правительству, имея в виду добиться амнистии, как для населения Крыма вообще, так и для личного состава Добровольческой армии, в частности. Проникнутое убеждением, что прекращение неравной борьбы было бы наиболее благоприятно для России, Британское Правительство взяло бы на себя инициативу означенного обращения, по получении согласия на это генерала Деникина и предоставило бы в его распоряжение и в распоряжение его ближайших сотрудников, гостеприимное убежище в Великобритании.

Британское Правительство, оказавшее генералу Деникину в прошлом значительную поддержку, которая только и позволила продолжать борьбу до настоящего времени, полагает, что оно имеет право надеяться на то, что означенное предложение будет принято. Однако если бы генерал Деникин почел бы себя обязанным его отклонить, дабы продолжить явно бесполезную борьбу, то в этом случае Британское Правительство сочло бы себя обязанным отказаться от какой бы то ни было ответственности за этот шаг и прекратить в будущем всякую поддержку или помощь, какого бы то ни было характера, генералу Деникину.

Британский Верховный Комиссариат.

2 апреля 1920.

Константинополь”.

Отказ англичан от дальнейшей нам помощи отнимал последние надежды. Положение армии становилось отчаянным. Но я уже принял решение.

— Благодарю вас, если у меня могли быть еще сомнения, то после того, как я узнал содержание этой ноты, у меня их более быть не может. Армия в безвыходном положении. Если выбор моих старых соратников падет на меня, я не имею права от него уклониться.

Адмирал де Робек молча пожал мне руку. Я решил выехать немедленно».

Батюшки, опять плагиат, только на сей раз у Льва Николаевича: вспомним диалог дипломата Билибина и Андрея Болконского.

На самом деле предложение британского правительства было лишь элементом многоходовой интриги, в которой, заметим, Лондон позже и сам запутается.

21 марта (2 апреля) dreadnought «Император Индии» покинул Константинополь и уже утром 3 апреля бросил якорь в Севастопольской бухте.

Человеку непредвзятому и незнакомому с методами британской политики будет совершенно непонятно, почему мечтающий о мире Лондон отправляет в Россию дредноут, да еще с таким «ястребом», мечтающим о продолжении войны. Да и с какой стати гонять дредноут ради русского отставного генерала? Пусть себе ехал бы на рейсовом пароходе. Увы, это новый элемент многоходовой интриги «Форин офис».

По прибытии в Севастополь Врангель вновь останавливается не в гостинице, а на корабле, на сей раз на крейсере «Генерал Корнилов».

Итак, Военный совет должен был избрать преемника Деникину. Сам Антон Иванович приказал включить в него «находившихся не у дел, известных мне претендентов на власть и наиболее активных представителей оппозиции. В состав совета должны были войти: командиры Добровольческого (Кутепов) и Крымского (Слащёв) корпусов и их начальники дивизий. Из числа командиров бригад и полков – половина (от Крымского корпуса в силу боевой обстановки норма может быть меньше). Должны прибыть также: коменданты крепостей, командующий флотом, его начальник штаба, начальники морских управлений, четыре старших строевых начальника флота. От Донского корпуса – генералы Сидорин, Кельчевский и шесть лиц в составе генералов и командиров полков. От штаба главнокомандующего – начальник штаба, дежурный генерал, начальник Военного управления и персонально генералы: Врангель, Богаевский, Улагай, Шиллинг, Покровский, Боровский, Ефимов, Юзефович и Топорков».^[69]

Однако Врангель сам подобрал себе выборщиков:

«Генерал Драгомиров со мной охотно согласился. Мы тут же по списку наметили состав этих лиц: председатель – генерал от кавалерии Драгомиров, командующий флотом вице-адмирал Герасимов, Донской атаман генерал-лейтенант Богаевский, командующий Донской армией генерал-лейтенант Сидорин, начальник его штаба генерал-лейтенант Кельчевский, начальник военного управления генерал-лейтенант Вязьмитинов, комендант Севастопольской крепости генерал-лейтенант Турбин, генерал-лейтенанты: Шатилов, Боровский, Покровский, Юзефович, Шиллинг, Кутепов, Улагай, Ефимов, Стогов, Топорков, начальник штаба Главнокомандующего генерал-майор Махров, начальник штаба командующего флотом контр-адмирал Евдокимов и я».

Любопытно, что барон двумя строками ранее в «Записках» проговорился: «Фронт удерживался частями генерала Слащёва, сведенными в Крымский корпус».

Итак, один Слащёв держит фронт с большевиками, остальные

генералы заняты болтовней и интригами. И его-то Врангель исключает из списка участников, составленного по приказу Деникина. Замечу, что Деникин пока еще Главнокомандующий белой армией. Как мы помним, Слащёв до сих пор был ревностным сторонником Врангеля.

Увы, все дело в безумном честолюбии барона. Плевать на бедственное положение армии, но терпеть рядом самого талантливого генерала Белого движения он не будет.

На Совете барон заявил: «...я лично не представляю себе возможным для нового Главнокомандующего обещать победоносный выход из положения. Самое большее, что можно от него требовать – это сохранить честь вверенного армии русского знамени. Конечно, общая обстановка мне менее знакома, чем всем присутствующим, а потому я, быть может, преувеличиваю безвыходность нашего положения. Я считаю совершенно необходимым ныне же выяснить этот вопрос.

Все молчали.

Наконец, генерал Махров стал говорить о том, что как бы безвыходно ни казалось положение, борьбу следует продолжать – “пока у нас есть хоть один шанс из ста, мы не можем сложить оружия”.

– Да, Петр Семенович, это так, – ответил генерал Шатилов, – если бы этот шанс был... Но, по-моему, у противника не девяносто девять шансов, а девяносто девять и девять в периоде...

Генерал Махров не возражал».

Разумеется, что Совет единогласно избрал Врангеля Главнокомандующим.

Любопытно, что сразу после утверждения барон потребовал от собравшихся дать ему подписку в том, что условием принятия им поста Главнокомандующего не будет переход в наступление против большевиков, а только вывод армии с честью из создавшегося тяжелого положения.

Чем же занялся новый Главнокомандующий? Барон немедленно начал допрашивать комфлота адмирала Герасимова:

«На вопрос мой о тоннаже, запасах угля и масла, которыми мы могли бы обеспечить суда, на случай необходимой эвакуации, я получил безнадежно неутешительный ответ. Тоннаж в портах Крыма достаточен, однако ни одно судно выйти в море не может. Не только нет запасов угля и масла, но и на кораблях ни угля, ни масла нет. Даже боевые суда нет возможности освещать электричеством.

– Вы не поверите, – добавил адмирал Герасимов, – нам нечем даже развести пары на буксирах, чтобы вывести суда на рейд. Если, не дай Бог, случится несчастье на фронте, никто не выйдет».

Итак, все генералы и адмиралы с самого начала «врангелевщины» четко понимали – война проиграна, вопрос же в том, сколько они сумеют продержаться. Спору нет, Добровольческая армия в 1918—1919 гг. много раз оказывалась в сложном положении и отступала по суше и по морю, но всегда на территорию бывшей Российской империи, а вот сейчас отступить было некуда.

22 марта (3 апреля) Деникин в Феодосии отдал свой последний приказ: «Генерал-лейтенант барон Врангель назначается Главнокомандующим Вооруженными Силами на Юге России.

Всем, честно шедшим со мной в тяжелой борьбе, низкий поклон. Господи, дай победу армии, спаси Россию.

Генерал-лейтенант Деникин».

Обратим внимание, Главнокомандующий передавал Врангелю командование армией, но не гражданскую власть на оккупированных территориях.

4 апреля 1920 г. генералы Деникин и Романовский на французском миноносце покинули Феодосию и отправились в Константинополь. Там оба генерала 5 апреля разместились в русском посольстве. В тот же день неизвестный прямо в здании посольства застрелил Романовского. В Древнем Риме, разбирая преступления, прежде всего говорили: «Qui pzodest?» («Кому выгодно?»)

Большевикам убивать опального Романовского было ни к чему, их вполне устраивала грызня в лагере белых. Нетрудно догадаться, что это преступление было на руку лишь одному барону Врангелю.

Вполне возможно, что помимо устранения конкурента барон решил напугать «деда» и его семью. Во всяком случае, в тот же вечер Деникин с семьей немедленно покинул посольство и укрылся на английском госпитальном судне. А 6 апреля Деникин и его семья на дредноуте «Мальборо» отправились в Англию.

Глава 12

Крымские реформы Врангеля

Свой приход к власти Врангель, как и положено, отметил грандиозным молебном и военным парадом. Утром 25 марта (5 апреля) в Севастополе прошел крестный ход, направлявшийся на площадь Нахимова. У памятника Нахимову установили аналой, рядом с которым стояли Врангель, несколько генералов и члены английской и французской миссий. После молебна состоялся парад частей Добровольческой армии.

Врангель писал:

«В Крым переброшено было, включая тыл, около двадцати пяти тысяч добровольцев и до десяти тысяч донцов. Последние прибыли без лошадей и без оружия. Даже большая часть винтовок была при посадке брошена. Казачьи полки были совершенно деморализованы».

Тут я отвлекусь и напомним читателям о современных либералах-образованцах, которые утверждают, что после эвакуации врангелевских войск в ноябре 1920 г. из Крыма красные расстреляли 50, 100 и даже 150 тысяч белых офицеров. Это после потерь за 9 месяцев боев и минус эвакуация. Что-то не ладится с арифметикой у господ образованцев.

28 апреля Врангель «сменил вывеску»: название Добровольческая армия было заменено на Русская армия. Для этого у барона должны были быть серьезные основания. Ведь большинство белых офицеров гордилось прежним названием. О «ледовом походе» Добровольческой армии ходили легенды. Увы, Добрармия запятнала себя грабежами и разбоями. Это говорю не я, об этом многократно писал «деду» сам барон. Наконец, уже весной – летом 1919 г. армия Деникина перестала быть добровольной. Туда насильно мобилизовывали крестьян, обывателей и даже пленных красноармейцев. И Врангель идет по традиционному пути – меняет вывеску. В России стало традицией, когда какая-то группа людей становится крайне непопулярной в народе, ей срочно по-дыскивают новое название. Пример: женщин, родивших без брака, в дореволюционной России называли девицами, большевики сменили вывеску на «матери-одиночки», вскоре и это название стало непопулярным и его в 70х годах заменили на «одинокие мамы», а затем – на «неполные семьи». Аналогично менялись названия у педерастов: сначала гомосексуалисты, потом – геи, затем – лица с нетрадиционной сексуальной ориентацией.

С заменой вывески во врангелевской армии ничего не изменилось. Разве что поперли генералов типа Шиллинга. Добровольцы в армию более не шли, и барон объявил мобилизацию. Поначалу призыву подлежали все военнообязанные в возрасте от 18 до 34 лет, затем – от 16 до 48 лет. Крестьяне, несмотря на суровейшие меры – конфискацию земли и имущества, репрессии вплоть до физического уничтожения дезертиров и укрывающих их, – всячески пытались избежать армии. Увы, ничего не помогало. На воинские пункты прибывало не более трети призывников, из сотен мобилизованных до воинских частей доходили десятки. Многие сотни дезертиров уходили в горы к зеленым.

Врангель отчаянно пытался найти себе союзников. Дошло до того, что барон регулярно посылал к Махно своих эмиссаров. Большинство их было перехвачено красными. В августе очередного курьера доставили к самому Махно. Дневник оперативного отдела махновской армии сохранил запись: «Принимали посланного от Врангеля с письмом делегата, которого заседание командного состава приговорило к расстрелу и постановило опубликовать в печати содержание письма и наше отношение к белым».

Стремясь пополнить Русскую армию, Врангель выпустил из тюрем несколько сот уголовников во главе с атаманом Володиным. Атаман вместе со своим воинством был отправлен на фронт. Увы, толку от бандитов было мало. Сам же Володин вскоре был расстрелян белыми за разбой в Мелитопольском уезде.

Не забывал Врангель и о пленных в качестве источника пополнения армии. В приказе от 29 апреля говорилось: «Безжалостно расстреливать всех комиссаров и других активных коммунистов, захваченных во время сражения». Остальных... принимать на службу.

От реформ армейских перейдем к реформам гражданским. Уже спустя 4 дня после парада и молебна в Севастополе барон присвоил себе титул «Главкомандующий Русской армии и Правитель Юга России».

Связь Правителя с гражданскими властями осуществлялась через начальника штаба. Сначала это был П.С. Махров, которого считали слишком левым. В середине июня Врангель назначил генерала Махрова военным представителем в Польше, заменив его другом и сподвижником П.Н. Шатиловым.

Первоначально Гражданское управление представлял Совет начальников управлений при Главкомандующем (Правителе). В него вошли: Управление внутренних дел, объединявшие ведомства собственно внутренних дел, земледелия, торговли и путей сообщения (таврический губернатор Д.П. Перлик, которого сменил в двадцатых числах мая бывший

во времена командования Врангелем Добровольческой армией его помощником по гражданской части С.Д. Тверской; пост вице-губернатора занял А.А. Лодыженский); финансов (М.В. Бернацкий); иностранных дел – внешних сношений (П.Б. Струве); юстиции (Н.Н. Таганцев), военное (генерал-лейтенант В.Е. Вязьмитинов). Струве большую часть времени пребывал за границей, и его обязанности на месте исполнял Г.Н. Трубецкой. По прошествии некоторого времени на место начальника выделенного Управления торговли и промышленности был назначен единственный «местный» в Совете – В.С. Налбандов. Кстати, левее его (октябриста) около Врангеля не было никого.

В связи с намеченной аграрной реформой возникло отдельное Управление землеустройства во главе с сенатором Г.В. Глинкой.

Должность государственного контролера получил бывший член Государственной думы Н.В. Савич. Оба отличались устойчиво правыми взглядами.

20 мая, после настойчивых уговоров Врангеля, в Севастополь прибыл 63-летний А.В. Кривошеин. В 1908—1915 гг. он служил главноуправляющим земледелием и землеустройством. Тайный советник. Близкий друг ряда русских миллионеров – Мамонтовых, Рябушинских и др. Женат на внучке миллионера Морозова. В 1919 г. служил у Деникина, но затем уехал в Париж. 20 мая 1920 г. Кривошеин прибыл в Севастополь на британском крейсере. Он фактически стал гражданским заместителем Врангеля. Врангель буквально преклонялся перед Кривошеиным: «Человек выдающегося ума, исключительной работоспособности», «выдающийся администратор», «человек исключительной эрудиции, культурности и широкого кругозора»... Далее особенно важно: «Принадлежа всей своей предыдущей службой к государственным умам старой школы, он, конечно, не мог быть в числе тех, кто готов был принять революцию, но он ясно сознавал необходимость ее учесть. Он умел примениться к новым условиям работы, требующей необыкновенного импульса и не терпящей шаблона».

Князь Оболенский, также служивший в гражданской администрации Врангеля, оценивал Кривошеина несколько иначе: «Человек большого ума, лучше многих понимавший всю глубину происходивших в русской жизни изменений и ясно представлявший себе, что возврата к прошлому нет. Но... он все-таки был плоть от плоти бюрократического режима... Долгая бюрократическая служба создала в нем известные привычки и связи с определенным кругом людей». И если «по основным чертам психологии» Врангель «оставался ротмистром Кавалергардского его величества полка»,

то Кривошеин – «тайным советником и министром большой самодержавной России». И тот и другой дальше «реформ сверху» пойти не смогли при любых обстоятельствах.

Идеологией Врангеля стало... отсутствие идеологии, точнее, несколько подправленная позиция деникинской непредреченности. Врангель писал:

«Когда опасный для всех призрак большевизма исчезнет, тогда народная мудрость найдет ту политическую равнодействующую, которая удовлетворит все круги населения. Пока же борьба не кончена, все партии должны объединиться в одну, делая внепартийную деловую работу, значительно упрощенный аппарат управления мною строится не из людей какой-либо партии, а из людей дела. Для меня нет ни монархистов, ни республиканцев, а есть лишь люди знания и труда.

На такой же точке зрения я стою в отношении к вопросу о так называемой “ориентации”. С кем хочешь, – но за Россию, – вот мой лозунг.

В частности, касаясь германской ориентации, о которой так много пишут и говорят за последнее время, я не могу придавать ей серьезного значения. Германия, истощенная войной и занятая внутренними делами, едва ли может оказать реальную помощь другим странам.

Не триумфальным шествием из Крыма к Москве можно освободить Россию, а созданием хотя бы на клочке русской земли такого порядка и таких условий жизни, которые потянули бы к себе все помыслы и силы стонущего под красным игом народа».

Техническая неосуществимость создания в Крыму фирмой «Врангель и К°» райского уголка очевидна и теперь, и тогда, в далеком 1920 м. Но даже если предположить фантастический вариант создания райского уголка, то как о нем узнал бы русский народ? В идеологической борьбе красные одержали победу над белыми уже в 1918 г. Я уже не говорю о том, что контрреволюционная пропаганда беспощадно каралась ВЧК. Ну, предположим, дошли бы до крестьян центральных губерний прокламации с рассказами о райской жизни в Крыму. Риторический вопрос – поверили бы крестьяне, что те же деникинские генералы и офицеры вместо разбоя, вакханалии и бардака вдруг построили в Крыму земной рай! А пока суть да дело, Красная Армия вышибла бы барона из Крыма.

Писать об экономических реформах Врангеля очень трудно. И дело не только в том, что они остались на бумаге. Собственно, никаких четких законов и правил врангелевской администрацией выработано не было, а были лишь декларации о намерениях.

Квинтэссенцию внутренней политики Врангеля хорошо выражает его

собственный афористический лозунг «хлеб и порядок» (из приказа № 179). Расшифровав его, обнаружим три кита, на которых зиждились надежды режима: земельная и земская (предполагалась и городская) реформы и свободная торговля.

Врангель приказал начать разработку мероприятий по аграрному вопросу 8 апреля. В апреле (с 11го числа) – мае интенсивно работают комиссии под председательством сенатора Г.В. Глинки, бывшего товарища министра земледелия и начальника переселенческого управления. Смысл намерений Врангеля ясно выразил глава его кабинета А.В. Кривошеин: «..Если ставка на коллективный разум хозяйственного крестьянства оправдывает себя, то мы сможем с гордостью и удовлетворением сказать, что заложен прочный фундамент будущей великой России».

25 мая 1920 г. (ст. с.) Врангель издает «приказ о земле»: «Приказ прежде всего определяет необходимые изъятия из этого положения, подсказываемые как требованиями справедливости, так и соображениями государственной пользы. За прежними владельцами часть их владений сохраняется, но размер этой части не устанавливается заранее, а составляет в отдельной местности предмет суждения волостных и уездных земельных учреждений, которым всего более знакомы местные хозяйственные условия».

Надо ли говорить, что при Врангеле «волостные и уездные земельные учреждения» целиком зависели от центрального аппарата Врангеля, а еще больше – от произвола офицеров ближайшей войсковой части. Кроме того, уровень коррупции подобных учреждений в десятки раз превышал взяточничество царских чиновников. Не подлежали разделу барские усадьбы, монастырские и церковные земли. Причем никаких объяснений о том, какие земли надо считать усадьбами, не было. За полученную землю крестьянин должен был платить компенсацию в течение 25 лет. Наконец, собственник перед отчуждением земли имел право ее продать.

Фактически это была та же политика непредрежденности. Правитель выдал благие идеи, а местные власти должны их реализовывать по своему усмотрению.

Проведение в жизнь подобной реформы в России даже в относительно спокойном 1913 г. привело бы к Гражданской войне. На счастье барона, его земельная реформа осталась на бумаге. Как писали А.Г. Зарубин, В.Г. Зарубин^[70]: «Реформа была доведена до конца только в имении Акманай Филибера-Шатилова Мелитопольского уезда, где 22 крестьянина получили в собственность арендную землю. Впрочем, не было и серьезных протестов. Так что суждения о вероятных результатах земельных

преобразований Врангеля в случае долговременности его режима равносильны гаданию на кофейной гуще».

Интересны показания, полученные ВЧК от перебежчика Мейера 6 августа 1920 г. о положении в Крыму: «...по лавочкам, ресторанам и кафе дороговизна страшная: в день одному человеку нужно, чтобы прожить неголодно, – 100 000 р. Цены на продукты в Севастополе: сало – 3500 р., масло – 4000 р., яйца – 3000 р. 10 штук, хлеб – 200 р. в пекарнях, мясо – 15 000 р., трудно достать. Картошка – 1000 р. фунт. В этом духе на все в городах от Севастополя к Азовскому морю во много раз дороже, а хлеб в этих городах совсем мало заметен. Мельницы почти совсем не работают за неимением угля и нефти. Дрова, что-то не помню, но колоссальные деньги стоят. Тем, которые работают, разрешено молотить только последний сорт. Первые сорта приказом Врангеля запрещено. Много вывозится ячменя исключительно в Константинополь турецкими фелюжниками, которые привозят мелочь и спиртные напитки на обмен. Крестьяне хлеб армии отдают вяло...

Топливо стоит еще хуже. Три четверти мельниц стоит, мелкие заводы частные стоят. Военные суда стоят все. Ходят только катера, которые требуют мало отопления. Потом три подводные лодки, кажется, да два миноносца, ходят мало, но держат пары. А остальные стоят мертвыми. Еще ходят парохода три Российского Общества, добывая уголь в Константинополе за дорогую цену. А потому за перевозку от Севастополя до Керчи 13 тысяч рублей с пассажира. Пассажирское движение по железной дороге тоже трудное, да и поезда по расписанию почти не ходят, только воинские и один в сутки в одном направлении, так называемый почтовый, состоящий исключительно из товарных вагонов. Классных в движении нет. Еще на больших станциях стоят, отапливаются поезда, кажется, дровами. Паровозы старые, ход тихий, вагоны побиты. Я ехал от Феодосии до Керчи, признаться, страшно было. Топлива заметно нет, расходуют последнее и получать неоткуда с падением Батума».^[71]

Тем не менее спустя 90 лет находятся у нас либералы-образованцы, восхваляющие земельные реформы барона.

Поскольку в тексте приказа о земле были упомянуты волостные учреждения, барон повелел создать их. В начале июля завершила свою работу комиссия по рассмотрению законопроекта о волостном земстве, работавшая под председательством начальника гражданского управления С.Д. Тверского. Волостная реформа явилась закономерным «довеском» к земельной.

В приказе Врангеля от 15(28) июля говорилось: «Кому земля, тому и

распоряжение земским делом, на том и ответ за это дело и за порядок его ведения». Восстанавливалось упраздненное деникинским правительством волостное земство. Избирательное право получили землевладельцы, духовенство, оседлые арендаторы и служащие. Речь шла, таким образом, о формировании преимущественно крестьянского самоуправления, но с оговоркой: председатель волостной управы исполняет обязанности волостного старшины и в качестве такового подчиняется уездному начальнику. Что и обеспечивало сохранение бюрократического контроля над земскими учреждениями.

В сентябре положение о волостном земстве было дополнено положением о земстве уездном. Согласно последнему, уездное земское собрание имело право высказать губернатору свои соображения о дальнейшей судьбе губернского земства. «Если уезды признают необходимым, губернская организация будет сохранена, но уже как добровольный союз земств, в противном случае она может быть заменена областной земской организацией или совершенно уничтожена».

Это был курс на устранение земской оппозиции. «Вся сельская интеллигенция – учителя, врачи, фельдшера... лишались права участия в волостных земствах... В сущности это было упразднение старого земства, земства, двигавшегося “цензовой” или “демократической” интеллигенцией, земства, имевшего свои навыки и традиции. Создавалось новое крестьянское самоуправление с преобладающим влиянием волостных старшин, подчиненных администрации». Ликвидировалось «средостение» между властью и народом в лице интеллигенции. Создавалась вертикаль: бюрократия – крестьянство, не имеющая промежуточных ступеней.

В маленьком Крыму в государственном аппарате Врангеля служило 10—12 тыс. гражданских чиновников. Кроме того, примерно 10 тысяч офицеров занимались гражданскими делами.

Выплачивать нормальное жалованье такой ораве была нечем. Так, месячное жалованье чиновников 16го – 7го – 4го классов в мае 1920 г. составляло 7—16—27 тыс. рублей и вместе со всеми прибавками покрывало от 5 до 25 % семейного прожиточного минимума. В сентябре оклады были увеличены в два раза, но в октябре инфляция съела эту прибавку, и жалованье вновь стало покрывать лишь 5—10 % прожиточного минимума. Бедственное положение чиновничьих семей усугублялось еще и тем, что за зиму – весну они продали все, что еще можно было продать, и теперь этот источник дохода у них иссяк. Поэтому чиновникам не оставалось ничего другого, кроме как вымогать взятки и заниматься казнокрадством. ^[72]

Князь Оболенский так описывал свою жизнь в Симферополе в 1920 г.: «Мне лично и моей семье, жившей на мое “огромное” по сравнению с другими жалованье, приходилось отказывать себе в самых основных потребностях жизни сколько-нибудь культурного человека: занимали мы маленькую сырую квартиру на заднем дворе, о прислуге, конечно, и не мечтали, вместо чая пили настой из нами собранных в горах трав, сахара и масла мы не потребляли совсем, мясо ели не больше раза в неделю. Словом, жили так, чтобы только не голодать. Одежда и обувь изнашивались, и подновлять их не было никакой возможности, ибо стоимость пары ботинок почти равнялась месячному окладу моего содержания...

Конечно, голод не поощряет держаться на стезе добродетели, и люди, которые когда-то были честными, постепенно начинали, в лучшем случае, заниматься спекуляцией, а в худшем – воровать и брать взятки... В России, где честность никогда не являлась основной добродетелью, во время Гражданской войны в тылу белых войск бесчестность стала бытовым явлением».^[73]

Одной из важнейших причин, вызвавших тотальную коррупцию, был психологический фактор. До 1917 г. царский чиновник служил царю и России. Советский функционер мог жить впроголодь, мечтая о построении нового справедливого государства. А в Крыму в 1920 г. чиновник испытывал мало пиетета перед самозванным правителем, да еще и немецким бароном. Замечу, что немецких баронов и генералов на Руси не любил не только простой народ, но и лучшие полководцы, ученые и писатели, вспомним Румянцева, Потемкина, Суворова, Кутузова, Скобелева, Ломоносова, хирурга Пирогова, писателей Пушкина, Гончарова, Льва Толстого и т. п. Само по себе явление Правителя России барона фон Врангеля было сказочным подарком пропагандистам Красной Армии.

Крымские чиновники в отличие от 1919 г. больше не говорили о походе на «златоглавую» Москву, посмеивались над победными сводками газет, где барона сравнивали с Александром Македонским. Предметом спора на политическую тему был единственный вопрос – когда собирать чемоданы. А рядом голодная семья! Да как тут не воровать самому честному чиновнику?

Правитель периодически издавал грозные указы против взяточников и казнокрадов, «подрывающих устои разрушенной русской государственности», грозил каторгой и смертной казнью, которая была введена в октябре. Но проку от этих угроз не было никакого. Провалилась и кампания официальной прессы, взывавшей к патриотическим чувствам

чиновников под лозунгом «Брать сейчас взятки – значит торговать Россией!» Беспольны были и разглагольствованиа авторов некоторых статей о том, что «ничтожное жалованье, дороговизна, семьи – все это не оправдание для мздоимства».

Историк С.В. Карпенко пишет: «В целом эффективность работы чиновников Белого юга в 1920 г. была еще ниже, чем в 1919 м. Чувство долга, годом раньше еще питавшееся расчетами на чины, награды и продвижение по службе “после Москвы”, быстро сходило на нет. Главным мотивом занятия должности в государственном аппарате стало использование служебного положения в корыстных целях, и с каждым новым днем этот мотив усиливали ощущение непрочности положения и катастрофический рост цен. Только для кого-то корысть сводилась к желанию спасти себя и свои семьи от голода, а для кого-то – к “благоприобретению” капитала для безбедной жизни за границей после падения Врангеля».^[74]

Борьба Врангеля с коррупцией вносила еще больший беспорядок в его администрацию. В.А. Оболенский писал, что, по мнению барона, аппарат управления можно упростить и устроить на манер полевого штаба – стоит только приказать. За апрель – май Врангель отдал приказы о расформировании более пятисот военных и гражданских учреждений, но эта кавалерийская атака на бюрократию особого успеха не имела, поскольку офицеры, откомандированные из упраздненных тыловых учреждений на фронт, не веря в победу и не желая рисковать жизнью, добивались откомандирования в другие, вновь создаваемые тыловые учреждения и в итоге все-таки покидали фронт. Чиновники также перекочевывали из упраздненных учреждений во вновь открывавшиеся. Сделать это было не сложно, так как новые учреждения являлись продолжением старых, хоть и под новой вывеской, но под руководством тех же начальников. Главы ведомств и руководители учреждений стремились постоянно расширять подчиненные им аппараты, поскольку это расширяло бюджетное кредитование и делало службу «доходнее». Поэтому вместо упраздненных скоро возникали новые учреждения, множилось число управлений, отделов и канцелярий. И, по сути, весь этот процесс свелся к «калейдоскопической перемене фамилий и вывесок, а зачастую даже только последних».^[75]

Врангель попытался провести и судебную реформу. Дадим слово самому барону:

«С первых дней приезда моего в Крым, я обратил внимание на

необходимость установления начал нормального правопорядка, столь пошатнувшегося за годы гражданской войны.

Одной из главнейших причин развала армий генерала Деникина было отсутствие в них твердого правового уклада и чувства законности. Войска развратились, военно-судебное ведомство, во главе с главным военным и морским прокурором, было бессильно. Приказом Главнокомандующего право на возбуждение уголовного преследования предоставлено было непосредственным начальникам виновных. В существовавшие корпусные суды, в состав которых входили опытные юристы, дел почти не поступало, почти все дела рассматривались военно-полевыми судами, находившимися фактически в полном подчинении войсковым начальникам. Военно-полевые суды стали постоянно действующим аппаратом судебной власти и, состоя из лиц в большинстве случаев незнакомых с самыми элементарными юридическими познаниями, сплошь и рядом совершали грубые непоправимые ошибки, в корне нарушая основные понятия законности и правопорядка. Престиж суда оказался подорванным.

Моим приказом от 6го апреля предание суду должно было производиться не по усмотрению войскового начальства, а путем непосредственного внесения прокурорским надзором обвинительного акта в суд с сообщением о том начальству обвиняемого для отдания в приказ.

Наряду с другими мерами для решительного искоренения грабежей и разбоев приказом моим от 14го апреля образованы были особые военно-судные комиссии при начальниках гарнизонов, комендантов крепостей, а впоследствии при штабах корпусов, дивизий и отдельных бригад».

Но в самой армии не было порядка, и эти военно-судные комиссии оправдывали или давали смешные наказания офицерам, уличенным в убийствах, насилиях и разбоях. Одновременно выносились массовые смертные приговоры всем заподозренным в симпатиях к большевикам.

Врангель писал: «Рядом приказов были изъяты из ведения военно-полевых судов дела о несовершеннолетних от десяти до семнадцатилетнего возраста и исполнение приговоров над присужденными к смертной казни предписывалось не производить публично».

Ай да барон! Ай да демократ! Теперь десятилетних «большевиков» судил уже не военно-полевой суд, а военно-судная комиссия.

О какой законности в Крыму могла идти речь, когда полковник Туркул, прочитав нелицеприятную статью о себе, подчеркиваю – о себе, а не о врангелевской армии, поднял роту солдат, захватил здание редакции и велел выпороть автора статьи.

Бесспорно, в Советской России не было свободы печати. Но акции

против газет и журналов предпринимались высшими властями, а не пьяными комиссарами или полковниками. Допускаю, что в начале 1918 г. нечто подобное могло иметь место, но в 1920 г. любой комполка Красной Армии, посмевший совершить подобный самосуд, пошел бы под ревтрибунал вне зависимости от «вредности газеты».

В Крыму Врангель выпускал примерно двадцать газет. Среди них: «Южные Ведомости», «Ялтинский Курьер», «Крымский Вестник», «Юг России», «Наш Путь» и др. Демократичный барон 22 марта 1920 г. отменил предварительную цензуру СМИ. Редакторы и издатели взвыли – это было еще хуже: «С отменой цензуры мы перестаем перед собой кого-либо видеть. Но... накаплиют “преступный материал” – и в один прекрасный день, как гром среди ясного неба – беспощадная репрессия».

Наконец цензура была восстановлена, и вскоре газеты «заполнились» белыми пятнами. Доходило до курьезов: однажды цензура выбросила официальную речь... Врангеля, как «слишком революционную», другой раз забраковала заметку Кривошеина, поскольку она «подрывает существующий государственный порядок».

Цензура приостановила либеральный «Юг России» и черносотенный «Царь-Колокол» за обвинения правительства в демократизме, а «Русскую Правду» – за погромную агитацию.

В сентябре разыгрался скандал с заведующим отделом печати, журналистом Г.В. Немировичем-Данченко. Оказалось, что под разными псевдонимами в печатных органах стали появляться статьи, резко критикующие работу тыловых учреждений и при этом оперирующие данными, недоступными рядовым обозревателям. Автором их был не кто иной, как Немирович-Данченко. По рекомендации Струве Врангель заменил его профессором истории Г.В. Вернадским. «Приходило, конечно, много деятелей печати, – вспоминал Вернадский о своей службе. – Почти все они понимали трудность положения и соответственно сами себя ограничивали в своих газетных писаниях и в отношении острых политических и военных вопросов».

Дабы раз и навсегда пресечь казусы, подобные действиям Немировича-Данченко, Врангель издает 12 сентября приказ: учреждается комиссия высшего правительственного надзора (под председательством генерала Э.В. Экка), «куда каждый обыватель имеет право принести жалобу на любого представителя власти», вследствие чего «огульную... критику в печати, а равно тенденциозный подбор отдельных проступков того или другого агента власти объясняю не стремлением мне помочь, а желанием дискредитировать власть в глазах населения и за такие статьи

буду взыскивать, как с цензоров, пропустивших их, так и с редакторов газет».

Сам Врангель признавал: «Субсидируемые правительством органы, а таких было большинство, льстили властям самым недостойным образом, но в проведении общих руководящих мыслей государственного значения помочь правительству не могли».

Как уже говорилось, в 1919 г. на территориях, занятых Добровольческой армией, была бешеная инфляция. А в 1920 г. в Крыму началась гиперинфляция. С.В. Карпенко пишет: «В течение апреля – первой половины октября (1920 г.) цены на иностранную валюту, опережая рост цен на товары и продовольствие, выросли в 10—12 раз. А в последние, предэвакуационные, две недели октября их курс поднялся еще более чем на 2000 %. С июля по октябрь 1920 г. стоимость английского фунта на бирже поднялась с 28 000 до 105 000 руб., франка – с 500 до 2100 руб., доллара – с 7500 до 9000 руб.

Колоссальная и постоянно растущая разница курсов рублей и иностранной валюты продолжала подстегивать бешеную валютную спекуляцию. Как грибы росли банковские отделения и меняльные конторы, занимавшиеся торговлей и обменом валюты. Продавая валюту на 5 % выше покупной цены, они наживали баснословные барыши...

Несмотря на их аннулирование, прочное место в денежном обращении занимали советские бумажные рубли, большое количество которых находилось у крестьян, рабочих и мелкой городской буржуазии. И при Врангеле Управление финансов стремилось к их полному аннулированию и изъятию их обращения, опасаясь, что их свободное обращение дает в руки большевиков серьезное средство экономической борьбы. Приказы об аннулировании вызвали недовольство не только населения, но и противодействие частей армии: получая денежное довольствие в недостаточном количестве и большими опозданиями, зато располагая значительными суммами трофейных советских денег, интендантства и военнослужащие расплачивались ими с крестьянами. Те, со своей стороны, охотно их принимали. Поэтому несмотря на приказы об аннулировании, советские деньги широко ходили в Таврии, особенно в прифронтовой полосе, где крестьяне тем охотнее принимали их, чем явственнее ощущали вероятность скорого прихода красных.

К апрелю 1920 г. курс бумажных рублей ВСЮР упал по сравнению с довоенным курсом рубля более чем в 500 раз. В течение весны – осени 1920 г. падение курса продолжалось, что обуславливалось целым комплексом как объективных экономических факторов, так и субъективным

психологическим – неверием в конечный успех армии Врангеля.

С апреля по октябрь в обращение было выпущено более 150 млрд руб., не обеспеченных ни золотым запасом, ни произведенной товарной массой.

Инфляция ускорялась также скупкой и вывозом из Таврии золота и драгоценностей потерявшими веру в успех белых и покидавшими Крым предпринимателями и помещиками». ^[76]

В конце августа 1920 г. в Севастополь из Англии были доставлены новые денежные знаки на сумму 20 млрд рублей и печатные станки для их изготовления, заказанные, кстати, еще в 1919 г. Деникиным. Карпенко пишет: «Планировавшаяся реформа была прежде всего скрытым способом экспроприации населения, поскольку неминуемо должна была вызвать новое повышение цен. Вместе с тем она сильно задевала интересы предпринимателей, ограничивая свободу коммерческих операций, и вообще имущих слоев, поскольку неизбежно лишила бы их значительной доли накопленных средств». ^[77]

Главным же была необеспеченность этих денег. У Врангеля не было ни товаров, ни валюты. Однако барону не удалось пустить в оборот большую часть этих денег. Цены на продовольствие в Крыму с апреля по октябрь 1920 г. поднялись в среднем в 16—20 раз, на промышленные товары – в 15—20 раз, на топливо – в 50 раз. Таким образом, прожиточный минимум семьи из трех человек составлял: в марте – 23 тыс. руб., в апреле – 61 тыс. руб., в мае – 150 тыс. руб., в июне – 144 тыс. руб., в июле – 152 тыс. руб.. ^[78]

Зато в Крыму процветало свыше 80 частных банков, занимавшихся в основном спекуляциями на падении курса рубля.

Основными доходными статьями бюджета были прямые и косвенные налоги. Врангель боялся повышать прямые налоги в соответствии с инфляцией и не пытался выбить из населения, и прежде всего с крестьян, многочисленные недоимки, накопившиеся за годы Гражданской войны, поскольку это могло вызвать взрыв недовольства. Но врангелевское правительство установило регрессивное налогообложение: ставки прямых налогов с населения были повышены более чем в 10 раз, а налог с капитала и процентный сбор с прибыли предпринимателей – всего в два раза. ^[79]

Но повышение прямых налогов результатов не дало. Крестьяне, рабочие и обыватели уклонялись от уплаты налогов власти, в долговременность которой не были уверены. А промышленники и торговцы под разными предлогами и за счет махинаций и раздач взятки платили значительно меньше положенного.

В такой ситуации правительство и Управление финансов основной

упор сделали на повышение ставок косвенного налогообложения. Управление финансов пыталось обложить акцизом весь торгово-промышленный оборот предметов широкого потребления – спиртные напитки, табак, сахар, соль, чай, кофе, а также повышало стоимость патентов и бандеролей на производство и торговлю. По сравнению с 1917 г. ставки акцизов повысились в 300—400 раз и достигли 30 % стоимости товаров.^[80]

Каюсь, я опять привожу слишком много цифр, не интересных значительной части читателей. Но как быть, когда историки-образованцы XXI века предлагают России в виде образца экономические реформы гениального барона!

А была ли свободная торговля в Крыму? Торговля была, но назвать ее свободной язык не поворачивается. Врангель регулярно издавал грозные приказы против спекуляции. Он внес изменения в деникинский закон от 4 ноября 1919 г. о борьбе со спекуляцией, а именно: повысил награду тем, кто обнаружит спекулянтов, с 5 до 50 % конфискованного имущества. Но Государственная стража, получавшая от спекулянтов хорошие взятки, смотрела на их махинации сквозь пальцы, эпизодически вылавливая всякую мелочь – мальчишек на базарах, уличных торговцев вразнос и т. п. Зато Государственная стража с удовольствием хватала зажиточных крестьян, привезших продукты на продажу, с целью вымогательства.^[81]

Официальная пресса упрекала предпринимателей и торговцев за спекуляцию, нежелание помочь армии, стремление «отсидеться в партере» и «отказ от классового достоинства». На страницах черносотенных газет раздавались истеричные призывы выгнать буржуазию, окопавшуюся в глубоком тылу под предлогом «работы на оборону», на фронт. Дескать, довольно ей «работать на оборону», пускай «поработает на наступление».^[82]

«Офицеры действующей армии компенсировали нехватку жалованья грабежом крестьян, причем некоторые вывозили награбленное продовольствие в тыл и спекулировали им. Среди офицеров тыловых учреждений широко распространилось казнокрадство, а среди младшего комсостава тыловых частей – работа по найму, чаще всего грузчиками. Голодавшие в крымских городах семьи офицеров и чиновников, интеллигенция и беженцы несли на рынки остатки имущества и меняли его на продовольствие. Когда менять было уже нечего, жены фронтовых офицеров шли на панель, попадая в разряд “мамзелей Лирских” – средней дороговизны проституток, бравших плату турецкими лирами. И это порой

заканчивалось самоубийствами – жен в тылу и мужей на фронте.

Рост цен и бестоварье, разорение и безработица подтолкнули рост уголовной преступности. Вооруженные банды из люмпен-пролетариев, разорившихся мелких хозяйчиков и дезертиров терроризировали население. Наибольшей организованностью и жестокостью отличались банды из разложившихся офицеров. Крымские города стонали от убийств и вооруженных налетов с целью ограбления, которые стали обычным делом. Государственная стража, чины которой разбегались из-за низкого жалованья и страха за свою шкуру, оказалась бессильна против уголовщины, предпочитая не замечать ее “подвигов” или входить с ней в долю». [\[83\]](#)

Врангель то вводил государственную монополию на торговлю хлебом, то отменял ее. То разрешалась свободная торговля с «вольным городом» Батумом, то вводились специальные разрешения на товары, ввозимые или вывозимые оттуда.

Наконец, Врангель даже не пытался решать национальные проблемы с крымскими татарами, с кубанскими казаками, с грузинами и т. д. Национальная политика была заменена пустыми декларациями, сводящимися к анекдоту: «Тушите свет, после разберемся».

Глава 13

Походы, десанты и еврейские миллионы

Врангель ни на секунду не допускал и мысли о заключении мира или, по крайней мере, перемирия с большевиками. С одной стороны, это объяснялось социал-расизмом барона, ненавистью к «восставшим хамам», а с другой – желанием пограбить территории Советской России. Возможно, термин «пограбить» покоробит кого-то из нынешних поклонников Белого движения. Но сам Врангель и его генералы до мая 1920 г. ставили задачи своим частям по захвату хлеба, лошадей и другого имущества на территории «совдепии». Об этом откровенно говорилось в отчетах генералов.

До мая 1920 г. стратегию Врангеля можно коротко выразить формулой Шамиля Басаева: набег – отход, набег – отход.

За счет мобилизаций и поставок военной техники союзниками Врангелю удалось значительно повысить боевую мощь своей армии. Правительство стран Антанты оказало существенную помощь барону в восстановлении армии. Так, Англия предоставила ему заем на сумму 14,5 млн фунтов стерлингов, Франция – на 150 млн франков. Врангель получил значительное количество вооружения, боеприпасов и топлива. В числе прочего в Крым поставлялись вооружение и боеприпасы, захваченные немцами и турками у царской армии, а также германское вооружение.

В качестве «компенсации» за оказанную белым помощь интервенты вывезли с 1 февраля по 1 сентября 1920 г. с юга России 3 млн пудов зерна, 830 тыс. пудов соли, 120 тыс. пудов льна, 120 тыс. пудов табака, 63 тыс. пудов шерсти и другие товары.

К маю 1920 г. Русская армия состояла из: 1го армейского корпуса генерала А.П. Кутепова (Корниловская, Марковская и Дроздовская пехотные дивизии, 1я и 2я кавалерийские дивизии), 2го армейского корпуса генерала Я.А. Слащёва (13я и 34я пехотные дивизии, Терско-Астраханская бригада), Сводного корпуса генерала Писарева (Кубанская и 3я конные дивизии), в июле переформированного в конный корпус генерала Н.Г. Бабиева (1я и 2я конные дивизии, Кубанская конная дивизия) и Донского корпуса генерала Ф.Ф. Абрамова (1я и 2я Донские конные и 3я донская пешая дивизии).

К июню армия Врангеля насчитывала 25—30 тыс. штыков и сабель, а в июле – августе увеличилась до 50—53 тыс. штыков и сабель, 267—277 орудий, 1100—1300 пулеметов, 17 бронепоездов, 20 танков английского производства и двух танков французского производства «Рено» FT-17. Кроме того, имелось 25 бронеавтомобилей.

Военно-воздушные силы белых располагали 34 самолетами, в числе которых имелось 27 английских бомбардировщиков «Де Хэвиллэнд», с которыми не могли бороться красные самолеты.

В конце апреля начались встречные бои за Перекоп. Несмотря на упорство обеих сторон, результат оказался ничейным – все вернулись на прежние позиции. Большое впечатление на красных произвела психическая атака батальона юнкеров на «Чонгарской гати». Справа и слева воды Сиваша. Юнкера под музыку с оркестром двинулись вдоль узкой насыпи железной дороги на мост. Впереди шел генерал-майор Слащёв. Красные бежали, а мост был отбит. В тот же день на другом участке была ранена жена Слащёва. Она числилась в его штабе как «ординарец Нечволодов». Это событие нашло отражение в пьесе Михаила Булгакова «Бег» и одноименном фильме.

Слащёв, без сомнения, был самым талантливым генералом Гражданской войны, и вдобавок столь неординарной и противоречивой личностью, что Михаил Булгаков в «Беге» не смог воплотить его в одном образе. Писатель сделал из него сразу двух героев – стратега генерала Хлудова и отчаянного рубаку генерала Чарноту, причем жена Слащёва, числившаяся в армии как ординарец Нечволодов, стала у Булгакова Люськой, походной женой генерала Чарноты.

Пользуясь абсолютным превосходством на море, Врангель предпринял несколько десантов на побережье, занятое частями Красной Армии.

Первый десант белые осуществили в Хорлах. Хорлы – небольшой приморский поселок с одной пристанью в мелководном заливе Черного моря, в 40 км к западу от Перекопа. В высадке приняли участие 1й и 2й Дроздовские полки с батареей четырех легких пушек, восемнадцатью верховыми лошадьми, радиостанцией, двумя автомобилями «Форд» и двумя мотоциклетами.

В Севастополе десант был погружен на транспорты «Цесаревич Георгий», «Веста», «Павел», «Россия», № 412 и на тральщик «Скиф».

Командовать десантом было приказано генерал-майору Витковскому. 2 апреля десант успешно высадился в тылу красных войск. Пройдя с боями более 60 км по красным тылам, дроздовцы разгромили всю инфраструктуру красных, готовившихся к атаке Перекопа.

Красное командование, сняв с Перекопа лучшие части, артиллерию и конницу, бросило их на дроздовцев. Окруженные со всех сторон многочисленным противником, дроздовцы медленно, но упорно пробивались к Перекопу. Когда патроны подошли к концу, 1й Дроздовский полк с оркестром впереди без единого выстрела пошел в психическую атаку. Красные не выдержали и отступили. Это была последняя психическая атака в Гражданской войне.

В ходе боев дроздовцы потеряли 575 человек убитыми и ранеными, причем ни один раненый не был брошен, некоторых выносили на руках. Из-за неразберихи в штабах белых, а может и интриг Врангеля, части Крымского корпуса, подчиненные Слащёву, ничего не знали о десанте. Они слышали орудийную стрельбу в тылу у красных, но не пришли на помощь дроздовцам. И когда дроздовцы вышли к Перекопу у деревни Преображенки, то лишь благодаря счастливой случайности они не были встречены огнем своих же орудий и пулеметов.

Одновременно с десантом дроздовцев в Хорлах 2 апреля 1920 г. в 8 часов утра в красном тылу у деревни Кирилловки на Азовском море был высажен десант под командованием капитана 1го ранга Н.Н. Машукова. Десантников доставили ледокол «Гайдамак», канонерка «Стража», две баржи и три буксирных парохода. Первым высадился отряд в 450 человек при одном орудии. В отряд входили 1й Алексеевский и Самурский полки и сотня юнкеров Керченского Корниловского военного училища. Около сотни человек оставались на одной из барж, чтобы высадиться ближе к Геническу. Десантом командовал полковник М.А. Звягин.

Красноармейцы, занимавшие Кирилловку, сдались без боя. Соседнее селение Горелое также было занято белыми. Дальше десантники должны были дойти до Акимовки, разрушить там железную дорогу и через Геническ вернуться в Крым. А сводно-стрелковый полк под командованием полковника Г.К. Гравицкого, защищавший Арабатскую стрелку, должен был взять Геническ.

По железной дороге срочно были переброшены красные части – два конных полка Буденного, три латышских полка, один китайский полк, два полка из Геническ, несколько бронепоездов, артиллерийских батарей и сорок пулеметов, которые не дали белым десантникам выйти из прибрежной полосы. Десант, подойдя с тяжелыми боями к Геническу, узнал, что город в руках красных.

Десантники, поддерживаемые огнем вооруженных судов «Терец», «Страж», «Георгий», ледокола № 1, после кровопролитного боя вошли в

Геническ. Два батальона сводно-стрелкового полка смогли сбить красные пулеметы, перешли мост и вошли в город с юга. Затем белые части вернулись в Крым. Из-за своей малочисленности десант не выполнил своей задачи, но зато выяснил обстановку и возможность высадки более крупного десанта.

Замечу, что с самого начала эти десанты задумывались не как стратегические наступательные операции, а как «поход за зипунами».

В мае 1920 г. Врангель меняет стратегию и переходит к полномасштабным военным действиям против большевиков. Причину этого понять не трудно. На рассвете 25 апреля 1920 г. Пилсудский начал генеральное наступление от Припяти до Днепра.

Почему же поляки выступили именно в апреле 1920 г., а не летом – осенью 1919 г., когда Красная Армия находилась в довольно трудном положении в связи с наступлением Деникина? Сейчас ряд историков и журналистов утверждают, что польский диктатор Юзеф Пилсудский крайне опасался прихода Деникина в Москву и т. п. Дело доходит до утверждений, что польский маршал вообще спас советскую власть.

На самом же деле затишье 1919 г. было выгодно обеим сторонам. Советская Россия воевала в кольце фронтов с Деникиным, Колчаком, Юденичем и Миллером. Поляки на западе воевали с немцами, а в Галиции – с украинцами. К этому прибавился и сильный неурожай 1919 г. в Польше. В августе 1919 г. в Силезии восстали шахтеры. Регулярные польские войска подавили восстание, но напряжение там не ослабло.

Не будем забывать, что в 1919 г. польская армия еще находилась в стадии формирования. Крупные поставки вооружения от союзников стали поступать в Польшу лишь в конце 1919 г. С этого времени и до начала 1920 г. США, Англия, а главным образом Франция поставили в Польшу 1494 орудия, 2800 пулеметов, 385,5 тысячи винтовок, 42 тысячи револьверов, около 700 самолетов, 200 бронемашин, 800 грузовиков, 576 млн патронов, 10 млн снарядов, 4,5 тысячи повозок, 3 млн комплектов обмундирования, 4 млн пар обуви, средства связи и медикаменты.

Именно эти факторы, а не боязнь Деникина, определили стратегические планы Пилсудского.

Полякам удалось нанести поражения Красной Армии на Украине. 6 мая пал Киев. Замечу, что Пилсудский и К° не скрывали своих планов создания «федерации» из собственно Польши, Литвы, Белоруссии и Украины. Фактически речь шла о воссоздании Речи Посполитой «от можа до можа», то есть от Балтики до Черного моря. Поляки мечтали о Польше в границах Великого княжества Литовского середины XV века.

А как относился к ляхам великий русский патриот фон Врангель? Вот секретный документ ВЧК, датированный 2—4 января 1920 г.: доклад перебежчика поручика Зерена:

«В середине апреля во дворец Главкома были приглашены начальник французской миссии ген. Манжен и польский – Каминский.

Им было заявлено, что:

1. Врангель готов признать Петлюру.
2. Признать права Польши на Восточную Галицию.
3. Представить польскому флоту мастерские и Одесскую гавань».^[84]

Замечу, что нападение поляков на Россию вызвало совсем иную реакцию у тысяч русских офицеров, начиная от генерала Брусилова в Москве и кончая адмиралом великим князем Александром Михайловичем в Париже. Ненависть к наглым панам пересилила у них неприязнь и даже ненависть к большевикам.

Что же касается Врангеля, то, воспользовавшись действиями поляков, он решает начать большое наступление. Корпус генерала Слащёва был снят с Перекопа, его там заменили части генерала Писарева.

21—23 мая (2—3 июля) корпус Слащёва в порту Феодосия был погружен на транспортные суда. Всего погрузили 10 тысяч штыков и сабель, 2 тысячи лошадей, 50 полевых орудий, 2 броневика и 150 повозок обоза.

В состав отряда судов десанта вошли: вооруженные ледоколы № 1, «Гайдамак», «Всадник»; разведывательное судно «Мария»; канонерские лодки «Грозный», «Алтай», «Урал», «Страж»; транспорт «Россия»; десять пароходов; шесть буксирных катеров; девять барж и вооруженный буксир «Азовец» (бывший «Республиканец», захваченный у красных в Мариуполе 2 мая 1920 г.).

24 мая (5 июня) эскадра вышла из Феодосии и ночью прошла Керченский пролив в полутора километрах от Таманского берега. Однако красные не догадались или не сумели установить дальнобойные морские орудия на Таманском полуострове.

Высадка прошла с 25 по 28 июня (н. с.) в чрезвычайно тяжелых условиях. На море был сильный шторм, шел дождь, сильный прибой переворачивал шлюпки, и войска высаживались по плечи в воду. При высадке погибли один вольноопределяющийся и две лошади.

Получив радиogramму об удачной высадке войск Слащёва у Кирилловки, Врангель приказал начать наступление на перешейке. На рассвете 7 мая армия перешла на всем фронте в наступление. После короткой артиллерийской подготовки части генерала Писарева при

поддержке танков и бронепоездов атаковали красных, а десант Слащёва в это время занял деревни Ефремовку и Давыдовку и подходил к железной дороге. Красные отступили, почти не оказывая сопротивления. Геническ, станция Ново-Алексеевка и деревня Ново-Михайловка были заняты частями белого Сводного корпуса. Белые бронепоезда пошли на станцию Рыково. Красные части отходили на село Рождественское. Здесь белые взяли несколько сот пленных и два орудия.

В это время корпус Кутепова атаковал на перекопском участке главные силы советской 13й армии. Танки и броневики двигались впереди белых цепей, прорывая проволоочные заграждения. Красные отчаянно сопротивлялись, особой стойкостью отличались латышские части. Красные артиллеристы, установив орудия между домами в деревнях Преображенка и Первоконстантиновка, в упор расстреливали белые танки. Несколько танков было подбито, однако белая пехота овладела всей укрепленной позицией. По советским данным, только один 1й легкий артиллерийский дивизион Латышской дивизии подбил два танка и четыре броневика. 7 июля наводчик 1го орудия 2й батареи 1го легкого дивизиона 3й стрелковой дивизии Константин Никулин прямой наводкой с расстояния 100 метров подбил четвертой гранатой танк, носивший громкое название «Генерал Врангель».

Марковская дивизия^[85] выдвинулась на линию Первоконстантиновка – Спендиарово, а Корниловская дивизия – на линию Преображенка – Адамань. 2я конная дивизия генерала Морозова начала преследование отступавших красных частей. Дроздовская и 1я конная дивизии (пешая) оставались в резерве командира корпуса.

8 июня продолжались ожесточенные бои. Части Слащёва к вечеру с боями вышли на железную дорогу между станциями Большой Устюг и Акимовка, при этом захватив несколько тысяч пленных из состава мелитопольского гарнизона. Белые бронепоезда выдвинулись к станции Сокологорное, где подбили красный бронепоезд.

Части сводного корпуса генерала Писарева продолжали наступать. Кубанская дивизия вышла на линию станция Юрицыно – село Рождественское, 3я дивизия – на линию Отрада – Ново-Троицкое. В свою очередь красная конная дивизия Блинова (до 2500 шашек), только что прибывшая с Кавказа, атаковала белых, охватывая фланг Сводного корпуса. Красные захватили деревню Ново-Михайловка, но к вечеру были выбиты оттуда противником. Дроздовская дивизия прочно заняла Первоконстантиновку. А красные части под прикрытием артиллерии отходили на Владимировку. С запада их преследовали дроздовцы, а с

севера – 2я конная дивизия генерала Морозова.

Около полудня дроздовцы захватили Владимировку. На участке между Владимировкой и Строгановкой красные были прижаты к Сивашу. После короткого боя и атаки белых аэропланов красные бросились врассыпную. Кто-то пытался спастись вплавь через Сиваш, но их расстреливали шрапнелью батареи белых. Переплывших же на южный берег задерживали белые сторожевые посты. Большая часть красных сдалась. Белые захватили около полутора тысяч пленных, пять орудий и три броневика. У Спендиарово марковцы и корниловцы отбили в течение дня все атаки красных.

За два дня боев 1й корпус белых захватил 3500 пленных, 25 орудий и шесть броневиков, но и в корпусе были значительные потери, особенно в офицерском составе. В 1 м Дроздовском полку все батальонные и ротные командиры были убиты или ранены.

В ночь с 8 на 9 июня красная дивизия Блинова, используя растянутое положение 3й конной дивизии белых, лихим налетом заняла деревню Отрада и прорвалась в Ново-Михайловку, где захватила весь штаб 3й конной дивизии во главе с начальником дивизии генералом Ревизиным.

К вечеру 9 июня части Слащёва заняли Мелитополь. А части Сводного корпуса медленно продвигались вперед. Части 1го армейского корпуса вышли на линию Аскания-Нова – Чаплинка – Колончак и продолжали преследовать красных. В Чаплинке белые захватили брошенные красными баллоны с удушливыми газами, а также лабораторию для производства газов и батарею газометов.

Конница генерала Морозова, разгромив красных под Строгановкой, 8 июня была переброшена на Чаплинку. К вечеру 9 июня генерал Морозов был уже в хуторе Бальтазаровском.

10 июля части Слащёва заняли станцию Мелитополь и продолжали удерживать город.

Как видим, наступление белых было тактически удачно, но в стратегии барон был явно не силен. Как писал Слащёв: «Таким образом, армия Врангеля, не имея достаточно ресурсов для пополнения, веерообразно расходилась по Северной Таврии в убеждении, что потери есть доказательство доблестного и заслуживающего награды боя.

Чего хотел достигнуть Врангель своим веерообразным расположением, какова была основная идея плана его операции, я понять не могу. Расположение войск веером одинаково не годилось ни для наступления, ни для обороны, ни для давления на противника с целью заключения мира.

На правом берегу Днепра происходит восстание кулаков, для подавления которого красным приходилось выделять войска. Восставшие целыми рядами занимали днепровские плавни и просили у Врангеля помощи.

Врангель ее не дал – чем он руководствовался? Остается предположить, что он начал какие-то секретные переговоры с поляками или получил от своих хозяев-французов директиву не вступать в назначенную полякам Украину». ^[86]

В результате белого наступления армия Врангеля ввязалась в тяжелые и совершенно бесперспективные бои в нижнем течении Днепра.

В июле 1920 г. Врангель попытался открыть еще один фронт против красных, высадившись на Кубани и желая поднять восстание кубанского казачества.

В Керчи и Феодосии в конце июля 1920 г. были сосредоточены основные силы десанта – 3400 штыков, 1100 сабель, 133 пулемета, 26 полевых пушек, несколько броневигов и восемь аэропланов. Эти силы были перевезены на тринадцати транспортах и шести десантных баржах при семи буксирах. Их прикрывали военные корабли Азовского отряда: канонерские лодки «Алтай», «Урал», «Салгир», «Страж» и «Грозный», а также вооруженные ледоколы «Гайдамак» и «Джигит».

В ночь с 12 на 13 августа десант вышел в море. На рассвете 14 августа авангард высадился на Ясенской косе в 14 км от станицы Приморско-Ахтарской. Береговые батареи красных были уничтожены дальноточными орудиями белых судов, и десант высадился без потерь. Станица Ахтарская была взята авангардом, и там произошла высадка основных частей белых с лошадьми, орудиями и всей материальной частью.

Белая конная дивизия генерала Бибиева быстро продвигалась вперед, захватив станицы Тимашевскую, Поповичевскую и Брюховецкую. До Екатеринодара оставалось не более сорока верст. Но, несмотря на блестящие победы генералов Бибиева и Улагая, наступление белых захлебнулось. Красные спешно перебросили крупные силы и атаковали десант со всех сторон. Не оправдались надежды Врангеля и на всеобщее восстание казаков.

К 31 августа Врангель решил эвакуировать десант. В течение девяти дней производилась погрузка и вывоз в Крым всех частей, складов и беженцев. Несмотря на большие потери, десант увеличился на 10 тысяч человек. Это были кубанские казаки – добровольцы.

При эвакуации десанта на минах подорвались миноносец «Звонкий», канонерка «Алтай» и транспорт «Волга», однако все три судна удалось

удержать на плаву.

4 августа генерал Слащёв, возмущенный придирками Врангеля, подал в отставку. Барон отставку принял, но пытался «позолотить пилюлю», добавив в особом приказе к фамилии Слащёва приставку «Крымский», по аналогии с Румянцевым-Задунайским, Потемкиным-Таврическим и др. Врангель предложил Слащёву поехать полечиться в Европу, и тому ничего не оставалось, как отправиться на отдых, но не в Европу, а в Ливадию.

Немецкий барон – борец «за единую и неделимую» – летом и осенью 1920 г. отчаянно пытался найти себе союзников. Как мы уже знаем, он посылал эмиссаров к батьке Махно. Более успешными стали переговоры с украинскими националистами. Так, в конце августа 1920 г. в Севастополь прибыла делегация от одного из крупнейших украинских повстанческих отрядов генерала М. Омеляновича-Павленко. А в конце сентября в Крым явилась делегация заграничного Украинского Национального Комитета в составе председателя С.К. Маркотуна, генерального секретаря Б.В. Цитовича и члена комитета П.М. Могилянського. Организация эта была создана в Париже в 1919 г., а ее отделения действовали в США, Константинополе и в некоторых славянских странах.

Велись Врангелем переговоры и с правительством Пилсудского. В Севастополь из Варшавы прибыл князь В.С. Любомирский. Князь заявил севастопольским журналистам: «Руководящие польские круги чрезвычайно сочувственно относятся к заключению союза с генералом Врангелем. Я убежден, что этот союз будет заключен в самом ближайшем будущем».

Однако 12 октября 1920 г. Советская Россия и Польша подписали перемирие. Теперь у Красной Армии в Европейской части страны остался один враг – Врангель.

Решающее сражение в Северной Таврии произошло в августе – октябре на левом берегу Днепра в районе села Большая Каховка. Каховский плацдарм был захвачен красными 7 августа. Белые предприняли серию контратак, чтобы сбросить противника в Днепр. Подробное описание этих боев выходит за рамки работы. Я же остановлюсь на отдельном эпизоде – борьбе с танками. В боях за Каховский плацдарм обе стороны использовали по 15 броневых автомобилей, но у врангельцев кроме того имелось еще 12 танков.

14 октября на рассвете 2й корпус генерала В.К. Витковского перешел в наступление по всему фронту. В первом эшелоне двигалось 12 танков, за которыми шла пехота и пулеметчики. Фланги наступавших обеспечивались броневыми автомобилями. Наступление белых поддерживалось огнем 70 орудий и 10—12 самолетами.

В связи с комбинированной атакой белых красные не могли сосредоточить весь огонь артиллерии по танкам. Поэтому борьбу с танками вели только заблаговременно выделенные для этой цели отдельные орудия и взводы, которые своим огнем подбили три танка, прорвавшиеся через первую линию обороны. Остальная артиллерия сосредоточила свой огонь по бронеавтомобилям и наступавшей пехоте.

Часть танков белых проникла в тыл основной оборонительной линии красных до расположения штабов полков и полковых резервов. Против этих танков командование выделило маневренные взводы и батареи, которые к 11 часам утра 14 октября подбили шесть танков.

Командир 10го легкого артиллерийского дивизиона Орлов находился со своим штабом у хутора, когда поблизости появился танк «Ермак». Орлов приказал командиру 1й батареи Опасову выдвинуть четыре орудия батареи ближе к танку и, когда он пройдет хутор, открыть огонь. Батарея выполнила маневр и дала залп. Танк развернулся и устремился на батарею. Последующими выстрелами у него была разбита гусеница, и он свалился в яму. Однако когда пехота 1го полка Огневой бригады попыталась его захватить, экипаж танка пулеметным огнем и гранатами отразил атаку. Тогда Орлов приказал командиру батареи выдвинуть одно орудие на расстояние ста шагов от танка и открыть по нему огонь. Благодаря меткой наводке командира огневого взвода Дубровина танк был разбит.

Командир кинжального взвода 2й батареи 10го легкого артиллерийского дивизиона Нестеров подбил танк «Скобелев». Стрельба велась с дистанции 300 метров.

Командир 3го легкого артиллерийского дивизиона 51й дивизии Л.А. Говоров (впоследствии – участник Великой Отечественной войны, Маршал Советского Союза), дважды раненный, продолжал управлять огнем артиллерии Тернинского сектора до тех пор, пока артиллерия сектора не подбила прорвавшиеся танки противника – «Кутузов», «За Русь святую» и два безымянных.

В бою с этими танками отличился командир 1й батареи 3го дивизиона С.А. Крюков, который под сильным пулеметным огнем противника подбил танк «За Русь святую». Этот танк на другой день был исправлен, переименован в «Москвич-Пролетарский» и успешно использован в боях против белых.

15 октября красные перешли в решительное наступление. 30 октября был взят Мелитополь, белые с трудом ушли за Перекоп, потеряв в боях за Северную Таврию не менее 40 процентов своего личного состава.

Заканчивая рассказ о боевых действиях на юге Украины, стоит сказать

пару слов о загадочном заговоре, связанном с великим князем Николаем Николаевичем и его пасынком. Барон в своих «Записках» попытался представить его скверным анекдотом:

«Днем 1го июня я получил сообщение, что в Севастополе среди офицеров флота обнаружен “монархический заговор” и что значительное число офицеров арестовано. Сведения эти показались мне весьма странными. Я только что был в Севастополе и общее настроение там не оставляло желать лучшего. Я приказал запросить подробности.

Оказалось, что накануне два каких-то мичмана явились в расположение лейб-казацкого полка и пытались уговаривать казаков по возвращении моем в Севастополь арестовать меня, начальника штаба и некоторых других лиц, не сочувствующих, будто бы, возвращению на русский престол Царя. Вместо меня, будто бы, во главе армии станет Великий Князь Николай Николаевич, а временно, до его приезда, пасынок его герцог Сергей Георгиевич Лейхтенбергский. Последний состоял ординарцем при генерале Слащёве. Та атмосфера, которая царила в штабе последнего, непрерывный разгул и интриги, не могли быть полезны юноше, и я в бытность мою в Феодосии решил отправить его к Отчиму. Одновременно я написал Великому Князю Николаю Николаевичу, прося, в интересах молодого человека, оставить его при себе. Герцог Лейхтенбергский в самый день обнаружения заговора выехал в Константинополь. Наивные агитаторы были задержаны казаками и представлены по начальству. На первом же допросе они проговорились, назвав ряд соучастников.

Вся эта история представлялась мальчишеской выходкой. Мне было неприятно лишь то, что в ней замешан был герцог Лейхтенбергский, близкий Великому Князю Николаю Николаевичу, и упоминалось имя последнего. Я решил не давать делу дальнейшего хода и в тот же день вечером выехал в Севастополь.

Как я и ожидал, вся эта история оказалась глупым фарсом, однако за кулисами действовали большевистские агенты. В общих чертах дело представлялось следующим образом: еще зимою 1919 года среди группы молодых офицеров флота возникла мысль создать особый орден, долженствующий воспитывать среди офицерства высокие понятия о чести, воинском долге, традиции старых Императорских армии и флота, забытые в разрухе смутного времени. О существовании этого ордена я знал и даже видел его устав. Он ничего предосудительного в себе не заключал.

Однако за последнее время в состав членов этого общества сумел втереться некий Логвинский, еврей, настоящая фамилия которого была

Пинхус. Пинхус-Логвинский был личностью весьма темной, с уголовным прошлым, в последние перед революцией дни замешанный в мошеннических проделках пресловутой комиссии генерала Батюшина. Ныне, по имеющимся сведениям, Логвинский являлся одним из агентов большевиков. Втершись в доверие молодежи, Логвинский подготовил весь этот недостойный фарс; трудно было допустить мысль, чтобы он сам рассчитывал на какие-то серьезные от него результаты, вернее, он преследовал лишь цель дискредитировать власть.

Арестованные, в общем количестве десять – двенадцать человек, была все, за исключением одного-двух офицеров, зеленая молодежь, сама, видимо, не отдававшая себе ясного отчета в неблагоприятности своего поступка. Я приказал призвать их всех к себе, пристыдил их и сказал, что ставлю крест на всю эту глупую историю. Вместо того, чтобы бить баклуши в Севастополе и делать политику, они должны отправиться на фронт, где они могут принести пользу и загладить свою вину. Офицеры были прикомандированы к пехотным полкам и дальнейшей службой своей доказали преданность родине. Впоследствии они были постепенно возвращены во флот. Пинхус-Логвинский был расстрелян».

Врангель в очередной раз врет. И тут дело не в заговоре двух наивных мичманов, околпаченных прохиндеем Пинхусом.

Как мы знаем, герцогу Сергею Лейхтенбергскому было уже за тридцать, он числился капитаном 2-го ранга и к июню 1920 г. успел принять участие в нескольких заговорах, причем на первых ролях. Вряд ли пасынок не проинформировал о заговоре августейшего дядю.

Не будем забывать, что барон писал «Записки» в эмиграции, где пытался договориться с великим князем Николаем Николаевичем. Если бы имел место анекдот с придурковатыми мичманами, то Врангелю не имело смысла даже упоминать о нем. На самом деле имел место серьезный заговор, а в «Записках» Врангель дает понять великому князю, что он все забыл, простил и считает инцидент исчерпанным.

Для нас же этот инцидент, а также интриги уволенного Слащёва в Ливадии показывают нестабильность власти крымского «Правителя».

Ряд наших историков считают, что правительство Врангеля стало единственным белым правительством, которое получило международное признание, и что Франция официально признала его в качестве законного правительства России. На самом деле лишь Франция признала врангелевское правительство, да и то не де-юре, а де-факто. Врангель писал:

«8го июля вечером я вернулся в Джанкой. На следующий день

А.В. Кривошеин вызвал меня к аппарату:

– Только что получена телеграмма от П.Б. Струве. Французское правительство изъявило готовность признать де-факто правительство юга России. Это большая политическая победа».

Мало того, французы потребовали, чтобы барон признал и обещал выплатить все царские долги. Естественно, Врангель на все согласился.

Ну и несколько слов стоит еще сказать о ситуации в Крыму. Как мы помним, в начале 1919 г. в Севастополе было 100 коммунистов и примерно столько же по всему полуострову. Но Врангель был столь активным пропагандистом коммунистической идеологии, что в 1920 г. его контрразведка почти ежемесячно раскрывала заговоры коммунистических рабочих в Севастополе, Симферополе, Керчи и т. д. В Коктебеле состоялась конференция большевиков Крыма. Белые попытались захватить ее участников, но те ушли в горы.

В мае было объявлено о создании Крымской повстанческой армии, а к июлю ее численность, даже по белогвардейским данным, достигла 800 человек. Была проведена реорганизация и созданы полки: 1й Феодосийский, 2й Карасубазарский, 3й Симферопольский под командованием Макарова, базировавшийся в урочище Суат, 4й Баксанский, 5й крымскотатарский под командованием Османа Деренайырлы и 1й конный. Командующим армией стал 28-летний секретарь подпольного большевистского обкома Сергей Бабахан.

Любопытно, что командир Симферопольского полка Павел Макаров до января 1920 г. служил адъютантом генерала Май-Маевского, командовавшего Добровольческой армией. Макаров был из рабочей семьи, в империалистическую войну получил чин прапорщика, командовал ротой. В 1918 г. воевал у красных. В Мелитополе был схвачен дроздовцами, но Павел не растерялся и заявил, что он – штабс-капитан царской армии и пробирался в Добрармию. Кто-то из дроздовцев подтвердил, что видел его в качестве комроты на фронте в 1916—1917 гг. Вскоре Макаров становится адъютантом генерала Май-Маевского.

Вместе с генералом его адъютант лихо ходит в атаки, беспробудно пьянствует, водит к его превосходительству как порядочных, так и «не совсем», девиц, ну а выдастся свободная минутка – отправит шифровку красным. Макаров общался даже с Врангелем. Со слов Макарова сам Врангель однажды заметил прыткому адъютанту: «Я в Ваши годы был всего лишь подпоручиком». На что Макаров встал и дерзко возразил: «Но в мои годы Вы не имели Анны на темляке. А у меня кроме нее еще три боевых креста и два ранения». Врангель якобы рассмеялся: «Сидите,

капитан, я не хотел Вас обидеть. Обещаю, что Вы еще будете генералом и комендантом нашей первопрестольной столицы Москвы».

В январе 1920 г. генерала и его адъютанта выперли из армии за пьянство.

В Севастополе Павел вместе с группой подпольщиков готовит восстание. Однако по доносу провокатора большинство подпольщиков арестованы. Макарову удается бежать в горы. Там он создает Симферопольский полк. Численность полка первоначально была невелика, около сотни бойцов.

При Врангеле в Крыму постоянно был топливный голод. Чтобы как-то исправить ситуацию, белые приступают к разработке в крымских горах Бешуйских копей и прокладывают туда со станции Сюрень узкоколейную железную дорогу. 20 августа (ст. с.) бойцы Макарова проникают на копи и взрывают шахты. Они же сожгли склад заготовленных шпал, сорвав таким образом постройку железной дороги Джанкой – Перекоп, предназначенной для переброски дополнительных сил и бронепоездов на Перекопский перешеек.

Большую работу проделал Макаров и по разложению врангелевских войск. В одной из листовок-обращений он писал: «Товарищи солдаты, офицеры! Мы обращаемся к вам с призывом: покидайте ряды белых, идите в лес! Вы найдете там нас. Не дайте уйти приспешникам буржуазии, которые за вашими спинами грузят чемоданы. Близится час расплаты!» И подпись: «Бывший адъютант командующего Добровольческой армией капитан Макаров».

К ноябрю 1920 г. полк Макарова увеличился до 279 человек при 11 пулеметах.

Врангель писал:

«В середине июля большевикам удалось морским путем, посредством моторных катеров, отправлявшихся из Новороссийска и Анапы, установить связь с “крымским областным комитетом” коммунистической организации, одно время было разгромленной, но в конце июня вновь начавшей проявлять свою деятельность.

5го августа высадился вблизи местечка Капсхор, затопив у берега свой моторный катер, небольшой коммунистический отряд в двенадцать человек, под начальством матроса Мокроусова, снабженный пулеметами, патронами, ручными гранатами и значительными деньгами – до 500 миллионов рублей “романовскими”, курс которых в то время в семьдесят раз превышал цену денег главного командования, и 200 тысяч турецких лир. Благополучно пробравшись с помощью соучастников в леса,

Мокроусов, присвоивший себе громкое наименование “командующего крымской повстанческой армией”, пытался привлечь в свой отряд всякий сброд. К концу августа у Мокроусова было уже около 300 человек, которые распределялись им в три полка. Карасубазарский пешеконный полк, под командой бывшего сотника Галько, при котором находился сам Мокроусов, Симферопольский полк, под командой уже известного капитана Макарова (при этом полку находился и областной ревком с “товарищем” Бабаханом во главе) и Феодосийский полк».

Маленький комментарий: Александр Васильевич Мокроусов родился в 1887 г. Батрак, шахтер, большевик, с 1912 г. в эмиграции, в октябре 1917 г. брал Центральный телеграф, с июня 1919 г. комбриг Красной Армии.

На маленьком моторном катере «Гаджибей», бывшем штатном плавсредстве одноименного эсминца, Мокроусов выходит из Новороссийска и высаживается в Крыму. Замечу, что среди двенадцати человек «сброда» был Иван Папанин – будущий знаменитый полярный исследователь.

Мокроусов заменяет Бабахана на должности командующего Крымской Повстанческой армией.

29 сентября (ст. с.) Мокроусов во главе отряда из 150 человек на короткое время захватывает Судак и разоружает местный гарнизон.

Перечисление успехов повстанцев займет не одну страницу. То взлетит на воздух артиллерийский склад в Севастополе, то идет под откос поезд. Кстати, 20 августа (ст. с.) барон чуть было сам не взлетел на воздух. Перед прохождением его поезда саперная команда обнаружила «фугас огромной силы». На бронепоезде, вышедшем из ремонта, офицеры обнаружили, что броня держится на болтах, сделанных из... дерева и аккуратно покрашенных. Керченские каменоломни были партизанским краем с весны 1919 г. по ноябрь 1920 г.

Врангель сопротивление населения Крыма объясняет «еврейскими деньгами»:

«Областной ревком работал и в городах, располагая огромными деньгами. В течение четырех месяцев ревком получил из Москвы через курьера еврея Рафаила Кургана один миллион “романовских”, 10 тысяч фунтов стерлингов и на 40 миллионов золота в изделиях и бриллиантах.

В Симферополе, Севастополе, Ялте, Феодосии, Керчи и Евпатории образовались коммунистические комитеты, щедро снабжаемые деньгами. Между ними установилась живая связь курьерами.

2го августа в Ялте была обнаружена коммунистическая ячейка, имевшая в своем распоряжении типографский шрифт и поддерживавшая

связь с “Областкомом”. В том же месяце в прифронтовой полосе были задержаны с мандатами Областка два “курьера”, высланные с целью шпионажа. Почти одновременно на Перекопе был арестован советский “шпион-курьер” Симка Кессель, пробиравшийся из Крыма в Одессу.

Вскоре удалось добыть нити для наблюдения за лицами, стоявшими в самом центре обновленной организации Областка. В результате установленного наблюдения 21го августа был задержан чинами розыска пробиравшийся из леса в Севастополь Мордух Акодис, получивший от Областка задачу воссоздать севастопольский городской революционный комитет, на что он получил 16 тысяч рублей “романовских”, оказавшихся при нем при аресте. Одновременно были арестованы в Симферополе проживавшие там по фальшивым паспортам Рафаил Курган “Фоля” и Наум Глатман, являвшиеся местными представителями Областка, в квартире которых было обнаружено 250 тысяч “романовских” рублей в обертках со штампом Московского народного банка, миллион денег главного командования, золотые вещи и бриллианты по казенной оценке на сумму 28 миллионов рублей, партийная переписка, денежные отчеты и отчеты по партийной работе революционного областного комитета в Крыму. В тот же день в Севастополе были арестованы Герш Гоцман и Осман Жилер, причем у первого была обнаружена переписка и почти не бывшая в употреблении печать севастопольского революционного комитета, а у второго переписка и три миллиона рублей партийных денег в разной валюте».

Ну, это старая песенка. В 1917 г. в Питере были германские миллионы, а теперь в Крыму – еврейские.

Глава 14

Штурм Перекопа

«Решительная битва в Северной Таврии закончилась. Противник овладел всей территорией, захваченной у него в течение лета. В его руки досталась большая военная добыча: 5 бронепоездов, 18 орудий, около 100 вагонов со снарядами, 10 миллионов патронов, 25 паровозов, составы с продовольствием и интендантским имуществом и около двух миллионов пудов хлеба в Мелитополе и Геническе. Наши части понесли жестокие потери убитыми, ранеными и обмороженными. Значительное число было оставлено пленными и отставшими, главным образом из числа бывших красноармейцев, поставленных разновременно в строй. Были отдельные случаи и массовых сдач в плен. Так сдался целиком один из батальонов Дроздовской дивизии. Однако армия осталась цела и наши части в свою очередь захватили 15 орудий, около 2000 пленных, много оружия и пулеметов.

Армия осталась цела, однако боеспособность ее не была уже прежней. Могла ли эта армия, опираясь на укрепленную позицию, устоять под ударами врага. За шесть месяцев напряженной работы были созданы укрепления, делающие доступ врагу в Крым чрезвычайно трудным: рылись окопы, плелась проволока, устанавливались тяжелые орудия, строились пулеметные гнезда. Все технические средства Севастопольской крепости были использованы. Законченная железнодорожная ветка на Юшунь давала возможность обстреливать подступы бронепоездами. Не были закончены лишь блиндажи, укрытия и землянки для войск. Недостаток рабочих рук и отсутствие лесных материалов тормозили работу. Наступившие небывало рано морозы создавали особенно неблагоприятные условия, так как линия обороны лежала в местности малонаселенной и жилищный вопрос для войск становился особенно острым.

Еще в первые дни по заключению мира с поляками, решив принять бой в Северной Таврии, я учитывал возможность его неблагоприятного для нас исхода и того, что противник, одержав победу, на плечах наших войск ворвется в Крым. Как бы ни сильна была позиция, но она неминуемо падет, если дух обороняющих ее войск подорван.

Я тогда же приказал генералу Шатилову проверить составленный штабом, совместно с командующим флотом, план эвакуации. Последний

был рассчитан на эвакуацию 60 000 человек. Я отдал распоряжение, чтобы расчеты были сделаны на 75 000; распорядился о срочной доставке из Константинополя недостающего запаса угля и масла.

Как только выяснилась неизбежность отхода нашего в Крым, я отдал распоряжение о срочной подготовке судов в портах Керчи, Феодосии и Ялты на 13 000 человек и 4000 коней. Задание объяснялось предполагаемым десантом в район Одессы для установления связи с действовавшими на Украине русскими частями. Дабы полнее скрыть мои предположения, были приняты все меры, чтобы в версию о подготовке судов для будущей десантной операции поверили. Так, штабу было приказано распускать слухи, что десант намечается на Кубань. Сама численность отряда была намечена в соответствии с общей численностью войск, так что не могла возбудить в лицах даже осведомленных о численности армии особого сомнения. На суда было приказано грузить запасы продовольствия и боевые.

Таким образом, имея в Севастопольском порту некоторое число свободного тоннажа, я мог, в случае несчастья, быстро погрузить в главнейших портах – Севастополе, Ялте, Феодосии и Керчи – 40—50 тысяч человек и, под прикрытием отходящих войск, спасти находящихся под их защитой женщин, детей, раненых и больных» – так Врангель оценивал ситуацию, сложившуюся к моменту выхода красных к Перекопу.

Еще 21 сентября 1920 г. приказом Реввоенсовета был образован Южный фронт во главе с М.В. Фрунзе. В состав нового фронта вошли 6я (образованная из Правобережной группы), 13я и 2я конная армии. Вместе с тем 12я и 1я конная армии передавались в состав Юго-Западного фронта, и последняя готовилась к переброске на Южный фронт.

В октябре 1920 г. красные заключили с Нестором Махно Старобельское соглашение. Махно получил «некоторую внутреннюю автономию» и право вербовки в свою армию на территории Советской России. Все части махновского воинства находились в оперативном подчинении Южному фронту. Сейчас ряд некомпетентных авторов дошли до утверждения, что именно махновцы взяли Перекоп и освободили Крым. На самом деле к началу 1920 г. у Махно было около четырех тысяч штыков и тысяча сабель, а также тысяча нестроевых. Они располагали 12 пушками и 250 пулеметами.^[87]

Врангель выбрал для своей ставки Джанкой. 22 октября (4 ноября) барон отдал войскам директиву:

«Оборона Крыма возлагалась на генерала Кутепова, в руках которого объединились войска; от Азовского моря до Чувашского полуострова

включительно, располагалась 3я донская дивизия, до смены ее на этом участке 34й пехотной дивизией, которая в свою очередь подлежала смене на правом участке Перекопского вала 1й бригадой 2й кубанской дивизии 24го октября;

1я и 2я донская дивизии должны были сосредоточиться в резерве в районе к северу от Богемки; на этот же участок должна была оттянуться после смены 3я донская дивизия;

средний участок Сиваша оборонялся Донским офицерским полком, Атаманским юнкерским училищем и стрелковыми спешенными эскадронами конного корпуса;

конному корпусу с Кубанской дивизией приказано было сосредоточиться в резерве в район к югу от Чирика;

Корниловская дивизия к 26му октября должна была сменить на левом участке перекопского вала 13ю пехотную дивизию; последняя временно, до подхода Марковской дивизии, оставалась в резерве 1го армейского корпуса в районе Воинки; Дроздовская дивизия должна была сосредоточиться к 26му октября в Армянском Базаре;

Марковская дивизия, отходившая по Арбатской стрелке к Акманаю, подлежала перевозке по железной дороге в район Юшунь.

По завершении перегруппировки всех частей 1й армии к 29му октября, правый боевой участок от Азовского моря до Чувашского полуострова включительно должен был обороняться частями 2го армейского корпуса генерала Витковского; левый участок, от Чувашского полуострова до Перекопского залива, передавался 1му армейскому корпусу генерала Писарева».

И в ту же ночь барон на всякий случай отправился в Севастополь. Как связывал Слащёв: «К воде поближе».

25 октября (7 ноября) Врангель объявил Крым на осадном положении. В «Записках» барон рисует радужную картину:

«Принятыми мерами удалось рассеять начинавшуюся тревогу. Тыл оставался спокойным, веря в неприступность перекопских твердынь. 26 октября открылся в Симферополе съезд представителей городов, в резолюции своей приветствовавший политику правительства Юга России и выразивший готовность всеми силами правительству помочь. На 30е октября в Севастополе готовился съезд представителей печати. Жизнь текла своим чередом. Бойко торговали магазины. Театры и кинематографы были полны.

25го октября Корниловский союз устраивал благотворительный концерт и вечер. Заглушив в сердце мучительное беспокойство, принял я

приглашение. Мое отсутствие на вечере, устроенном союзом полка, в списках которого я состоял, могло бы дать пищу тревожным объяснениям. Я пробыл на вечере до 11 часов, слушая и не слыша музыкальных номеров, напрягая все усилия, чтобы найти ласковое слово раненому офицеру, любезность даме-распорядительнице...»

В середине октября Врангель, осмотрев Перекопские укрепления, самодовольно заявил находившимся при нем иностранным представителям: «Многое сделано, многое предстоит еще сделать, но Крым и ныне уже для врага неприступен».

Увы, барон выдавал желаемое за действительное. Постройкой укреплений на Перекоп-Сивашской позиции руководил генерал Я.Д. Юзефович. Потом его сменил генерал Макеев, который был начальником работ по укреплениям Перекопского перешейка. Еще в июле 1920 г. Макеев в рапорте на имя помощника Врангеля генерала П.Н. Шатилова докладывал, что чуть ли не все капитальные работы по укреплению Перекопа производятся в основном на бумаге, поскольку стройматериалы поступают «в аптекарских дозах». Ни землянок, ни блиндажей, где могли бы укрываться войска в осенне-зимний период, на перешейке практически не было.

Руководитель французской военной миссии генерал А. Бруссо, с 6 по 11 ноября (н. с.) осмотревший Чонгарские укрепления, в докладе военному министру Франции писал: «...программа позволила мне посетить расположение казачьей дивизии в Таганаше и трех батарей, расположенных у железнодорожного моста через Сиваш. Это следующие батареи:

- два 10дюймовых орудия к востоку от железной дороги;
- два полевых орудия старого образца на самом берегу Сиваша;
- орудия калибром 152 мм Кане, немного позади от предыдущих.

Эти батареи показались мне очень хорошо обустроенными, но мало соответствующими, за исключением полевых орудий, роли, которую войска должны были сыграть в предстоящих боях. Батарея 10дюймовок располагала бетонированными укрытиями и насчитывала не менее 15 офицеров среди личного состава. Ее огонь был хорошо подготовлен и мог бы достойно вписаться во всю организацию артиллерийского огня, в которой оборона позиций с близкой дистанции осуществлялась бы полевыми орудиями. Но именно этих орудий и не хватало! Так же слабо была организована огневая поддержка пехоты. На берегу Сиваша, вблизи от каменной насыпи железной дороги, находилось примерно до роты личного состава; ближайшие воинские подразделения располагались в пяти

верстах оттуда, в Таганаше. На сделанное мною замечание мне ответили, что недостаток оборудованных позиций вынудил отвести войска в места, где они могут получить укрытие от холода.

Следует согласиться, что температура оставалась очень низкой в начале декабря, что солдаты были очень плохо одеты, что не хватало дров в этом районе.

Рельеф местности, в остальном, облегчал оборону, несмотря на плохое расположение войск. С этой точки зрения, Крым сообщается с континентом только посредством плотины и железнодорожного моста (мост взорван). Конечно, через Сиваш имеются броды, однако берег представляет собой глинистую гору с вершинами высотой от 10 до 20 метров, абсолютно непреодолимую.

В дивизии, которую я видел в Таганаше, не царила уверенность в победе. Главнокомандующий сказал мне, что казаки не годились для этой позиционной войны и что их лучше отвести в тыл и реорганизовать в более серьезные подразделения. Личный состав дивизии имел столько же бойцов в тылу, сколько и на переднем крае.

Тем временем я пересек три линии обороны, оборудованные в тылу Сиваша; первые две из них представляли собой ничтожную сеть укреплений, третья линия была немного более серьезной, но все они были расположены в одну линию, без фланговых позиций, на склонах, обращенных к противнику, или на самом гребне холма, слишком близко одна от другой (от 500 до 800 м) и не имели никаких окопов в глубине».

Советские военные историки значительно преувеличили мощь укреплений противника. Тем не менее, я думаю, стоит привести и их мнение. Тем более что вопрос о возможностях обороны на перешейке очень важен, и не столько для Гражданской, сколько для Великой Отечественной войны.

«Основная линия обороны Перекопских позиций была создана на искусственно насыпанном старинном турецком валу, имевшем ширину у основания свыше 15 м и высоту 8 м и пересекавшем перешеек с юго-запада на северо-восток. Протяженность вала достигала 11 км. На валу были оборудованы прочные убежища, окопы, пулеметные гнезда, а также огневые позиции легких орудий для стрельбы прямой наводкой. Перед валом находился ров шириной 20—30 м и глубиной 10 м. На всем протяжении перед укрепленной позицией было установлено проволочное заграждение в 5—6 рядов кольев. Все подступы к проволочным заграждениям и рву фланкировались пулеметным огнем.

Вторая линия укреплений на Перекопском перешейке проходила

северо-западнее Ишуня, в 20—25 км юго-восточнее и южнее Турецкого вала. На этой позиции было построено 4—6 линий окопов с проволочными заграждениями и долговременными оборонительными сооружениями.

За Ишуньскими позициями располагалась дальнобойная артиллерия противника, способная держать под огнем всю глубину обороны. Плотность артиллерии на Перекопских позициях составляла 6—7 орудий на 1 км фронта. На Ишуньских позициях имелось около 170 орудий, которые усиливались огнем артиллерии 20 судов с моря.

Позиции Литовского полуострова полностью постройкой закончены не были. Они состояли из окопов и на отдельных участках имели проволочные заграждения.

Чонгарские укрепления были еще более неприступными, так как сам Чонгарский полуостров соединяется с Крымом узкой дамбой шириной в несколько метров, а Сивашский железнодорожный и Чонгарский шоссейный мосты были разрушены белыми.

На Таганашском полуострове противник создал две укрепленные полосы, а на Тюп-Джанкойском – шесть укрепленных рубежей. Все укрепленные рубежи состояли из системы окопов (на ряде участков, соединенных в сплошные траншеи), пулеметных гнезд и блиндажей для укрытия живой силы. На всех участках были построены проволочные заграждения. На Арабатской стрелке противник подготовил шесть укрепленных рубежей, пересекавших стрелку по фронту. Чонгарский перешеек и Арабатская стрелка имели незначительную ширину, что затрудняло маневр наступающих войск и создавало преимущества для оборонявшихся. Чонгарские позиции были усилены большим количеством артиллерии, бронепоездами и другой техникой». ^[88]

Действительно, белые бронепоезда сыграли важную роль в обороне Крыма. К 1914 г. в Крым вела только одна железнодорожная линия Сальково – Джанкой, проходившая через Чонгарский полуостров и Сиваш. В 1916 г. была введена в строй линия Сарабуз – Евпатория. А в 1920 г. белые достроили ветку Джанкой – Армянск, чтобы иметь возможность доставлять технику и войска к Перекопу. Понятно, что этого было мало. Следовало построить несколько рокадных железных дорог вблизи перешейка для переброски войск и действий бронепоездов.

Сколько точно имелось орудий на Перекопско-Сивашской позиции, данных нет ни в исторической литературе, не удалось мне найти их и в архивах. Правда, я нашел дело о снятии тяжелых орудий белых с Перекопских позиций в конце 1924 г. Там речь шла о трех 203мм английских гаубицах МК VI, восьми 152/45мм пушках Кане, двух 152мм

крепостных пушках в 190 пудов^[89] и четырех 127мм английских пушках.

План красных по овладению Крымским перешейком я изложу по советскому официальному закрытому изданию «История отечественной артиллерии»: «Планируя операцию по разгрому Врангеля в Крыму, М.В. Фрунзе положил в основу ее исторический пример. Используя его, он намечал совершить обход Чонгарских позиций противника по Арабатской стрелке с форсированием Сиваша у устья реки Салгир. “Этот маневр в сторону, – писал М.В. Фрунзе, – в 1737 г. был проделан фельдмаршалом Ласси. Армии Ласси, обманув крымского хана, стоявшего с главными своими силами у Перекопа, двинулись по Арабатской стрелке и, переправившись на полуостров в устье Салгира, вышли в тыл войскам хана и быстро овладели Крымом”.

Предварительная разведка показала, что противник имел на Арабатской стрелке сравнительно слабую оборону, а восточное побережье полуострова охранялось лишь конными дозорами.

Для безопасного движения войск по Арабатской стрелке необходимо было обеспечить операцию со стороны Азовского моря, где действовала флотилия мелких судов противника. Эта задача была возложена на Азовскую флотилию, находившуюся в Таганроге. Однако Азовская флотилия из-за льда, сковавшего Таганрогскую бухту в начале ноября, не смогла прибыть в район Геническа. Поэтому Фрунзе отказался от первоначального плана использования Арабатской стрелки для главного удара и принял новое решение. Новое решение М.В. Фрунзе сводилось к тому, что 6я армия должна была не позднее 8 ноября силами 15й и 52й стрелковых дивизий, 153й бригады 51й дивизии и отдельной кавалерийской бригады переправиться через Сиваш на участке Владимировка, Строгановка, мыс Кугаран и нанести удар в тыл противнику, занимавшему перекопские укрепления. Одновременно 51я дивизия должна была атаковать перекопские позиции с фронта. Для развития успеха на перекопское направление подтягивались 1я и 2я Конные армии. Начало операции намечалось в ночь с 7 на 8 ноября.

Войска 4й армии должны были прорвать чонгарские укрепления.

Таким образом, войска Южного фронта наносили удар на двух направлениях с концентрацией сил на правом крыле фронта, где решалась главная задача операции...

В ударной группе 6й армии, предназначавшейся для форсирования Сиваша и действий в обход Перекопских укреплений, было сосредоточено 36 легких орудий 52й дивизии. Это давало тройное превосходство над артиллерией Кубано-Астраханской бригады генерала Фостикова,

занимавшей Литовский полуостров и имевшей всего 12 орудий.

Для непосредственной артиллерийской поддержки первого эшелона войск, которые должны были форсировать Сиваш, от 1го и 2го дивизионов 52й стрелковой дивизии было выделено два взвода сопровождения. Эти взводы, для оказания им помощи при движении через Сиваш, получили по полуроте стрелков каждый. Остальная артиллерия ударной группы занимала огневые позиции в районе Владимировки и Строгановки с задачей поддержать наступление пехоты огнем батарей с северного берега Сиваша. После овладения ударной группой 1й линии укреплений Литовского полуострова планировалось перемещение 1го и 2го дивизионов на полуостров: 3й же дивизион должен был поддержать наступление пехоты с прежних позиций и прикрыть отход ударной группы в случае неудачи форсирования.

51я стрелковая дивизия, действовавшая против Перекопских позиций, была усилена артиллерией 15й дивизии и имела 55 орудий, которые были объединены в руках начальника артиллерии 51й дивизии В.А. Будиловича и сведены в четыре группы: правую, среднюю, левую и противобатарейную.

Первая группа в составе двенадцати легких и трех тяжелых орудий под командованием командира 2го дивизиона 51й дивизии имела задачу обеспечить прорыв 152й бригадой 51й дивизии перекопских укреплений.

Средняя группа в составе десяти легких и четырех тяжелых орудий также имела задачу обеспечить прорыв 152й бригадой Перекопских укреплений и потому она была подчинена командиру правой артиллерийской группы. Следовательно, правая и средняя группы фактически составляли одну группу в 29 орудий, имевшую единую задачу и общее командование.

Левая группа в составе двенадцати легких и семи тяжелых орудий имела задачу обеспечить прорыв перекопских позиций ударно-огневой бригадой 51й дивизии.

Противобатарейная группа состояла из семи орудий (42мм – два и 120мм – пять) и имела задачу вести борьбу с артиллерией и подавлять резервы противника». ^[90]

Из этих весьма неубедительных цитат следует, что красные для штурма имели семьдесят 76мм полевых пушек ^[91]. Кроме того, у Фрунзе было аж двадцать одно «тяжелое орудие». Из последних самыми мощными были 107мм пушки обр. 1910 г., 120мм французские пушки обр. 1878 г. и 152мм гаубицы обр. 1909 г. и 1910 г.

107мм пушки и 152мм гаубицы при царе-батюшке считались тяжелой

полевой артиллерией и предназначались для разрушения легких полевых (земляных) укреплений. Французские же пушки представляли скорее музейную ценность, нежели боевую.

Более мощными орудиями Южный фронт не располагал. В глубоком тылу красных хранилось на складах несколько орудий большой и особой мощности, доставшихся от царского ТАОНа (корпуса тяжелой артиллерии особого назначения). Но к ноябрю 1920 г. они находились в плачевном техническом состоянии, к ним не было обученных расчетов и средств тяги. Лишь к 24 марта 1923 г. красным с трудом удалось ввести в состав ТАОНа восемь 280мм гаубиц Шнейдера и три 305мм гаубицы обр. 1915 г.

С имевшейся в наличии артиллерией Фрунзе еще мог выиграть сражение в чистом поле у врангелевцев или поляков. Но штурм хорошо укрепленных позиций был заранее обречен на неудачу. Спустя 19 лет Красная Армия штурмовала относительно хорошо защищенную линию Маннергейма и понесла огромные потери из-за пренебрежительного отношения бездарных стратегов типа Тухачевского и Павлуновского к артиллерии особой мощности.

На Карельском перешейке даже мощные 203мм гаубицы Б-4 не могли пробить финских дотов. Через четыре года, летом 1944го, с ними отлично справлялись 305мм гаубицы.

Так что получается? «Красные орлы» совершили нечеловеческий подвиг, овладев Крымским перешейком? Да, действительно, с обеих сторон было совершено много героических дел. Но в целом красные дрались с противником, запрограммированным на бегство, а главное, «линия Врангеля» оказалась «потемкинской деревней». Однокашник и собутыльник нашего барона барон Маннергейм оказался куда умней. Зато в «Записках» Врангель будет бессовестно врать, говоря о борьбе на Перекопе: «Красные сосредоточили колоссальную артиллерию, которая оказывала своим частям мощную поддержку». К этому времени и советский «Агитпром» приступил к фабрикации легенд и мифов о штурме Перекопа.

Так как же проходил штурм Перекопа?

В ночь на 8 ноября в сложных погодных условиях – при сильном ветре и морозе в 11—12 градусов – ударная группа 6й армии (153я, 52я и 15я стрелковые дивизии) форсировала семикилометровую водную преграду – Сиваш. Днем 8 ноября 51я дивизия, атаковавшая в лоб Турецкий вал, была отброшена с большими потерями.

На следующий день красные возобновили штурм Турецкого вала, и одновременно ударная группа 6й армии овладела Литовским полуостровом.

Оборона белых была окончательно прорвана.

В боях за Крым я хотел особо остановиться на действиях флота и бронепоездов. В Каркинитский залив был введен 3й отряд Черноморского флота. В состав отряда входили: минный заградитель «Буг», на котором держал флаг командир отряда капитан 2го ранга В.В. Вилкен, канонерская лодка «Альма», посыльное судно «Атаман Каледин» (бывший буксир «Горгипия») и четыре плавбатареи.

Плавбатареи (бывшие баржи), вооруженные пятью 130—152мм орудиями, заняли позиции у Кара-Казака для поддержки войск на Ишуньских позициях. Уже при первой попытке красных прорваться в Крым плавбатарея Б-4 своим беглым огнем способствовала отражению их атак. В ночь на 8 ноября 1920 г. красные части переправились через Сиваш и подошли у Ишуньским позициям. 9 и 10 ноября плавбатареи и канонерка «Альма», получая по телефону целеуказания и корректировку, вели интенсивный огонь по наступавшему противнику. Передвижениям судов и отчасти стрельбе мешал северо-восточный шторм, а залив покрылся 12сантиметровым слоем льда. Несмотря на неблагоприятные условия, огонь судов был действительным, и части красной бй армии несли потери от флангового обстрела из Каркинитского залива.

В ночь на 11 ноября Ишуньские позиции были оставлены белыми, но суда оставались на своих позициях и утром бомбардировали станцию Ишунь. Во второй половине дня 11 ноября отряд судов получил приказание идти в Евпаторию, но из-за плотного льда плавбатареи уже не могли сняться со своих позиций.

На следующее утро, 12 ноября, отряд вошел в густой туман, и по ошибке в счислении в 9 ч. 40 мин. в четырех милях от Ак-Мечети минный заградитель «Буг» сел на мель. Стащить минзаг с мели с помощью буксиров не удалось, и в ночь на 13 ноября команда с него была снята, а само судно приведено в негодность.

Важную роль в борьбе за Крым сыграли бронепоезда. К октябрю 1920 г. красные у Перекопа имели 17 бронепоездов, но использовали лишь часть их. Бронепоезда курсировали в районе станции Сальково, благо мост через Сиваш был белыми взорван, а пути разобраны. Так что бронепоездам красных так и не удалось ворваться в Крым.

Тем не менее тяжелые бронепоезда красных оказали существенную поддержку частям, наступавшим на Чонгарском полуострове. Самым мощным бронепоездом красных был бронепоезд № 84, построенный в конце 1919 г. – начале 1920 г. в Сормово. В его состав входили две бронеплощадки с 203мм корабельными пушками, созданные на базе

16осной и 12осной платформ. Активно действовал и бронепоезд № 4 «Коммунар», в составе которого было 4 бронеплощадки. На одной из них стояла 152мм гаубица, а на других – по одной 107мм пушке обр. 1910 г.

Гораздо активнее действовали белые бронепоезда. Легкий бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» (сформирован 27 июля 1919 г. в Екатеринодаре) с 12 по 26 октября 1920 г. находился на Ишуньской ветке (линия Джанкой – Армянск). Бронепоезд «Дмитрий Донской» прибыл 26 октября к Ишуньской позиции под командой полковника Подопригора и вел бой против наступающих красных совместно с частями Марковской и Дроздовской дивизий.

На рассвете 27 октября бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» отошел к Армянску, севернее Ишуни, уже занятому красными. Там он оказался среди наступающих частей красной кавалерии. Кавалеристы, поддержанные артиллерийским огнем и бронеавтомобилями, атаковали бронепоезд несколькими лавами и окружили его. Бронепоезд поражал наступающих артиллерийским и пулеметным огнем в упор. Красноармейцы несли большие потери, но не прекращали атак. Конный разъезд красных попытался взорвать железнодорожное полотно на пути отхода бронепоезда, но пулеметным огнем с бронепоезда был уничтожен. В это время «Святой Георгий Победоносец» попал под обстрел трехдюймовой советской батареи. В результате попадания снаряда был поврежден котел паровоза и контужены офицер и механик.

С затухающим паровозом бронепоезд медленно двигался назад, не прекращая боя с батареей и конницей красных. На северных стрелках разъезда подбитый паровоз затух. До наступления темноты бронепоезд, не имея возможности маневрировать, все-таки отбрасывал своим огнем нападавшего противника. Вечером подошел исправный паровоз и отвел боевой состав бронепоезда на станцию Ишунь.

Во время боя 27 октября на бронепоезде «Дмитрий Донской» было разбито головное орудие, ранен один офицер и убит один вольноопределяющийся.

28 октября бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» вышел на позицию с небронированным паровозом. Красные наступали большими силами, заняв две линии окопов и преследуя отступавшие белые части. Бронепоезд внезапно врезался в густые цепи красных и расстреливал их пулеметным и картечным огнем с дистанции до 50 шагов. Красные осыпали белый бронепоезд пулями и с небывалым упорством бросались на него в атаку, но, понеся огромные потери, начали отходить, а «Святой Георгий Победоносец» преследовал их. Это позволило пехоте белых

перейти в контратаку.

Между тем продвинувшийся вперед бронепоезд был снова атакован свежими силами пехоты. Цепь красных залегла у железнодорожного полотна. На бронепоезде были ранены 4 солдата и механик и перебит единственный исправный на паровозе инжектор, в результате чего подача воды в котел прекратилась. Но бронепоезд все же отбросил своим огнем цепи красных, нанеся им большие потери. После прибытия белого бронепоезда «Гундоровец», «Святому Георгию Победоносцу» удалось отойти с потухающим паровозом на станцию Ишунь.

Между тем командованию белых стало известно, что красные готовят вторжение в Крым других своих войск с северо-востока, вдоль главной линии железной дороги, проложенной по дамбе близ станции Сиваш. Тяжелый бронепоезд «Единая Россия» (новый, построенный в Крыму) находился 28 октября у Сивашского моста на участке 134го пехотного Феодосийского полка и вел перестрелку с частями красных.

Легкий бронепоезд «Офицер» прибыл утром 28 октября на узловую станцию Джанкой. По приказанию начальника штаба 1го корпуса он пошел оттуда на станцию Таганаш, примерно в 20 верстах от станции Джанкой, для участия в обороне Сивашских позиций.

29 октября в 9 часов утра «Офицер» вышел на Сивашскую дамбу в составе одной бронеплощадки с двумя Здюймовыми пушками, одной площадки с 75мм пушкой и небронированного паровоза. Несмотря на огонь стоявших в укрытии на противоположном берегу батарей красных, «Офицер» двинулся к мосту. Когда бронепоезд был в 320 метрах от моста, под его второй предохранительной площадкой взорвался фугас. Взрывом был вырван кусок рельса длиной около 60 см. По инерции через взорванное место прошла одна бронеплощадка и тендер паровоза. Остановившийся бронепоезд картечью и пулеметным огнем частью перебил, частью разогнал красных, находившихся у взорванного моста. Затем «Офицер» открыл огонь по позициям артиллерии красных, продолжавшей его обстреливать.

Несмотря на поврежденные пути, «Офицеру» удалось вернуться к своим окопам. Там он оставался до часу дня, маневрируя под огнем орудий противника. После этого по приказанию начальника группы бронепоездов полковника Лебедева «Офицер» отошел на станцию Таганаш.

В это время части красных прорвались по Чонгарскому полуострову и вели наступление с востока, в обход станции Таганаш. Бронепоезд «Офицер» обстреливал их колонны, наступавшие со стороны селения Абазкирк. Огнем белых бронепоездов (в том числе и тяжелого бронепоезда

«Единая Россия»), а также позиционной и полевой артиллерии красные, атаковавшие большими силами, были к вечеру остановлены южнее селения Тюп-Джанкой. До темноты бронепоезд «Офицер» оставался на станции Таганаш.

Вечером 29 октября «Офицер» снова пошел на Сивашскую дамбу, но вскоре вернулся назад и встретился с бронепоездом «Единая Россия». Затем оба бронепоезда двинулись к дамбе. «Единая Россия» шел позади «Офицера» на расстоянии чуть более 200 метров. Не доезжая метров 500 до линии передовых окопов белых, капитан Лабович остановил бронепоезд «Офицер», так как получил предупреждение от проходившего в это время по полотну железной дороги офицера Феодосийского полка, что красные, по-видимому, готовятся подорвать путь, так как были слышны удары кирки по рельсам. «Офицер» стал медленно отходить, чтобы обнаружить место подкопа.

Внезапно сзади раздался взрыв. Взрыв произошел под предохранительными площадками следовавшего сзади бронепоезда «Единая Россия». Две предохранительные площадки взлетели в воздух. «Единая Россия» был отброшен назад по рельсам на расстояние около полуверсты. В образовавшуюся от взрыва яму провалилась задняя площадка с 75мм пушкой бронепоезда «Офицер», который не успел затормозить. «Офицер» остановился. Тогда, при полной темноте, красные открыли огонь из семи пулеметов, стоявших в основном с левой стороны железнодорожного полотна.

Бронепоезд «Единая Россия» открыл ответный огонь. На бронепоезде «Офицер» два орудия не могли стрелять: задняя 75мм пушка не могла стрелять из-за наклонного положения боевой площадки, провалившейся в яму, а у средней трехдюймовой пушки не было достаточного количества номеров расчета. Таким образом, «Офицер» открыл огонь только из одного головного трехдюймового орудия и всех пулеметов.

Через несколько минут красные, а это были бойцы 264го полка 30й дивизии, пошли в атаку на бронепоезда. С криками «ура» они стали забрасывать гранатами бронеплощадки «Офицера». Однако там команда уже бежала на бронепоезд «Единая Россия», который отправился в тыл на станцию Таганаш.

В тот же день, 29 октября, с 7 часов утра находившиеся на Ишуньской ветке бронепоезда «Дмитрий Донской» и «Святой Георгий Победоносец» вступили в бой с наступающими советскими частями и сдерживали продвижение противника со стороны Карповой Балки. Около полудня бронепоезд «Дмитрий Донской» был подбит. Его бронеплощадки получили

настолько серьезные повреждения, что бронепоезд не мог продолжать боя и отошел в сторону узловой станции Джанкой.

Бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» остался один. Однако ему удалось сдерживать наступление частей красных до тех пор, пока отступавшие войска белых не вышли на большую Симферопольскую дорогу. Затем «Святой Георгий Победоносец» отошел на станцию Ишунь и оттуда отражал атаки красной конницы, которая пыталась начать преследование белых частей.

При отходе бронепоезда «Святой Георгий Победоносец» сошла с рельс одна его предохранительная площадка. Поздно вечером примерно в двух верстах от узловой станции Джанкой произошло столкновение составов бронепоездов «Святой Георгий Победоносец» и «Дмитрий Донской». Бронеплощадки при этом не пострадали, а сошли с рельс лишь вагон резерва бронепоезда «Святой Георгий Победоносец» и три вагона-мастерских, которые были прицеплены к бронепоезду «Дмитрий Донской».

Видимо, в ту же ночь бронепоезд «Иоанн Калита»^[92] прошел через станцию Джанкой на Керчь, имея задачей прикрывать отход в сторону Керчи частей Донского корпуса.

Утром 30 октября бронепоезд «Святой Георгий Победоносец», присоединив к себе одну боевую площадку бронепоезда «Единая Россия», двинулся вместе с резервом со станции Джанкой в сторону Симферополя. Примерно в 5 верстах к югу от Джанкой состав резерва бронепоезда был брошен, так как оказалось, что его паровоз не успел получить снабжения.

Бронепоезд «Единая Россия» оставил станцию Таганаш последним. Когда «Единая Россия» подошел к станции Джанкой, ему пришлось остановиться и ждать починки поврежденного пути. «Единая Россия» двинулся дальше, когда уже часть города Джанкой была занята красными. На разъезде к югу от станции Джанкой бронепоезда «Святой Георгий Победоносец» и «Единая Россия» соединились и пошли дальше соединенным составом.

Около 2 часов дня 30 октября бронепоезда подошли к станции Курман-Кемельчи, что в 25 верстах к югу от станции Джанкой. В это время неожиданно появилась красная конница, которая шла со стороны Ишуньских позиций в обход отступающих войск белых. Соединенные белые бронепоезда открыли огонь по наступавшей коннице, отбросили ее и дали возможность частям белых в порядке отходить дальше.

При дальнейшем движении к Симферополю соединенным бронепоездам белых преградило путь препятствие из наваленных на рельсы камней и шпал. По бронепоездам открыла огонь четырехорудийная

батарея красных, а их конница находилась в тысяче шагов от железнодорожного пути.

Красные кавалеристы двинулись в атаку на белые бронепоезда, но были отброшены с большими потерями. При дальнейшем отходе командам белых бронепоездов приходилось несколько раз расчищать путь от шпал и камней, которые красные успевали набрасывать, чтобы вызвать крушение. К ночи на станцию Симферополь прибыли бронепоезд «Дмитрий Донской» и состав резерва бронепоезда «Офицер». Позднее в Симферополь пришли соединенные бронепоезда «Святой Георгий Победоносец» и «Единая Россия».

В 11 часов 31 октября бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» отошел со станции Симферополь последним. По прибытии на станцию Бахчисарай был спущен на ее северных стрелках паровоз. Затем по приказанию командующего 1й армией генерала Кутепова был взорван железнодорожный мост через реку Альму и сожжен мост на шоссе. Ночью было получено приказание отходить в Севастополь для погрузки на суда.

На рассвете 31 октября бронепоезд «Дмитрий Донской» и состав резерва бронепоезда «Офицер» подошли к станции Севастополь и остановились близ первых пристаней. Дальше двигаться было нельзя, так как на повороте сошла с рельс боевая площадка «Дмитрия Донского» и требовалась починка пути.

Между тем были получены сведения, что у соседней пристани уже производится погрузка войск на пароход «Саратов». На этот пароход была принята команда бронепоезда «Грозный», которая перед посадкой привела в негодность только что полученные из ремонта орудия и сбросила в море замки.

Около 9 часов утра 1 ноября бронепоезда «Святой Георгий Победоносец» и «Единая Россия» дошли до Севастополя, в район Килен-бухты. По пути была испорчена материальная часть на бронеплощадках. Около 10 часов было произведено крушение для того, чтобы составы бронепоездов не достались в целом виде красным. Боевые составы бронепоездов «Святой Георгий Победоносец» и «Единая Россия» были пущены возможно быстрым ходом навстречу друг другу.

Команда бронепоезда «Святой Георгий Победоносец» с шестью пулеметами погрузилась на пароход «Бештау». Команда бронепоезда «Единая Россия», прибывшая на боевой части, была также погружена на пароход «Бештау». Часть команды, находившаяся в составе резерва, погрузили раньше на пароход «Херсон».

Тяжелый бронепоезд «Иоанн Калита» прибыл 1 ноября в Керчь,

прикрывая шедшую в арьергарде Донского корпуса бригаду под командой генерала Фицхелаурова. Так как не было разрешено взорвать боевой состав бронепоезда, то его матчасть была приведена в негодность без взрыва. В ночь на 2 ноября команда бронепоезда «Иоанн Калита» была погружена на плавсредство «Маяк номер 5й».

Бронепоезд «Дмитрий Донской» прибыл 2 ноября в Керчь, где уже находился легкий бронепоезд «Волк». Команды этих двух бронепоездов сняли замки с орудий и испортили матчасть на боевых площадках, после чего погрузились на суда.

Здесь я много уделил внимания действиям бронепоездов. На мой взгляд, они очень интересны, но их активность не типична для отступающей Русской армии.

Генерал Слащёв утверждал: «11 ноября я по приказанию Врангеля был на фронте, чтобы посмотреть и донести о его состоянии. Части находились в полном отступлении, то есть, вернее, это были не части, а отдельные небольшие группы; так, например, на Перекопском направлении к Симферополю отходили 228 человек и 28 орудий, остальное уже было около портов.

Красные совершенно не наседали, и отход в этом направлении происходил в условиях мирного времени».^[93]

Замечу, что это было писано, когда Яков Александрович уже находился на службе красных и участники боев за Крым могли легко его уличить во лжи.

В эмиграции ряд офицеров рассказывали о конных колоннах красных и белых, которые длительное время шли по степи параллельно на расстоянии нескольких километров друг от друга и не пытались атаковать.

Лично я уверен, что французское и советское командования во второй раз в Крыму (первый раз – в апреле 1919 г.) заключили секретное соглашение: «...мы уходим, вы нас не трогаете». Естественно, что текст соглашения до сих пор невыгодно публиковать ни СССР (России), ни Франции.

Опубликован только текст ультиматума французского адмирала с угрозой подвергнуть бомбардировке советские порты, если подвергнуться опасности французские суда.

Повстанцы нанесли удар в тыл врангелевцам в районе Ишуни. Они же перерезали отступающим казачьим частям шоссе Симферополь – Феодосия. 10 ноября подпольный ревком поднимает восстание, восставшие захватывают Симферополь – за три дня до прихода Красной Армии. Кроме того, бойцы Крымской повстанческой армии захватили города Феодосию и

Карасубазар (ныне Белогорск). Замечу, что по повстанцам, занимавшим Феодосию, вел огонь французский эсминец «Сенегал».

На помощь партизанам из Новороссийска в Крым пришли несколько моторных катеров. Новым десантом командовал уже известный нам Иван Папанин. Осенью 1920 г. он с захваченной у белых секретной документацией был доставлен на Большую землю и вот теперь снова оказался в Крымской повстанческой армии.

10 ноября 1920 г. отряд Папанина захватил Алушту.

Любопытно, что спустя 20 лет, осенью 1941 г., Мокроусов вновь возглавил партизанское движение в Крыму, а его ближайшим помощником стал «адъютант его превосходительства» Макаров. Немецкие оккупанты знали о прошлых похождениях Макарова и распространяли среди населения специально посвященную ему листовку с красноречивым названием «Хамелеон». Папанин в Крыму в 1941—1944 гг. не партизанил, в то время он служил «начальником Арктики».

Глава 15

Русский Гонконг, или упущенный шанс барона

На мой взгляд, историк должен не только фиксировать события, но и объяснять их причины, показывая возможные альтернативные варианты. В ином случае историк становится простым регистратором событий, эдаким Кисой Воробьяниновым. Другой вопрос, что последствия каждого альтернативного варианта имеют множество последующих вариантов, и вот тут-то вступает в действие правило: «История не терпит сослагательного наклонения». Дальнейшая экстраполяция – дело кустарей-одиночек – производителей фэнтези.

Итак, была ли альтернатива у Врангеля или, скажем шире, у белых в Крыму? У белых был почти год, чтобы укрепить Крымский перешеек. Ширина перешейка примерно 100 км. Восьмикилометровый Перекопский перешеек омывается Каркинитским заливом на западе и Сивашем (Гнилым морем) на востоке. В 60 км к востоку от Перекопа в центре Гнилого моря находится Чонгарский полуостров, соединенный с Таврией узким (200—300 м) и длинным (около 4 км) перешейком. С Крымом Чонгарский полуостров соединен узкой насыпью и мостом (всего около 6 км). Именно по этой насыпи и ходил в атаку с оркестром генерал Слащев.

В 16—17 км восточнее Чонгарского полуострова Крым с Таврией соединяется длинной и крайне узкой (200—500 м) Арабатской стрелкой, по которой проходила одна гужевая дорога.

Еще крымские татары осознали, что, укрепив перешеек, можно превратить Крым в остров. В 1540 г. хан Сагиб Гирей приступил к строительству укреплений на Перекопе. Весь перешеек был перекопан рвом, за которым насыпан вал. К началу XX века ширина вала у основания доходила до 36 метров. Глубина рва – до 30 метров, ширина – около 10 метров. Ров был выложен камнем. Через каждую версту была поставлена большая каменная башня.

На эти-то укрепления и понадеялся наш барон. Увы, Врангель только носил знаки отличия генерал-лейтенанта, но так и остался кавалерийским ротмистром. Он, видимо, не знал, что в конце XIX – начале XX века произошла революция в фортификации. На смену каменным бастионам и земляным валам пришли укрепления из железобетона и стали.

Мировая война стала неплохой проверкой подобным сооружениям. Забегая вперед, скажу, что в 30х годах линии Мажино, Маннергейма, германские укрепления на Рейне и т. п. стали лишь развитием укреплений начала XX века.

Историки Гражданской войны, как советские, так и эмигрантские, как-то упускают из виду, что к 1917 г. Севастополь был по мощности второй после Кронштадта крепостью России, а также главной базой Черноморского флота.

В Севастополе имелись десятки крепостных и морских пушек и мортир калибра 305, 280, 254, 203, 152, 120 и 102 мм. Имелся и огромный запас снарядов. Сколько ни грабили немцы, а затем союзники запасы Черноморского флота и Севастопольской крепости, к 1920 году они были огромны.

В Крыму был мощный «Севморзавод», плавучий завод (мастерская «Кронштадт») и несколько других металлообрабатывающих заводов, которые без проблем могли изготовить любое количество металлических устройств и элементов конструкций для фортификационных сооружений перешейки. На складах Черноморского флота имелись сотни тонн броневой стали, в батареях Севастопольской крепости были в большом количестве основания для орудий, броневые двери, радио, телефоны, кабели, электродвигатели и прочее оборудование для мощных фортов. Англичане взорвали машины на шести русских броненосцах и крейсере «Память Меркурия», но свыше ста их пушек калибра 152—305 мм были в целости и сохранности. Я сам читал отчеты красных, демонтировавших эти пушки в 1921—1922 гг.

Мало того, в Севастополе даже стоял поднятый линкор «Императрица Мария», с которого можно было снять часть брони, двадцать 130/55мм пушек и многие сотни 305мм и 130мм снарядов. Вместо этого Врангель приказал вывести линкор из дока и вновь затопить. Опять же красные, изгнав белых, подняли линкор и использовали 305 и 130мм пушки «Марии» для создания береговых батарей и железнодорожных артиллерийских установок.

Весной 1919 г. французский линкор «Мирабо» налетел на камни у Севастополя. С помощью белых он был спасен и отведен в ремонт в Севастополь. Пытаясь облегчить корабль, французы сняли с него свыше 1000 тонн брони, которую позабыли, драпая из Севастополя. Вместо того чтобы использовать эту броню для строительства укреплений на Крымском перешейке, барон толкнул ее какой-то итальянской фирме.

Замечу, что в 1916 г. – начале 1917 г. в преддверии запланированной

Босфорской операции почти все стволы на старых линкорах (броненосцах) были заменены, и к 1922 г. расстрел их был совсем невелик.

Увы, все это так и осталось невостребованным, хотя у Врангеля было 9 месяцев для обустройства Перекопских позиций.

Наконец, у белых был сравнительно сильный флот, а у красных флота не было, за исключением нескольких мобилизованных гражданских судов, составлявших Азовскую флотилию.

Были у Врангеля и людские резервы. Почти 450 тысяч «бывших» сбежали в Крым, спасаясь от большевиков! Вспомним хотя бы булгаковский «Бег». Они ели, пили, интриговали и всячески мешали военным. Почему Врангель не приказал им взять в руки оружие или, по крайней мере, лопаты? Приват-доцента Голубкова, как человека образованного, поставить к дальномеру на батарею бдюймовых пушек Кане, а господину Корзухину с женой вместо «пушного товара» – в руки по лопате и на Перекоп на рытье окопов.

Сейчас СМИ называют беженцев в Крыму элитой русского общества, лучшими его представителями. Но вот вопрос, почему эта элита не пожелала не то что кровь проливать, а просто немного попотеть – жирок сбросить на Перекопских позициях? Издавна гражданское население Руси принимало участие в обороне городов, и в 1941 г. большая часть женщин и стариков вышли рыть окопы и противотанковые рвы на подступах к Москве и Ленинграду.

Но тут «образованная часть общества» и дородное купечество не пожелали спасать ни «Русь святую», ни самих себя. Менталитет не тот: пойти господам в Париже и Стамбуле в таксисты и половые в кабаках, а дамам – на панель? Да запросто! Но лопату в руки... Фи!

А Врангель и К° ни войска, ни «элиту», ни местных жителей и не собирались привлекать. А ведь почти за год можно было создать систему укреплений почище, чем линии Мажино и Маннергейма.

Почему же это не было сделано? Именно из-за косности мышления русских генералов и адмиралов. Шашки наголо! Кавалерийская лава, вперед! Пехота с музыкой на пулеметы – шагом марш! Вот это по-нашему! А формировать крепостные дивизии, строить теплые подземные казармы для личного состава... Такой глупостью наши господа офицеры свои головы забивать не изволили.

Врангелю не нужно было строить доты-«миллионеры»^[94], как это делал Маннергейм. Ему было достаточно разобрать, как детский конструктор, башни, казематы, системы ПУС^[95] лишенных хода

броненосцев, а затем собрать их на перешейке.

И это не фантазии автора. В 1921 г. руководство красных Морских сил на Черном море предложило использовать четыре броненосца в качестве плавучих батарей для защиты Одессы и Днепро-Бугского лимана. Все оборудование броненосцев находилось в рабочем состоянии, кроме машин, взорванных англичанами. Однако председатель Реввоенсовета Троцкий устроил истерику и велел сдать броненосцы на лом.

Кстати, использовать броненосцы как плавбатарей мог и Врангель. Осадка около 8 метров не позволила бы броненосцам подойти близко к берегу в Каркинитском заливе в районе Перекопа. Но их можно было чуть ли не в два раза облегчить, демонтировав все, что не является необходимым для ведения артиллерийской стрельбы: машины, дымовые трубы, мачты, рулевые и якорные устройства, торпедные аппараты и прочее. Далее к броненосцу подводится система понтонов, которые приподнимают корабль. Так можно было уменьшить осадку с 8 метров до 1—2 метров. Подняли же белые понтонами «Императрицу Марию» весом в 25 тыс. тонн. А почему нельзя приподнять понтонами броненосец типа «Три Святителя» весом до разгрузки 13 тыс. тонн, а после разгрузки – 8 или даже 6 тыс. тонн? Четыре такие плавбатарей в Каркинитском заливе могли гарантированно прикрыть Перекопский перешеек.

У Арабатской стрелки можно было поставить десяток мелкосидящих канонерских лодок типа эльпидифор и болиндер со 130мм и 152мм пушками. Кстати, и это делалось зимой 1919/20 г.: у Арабатской стрелки стояла во льду канонерка «Терец» и сильно досаждала красным артиллерийским огнем. А осадка ее была существенно больше, чем у тех же болиндеров.

Мы уже знаем об отсутствии у красных артиллерии большой и особой мощности. Построив глубокоэшелонированную систему стальных и железобетонных укреплений, Врангель мог сделать Крым на несколько лет неприступным островом. Но что делать дальше?

Отделившись неприступными укреплениями, нужно было отделяться политически, то есть сделать Крым «незалежным». И опять же это не моя выдумка, Крым в Гражданскую войну уже много раз становился «незалежным».

Еще 25 июня 1918 г. в Симферополе под эгидой германского командования было создано «Крымское краевое правительство». С уходом немцев и приходом в Севастополь союзных эскадр 15 ноября 1918 г. кадеты, эсеры и меньшевики создали новое краевое правительство.

15 июня 1919 г. краевое правительство драпануло из Севастополя на

греческом судне «Надежда». А 25—29 апреля 1919 г. в Симферополе большевики создали Крымскую Советскую Социалистическую республику (КССР) и Временное рабоче-крестьянское правительство. Возглавил это правительство Ульянов, правда, не Владимир, а Дмитрий Ильич.

Увы, 18 июня 1919 г. на пляжи Коктебеля высадился десант Якова Слащёва, и уже 23 июня Ульянов со товарищи собрали чемоданы и сели на поезд Симферополь – Москва.

Итак, барону не нужно было изобретать велосипед, а лишь восстановить Крымскую республику. Для приличия в состав нового правительства должны были войти те же кадеты и меньшевики, но, естественно, первую скрипку играли бы военные.

Тут следует заметить, что с середины 1919 г. советское правительство без колебания заключало мир с любым государством, если то прекращало войну простив Советской республики. Так, на унижительных для России условиях был заключен мир с Финляндией, Эстонией, Латвией и Литвой. Позже, чтобы достичь компромисса с Японией, большевики пошли на создание Дальневосточной республики. Обратим внимание, сразу после заключения мира с Эстонией и Латвией Советская Россия стала их широко использовать для «подпольного» транзита в обе стороны. Дело в том, что ведущие государства мира не признавали Советскую Россию и не желали торговать с ней.

Зато правительства большинства государств Европы с большим удовольствием «смотрели сквозь пальцы» на экспорт и импорт товаров в Россию через прибалтийские лимитрофы.

Поэтому можно предположить с большой долей вероятности, что правительство большевиков признало бы независимость нейтрального Крыма и сделало бы из него черноморский Гонконг.

Кто-то скажет: хорошо рассуждать через 88 лет, зная наперед последующие события. Но то же самое Врангелю советовали наиболее талантливые руководителя Белого движения. Самый толковый стратег белых – генерал-лейтенант Слащёв-Крымский несколько раз предлагал Врангелю начать переговоры с большевиками – «красные в Крым не войдут и сговорятся с нами о нашей будущности».

Ну а промышленники, бежавшие в Крым, несмотря на репрессии белой контрразведки, успешно торговали с Советской Россией. Врангель возмущался: «Документально установлено, что “Центросоюз”, “Центросекция” и “Днепросоюз” являются контрагентами советского правительства, получают субсидии от советской власти и выполняют задания таковой по доставке товаров и фуража Красной Армии и в

губернии Северной России. Осмотром книг “Центросоюза” и Харьковского отделения Московского народного банка было установлено, что “Центросоюз” получил 50 000 000 рублей от советского правительства, а в местных складах “Центросоюза” были обнаружены товары, заготовленные для советской России. Из других кооперативных организаций особым вниманием советской власти пользовались “Центросекция” (кооператив для рабочих), “Днепросоюз” и “Здравосоюз”, которые получали крупные субсидии от Советов и, обслуживая сих последних, привлекали к этой работе и те свои филиалы, которые находились на территории Русской армии...

Эта переправка в Северную Россию производилась частью через Батум и Грузию, а иногда путем сосредоточения товаров в таких пунктах, которые эвакуировались Добровольческой армией, причем оставляемые товары перечислялись конторой “Центросоюза”, обслуживающей Советскую Россию». [\[96\]](#)

Как видим, барону нужно было только не мешаться, и «остров Крым» сам по себе превратился бы в русский Гонконг.

Не стоит забывать, что большевики не имели на Черном море не только военного, но и торгового флота. Весь черноморский торговый флот и транспортная флотилия Черноморского флота находились у Врангеля. За исключением нескольких десятков судов, которые барон к ноябрю 1920 г. успел толкнуть на Запад по демпинговой цене.

Да и на других морях у Советской Республики торговых судов осталось в несколько раз меньше, чем имелось в Российской империи. На Севере торговые суда и ледоколы угнал генерал Миллер. На Дальнем Востоке флот угнал адмирал Старк, а потом продал суда в Шанхае и Маниле. На Балтике много торговых судов погибло в 1914—1920 гг., еще больше их было захвачено финнами и прибалтийскими лимитрофами.

Итак, «остров Крым» мог предложить Советской России не только свою «вывеску» для торговли со всеми странами Запада и крупных валютных и торговых махинаций, но и свои порты, и свой торговый флот.

Говоря о Советской России начала 1920х годов, не надо путать две вещи – разруху по стране в целом и огромное количество товаров и сырья, которые могла экспортировать наша страна и в которых так нуждался Запад. И разрухи и сырья в Совдепии хватало с избытком.

Так что на Крым посыпался бы золотой дождь. Пример – Гонконг, Монако и другие малые государства служат тому порукой. Кстати, в 1919—1920 гг. англичане пытались создать Черноморский Гонконг. Речь идет о городе Батуме, который англичане объявили «свободной зоной». Батум стал

центром не только европейской и кавказской торговли, там заключали сделки представители советских предприятий и фирм, существовавших на территориях, занятых ВСЮР.

Однако в мае 1920 г. Красная Армия заняла Баку, а Волжско-Каспийская флотилия заставила сдать англичан в персидском порту Энзели и вернуть угнанный каспийский флот.

После этого банкиры Сити посчитали, что связываться с большевиками себе дороже, и в середине 1920 г. англичане покинули Батум.

Увы, Врангелю было наплевать на судьбы своих офицеров и казаков, на судьбы 450 тысяч беженцев и населения Крыма. Барон прекрасно понимал, что в случае перемирия с большевиками нужды в таком «правителе» не будет. Мало того, он станет помехой в дальнейших взаимоотношениях Крыма и Советской России. Врангель не был ни политиком, ни стратегом, а лишь кавалерийским ротмистром, готовым просадить за карточным столом всё и вся.

Глава 16

Великий исход

Врангель с первых дней своего правления готовился сдать Крым. Еще 4 апреля 1920 г. приказом № 002450 он распорядился, «соблюдая полную секретность, в кратчайший срок подготовить соответствующий тоннаж для перевозки, в случае необходимости, 60 тысяч человек в Константинополь. Для этого предлагалось распределить нужный тоннаж по предполагаемым портам посадки с таким расчетом, чтобы было можно начать посадку на суда через четыре-пять дней после начала отхода с перешейков. При этом давались следующие данные по портам: из Керчи – 12 тысяч человек, из Феодосии – 15 тысяч, из Ялты и Севастополя – 20 тысяч, из Евпатории – 13 тысяч человек».^[97]

11 ноября в Севастополь из Константинополя прибыл французский тяжелый крейсер «Вальдек Руссо» (водоизмещением 14 тыс. тонн, вооруженный четырнадцатью 194/50мм орудиями) в сопровождении эсминца «Алжирец». На его борту находился временно командующий французской Средиземноморской эскадрой адмирал Дюменил. В ходе переговоров с французским адмиралом Врангель предложил передать Франции весь военный и коммерческий флот Черного моря в обмен на содействие в эвакуации белой армии. Сам барон позже писал: «Мы беседовали около двух часов, итоги нашей беседы были изложены в письме адмирала ко мне от 29 октября (11 ноября): “...Ваше Превосходительство, в случае если Франция не обеспечит перевозку армии на соединение с армией русско-польского фронта, в каком случае армия была бы готова продолжать борьбу на этом театре, полагаете, что ваши войска прекратят играть роль воинской силы. Вы просите для них, как и для всех гражданских беженцев, помощи со стороны Франции, так как продовольствия, взятого с собой из Крыма, хватит лишь на десяток дней, громадное же большинство беженцев окажется без всяких средств к существованию.

Актив крымского правительства, могущий быть употребленным на расходы по эвакуации беженцев, их содержание и последующее устройство, составляет боевая эскадра и коммерческий флот.

На них не лежит никаких обязательств финансового характера, и Ваше Превосходительство предлагает немедленно передать их Франции в

залог”». [\[98\]](#)

Да простит меня читатель за столь длинную цитату, но, увы, наши «демократы» всячески замалчивают продажу русского военного и транспортного флота Франции. Вот забавный случай: в школе подмосковного города Королева старшеклассник на уроке истории ляпнул о продаже флота. Молодая учительница возмутилась: «Врангель не мог этого сделать!» «Почему?» Последовала небольшая пауза, а затем «историчка» менее уверенно сказала: «Врангель был народный герой».

В тот же день, 29 октября (11 ноября) Врангель издает свой последний приказ в качестве Правителя Юга России:

«Русские люди. Оставшаяся одна в борьбе с насильниками, Русская армия ведет неравный бой, защищая последний клочок русской земли, где существуют право и правда.

В сознании лежащей на мне ответственности, я обязан заблаговременно предвидеть все случайности.

По моему приказанию уже приступлено к эвакуации и посадке на суда в портах Крыма всех, кто разделял с армией ее крестный путь, семей военнослужащих, чинов гражданского ведомства, с их семьями, и отдельных лиц, которым могла бы грозить опасность в случае прихода врага.

Армия прикроет посадку, памятуя, что необходимые для ее эвакуации суда также стоят в полной готовности в портах, согласно установленному расписанию. Для выполнения долга перед армией и населением сделано все, что в пределах сил человеческих.

Дальнейшие наши пути полны неизвестности.

Другой земли, кроме Крыма, у нас нет. Нет и государственной казны. Откровенно, как всегда, предупреждаю всех о том, что их ожидает.

Да ниспошлет Господь всем силы и разума одолеть и пережить русское лихолетье.

Генерал Врангель».

Врангель писал: «Я отдал директиву: войскам приказывалось, оторвавшись от противника, идти к портам для погрузки, 1му и 2му армейским корпусам – на Евпаторию; Севастополь, конному корпусу генерала Барбовича – на Ялту, кубанцам генерала Фостикова – на Феодосию; донцам и Терско-Астраханской бригаде во главе с генералом Абрамовым – на Керчь. Тяжести оставить. Пехоту посадить на повозки, коннице прикрывать отход». [\[99\]](#)

Вопреки утверждениям барона отступление белых проходило

организованно далеко не всегда. В значительной части случаев имело место просто паническое бегство «к воде».

Тем не менее ведение белыми тактики выжженной земли продолжалось. Выводились из строя железнодорожные вокзалы, стрелки, эшелоны на полном ходу загонялись в тупик или сбрасывались в воду. Последнее имело место в Севастополе в Килен-бухте. Кстати, почти таким же способом немцами уничтожались паровозы и вагоны на том же самом месте в мае 1944 г. По приказу генерала Кутепова был взорван железнодорожный мост через реку Альму и сожжен мост на шоссе Симферополь – Севастополь. Вблизи Керчи белые затопили броненосец «Ростислав», использовавшийся ими как плавбатарей. Однако стоявшие в Севастополе броненосцы уничтожить они так и не успели.

В последний момент Врангель приказал расстрелять выше 500 политических, находившихся в севастопольской тюрьме. Однако местные большевики сумели передать заключенным несколько револьверов, те устроили бунт, охрана разбежалась. Заключенные рассеялись по городу, искать их у белых уже не оставалось времени.

14 ноября в 14 ч. 50 мин. барон Врангель поднялся на борт крейсера «Генерал Корнилов». Крейсер поднял якоря и покинул Севастопольскую бухту. На борту крейсера находились штаб Главнокомандующего, штаб Командующего флотом, особая часть штаба флота, Государственный банк, семьи офицеров и команды крейсера и пассажиры, всего 500 человек.

Порты Крыма покинула целая армада кораблей: один дредноут, один старый броненосец, два крейсера, десять эсминцев, четыре подводные лодки, двенадцать тральщиков, 119 транспортов и вспомогательных судов. На них были вывезены 145 693 человека (не считая судовых команд), из которых 116 758 человек были военными и 28 935 – гражданскими.^[100]

По данным же специальной секретной сводки разведывательного отдела штаба французской Восточно-Средиземноморской эскадры от 20 ноября 1920 г., «прибыло 111 500 эвакуированных, из которых 25 200 – гражданских лиц и 86 300 – военнотружущих, среди которых 5500 – раненых; ожидается только прибытие из Керчи кораблей, которые, как говорят, должны доставить еще 40 000 беженцев».^[101]

В ходе эвакуации пропал без вести эсминец «Живой», на котором погибло 257 человек, в основном офицеров Донского полка.

Команда тральщика «Язон», шедшего на буксире транспорта «Эльпидифор», ночью обрубил буксирный канат и увела судно к красным в Севастополь.

Любопытно, что мирное население эвакуировалось даже на подводных лодках. Так, с подводной лодки «Утка» в Севастополе перед отходом в Константинополь сбежали 12 матросов, зато были приняты 17 женщин и двое детей.

У большевиков не было мореходных судов, способных перехватить врангелевскую армаду. Тем не менее в экстренном порядке в Николаеве 21 октября 1920 г. была введена в строй подводная лодка АГ-23. Она получила приказ атаковать суда белых. Но из-за неисправности торпедного аппарата лодка задержалась с выходом и упустила противника.

И вот врангелевская армада медленно втягивается в Босфор. Что дальше? Война закончена? Штыки в землю? Нет. Врангель рассматривал эвакуацию в Проливы лишь как одну из неудачных операций Гражданской войны. Высадились на Кубани – эвакуировались. Затем двинулись к Каховке – эвакуировались. Ну, посидим пару месяцев в Константинополе – и опять новый десант в Россию. Примерно так рассуждал барон.

Это действительно философия картежника, готового спустить всё – имение, украшения жены, приданое дочери, только чтобы играть и играть.

В конце 1917 г. – начале 1918 г. генералы Алексеев, Корнилов и Деникин начинали войну с большевиками без всякой иностранной поддержки. Плохи они или хороши – это дело политических пристрастий. Бесспорно другое – они честно вели борьбу за власть. Против большевиков ополчился «весь цивилизованный мир», но их поддержал народ. Ни одному порядочному историку сейчас не придет в голову повторять сказочки Освага, что, мол, кучка евреев-большевиков гонит в бой пятимиллионную Красную Армию.

Что же касается Добрармии, то она из месяца в месяц становилась все более зависимой от поставок оружия, обмундирования и топлива Англией и Францией.

Тем не менее до ноября 1920 г. Русская армия могла самостоятельно (без союзников) проводить боевые операции, она еще оставалась стороной в Гражданской войне. Но с эвакуацией в Проливы любые самостоятельные военные действия против Советской России стали физически невозможны. Максимум, что теперь мог без помощи Антанты сделать барон, высадить на шхуне два десятка диверсантов в Крыму или на Кавказе.

Оказавшись на чужбине и не разоружившись, «добрармейцы» стали наемниками, ищущими хозяина для нападения на собственную страну.

Международное право никогда не признавало таких наемников воюющей стороной. И в полном соответствии с международным правом советские власти могли рассматривать всех неразоруженных белых в

качестве бандитов и соответственно карать их.

Глава 17

Галлиполи и Бизерта

Что же увидели белые в Константинополе?

Как известно, 30 октября 1918 г. в Мудросе на борту английского броненосца «Агамемнон» была подписана капитуляция Турции. Формально она имела вид перемирия.

В первой статье предусматривалось открытие Черноморских проливов для Антанты. Суда Антанты могли свободно проходить в обе стороны и выходить в Черное море.

По статьям 6, 9 и 12 все военно-экономические и стратегические центры страны подлежали оккупации Антантой.

В статье 5 предусматривалась демобилизация всей турецкой армии, а контингент, могущий обеспечить хотя бы как факт суверенитет Турции, подлежал особому определению.

14 ноября 1918 г. в Стамбуле высадились английские пехотинцы. Через несколько дней к ним присоединились французы и итальянцы. Султан и его правительство стали марионетками в руках союзников.

Однако Антанта не знала, что делать с Турцией. Каждое государство предлагало свой вариант ее государственного устройства. Например, премьер-министр Греции К. Венизелос в начале 1919 г. предложил передать Стамбул и Западную Анатолию Греции. Венизелос утверждал, что Стамбул, как «не чисто мусульманский город», где турок всего 449 тысяч из 1 млн 173 тыс. населения города, не может быть включен в турецкое государство. Слова с делом у греков не расходились – 15 мая 1919 г. греческая армия заняла Измир.

В феврале 1919 г. лидер армянских дашнаков Аветис Агаронян обратился к державам Антанты с предложением создать «Армянскую демократическую республику» с выходом к Черному морю и с включением в ее состав некоторых турецких анатолийских земель.

В марте 1919 г. лидер курдских националистов Шериф-паша также обратился к Антанте с требованием создать Курдское государство на территории бывшей Османской империи.

В центральной Турции начинается восстание против султанского правительства. Во главе его становится турецкий генерал Мустафа Кемаль (1881—1938).

23 апреля 1920 г. в Анкаре открылось Великое Национальное Собрание Турции, провозгласившее себя всенародно избранным верховным органом власти в стране. 29 апреля создается правительство во главе с Мустафой Кемалем. В Турции возникло двоевластие. В Стамбуле, оккупированном союзниками, сидело султанское правительство, а в Анкаре – правительство кемалистов.

После долгих споров между союзниками 21 января 1920 г. на последнем заседании Парижской мирной конференции был принят мирный договор с Турцией, который позже получил название Севрского. Согласно этому договору, Проливы отдавались под контроль Компании Черноморских Проливов. В свою очередь Компания должна была находиться под жестким контролем Англии, Франции и Италии. Турция теряла все аравийские территории, Сирию, Палестину, Ирак, острова Эгейского моря, района Измира и др. На востоке к Армянской республике отошли Ванский, Битлисский вилайеты^[102], а также часть Эрзерумского и Трапезундского вилайетов.

Султанское правительство приняло Севрский договор, а анкарское правительство Мустафы Кемаля категорически его отвергло. В таких ситуациях лишь пушки могут подтвердить правомочность договоров. На западе полуострова Малая Азия высадилась 120тысячная греческая армия.

Видимо, русские дипломаты из миссии в Константинополе подсказали Врангелю мысль предложить Антанте свою армию для обороны Проливов от войск Мустафы Кемаля. Союзники отвергли это предложение, сославшись на 178ю статью Севрского договора. На самом деле англичане и французы испугались того, что части Русской армии попросту захватят Константинополь и Босфор, а потом передадут их Советской России в обмен на прощение. Разумеется, Врангель и высшее командование армии никогда бы не пошли на это. Но среди младшего и среднего офицерства такие идеи ходили.

Мало того, французское правительство уже 18 ноября 1920 г. сразу же объявило барону, что оно отвергает «любую идею переброски армии Врангеля на другие театры военных действий». А все эвакуированные – военные и гражданские – впредь будут рассматриваться в качестве беженцев.

Союзники почти две недели решали судьбу Русской армии. Тем временем врангелевцы находились на своих судах. От голода и болезней умерло как минимум несколько десятков людей. Точно число погибших неизвестно.

Наконец союзники разрешили Русской армии разместиться в лагерях в

трех пунктах. Первый лагерь – для донских казачьих частей – предполагалось устроить в Чаталдже, неподалеку от Константинополя. Второй – на Галлипольском полуострове, в Дарданеллах, где должны были расположиться регулярные части бывшей Русской армии, сведенные в 1й армейский корпус под командованием генерала Александра Павловича Кутепова. Наконец, третий пункт – остров Лемнос в Эгейском море, куда попадали кубанские и терские казаки. Французы согласились снабжать эти лагеря продуктами и предоставить оборудование для их обустройства.

1й армейский корпус генерала Кутепова, высадившийся в Галлиполи, насчитывал к 1 января 1921 г. 9540 офицеров, 15 617 солдат, 569 военных чиновников и 142 человека медицинского персонала – всего 25 868 человек. Среди них было 1444 женщины и 244 ребенка. Кроме того, в составе воинских частей числилось около 90 воспитанников – мальчиков 10—12 лет.

Для размещения войск корпуса французским командованием была назначена долина пересыхающей каменистой речки Бююк-Дере в шести километрах западнее Галлиполи – унылое место, по весне кишачье змеями. В 1919 г. здесь располагался английский лагерь, обитатели которого из-за обилия змей и зарослей шиповника называли это место «Долиной роз и смерти». Русские, сменившие здесь англичан, за пустынность и созвучие с Галлиполи называли его «Голым полем».

В самом городе должны были разместиться штаб корпуса, военные учебные заведения и Технический полк.

Несмотря на строго расписанную военную организацию, в Галлиполи под проливным осенним дождем высадились в большинстве своем сломленные морально и физически люди, беженская масса, ничего уже не видевшая для себя впереди. «Люди, входившие в состав полков, батарей и прочих частей, после высадки невольно жались друг к другу... Они были бесприютны и беспризорны, выброшены на пустые и дикие берега, полуодетые и лишенные средств к существованию. Большинство не имело ничего впереди, не знало ни языков, ни ремесел», – вспоминал Никанор Васильевич Савич, выдающийся российский земский деятель, бывший член правительства Юга России.

«Кутепов понял – только строжайшая дисциплина спасет корпус от разложения и гибели. Встали лагерем по всем правилам Полевого Устава. Разбили палатки по ротным линейкам, построили знаменные площадки и ружейные парки, воздвигли шатер походной церкви и соорудили гимнастический городок. Открыли учебные классы для юнкеров и сколотили театральные подмостки. Не забыли про гауптвахту, лазарет и

библиотеку. Наметили строевой плац и стрельбище. А вскоре пришлось размечать и лагерное кладбище... Болезни, климат и голод косили людей нещадно.

И все-таки в Голем поле, как и в других палаточных городках Русской Армии – в Чилингире, Санжак-тепе, Кабакджи, на острове Лемнос, – правили гарнизонную службу, строили, молились, учились и ждали приказа в бой. Верили, что смогут освободить Россию от тех, кто прятался за штыками и спинами красноармейских полков.

Приехала союзная инспекция.

Французские генералы ахнули: вместо беженского стана – образцовый войсковой лагерь, полки, батальоны, дивизионы, эскадроны, батареи...

Армия, сохранившая знамена и полковые печати, пулеметы и трубы духовых оркестров...

И был парад.

Перед коренастым чернобородым моложавым генералом – Александром Кутеповым и его штабом шли, вскинув винтовки “на руку”, батальоны в шеренгах по восемь. Шли в белых – скобелевских – гимнастерках и в фуражках: марковцы в черно-красных, алексеевцы в белоголубых, дроздовцы в красновархих...

Н.В.Савич пишет: ” Кутепов оказался очень суровым, но вместе с тем и заботливым начальником. Его первые шаги были встречены ожесточенной бранью со стороны левого лагеря, страстно стремившегося поскорее обратить наши кадры в беженскую пыль...

Естественно, меры, предпринятые Кутеповым и направленные к сохранению суровой дисциплины, им не нравились. Между тем от первых же шагов власти многое должно было зависеть в будущем. За время отступления и эвакуации у многих дух поколебался, люди начали распускаться, появились опасные симптомы разложения... Кутепов понял, что наступил психологический момент, он предъявил к высаживавшимся частям жесточайшие требования воинской дисциплины и строевой подтянутости.

Первый же случай неповиновения приказу, нарушения дисциплины встретил суровое возмездие, за уголовное преступление расправа была коротка – полевой суд...

Поэтому сразу же все поняли, что они не беженцы, а вооруженная сила, живущая истари установленными традициями и уставами прежней армии. Все подтянулись, встrepенулись. Молодежь подняла голову, почувствовала себя силой, полезной и имеющей будущее. Внешняя подтянутость, чистота и возможная щеголеватость скоро показали, что в

лагерях расположены дисциплинированные военные... что это организованная сила, хотя почти не вооруженная, но все же могущая постоять за себя... Солдаты и офицеры морально возрождались на глазах. Через короткий срок люди эти стали неузнаваемы, они морально ожили и обещали стать самой отборной нравственной частью эмиграции...”

В Галлиполи исправно неслась гарнизонная служба, устраивались парады, действовало шесть военных училищ, две офицерские школы, несколько офицерских курсов. Нарушителей дисциплины ждали три гауптвахты. Но вместе с тем в корпусе была активна культурная жизнь. Издавались машинописные журналы с массой стихов и рисунков (журналы печатались в канцелярии штаба корпуса по ночам, когда были свободны пишущие машинки). С февраля 1921 г. начала работать корпусная фотография, которая в более чем пятистах снимках, впоследствии разошедшихся по всему миру, запечатлела “галлиполийское сидение” русской армии.

В городе и лагерях устраивались концерты, на которых часто выступала выдающаяся русская певица Надежда Плевицкая, жена командира Корниловского полка генерала Скоблина. И в городе, и летом в лагерях был свой театр. Для большой аудитории устраивалась радиогазета. Часто проходили спортивные состязания, футбольные матчи, была проведена олимпиада.

Особенной заботой командования и всего взрослого населения русской общины были детский сад и гимназия.

Еще один трудовой подвиг галлиполийцев: постройка узкоколейки (“дековильки”) из города в лагерь. Линию, столь необходимую для снабжения большого лагеря продовольствием и жизненно важными материалами, начали строить 1 февраля 1921 года. Французское командование настаивало на том, чтобы узкоколейку вели прямо от бухты, минуя город. Союзники трижды заставляли русских начинать строительство – и три раза приходилось его прекращать. На третий раз русским удалось реализовать собственный проект: офицеры железнодорожного батальона выбрали трассу, которая давала возможность в обе стороны поднимать вагонетки лишь до перевала, откуда они до конца спускались самокатом. Поднимать вагонетки должны были мулы, даваемые корпусным обозом.

В апреле было открыто полное движение на 9километровой линии, на которой было устроено 5 станций. По линии курсировало 62 вагонетки для грузов и пассажиров.

Французский комендант Галлиполи полковник Томассен в письме к

генералу Кутепову высказал восхищение невероятным упорством и изобретательностью русских, построивших дорогу “голыми руками из хлама”». [\[103\]](#)

Да, действительно, значительная часть офицеров вела себя мужественно в Галлиполийском лагере. И вот летом 2008 г. по Центральному телевидению был показан документальный фильм, где белые офицеры представлены эдакими рыцарями, хранящими верность своей Родине.

Увы, Родина давно отказалась от них. Рядовой Серпилин из булгаковского «Бега» высказал генералу Хлудову о его психической атаке на Чонгарском мосту четко и лаконично: «Да все губернии чихать хотели на твою музыку». Думаю, о кутеповских парадах миллионы серпилиных высказались бы куда крепче.

На самом деле Галлиполи стал подобием концлагеря. От голода и болезней там умерло свыше 400 человек. Попытка побега каралась расстрелом. Несколько офицеров пытались бежать в армию Мустафы Кемаля. Их поймали. Генерал Кутепов лично зверски избил каждого, а затем приказал расстрелять.

Много шума наделал расстрел полковника В.П. Щеглова, поскольку стал достоянием французской прессы. 45-летний Щеглов до революции служил в Собственном Его Величества железнодорожном полку. В Добрармии он неоднократно отличился в боях, был ранен. Далее процитирую «Письмо генерал-майора П.А. Кусонского российскому военному агенту в Греции с информацией о причинах расстрела полковника П.Н. Щеглова» от 8 сентября 1921 г.: «...полковник Щеглов заболел москитной лихорадкой. Будучи помещен в лазарет эвакопункта, находясь здесь в качестве легкого больного, стал и здесь продолжать то, чем он был занят, и не без успеха, в батальоне. Молодым офицерам, находящимся здесь, он стал излагать свои мысли о том, что “истинно народной русской армией” является не наша, что в Галлиполи, а та, что в России – “советская” армия. Молодые офицеры, не выдержав такого глумления над тем, что составляет основу их убеждений, подали коллективное заявление – протест против речей полковника Щеглова. Их заявление было последним поводом преданию военно-полевому суду полковника Щеглова». [\[104\]](#)

И вот больного полковника вытащили из лазарета и расстреляли.

Жестокость Кутепова граничила с маразмом. Так, например, «приговорены к смертной казни офицеры Годнев и Успенский, признанные

виновными в сообщении секретных сведений враждебной власти в местности, объявленной на военном положении.

Секретные сведения – это данные о числе содержащихся под стражей на гауптвахте.

“Враждебная власть” – это французский офицер, которому эти сведения были сообщены.

Из них Успенский расстрелян, а Годневу удалось бежать». [\[105\]](#)

Несмотря на сопротивление Кутепова и К°, французы предложили галлиполийцам выехать на работу в славянские страны, а то и в Бразилию, и даже в Советскую Россию – под «гарантии» французов. В мае 1921 г. из Галлиполи, воспользовавшись защитой французских солдат, уехало около 3 тысяч человек.

Любопытно, что желание французов и англичан выдворить из Турции врангелевцев эмигрантские и современные промонархические авторы объясняют исключительно какими-то своекорыстными интересами этих держав. Почему-то упускается тот факт, что еще 26 апреля 1920 г. Мустафа Кемаль обратился к советскому правительству с просьбой о помощи. Он писал: «Мы принимаем на себя обязательство соединить всю нашу работу и все наши военные операции с российскими большевиками, имеющими целью борьбу с империалистическими правительствами и освобождение всех угнетенных из-под их власти. Для того, чтобы изгнать империалистические силы, которые занимают нашу территорию,... и чтобы укрепить нашу внутреннюю силу для продолжения общей борьбы против империализма, мы просим Советскую Россию в виде первой помощи дать нам пять миллионов турецких лир золотом, оружие и боевые припасы в количестве, которое следует выяснить при переговорах...»

Осенью 1920 г. в Анкару поступило 200 кг золота из Советской России. Позже поступило еще несколько таких «посылок». В 1920—1922 гг. большевики поставили кемалистам 40 тысяч винтовок, 327 пулеметов и 54 орудия.

16 марта 1921 г. в Москве был подписан договор между РСФСР и Правительством Великого Национального Собрания Турции.

Разумеется, советское правительство делало это не ради красивых глаз Мустафы Кемаля, а чтобы вышибить союзников и врангелевцев из Проливов и тем самым исключить возможность вторжения союзного флота в Черное море и десантов интервентов в Крым и на Кавказ.

Ради этого советское правительство пожертвовало Турции Карскую и Ардаганскую области, принадлежавшие до 1914 г. Российской империи. Силы Мустафы Кемаля резко возросли, он нанес поражение грекам в

Малой Азии.

Французы прекрасно понимали, что турки все равно выгонят их из Проливной зоны. И действительно, последние части интервентов 6 октября 1923 г. покинули Стамбул.

Что же касается врангелевских войск, то ни использовать их в войне против турок, ни оставлять их в Проливной зоне французы не желали. Замечу, что врангелевцы в лагерях в подавляющем большинстве ненавидели французов и англичан, и выпускать их на турецких националистов было попросту опасно.

Русское командование, вынуждаемое французами и не желавшее второй раз зимовать в Галлиполи, ускорило переезд всех оставшихся в Сербию и Болгарию – страны, согласившиеся принять воинские части корпуса.

В августе 1921 г. уехали кавалеристы и первый эшелон пехоты. Отъезд продолжился в ноябре: в Болгарию уехали остатки штаба пехотной дивизии, Корниловский и Марковский полки, а также военные училища, офицерские школы и госпитали. Все оставшиеся части были переведены из лагерей в город. В начале декабря через Салоники в Сербию отбыли Николаевское кавалерийское училище, часть Технического полка и передвижной отряд Красного Креста.

15 декабря 1921 г. на борт парохода «Ак-Дениз» погрузился последний эшелон, с которым в Болгарию выехал Кутепов со своим штабом. В ожидании отправки в Сербию и Венгрию в Галлиполи был оставлен отряд под командованием генерал-майора З.А. Мартынова, в который вошли Учебный офицерский кавалерийский полк и часть Технического полка.

Донской корпус под командованием генерала Ф.Ф. Абрамова был размещен в нескольких лагерях в окрестностях Константинополя (самые большие – в Чаталдже и Чилингире).

В декабре в Донском корпусе числилось более 14 тысяч военнослужащих. Кубанские части были сведены в Кубанский корпус (командир – генерал М.А. Фостиков), который был размещен на острове Лемнос.

Физические условия жизни на Лемносе были значительно труднее условий жизни 1го армейского корпуса в Галлиполи. Остров был окружен со всех сторон морем, что превратило кубанский лагерь в «водяную» тюрьму. Размещены казаки были в палатках, разбитых прямо в грязи. Кубанский лагерь жил походной жизнью. Вставали по команде в 5 утра. Затем начиналась строевая подготовка. Завтрак состоял из ложки консервов

и четверти фунта хлеба. Настоящей пыткой для казаков стал заурядный утренний осмотр, поскольку во «французском тряпье», как называли казаки выдаваемую союзниками форму, трудно было выглядеть «лихо и молодцевато».

Донские и кубанские казаки, в отличие от офицеров 1го Добровольческого корпуса, гораздо активнее стремились покинуть лагеря и перейти на беженское положение. Несколько тысяч казаков, поддавшись на уговоры французов, вернулось в Советскую Россию.

В условиях холода, отсутствия бань (на Лемносе), нехватки белья, питания и медикаментов бичом лагерной жизни стали эпидемии. В декабре 1920 г. в лагерях было зарегистрировано 363 случая заболевания брюшным тифом, 188 – сыпным тифом, 677 – гриппом, 25 – оспой. Для борьбы с ними во всех лагерях были размещены санитарные учреждения, служащие которых производили прививки против оспы и тифа. В Чаталдже, где была вспышка холеры, сделали прививку и против холеры. Со временем во всех лагерях были организованы бани и дезинфекционные камеры. Все эти меры позволили до наступления весны остановить распространение эпидемий. В 1921—1922 гг. казачьи лагеря на территории Турции также были ликвидированы.

Особо стоит сказать о судах Черноморского флота, угнанных Врангелем в Константинополь.

21 ноября 1920 г. Черноморский флот был реорганизован в Русскую эскадру. Правда, над кораблями оной эскадры развевались французские флаги.

Как уже говорилось, еще в Севастополе Врангель продал (отдал в залог) Франции весь Черноморский флот. Но это соглашение с адмиралом Дюменилом было секретным. Теперь же, когда «непобедимая армада» прибыла в Стамбул, французы не спешили официально объявлять о сделке, да и не знали, как ее технически осуществить.

Разовая передача Франции 130—140 выпелов вызвала бы крайне негативный международный резонанс и бурю возмущения в самой Франции. А откуда взять команды для перехода в средиземноморские порты республики?

Но французские адмиралы и наш барон были людьми неглупыми и быстро пришли к негласному соглашению – продавать корабли и суда Черноморского флота частным образом и в розницу. Понятно, что тут пострадали финансовые интересы не только РСФСР, но и Франции, зато появилась фантастическая возможность заработать.

Торговля судами в Константинополе началась уже в декабре 1920 г.

Следует отметить, что к 1921 г. почти во всех флотах мира сложилась уникальная ситуация. С одной стороны, повсеместно шло сокращение боевого состава флота, а с другой, возник острый дефицит в торговых судах, связанный с большими потерями в годы мировой войны. Так что французов русские линкоры, крейсера, эсминцы и подводные лодки абсолютно не интересовали, а транспорты, ледоколы, танкеры – еще как! Поэтому французы позволили Врангелю сохранить боевые корабли и даже выделили стоянку для Русской эскадры – военно-морскую базу в Бизерте (современный Тунис).

И вот из Константинополя в удаленную на 1200 миль Бизерту 8 декабря 1920 г. отправились линкор «Генерал Алексеев» (до 16 апреля 1917 г. «Император Александр III», до октября 1919 г. «Воля»), транспорт «Кронштадт» и транспорт «Далланд» с углем для эскадры.

10 декабря вышли крейсер «Алмаз» на буксире «Черномора», эсминец «Капитан Сакен» на буксире вооруженного ледокола «Гайдамак», эсминец «Жаркий» на буксире «Голланда», эсминец «Звонкий» на буксире вооруженного ледокола «Всадник», эсминец «Зоркий» на буксире ледокола «Джигит», транспорт «Добыча», подводные лодки АГ-22 и «Утка», ледокол «Илья Муромец», имея на буксире подводные лодки «Тюлень» и «Буревестник», тральщик «Китобой», посыльное судно «Якут», канонерские лодки «Грозный» и «Стриж», имея на буксире учебное судно «Свобода».

12 декабря Константинополь покинули эсминцы «Беспокойный», «Дерзкий» и «Пылкий». 14 декабря – крейсер «Генерал Корнилов» и пароход «Константин».

Вышедшие из Константинополя суда за недостатком времени не смогли исправить там все свои повреждения, поэтому многие их них сдали в мастерские «Кронштадта» какие-либо механизмы и детали для исправления. В пути у «Корнилова» сломалась часть рулевой машины, и по радио заказали в мастерских «Кронштадта» новую. Мастерские «Кронштадта» работали на полную мощность во время всего перехода, там даже производилась отливка металлических частей.

Часть эскадры, в основном большие суда с транспортом «Кронштадт», по пути зашла в Наваринскую бухту, где был сделан кое-какой ремонт, а также подача на суда с «Кронштадта» и «Далланда» воды и угля. Из Наварина суда вышли в порт Аргостоли на острове Кефалония, где соединились со всей эскадрой. Вторая часть эскадры, преимущественно мелкие суда, шла до Кефалонии Коринфским каналом. Соединившись, эскадра вышла в Бизерту, за исключением парохода «Константин»,

крейсера «Генерал Корнилов», эсминцев «Беспокойный» и «Дерзкий» и транспорта «Далланд», которые шли из Наварина в Бизерту без захода на Кефалонию.

Эсминец «Жаркий», собравший с помощью мастерских «Кронштадта» свои машины, теперь мог идти самостоятельно.

Погода благоприятствовала переходу, и лишь некоторые суда попали в небольшой шторм в Эгейском море. У «Якута» были залиты кочегарки, а на «Страже» сожгли котел и теперь шли на буксире транспорта «Инкерман». При подходе к Кефалонии у мыса Св. Анастасии в тумане буксир «Черномор» сел на мель, но в тот же день был снят крейсером «Генерал Корнилов», при этом не получив повреждений.

Один из французских кораблей, сопровождавших врангелевскую эскадру, сел на мель близ пролива Дора, сам снялся с нее, но тут же затонул. Из команды спаслись один офицер и 70 матросов, а остальные, включая командира, погибли.

Суда белой эскадры начали прибывать в Бизерту 22 декабря 1920 г. Последним 2 января 1921 г. прибыл эсминец «Жаркий», который из-за недостатка воды заходил в один из портов на итальянском побережье, а потом принимал уголь на Мальте.

Ледоколы «Илья Муромец», «Гайдамак» и «Джигит» были отправлены в Константинополь за оставшимися там судами эскадры. В конце января они привели на буксире эсминцы «Гневный» и «Цериго».

Старый броненосец «Георгий Победоносец», с 1914 г. исполнявший роль штабного корабля, по одной версии 14 февраля 1921 г. пришел своим ходом (максимальная скорость его составляла 6 узлов), а по другой – был приведен на буксире. 12 февраля на броненосце рухнула надстройка, в результате чего погибли флотский лейтенант А.П. Ставицкий и армейский капитан А. Нестеров, исполнявший на корабле обязанности боцмана.

4 февраля в Бизерту пришел танкер «Баку». Всего на судах, прибывших в Бизерту, находилось около 5600 человек, включая женщин и детей. Всех сходявших на берег пропустили через дезинфекционный пункт в госпитале Сиди-Абдалла.

В конце декабря 1920 г. семейные чины эскадры вместе с их семьями стали свозить в лагеря Айн-Драгм в горах на северо-востоке Тунисской области, Табарка на берегу Средиземного моря недалеко от Айн-Драгама, в приморский городок Монастир в южной части Тунисской области, а также в Сен-Жан, Эль-Эйш и Рара в горах недалеко от Бизерты. Последние три лагеря представляли собой форты, на скорую руку приспособленные для жилья. Людей свозили на берег партиями по

50 человек, в зависимости от способности дезинфекционного пункта и готовности помещений в лагерях. Так что своз людей закончился только в мае 1921 г.

Кроме семейных на берег списали холостяков и инвалидов, которых разместили партиями в лагерях Надор, Бен-Негро, Эль-Эйш и Рара.

Офицеры эскадры даже в столь сложных условиях попытались организовать учебу моряков. В Морском корпусе велись учебные занятия. Гардемаринские и кадетские роты по очереди плавали по большому Бизертскому озеру на учебном судне «Моряк» (бывшая «Свобода»), обучаясь ходить под парусами. Для молодых офицеров на эскадре были организованы курсы подводного плавания и артиллерийский. Первый находился на подводном дивизионе, а второй – на линкоре «Генерал Алексеев».

В России с 1848 г. издавался журнал «Морской сборник» – официоз Морского министерства. И вот в июне 1921 г. в Бизерте начал выходить свой «Морской сборник». Редакция журнала располагалась на подводной лодке «Утка», а ее командир И.А. Монастырев стал редактором журнала. Всего до октября 1923 г. вышло 26 номеров «Бизертского Морского сборника». Прилагательное «Бизертский» дано потому, что с 1918 г. в Петрограде продолжился выпуск «Морского сборника», ставшего официозом Красного Флота. В «Бизертском сборнике» были опубликованы десятки интереснейших статей по истории нашего флота с 1914 по 1921 год.

Интересно, что подводные лодки, на которых к 1923 г. осталось лишь 8 человек команды, служили электростанциями для всей эскадры, используя свои дизель-генераторы.

О жизни моряков в Бизерте лучше всех сказала Анастасия Ширинская, прибывшая туда в восьмилетнем возрасте: «История для них остановилась, время замерло! У просторного и тихого озера, в глубине которого виднелись ложно-вулканические очертания Джебель Ишкеля, под ярким солнцем, которое дает тунисской земле ее особое освещение, мы жили в закрытом мире...»^[106]

Старый броненосец «Георгий Победоносец» стал «дамским кораблем». Ширинская писала: «Его предварительно подготовили для более или менее нормальной жизни нескольких сотен человек, главным образом женщин, детей и пожилых людей. Он стоял в канале у самого города между “Sport Nautique” и лоцманской башней, что позволяло нам свободно спускаться на берег...

Впоследствии мне часто снился наш старый броненосец – странные

картины запутанных металлических помещений, таинственных коридоров, просторных и пустынных машинных отделений... Это все картины наших запретных походов, о которых наши родители и не подозревали. Мы знали “Георгий” от глубоких трюмов до верхушек мачт. Поднимаясь по железным поручням внутри мачты, мы устраивались на марсах, чтобы “царить над миром”. Мы знали скрытую душу корабля.

На “поверхности” это был городок, полный народа, не имеющий ничего общего с военным судном. Как могло быть на нем такое множество кают?

Надстройки верхней палубы походили на маленькие домики. В одной из них жили Мордвиновы, в другой – Гутаны, в третьей – Потаповы. На мостике, совершенно один, жил Алмазов, который внушал страх ребятам своими резкими манерами, хотя, надо признаться, он никого из нас не обидел – он, скорее, от нас защищался.

Прямой, сухой, с щетинистыми, рыжеватыми усами, он слыл за отшельника у некоторых увлекающихся дам. Высказываемое им пренебрежение к общепринятым правилам вежливости воспринималось как проявление особой святости.

С верхней палубы можно было спуститься на батарейную палубу, где у самого трапа была каюта Рыковых. Здесь я снова встретила Валю, с которой мы мельком познакомились на “Константине”.

Ряд кают следовал от бака. В одной из них Ольга Аркадьевна Янцевич часто принимала молодежь; ее сын Жорж учился в корпусе. На корме обширное “адмиральское помещение” было предоставлено школе.

В общей адмиральской каюте с мебелью из красного дерева жила жена начальника штаба Ольга Порфирьевна Тихменева с дочерью Кирой. Семьи адмиралов Остелецкого и Николя помещались на этой же палубе, но с другого борта.

Надо было спуститься еще, чтобы очутиться на “церковной палубе”. У самого трапа размещалась наша каюта, а под трапом ютились Махровы. Только на этой палубе был общий зал, где все собирались в обеденные часы за большими, покрытыми линолеумом столами; поэтому я хорошо помню всех ее обитателей.

С правого борта, сразу за нами, следовали каюты Краснопольских, Кожиных, Григоренко, Остолоповых, Ульяниных. В правом отсеке, как в темном закоулке, жили Блохины, Раден, Ксения Ивановна Ланге, Шплет и Зальцбергер. По левому борту, в отсеке, помню только Горбунцовых – вдовец с двумя детьми. В каютах, выходивших в общий зал, помню Масимовичей, Бирилевых, Твердых, Пайдаси, Кораблевых...

Не полагается, может быть, давать такой длинный перечень имен, но я так живо еще всех помню в этом своеобразном мире “церковной палубы”.

В субботу вечером и в воскресенье утром столы складывались, чтобы оборудовать палубу для всенощной литургии. Редко кто пропускал церковную службу.

Только раз или два была я в помещении на баке – ходили вместе с мамой за Бусей, которую одолжили на ночь Масименкам, чтобы бороться с крысой. Так было мало детей. Главным образом там жили холостяки, и мы слышали, что даже некоторые “пьют вино” – отдаленный квартал, куда не рекомендовалось ходить». ^[107]

Естественно, в детях воспитывали зоологическую ненависть ко всему советскому. Стоило Анастасии немного пошалить, и... «Большевичка, ты – настоящая большевичка! – кричала на меня Настасья Ивановна Бирилева, когда я дралась с ее сыном». ^[108]

Замечу, что Н.И. Бирилева была вдовой капитана 2го ранга В.А. Бирилева, племянника известного адмирала Бирилева, эскадра которого в составе броненосца «Александр II» и минного крейсера «Абрек» посещала Бизерту в июне 1900 г.

В начале 1920х годов командование белой армии прилагало отчаянные усилия, пытаясь создать в Советской России подпольные организации, проводившие диверсии и террор. Другой вопрос, что эффективность этих действий была крайне низка из-за отсутствия поддержки местного населения и активных действий чекистов как внутри страны, так и за рубежом.

Само собой разумеется, что горячие головы в «русской эскадре» также рвались свести счеты с большевиками. Так, в 1921 г. – начале 1922 г. старшими офицерами эскадры несколько раз поднимался вопрос о переводе хотя бы части судов в один из портов Болгарии. Однако у командования эскадры не было денег, а главное, эскадра жестко контролировалась французами. А у тех хватало ума понять, что произойдет, если эсминцы и подводные лодки под Андреевским флагом, выйдя, скажем, из Варны, начнут боевые операции у берегов Крыма или Кавказа. Я уж не говорю о том, что для проведения подобных акций требовался капитальный ремонт эсминцев и подводных лодок.

Ну а малые суда с белогвардейцами периодически выходили из Босфора к берегам Советской России. Так, например, в июле 1921 г. кончилась неудачей высадка 30 террористов с парохода «Отважный». В середине февраля 1922 г. турецкая шхуна под начальством какого-то

капитана Моисеева пыталась высадить 16 белогвардейцев на кавказский берег, и т. п.

11 февраля 1922 г. морской агент (военно-морской атташе) в Турции капитан 2го ранга фон Регекампф создает из русских морских офицеров «водолазно-спасательную станцию с придачей возможно большего количества самостоятельных судов»^[109]. Станция должна была действовать на Дунае под эгидой союзной комиссии по Дунаю. Понятно, что речь идет о создании диверсионного отряда и, возможно, даже группы диверсантов-водолазов.

Почему эта затея провалилась, неясно. Скорее всего, страны Антанты не захотели иметь проблемы в столь важном деле, как контроль за судоходством на Дунае.

Главной же заботой командования «русской эскадры» была продажа судов. Установить подробности продажи более чем сотни торговых и вспомогательных судов сейчас невозможно.

Самым лакомым куском для французов в Бизерте стала плавмастерская «Кронштадт». Это было огромное судно водоизмещением около 17 тысяч тонн, которое без преувеличения можно назвать единственным в мире плавучим ремонтным заводом. Воспользовавшись заболеванием чумой нескольких матросов «Кронштадта», французские власти отправили команду мастерской в карантин, а само судно отправили в... Тулон. Там ему присвоили новое имя «Вулкан» и ввели в строй ВМФ Франции.

А вот данные, собранные мной на основании сводки Иностранного отдела ГПУ о состоянии врангелевских морских и сухопутных сил от 13 апреля 1922 г.

Два больших транспорта «Рион» (14 614 т) и «Дон» (около 10 тыс. т) выставлены на торги в Тулоне.

Русские транспорты в Марселе:

«Поти» (бывший «Ирина», 3400 т) продан французской фирме.

«Долланд» (около 12 тыс. т) продан неизвестному владельцу.

«Екатеринодар» (до 1919 г. транспорт № 132, 2570 т) продан неизвестному владельцу.

«Сарыч» (до 1919 г. «Маргарита», 7500 т) продается.

«Ялта» (до 1919 г. «Виолетта», 7175 т) продается.

«Крым» (до 1919 г. транспорт № 119, до 1916 г. «Кола», около 3000 т) продается.

«Инкерман» (до 1919 г. транспорт № 136, до 1916 г. «Ризе») продан неизвестному владельцу.

Судьба этого судна любопытна. В конце концов он оказался под египетским флагом и в 1927 г. прибыл в Одессу с грузом. Тут-то на его борт заявили люди в кожанках и с маузерами. Самое же интересное, что Международный морской суд признал судно украденным и подлежащим возвращению законному владельцу – СССР. Разумеется, ворами были не египтяне, а «бизертские герои».

«Моряк» продается.

«Шилка» (бывший «Эрика», 3500 т) продается.

Замечу, что в Марселе и Тулоне действовала одна и та же частная фирма «Паке», которая скупала суда у белых офицеров, а затем перепродавала их.

Аналогичная картина сложилась и в Константинополе. Там перепродажей руководил некий Риббуль – начальник отделения фирмы «Паке».

Проданный туркам в Константинополе транспорт «Самара» (бывший транспорт № 114) получил название «Фэтетиэ Босфор». Продавал судно контр-адмирал А.Н. Заев.

Транспорт № 410 (бывший «Вера») продается.

Транспорт № 411 продан грекам, назван «Франция».

Транспорт № 412 продан грекам, стоит на ремонте в Пирее.

Буксир «Осторожный» продан, но затонул в Босфоре.

Буксир «Тайфун» продан французам, назван «Боре».

Пассажирские пароходы Добровольного флота:

«Владимир» (11 065 т, 12 уз.) продан грузину Джиокелия за 72 000 турецких лир.

«Саратов» (9660 т, 12 уз.) продан греку за 170 000 турецких лир.

Пароходы Российского общества:

«Россия» продан, назван «Гедвиг».

«Мария» продан, назван «Георг».

Оба ходят под австрийским флагом.

Согласно другим документам, тральщик «Китобой» продан итальянцам и назван «Итало». Посыльное судно «Якут» продано Мальте и названо «Ла-Валетто». Ледокол «Илья Муромец» продан Франции и переоборудован в минный заградитель «Поллукс». Ледокол «Всадник» продан итальянцам и назван «Манин-2». Танкер «Баку» продан французам и назван «Луар». Транспорт «Добыча» продан итальянцам и назван «Амбро». Транспорт «Форос» продан Греции и стал «Эвангелисте». Спасательное судно «Черномор» продано французам и названо «Ируаз». Буксир «Голланд» продан Италии и назван «Сальваторе».

Как видно из перечня судов, французам продавались за бесценок не только военные суда, но и пароходы Добровольного флота. Как дешево продавались суда, можно судить хотя бы потому, что тральщик «411» продали греку за 22 000 турецких лир, предварительно продав с него артиллерию и инвентарь за 15 000 турецких лир.

Возможно, кого-то утомил перечень судов, но что делать. Пора стране узнать своих «героев, не спустивших Андреевского флага». Тут стоит заметить, что значительная часть из продаваемых судов были казенными. Это касается и ледоколов, и различных портовых, лоцмейстерских и иных судов. Почти все транспорты на Черном море были мобилизованы в состав Черноморского флота, и опять же их прежние владельцы получили солидную компенсацию. Что же касается Добровольного флота, то это была контролируемая российским правительством полувоенная организация. Лайнеры для Добровольного флота строились на деньги, собранные по подписке по всей России для войны с Англией и Францией, а позже, как видим, их отдали совсем даром.

Мне не хочется создавать впечатление, что воровы были только на Черноморском флоте. На Тихом океане эскадру из тихоокеанских судов угнал в Манилу и там распродал адмирал Старк. На Севере несколько судов угнал в Англию генерал Миллер. Десятки транспортных судов были захвачены на Балтике финнами и прибалтами.

В результате Советская Россия осталась практически без торгового флота. И уже в начале 1920х годов большевики начали закупку торговых судов за границей, чтобы привезти в Россию хлеб, медикаменты, станки и паровозы.

Следует отметить, что и среди офицеров в Бизертской эскадре нашлись честные люди, которым не нравилась распродажа нашего флота. Так, в начале апреля 1921 г. старший офицер линкора «Генерал Алексеев» Павлов и командир ледокола «Всадник» Викберг тайно собрали механизмы приведенного в состояние долговременного хранения ледокола и под видом выщелачивания котлов развели на нем пары и должны были уйти вместе со сговорившейся с ними с других кораблей командой на остров Сицилию. За два часа до отхода, назначенного на 23 часа, по доносу контрразведки вся эта операция была остановлена, а с машин ледокола сняты золотники. Французы выслали свои дозорные катера и развели пары на канонерских лодках. Командование эскадры постаралось замять эту историю, а Павлова и Викберга отправили в Германию.

Были попытки увода из Бизерты ледоколов «Джигит» и «Илья Муромец».

В феврале 1923 г. адмирал Беренс^[110] решил продать две канонерские лодки – «Страж» и «Грозный» (до мобилизации они были торговыми судами). В ночь с 26 на 27 февраля 1923 г. два мичмана открыли кингстоны и затопили канонерки. Французская полиция арестовала мичманов как большевистских агентов. Их доставили в марсельскую тюрьму, где мичманы попытались покончить с собой. В конце концов французы выслали их в Сербию.

В конце 1922 г. на международной конференции в Лондоне встал вопрос о возвращении города турецкому правительству Мустафы Кемаля. Это вызвало серьезную озабоченность французских адмиралов и торговцев судами. Ведь в заливе Золотой Рог стояли целых 12 непроданных судов врангелевского флота. Все знали, что турецкие националисты находятся в неплохих отношениях с советским правительством, и было очевидно, что после передачи Стамбула турки вернут суда законному владельцу.

В связи с этим французы нашли несколько десятков русских моряков для перегонки судов из Константинополя в Марсель.

Капитан 1-го ранга Василий Александрович Меркушев позже писал, что он жил в Стамбуле в нищете, получая 15 турецких лир в месяц. А тут ему предложили 100 лир в месяц и возможность бесплатно перебраться во Францию. Отказаться было сложно. И вот 12 судов, ведомые русскими моряками, успешно преодолели путь в 2000 миль и 11 апреля 1923 г. благополучно прибыли в Марсель.

Итак, к маю 1923 г. все, что можно было продать из судов, угнанных Врангелем, было продано. Воевать с СССР французское правительство не собиралось. Наоборот, ряд влиятельных политиков и предпринимателей были за установление дипломатических отношений с большевиками. В СССР они видели торгового партнера и надеялись получить там концессии, а возможно, и вернуть долги царской России. Во Франции и даже в самой Бизерте левые силы периодически устраивали митинги протеста против присутствия «русской эскадры» и особенно против ее финансирования за счет налогоплательщика.

В 1923 г. правительство Польши предприняло ряд демаршей в Париж, желая получить несколько эсминцев и подводных лодок из состава Бизертской эскадры. Французское правительство решительно отказало. Передача Польше кораблей привела бы к нежелательной конфронтации с СССР и демонстрациям в самой Франции. Не будем забывать, что белое офицерство ненавидело поляков не меньше, чем большевиков. Ну а главное, поляки хотели поиметь корабли... даром.

28 октября 1924 г. Франция наконец-то установила дипломатические

отношения с СССР. Париж предложил Москве вернуть Бизертскую эскадру, считая, что это будет одним из аргументов для признания советами царских долгов.

Через два дня после этого Военно-морской префект Бизерты адмирал Эксельманс приказал всем офицерам и гардемаринам эскадры собраться на борту эсминца «Дерзкий». Его приказание было кратким: спустить Андреевские флаги, передать корабли французским уполномоченным, а самим сойти на берег.

А 29 декабря на французском судне «Удже» в Бизерту из Марселя прибыла советская комиссия по приемке русских кораблей. Комиссию возглавлял Евгений Андреевич Беренс. Главным же консультантом по судостроительной части был академик А.Н. Крылов.

Евгений Беренс, на октябрь 1917 г. будучи в чине капитана 1го ранга, с ноября 1918 г. по апрель 1919 г. служил у большевиков начальником Морского Генштаба. Именно он 24 мая 1918 г. представил председателю Совнаркома доклад, где говорилось: «Германия желает во что бы то ни стало завладеть нашим флотом. Дальнейшие с нашей стороны попытки разрешить вопрос переговорами при вышеизложенных условиях дают только Германии возможность выиграть время и явно ни к чему не приведут. Наши суда в Новороссийске попадут в руки даже не Украине, а Германии и Турции и создадут этим в будущем господство их на Черном море... Все эти условия показывают, что уничтожение судов в Новороссийске надо произвести теперь же, иначе они несомненно и наверное полностью или в части попадут в руки Германии и Турции».

На докладе Морского генерального штаба В.И. Ленин написал: «Ввиду безвыходности положения, доказанной высшими военными авторитетами, флот уничтожить немедленно».

Самое же забавное, что Евгений Беренс приехал в Бизерту принимать эскадру у своего родного брата контр-адмирала Михаила Андреевича Беренса. Первый командующий «русской эскадрой» вице-адмирал Кедров в начале 1921 г. убыл по делам в Париж и больше в Бизерте не появился.

Ситуация оказалась более чем щекотливая и для советской делегации, и для белых, и для французов. Последние порекомендовали Михаилу Андреевичу куда-нибудь удалиться, и тот благоразумно съездил на недельку в город Тунис.

Советская комиссия констатировала, что корабли эскадры находятся в недееспособном состоянии, многие месяцы их ремонтом никто не занимался. Значительная часть механизмов, содержащих цветные металлы, похищена. Крылов заявил, что целесообразно забирать лишь

линкор «Генерал Алексеев». Своим ходом он идти не мог. По «дипломатическим проблемам» буксировка его советским кораблем, например, ледоколом «Ермак», была невозможна, частные фирмы взяли бы очень дорого. Наконец, застраховать линкор на время перехода было крайне сложно. Страховать его по цене металлолома невыгодно. Застраховать по реальной цене около 40 миллионов фунтов стерлингов – значит заплатить огромные деньги, а страховая компания в случае гибели корабля не заплатит ни одного пенса, мол, большевики вывели в море старое корыто, чтобы затопить его и получить страховку.

А тут еще выяснилось, что французская делегация связывает возвращение кораблей с признанием царских долгов. В итоге 6 января 1925 г. советская делегация покинула Бизерту, а вопрос о возвращении эскадры остался нерешенным.

Корабли эскадры остались ржаветь в Бизерте. Лишь в начале 1930х годов их стали потихоньку разбирать на лом прямо на стоянках. Вела работы фирма «Societe anonyme exploitation de minision». А непосредственно руководил работами инженер-полковник царской армии А.П. Клягин. Где-то в 1934—1935 гг. артиллерия линкора «Генерал Алексеев» была снята и складирована в арсенале Сиди-Абдалах.

Дальше началась почти детективная история. С началом советско-финской войны французское правительство подарило Финляндии двенадцать 305мм пушек с «Генерала Алексеева». Дело в том, что финны в 1918 г. захватили несколько таких же орудий на русских береговых установках.

Передача орудий происходила в обстановке строжайшей секретности. По четыре пушки погрузили на три торговых судна – «Джульетту», «Карл Эрик» и «Нину». Пушки клали на самое дно трюмов, а сверху засыпали пшеницей.

Первые два парохода дошли благополучно до финского порта Турку, а вот «Нина» была захвачена 9 апреля 1940 г. немецким десантом в норвежском порту Берген. Фирма Круппа спроектировала и изготовила новые лафеты для 305мм орудий Обуховского завода. В 1942—1943 гг. немцы установили четыре 305мм орудия на батарее «Нина» (позже ее переименовали в «Мирус») на захваченном английском острове Гернси в проливе Ла-Манш. Батарея «Мирус» держала под контролем своих пушек западную часть Ла-Манша до 8 мая 1945 г.

Финны же в 1942 г. установили 305мм пушки «Генерала Алексеева» на советских железнодорожных транспортерах ТМ-3—12. Три такие железнодорожные установки были оставлены осенью 1941 г. на базе в

Ханко. Стволы на транспортерах ранее стояли на линкоре «Императрица Мария». Наши подорвали стволы и слегка повредили транспортеры, считая, что дальнейшее использование этих установок невозможно.

После выхода Финляндии из войны три 305мм железнодорожные установки с «бизертскими» стволами были переданы СССР. 1 января 1961 г. батарею этих орудий поставили на консервацию. А почти через 40 лет командование ВМФ Российской Федерации передало одну установку ТМ-3—12 со стволом с «Генерала Алексеева» Центральному музею Великой Отечественной войны. И теперь эта установка стоит на постаменте в Москве на Поклонной горе.

Глава 18

Врангель и русская эмиграция

Итак, Врангель не пожелал распустить свою армию. В 1921 г. никто из великих держав не собирался воевать с Россией. Другой вопрос, что в западных СМИ периодически появлялись различные инсинуации по поводу интервенции. Ну а среди белогвардейцев, запертых в лагерях на территории Турции, слухи о войне Франции или Англии с Советами возникали чуть не каждый день.

Тем не менее сохранение армии стало серьезным козырем барона в борьбе за лидерство в русской эмиграции. Врангель был главнокомандующим, и у него имелась реальная армия. Остальные претенденты на наследство Российской империи были императорами без империи, главнокомандующими без войска, лидерами партий без самих партий и т. д.

Вскоре после прибытия генерала Врангеля в Константинополь к нему прибыли представители парижской эмигрантской группы В.Л. Бурцев, А.В. Карташев, А.С. Хрипунов и другие. Они предложили Врангелю создать национальное правительство за рубежом, в ведение которого перешли бы все политические вопросы и заботы об армии, то есть предлагалось фактически подчинение ее политикам. Однако генерал ответил: «Я с армией воевал, я ее вывез, я с ней буду делить и радости, и горе – о ней буду заботиться и никому не позволю притронуться к ней даже пальцем».

Барон считал себя чем-то типа верховного правителя России и намеревался оставаться таковым и впредь. Но для этого нужно было иметь какую-то должность и аппарат управления. И вот в 1921 г. по инициативе Врангеля создается «Русский совет», призванный стать «носителем законной власти».

В его состав вошли: П.Н. Врангель, как председатель, епископ Вениамин (его главный «политрук» в Крыму), И.П. Алексинский, А.И. Гучков, Н.Н. Львов, В.В. Мусин-Пушкин, Н.П. Савицкий, Н.И. Антонов, В.М. Знаменский, Н.А. Ростовцев, П.В. Скарминский, В.В. Шульгин и др. Перед «Русским советом» была поставлена задача обеспечить сохранение армии как ядра объединения зарубежного русского воинства, а по возможности, и большей части эмиграции для того, чтобы при наступлении «благоприятной ситуации в России» выступить единым фронтом против

большевиков.

«Русский совет» сыграл большую роль в организации перемещения воинства Врангеля из лагерей в Турции в балканские страны, главным образом в Болгарию и Сербию.

Эмигрантские газеты писали, что «Русский совет» – игрушечное правительство генерала Врангеля, мертвое и решительно никому не нужное учреждение. И действительно, Совет постепенно утрачивал свое влияние и осенью 1922 г. был окончательно ликвидирован, так и не сыграв той роли, которая ему отводилась.

Однако борьба между верхами военной и штатской белой эмиграции за контроль над войсковыми частями и беженской массой продолжалась. Под давлением французского правительства совещание бывших послов России в составе М.Н. Гирса, Б.А. Бахметьева, В.А. Маклакова и М.В. Бернацкого обнародовало следующее заявление:

«1. Армия генерала Врангеля потеряла свое международное значение, и Южно-Русское правительство с оставлением территории естественно прекратило свое существование;

2. Как бы то ни было, желательно сохранение самостоятельной Русской армии с национально-патриотической точки зрения, разрешение этой задачи встречается с непреодолимыми затруднениями финансового характера.

3. Все дело помощи русским беженцам надлежит сосредоточить в ведении какой-либо одной организации. По мнению Совещания, такую объединяющей организацией должен быть Земско-Городской комитет помощи беженцам.

4. Единственным органом, основанным на идее законности и преемственности власти, объединяющим действия отдельных агентов, может явиться Совещание Послов. Вместе с этим указанное совещание, при отсутствии других общерусских учреждений, принуждено взять на себя ответственность за казенные средства и порядок их определения».^[111]

Но командование Русской армии не поддержало это заявление послов. Врангель и его ближайшие соратники стремились сохранить армию для продолжения борьбы с советской властью.

В первые месяцы пребывания в эмиграции барон по-прежнему проповедовал теорию непредрежденности. Мол, всякий, кто против большевиков, будь с нами независимо от убеждений. Как уже говорилось, идея непредрежденности имела свои плюсы и свои минусы. Плюс – это привлечение на свою сторону республикански настроенных слоев населения. Но это действовало только в России. Эмиграция же быстро

«правела» и шла к монархистам.

Здесь сразу следует уточнить, кого я называю эмиграцией и буду называть впредь. О российской эмиграции можно говорить в широком и узком смысле. В широком – это все граждане Российской империи, оказавшиеся в 1921—1922 гг. за пределами Советской России. В узком же смысле я буду именовать русской эмиграцией ее политически активную часть.

Подсчитать число эмигрантов в «широком» смысле физически невозможно. Причем не только потому, что власти государств, где проживали русские, не делали этого, а потому, что крайне трудно, если не невозможно, выработать критерии, по которым того или иного человека можно отнести к эмигрантам.

Почему-то отечественные историки забыли напрочь о дореволюционной эмиграции. А между тем в 1860—1890 гг. из Российской империи эмигрировали 1 128 563 человека, то есть в среднем по 37 619 человек за год. В 1890—1915 гг. эмигрировало 3 347 618 человек, то есть в среднем за год 133 904 человека.^[112]

Таким образом, из России от Николая II бежало около 3,5 миллиона человек, то есть население европейского государства средних размеров конца XIX века. В год от царя уезжало число людей, соизмеримое с эвакуированными из Крыма в ноябре 1920 г., но почему-то никому не приходит в голову называть это «великим исходом».

Люди бежали от «святого» царя Николая из-за массовых гонений по политическим, национальным или религиозным мотивам.

Среди эмигрантов мы видим представителей всех политических направлений – от кадетов до террористов. Среди них десятка два князей и княжон из Рюриковичей, в том числе И.С. Гагарин, П.А. Кропоткин, П.А. Долгоруков, знаменитый ученый И.К. Мечников.

Пойдем дальше. Вот, предположим, жил-был в городе Бресте инженер или учитель. В 1919 г. он познакомился со смолянкой, бежавшей из Петрограда от злодеев-большевиков. Они поженились и наплодили кучу детей. Напомню, что Брест по Рижскому договору остался за Польшей. Кого из них считать эмигрантами? Его, ее, детей?

Надо ли считать эмигрантами русских жителей Желтороссии, то есть Маньчжурии? Не будем забывать, что Харбин был построен русскими и примерно половину его жителей составляли выходцы из Российской империи.

А как быть с сотнями тысяч прибалтов, немцев, поляков, западных белорусов, западных украинцев, которые в 1920—1922 гг. отправились из

Центральной России в места, где жили их предки?

Я специально остановился на вопросе численности русской эмиграции, поскольку эмигрантские, а сейчас и местные историки обожают жонглировать этими цифрами. От большевиков, мол, бежали 2 миллиона, 4 миллиона, 8 миллионов, 10 миллионов, 20 миллионов «лучших людей, элиты русского общества». Варвары-большевики вывозили из «совдепии» философов целыми пароходами. Врать – так врать, кто больше! Может, из Совдепии вообще выехали 150 миллионов, то есть все население царской России, а осталось несколько тысяч «носатых и пархатых» комиссаров, как на белогвардейских плакатах?

На мой взгляд, русская эмиграция в широком смысле слова – несколько миллионов человек, а сколько – зависит от критериев подсчета. А вот эмигрантов в узком смысле слова в Европе к 1923 г. осталось не более 300 тысяч человек. Несколько десятков тысяч вернулись в Советскую Россию, ну а подавляющее большинство занялись каким-нибудь делом – пошли в фермеры, рабочие, открыли свои лавочки, рестораны, модные ателье и т. п. Сотни тысяч таких людей не только не интересовались эмигрантскими делами, но они их даже раздражали. Эти люди учили язык своей новой родины, вступали в браки с «лицами коренной национальности» и адаптировались на новом месте, кто в первом поколении, кто, в крайнем случае, во втором. Я сам еще в 70е годы XX века общался с детьми эмигрантов, уехавших во Францию в 1920х годах. Они хорошо говорили по-русски, но были французами не только по месту рождения, но и образу мыслей, как сейчас говорят, по менталитету.

Ассимиляция русской эмиграции для кого-то из квасных патриотов может показаться чем-то обидным. Но, увы, в 20—40х годах XX века это было самое разумное решение как для них, так и для нашей державы в целом.

Советский Союз был окружен вражескими государствами, десятки эмигрантских организаций засылали к нам шпионов и диверсантов. В такой ситуации устраивать массовый прием эмигрантов, бежавших из страны в 1918—1922 гг., было слишком рискованно. Хотя многие тысячи эмигрантов были благожелательно встречены в СССР, но о них поговорим позже.

Ну а теперь пару слов о сбежавшей из России «элите». Да, действительно, подавляющее большинство «элиты» Российской империи оказалось в эмиграции. Но почему они перестали быть элитой за рубежом? Талант – везде талант. Вспомним, что и Колумб, и Магеллан были эмигрантами. Эмигрантом был и норманнский конунг Рюрик, бежавший от преследований врагов в Новгород. Потомок Рюрика князь Андрей

Курбский бежал от Ивана Грозного в Литву, но и там он стал владельческим князем, славным воеводой и первоклассным писателем и публицистом. Легко перечислить сотни ученых, полководцев, мореплавателей, которые из эмигрантов превратились в звезды мировой величины.

А вот совсем недавний пример – Германия 1945 года. Все не разрушенные союзной авиацией германские заводы и НИИ были демонтированы, многие десятки тысяч ученых и инженеров остались без работы и средств к существованию. Но они все (буквально) оказались востребованными в США, СССР, Англии, Франции и других государствах. И вот в 1948—1949 гг. в воздух поднялись истребители-близнецы – американский «Сейбр», советский МиГ-15, французский «Мистер», шведский «Сааб-29», аргентинский «Пульке» и т. д. Германские ракетчики, атомщики и химики ценились на вес золота, за ними охотились разведки СССР и западных государств.

А что произошло с российской эмиграцией? Сразу на ум приходит плеяда деятелей искусства: Анна Павлова, Шаляпин, Рахманинов, Баланчин, Лифарь и десяток менее известных фамилий. Но многие из них выбрали местом постоянного проживания Западную Европу еще при Николае II. А другие, оказавшись в октябре 1917 г. в России, до этого половину своей творческой жизни проводили за границей.

Среди бизнесменов, ученых и инженеров особняком стоит Игорь Сикорский, а далее – два-три десятка личностей, «широко известных в узком кругу». Среди них В.К. Зворыкин, много сделавший для развития телевидения в США, В.И. Юркевич, участвовавший в проектировании французского лайнера «Нормандия», химик В.Н. Игнатъев, экономист В.В. Леонтьев и еще десятка три фамилий.

Из России бежали тысячи, если не десятки тысяч предпринимателей и купцов. Ну и много их среди мультимиллионеров Запада? Посчитал бы кто-нибудь соотношение капиталов первой сотни богатейших эмигрантов «нулевой волны» и «первой волны»^[113], хоть на 1925й, хоть на 1935 год. Сотни людей, бежавших из России от Николая II, стали за рубежом мультимиллионерами, а вот среди эмигрантов «первой волны» если такие есть, то их единицы. Мне, во всяком случае, они неизвестны.

Увы, подавляющее большинство представителей русской элиты, занимавших высокое положение в империи и обладавших огромными состояниями, в эмиграции пошли в наемники в Иностранный легион, в армии Японии, Китая, Парагвая, мятежника Франко и т. д. Причем никто из них не стал знаменитым полководцем. Многие пошли в таксисты, половые в кабаках, а дамы вышли на панель.

Небольшая часть элиты, имевшая громкие титулы и родословную, в 1920—1960 гг. проживала вывезенные из России драгоценности, получала пенсии от иностранных монархов и финансовые средства государства Российского, оказавшиеся в руках царских послов. И, заметим, эта «элита» не желала работать, за исключением разве что княжны Марии Павловны^[114], дочери великого князя Павла Александровича, имевшей собственное модное ателье.

Понятно, что подобная публика, умевшая в России маршировать на парадах, плясать на балах и играть в карты, в эмиграции оказалась в сложном положении. Они ничего не умели и не хотели делать. Вместо этого элита сидела на чемоданах и ждала падения большевиков. А те не желали входить в сложное финансовое положение элиты и не хотели падать.

Эмиграцию (в узком смысле слова) охватила ярость, увеличивающаяся от месяца к месяцу. Я не буду приводить людоедские цитаты из высказываний белых офицеров. Обратимся лучше к великому русскому писателю, гуманисту и нобелевскому лауреату Ивану Бунину. С.Г. Карамурза дал ему весьма точную характеристику: «...в Бунине говорит прежде всего сословная злоба и социальный расизм. И ненависть, которую не скрывают – святая ненависть. К кому же? К народу. Он оказался не добрым и всепрощающим богоносцем, а восставшим хамом. Читаем у Бунина:

“В Одессе народ очень ждал большевиков – «наши идут»... Какая у всех (у «всех» из круга Бунина. – К.М.) свирепая жажда их гибели. Нет той самой страшной библейской казни, которой мы не желали бы им. Если б в город ворвался хоть сам дьявол и буквально по горло ходил в их крови, половина Одессы рыдала бы от восторга”.

Смотрите, как Бунин воспринимает, чисто физически, тех, против кого в сознании и подсознании его сословия уже готовилась гражданская война. Это сословие рыдало бы от восторга, если бы дьявол по горло ходил в крови этих людей. Бунин описывает рядовую рабочую демонстрацию в Москве 25 февраля 1918 года, когда до реальной войны было еще далеко:

“Знамена, плакаты, музыка – и, кто в лес, кто по дрова, в сотни глоток:
– Вставай, подымайся, рабочий народ!

Голоса утробные, первобытные. Лица у женщин чувашские, мордовские, у мужчин, все как на подбор, преступные, иные прямо сахалинские.

Римляне ставили на лица своих каторжников клейма: «Cave furem». На эти лица ничего не надо ставить, – и без всякого клейма все видно...”

И дальше, уже из Одессы:

“А сколько лиц бледных, скуластых, с разительно ассиметричными чертами среди этих красноармейцев и вообще среди русского простонародья, – сколько их, этих атавистических особей, круто замешанных на монгольском атавизме! Весь, Муром, Чудь белоглазая...”.

Здесь – представление всего “русского простонародья” как биологически иного подвида, как не ближнего. Это – извечно необходимое внушение и самовнушение, снимающее инстинктивный запрет на убийство ближнего, представителя одного с тобой биологического вида. Это и есть самая настоящая русофобия». [\[115\]](#)

Представим на секунду, что такое заявил бы какой-нибудь гаулейтер в 1941 г. в Смоленске. Стопроцентная гарантия, что эти слова фигурировали бы в обвинительном заключении в Нюрнберге. И повесили бы того гаулейтера.

Ну а насчет азиатских лиц простых русских людей, то я считаю, что татарин или чуваш ничуть не хуже русского человека. Ну а если у господина Бунина иное мнение, то поглядел бы он в родословные российской аристократии и увидел, что у нее примеси татарской, чувашской, кавказской крови на порядок или два больше, чем у простых мужиков центральных губерний России на 1918 год.

Естественно, что в среде русской эмиграции (в узком смысле) росла ностальгия по царю-батюшке, включая тех, кто визжал от восторга, поднимая бокалы шампанского в феврале 1917 г.

Итак, повторяю, Врангель в первые месяцы пребывания за границей не сумел оценить настроения эмиграции. 16 января 1922 г. он писал генерал-лейтенанту П.Н. Краснову: «Вы не можете не сомневаться в том, что по убеждениям своим я являюсь монархистом и что столь же монархично, притом сознательно, и большинство Русской армии...

В императорской России понятие “монархизма” отождествлялось с понятием “Родины”. Революция разорвала эти два исторически неразрывных понятия, и в настоящее время понятие о “монархизме” связано не с понятием о “Родине”, а с принадлежностью к определенной политической партии...

Так как по условиям существующей обстановки понятие “монархизма” обусловлено принадлежностью к условной политической партии, то преждевременное навязывание армии и лозунга “За Веру, Царя и Отечество” внесет лишь смятение в ряды армии, которая увидела бы в этом попытку втянуть ее в борьбу политических партий. Такое же впечатление произвело бы на армию и провозглашение республиканских лозунгов. Я не

говору уже о международной обстановке, которая совершенно исключает возможность в данных условиях начертать на знаменах армии монархический лозунг. Пример Карла Габсбургского показателен». ^[116]

То, о чем пишет Врангель, во многом справедливо для 1920 г. в Северной Таврии, но в Париже его не приемлют. И пришлось барону постепенно переходить к монархическим лозунгам. Но как быть монархистом без монарха?

Для начала Врангель попробовал предложить должность императора Всероссийского королю сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – королю Югославии) Александру I. Тот никак не состоял в родстве с семейством Романовых – Голштейн-Готторпов, но зато имел хорошие отношения с бароном. Однако Александр I благоразумно отказался от предложения стать Александром IV. Вероятность успеха ничтожна, а неприятности могут быть самые серьезные.

Первым, в хронологическом порядке, претендентом на императорский престол из семейства Романовых оказался великий князь Дмитрий Павлович. За участие в убийстве Распутина Николай II выслал его в Персию. Летом 1917 г. русские части на Персидском фронте разбежались, а великий князь бежал в Тегеран, где поступил в британскую армию в чине капитана. После окончания войны Дмитрий Павлович отправился в Метрополию. В Англии он подал прошение о вступлении в королевскую конную гвардию, но получил отказ.

Тогда Дмитрий Павлович отправился в Берлин. Там он встретился с генерал-майором Василием Бискупским, с которым они вместе служили в лейб-гвардейском Конном полку. Бискупский предложил Дмитрию Павловичу стать... императором. Позже великий князь будет оправдываться, что он, мол, не хотел и т. д. Тем не менее в 1920 г. первым претендентом на российский трон стал именно великий князь Дмитрий Павлович.

Об этом свидетельствуют не только эмигрантские мемуары, но и донесения агентов ОГПУ. Вот, к примеру, документ от 14 мая 1921 года: «...крайняя правая часть безоговорочно признавала законным наследником русского престола В(еликого) кн(язя) Дм. Романова, тактикой своей избрала открытую проповедь восстановления монархического строя и дома Романовых в России, открытую борьбу со всеми инакомыслящими, до террора включительно в отношении наиболее независимых...

Группа монархистов-абсолютистов ведет в настоящий момент с Врангелем переговоры как равный с равным, причем идет, по-видимому, на целый ряд уступок, соглашаясь, что по международной ситуации, может

быть, и необходимо временно известное внешнее влияние Врангеля, но требуя полного, временно сохраняемого в тайне, подчинения Дмитрию Романову».^[117]

В качестве кандидата на русский престол Дмитрия хотели видеть вдовствующая императрица Мария Федоровна и великий князь Николай Николаевич. Однако вскоре авантюрист Бискупский «переменил лошадь» и сделал ставку на великого князя Кирилла Владимировича. В конце концов, и сам Дмитрий Павлович в 1924 г. признал «царя Кирюху».

Претендентов на императорскую корону в эмиграции оказалось немало, в том числе Никита Александрович, сын великого князя Александра Михайловича. Представляю: «Царь Никита» – почти по Пушкину. Однако главным претендентом оказался великий князь Кирилл Владимирович. В свое время он еще до отречения Николая II явился в Государственную думу во главе подчиненного ему флотского экипажа. На груди великого князя красовался большой красный бант. Были и еще аргументы, препятствовавшие ему принять престол – брак без разрешения императора, вероисповедание матери и т. п. Тем не менее 26 июля (8 августа) 1922 г. Кирилл сам себя объявил Блюстителем Императорского престола.

Претензии Кирилла на императорскую корону вызвали негативную реакцию Врангеля и его окружения. 27 августа 1922 г. (ст. с.) полковник фон Лампе довел до армии мнение Врангеля о Блюстителе: «11 августа Главнокомандующим была получена телеграмма великого князя Кирилла Владимировича следующего содержания: генералу барону Врангелю, Сремеки Карловцы. “Я, как блюститель государева престола, неизменно рассчитываю на Ваше творческое сотрудничество, единодушие в великом деле спасения России. Высылаю манифест. Уважающий Вас Кирилл”.

Главнокомандующий в тесном согласии с собранными старшими начальниками решил сделать все, чтобы армия не была вовлечена в политическую борьбу, веря, что при ярко обрисовавшемся единодушии всех собравшихся армии не страшны никакие испытания.

16 августа, ввиду неполучения манифеста, Главнокомандующий не счел возможным задерживать ответ великому князю Кириллу Владимировичу и написал ему, упоминая, что он, как и громадное большинство его соратников, мыслят будущую Россию таковою, как того пожелает русский народ, пламенно веря, что народная мудрость вернет Россию, как и 300 лет тому назад, на ее исторический путь.

Далее Главнокомандующий пишет: “Ваше Императорское Величество уже ныне на чужбине, без участия русского народа, предпрешите этот

вопрос.

При таких условиях я не вправе обещать Вашему Императорскому Величеству то сотрудничество, которое Вам угодно мне предложить». ^[118]

Это был вежливый, но решительный отказ. Теперь ничего не оставалось делать, как обратиться за помощью к великому князю Николаю Николаевичу.

Как мы помним, великий князь несколько раз в 1919—1920 гг. предлагал себя в качестве командующего белой армией, но был отвергнут сначала Деникиным, а затем и Врангелем.

Великий князь Николай Николаевич покинул Крым в возрасте 63 лет. Сначала он поселился в Италии, затем переехал в Антиб на юге Франции, а периодически жил в Шуаньи под Парижем. Первые месяцы он жил достаточно скромно, в окружении жены Анастасии и нескольких верных офицеров. Французское правительство в знак признания заслуг в качестве главнокомандующего союзной армии назначило Николаю Николаевичу маршальскую пенсию.

Детей у великого князя не было. Скандальных романов он не заводил, и его личная жизнь малоинтересна даже для специалистов, занимающихся проблемами русской эмиграции.

В ноябре 1922 г. Врангель в своей резиденции в сербском городе Сремски Карловцы провел совещание, многие документы которого готовил начальник штаба генерал Миллер, числящийся также с 8 ноября 1922 г. помощником главнокомандующего. На совещании также присутствовали помощники главкома генералы Кутепов и Абрамов, начальник его Политической канцелярии С.Н. Ильин и прибывшие из Парижа генералы Хольм-сен и Данилов. В результате был вынесен вердикт с основными идеями:

1. «Личное обаяние имени Великого Князя Николая Николаевича» может способствовать единению Зарубежной России, которого не удавалось добыть иными способами.

2. В сложившихся сложных международных и внутриэмигрантских условиях такое «единение» должно иметь не «форму гласного возглавления им какого-либо объединения», а характер личного общения великого князя с доверенными ему лицами, ведущими работу в России.

3. Несмотря на сильное распространение в Армии монархических чувств, Главное Командование должно твердо держаться заветов генералов Корнилова и Алексеева и не предрешать вопроса «какою быть России».

4. Объединение вокруг великого князя Николая Николаевича как «главы, в будущем, русского национального движения» должно быть

возможно более широким и включать «всех несоциалистических, государственно мыслящих элементов».

Для дальнейших переговоров с великим князем в Париж отправляется Миллер. Великий князь в принципе согласился на сотрудничество с Врангелем. Начинается время больших интриг в борьбе за власть над остатками белой армии. Николай Николаевич, Врангель и генерал Кутепов всячески пытаются дискредитировать друг друга. Но это втихую. А все вместе открыто воюют с Блюстителем и «кирилловцами».

Тут мы немного отвлечемся и попробуем рассказать, как наш барон оказался в Югославии в Сремски Карловцы.

По прибытии в Константинополь в ноябре 1920 г. Врангель выбрал себе в качестве резиденции яхту «Лукулл». Яхта водоизмещением 533 тонны была построена в Англии в 1866 г., в 1890 г. куплена Морским ведомством и получила название «Колхида». Она стала яхтой русского посла в Константинополе. Однако в июне 1913 г. великий князь Александр Михайлович продал Морведу свою порядком поизношенную яхту «Тамара» (водоизмещением 990 тонн). «Тамара» получила название «Колхида» и после ремонта стала яхтой посла. В том же июне 1913 г. «Колхида» получает название «Лукулл», а в 1914 г. переклассифицируется в посыльное судно.

На «Лукулле» Врангель хранит документацию, свой личный архив, казну армии и огромное количество драгоценностей, вывезенных из России.

15 октября 1921 г. «Лукулл» был протаранен шедшим из Батума итальянским пассажирским пароходом «Адриа». К счастью, незадолго до этого инцидента Врангель вместе с женой и адъютантом сошли на берег. Была ли это случайность, или заранее задуманная диверсия против генерала Врангеля? Аргументов в пользу диверсии немало.

«Лукулл» стоял у европейского берега Босфора. Для того чтобы протаранить яхту, пароходу надо было перпендикулярно повернуть к берегу, свернув в сторону от своего курса.

Позже спасшиеся с «Лукулла» офицеры-очевидцы утверждали, когда «Адриа» подошла к «Лукуллу» на расстоянии 300 морских саженей, казалось, что она свободно разойдется с яхтой, оставив его с правого борта. Но «Адриа», изменив курс, шла прямо на небольшое судно.

Как вспоминал подъесаул Кобиев, находившийся на «Лукулле» в момент трагедии: «...я, видя, что итальянский пароход не уменьшает скорости и не изменяет направления, спросил мичмана Сапунова, не испортилась ли у него рулевая тяга, так как при той скорости и громадной

инерции, какие он имел, он не успеет свернуть в сторону, даже если положить руль круто на бок. Сапунов ответил, что, действительно, что-то ненормально. Но тогда пароход не шел бы с такой скоростью и уверенностью, давал бы тревожные гудки и так или иначе извещал бы о своем несчастье и опасности от этого для других. Тем не менее пароход, не уменьшая хода, двигался на яхту, как будто ее не было на его пути...»

«Адриа» ударила «Лукулл» в борт под прямым углом и, разрезав борт яхты на протяжении более трех футов, отошла задним ходом, вследствие чего в пробоину хлынула вода. Удар пришелся как раз в среднюю часть яхты – нос «Адрии» прошел через кабинет и спальню генерала Врангеля. Никаких мер для спасения людей на пароходе не предприняли: не спустили шлюпки, не подали концы и круги. Вытаскивали из воды моряков турецкие рыбаки.

«Адриа» была немедленно арестована британскими властями. Выяснилось, что судно заходило несколько раз в черноморские порты Советской России.

Через месяц после гибели яхты Врангель доверил присяжному поверенному Ратнеру защищать свои интересы в итальянском суде. Но, как выяснилось лишь в 1925 г., из-за бестолковости Ратнера дело осталось незаконченным. Попытки Врангеля добиться через нового адвоката возобновления следствия завершились, в связи с истечением срока давности, предложением итальянского общества «Адриа» заключить мировую с выплатой 25 %! Вдове мичмана Сапунова итальянская компания согласилась выплачивать пожизненную пенсию. Петр Николаевич согласился. Дело объявили «несчастливым случаем».

Сейчас судить о том, что произошло 15 октября 1921 г., весьма сложно. С одной стороны, эмигранты были склонны везде видеть «руку Москвы». С другой, советская разведка действовала за рубежом достаточно активно, вспомним Кутепова, Миллера, Троцкого. Но если это и дело разведки, то целью было не убить барона, а лишь напугать его. Таранить одним большим тихоходным судном другое большое судно так, чтобы точно попасть в каюту и гарантированно уничтожить находящихся в ней, практически невозможно. Всего то на «Лукулле» погиб один человек.

Так или иначе, но Врангель был шокирован. Он покидает Стамбул и переезжает на постоянное место жительства в сербскую Сремски Карловцы в 50 км от Белграда.

С разрешения короля Александра I в небольшом городке Сремски Карловцы с населением около 20 тысяч жителей разместилось более двух тысяч врангелевцев. Среди них были члены «генерального штаба»

Врангеля во главе с генерал-лейтенантом Архангельским, конный эскадрон, пехотная охранная рота и различные тыловые службы. Ни один русский эмигрант «без достаточных рекомендаций» не мог проникнуть в Сремски Карловцы.

Глава 19

«Поручик Голицын, а может, вернемся...»

Попытки вернуться домой в среде Русской армии начались уже зимой 1920/21 г.

Так, уже 22 февраля 1921 г. в Новороссийский порт прибыло турецкое судно «Решид паша» с 3,5 тысячами реэмигрантов, приехавшими в Советскую Россию в инициативном порядке.

Комиссия Кавказского фронта выяснила, что среди прибывших было 40 женщин, врангелевских офицеров и чиновников – более 100 человек, пленных красноармейцев, увезенных в Константинополь, – 300 человек, военнопленных мировой войны, до этого находившихся во Франции, – 50 человек, несколько попов, а остальные – донские, терские и кубанские казаки.

Бывших военнопленных и женщин сразу же отправили по домам, а казаки и офицеры были задержаны до выяснения личностей прибывших.

5 апреля 1921 г. в Одессу прибыл турецкий пароход «Кизил-Ерман» с 2700 беженцами, в основном врангелевцами.

В этот день, 5 апреля 1921 г., советское правительство выпустило специальное обращение к правительствам Европы и редакциям газет:

«Перед отказом Французского правительства поддержать Врангеля и его армию солдаты и даже русские офицеры возвращаются в Россию. Пресса уже сообщала, что два корабля направились из Константинополя в Россию, один – с 3200 беженцев в Новороссийск, другой – в Одессу с 3400 беженцами.

Число репатриантов было бы значительно больше, если бы генерал Врангель не заверил этих бедных людей, что их ждет расправа в России.

В настоящее время после заявления Французского правительства войска генерала Врангеля говорят об этом возвращении на Родину. Генералы могут запугивать свои войска, однако сейчас не то время, чтобы помешать беженцам принять окончательное решение. Генералы знают, что, если армия больше не будет существовать, они лишатся субсидий. Однако нельзя долго обманывать простых людей. Рано или поздно, но они поймут, какой путь для них является наилучшим.

Здесь нам не нужны люди, которые хотят возвратиться в Россию для организации новых заговоров и бунтов, однако подобные люди составляют

ничтожную часть беженцев.

Большинство состоит из казаков, мобилизованных крестьян, мелких служащих. Всем им возвращение в Россию больше не возбраняется, они могут вернуться, они будут прощены, а после возвращения в Россию они не подвергнутся репрессиям».^[119]

В начале апреля в Одессу прибыл пароход «Решид паша» с 4 тысячами беженцев из Константинополя. Однако не все они вернулись с добрыми намерениями. Из телеграммы председателя Всеукраинской Чрезвычайной Комиссии В.Н. Манцева Ф.Э. Держинскому с информацией о результатах фильтрации пассажиров парохода «Решид паша» от 13 апреля 1921 г.: «На днях в Одессу прибыл пароход из Константинополя с врангельцами в количестве 4000 человек, из коих задержаны 40 человек, у которых найдены шифры, явки и даже пироксилиновые шашки. Среди бывших врангелевцев обнаружено несколько агентов контрразведки».^[120]

Понять настороженное отношение советских властей к бывшим белым офицерам несложно. И дело тут не в мести за их деяния в годы Гражданской войны. Небольшая часть возвращавшихся офицеров предполагала вести в России разведывательную и террористическую деятельность. Главное же то, что подавляющее число офицеров последние семь лет воевали и ничего другого делать не умели. Направлять их на командирские посты в Красную Армию никто не собирался. А идти в разнорабочие, да еще при той разрухе и бедности в Советской России, им явно не улыбалось. Нетрудно догадаться, что недовольство вернувшихся белых офицеров неизбежно приведет их в ряды внутренних врагов советской власти. Запретить въезд в страну бывшим офицерам советское правительство не могло по политическим мотивам. Но то, что отношение к вернувшимся будет резко дифференцированным в зависимости от чинов в белой армии и социального происхождения, постоянно указывалось во всех официальных заявлениях.

В честь четвертой годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции советское правительство объявило амнистию значительной части лиц, участвовавших в качестве рядовых солдат в белогвардейских военных организациях. Декретом ВЦИК от 3 ноября 1921 г. им была предоставлена возможность вернуться в Россию на общих основаниях с возвращающимися из Европы военнопленными. Позже декретом ЦИК и СНК от 9 июня 1924 г. амнистия была распространена на всех находящихся на Дальнем Востоке, в Монголии и Западном Китае рядовых солдат белых армий.

В итоге в 1921 г. в Советскую Россию вернулись 121 843 эмигранта. И если в первые месяцы 1921 г. эмигранты возвращались в инициативном порядке, то уже с середины 1921 г. советские представители за рубежом, как легальные, так и нелегальные, стали участвовать в организациях, помогающих беженцам вернуться на родину. В разных странах, особенно в Болгарии, стали возникать «Союзы возвращения на Родину» («Совнарод»). Орган такой организации в Софии газета «На Родину» в своем первом номере писала: «Мы зовем всех честных людей русской эмиграции, которым чужды авантюристские похождения и дороги интересы родной страны, сомкнуть свои ряды под флагом нашей организации и газеты и вместе с нами начать дело исправления наших ошибок, сознательно или бессознательно нами совершенных, дело искупления наших грехов».

В конце октября 1922 г. в Болгарию прибыла миссия советского Красного Креста во главе с И.С. Корешковым. Всю работу по репатриации советская миссия осуществляла через «Совнарод». 26 октября трудящиеся Варны во главе с коммунистами торжественно провожали на родину первую группу репатриантов в составе 472 человек. С красными знаменами под звуки «Интернационала» они прошли по главным улицам города к пристани, где их ожидал пароход «Ало». С борта парохода, на котором был поднят государственный флаг РСФСР, репатрианты послали приветственную телеграмму «Совнароду».

Всего в 1922—1923 гг. с помощью «Совнарода» из Болгарии в СССР возвратилось более 11 тысяч человек. (По другим данным, 14 тысяч, из которых 70 % были казаки.)

Советское правительство было крайне заинтересовано в разрушении Русской армии изнутри. Особое внимание обращалось на конфликт Врангеля и генерал-лейтенанта Слащёва.

Прибыв в Константинополь, Яков Александрович публикует ряд резких статей с критикой действий барона в Крыму. По указанию Врангеля «суд чести» уволил Слащёва со службы без права ношения мундира. В ответ в январе 1921 г. Слащёв издал книгу «Требую суда общества и гласности», где рассказал о своей деятельности на фронте и обвинил Врангеля в потере Крыма.

После увольнения из Русской армии Земский союз предоставил Слащёву ферму под Константинополем, где он разводил индеек и прочую живность, однако к сельскому хозяйству, в отличие от военного дела, таланта у бывшего генерала не оказалось, доходов он почти не имел и сильно бедствовал со второй женой, Ниной Николаевной, ранее числившейся при нем «ординарцем Нечволодовым», и дочерью.

В феврале 1921 г. контакты с Яковом Александровичем установил уполномоченный ВЧК Я.П. Тененбаум, проживавший в Константинополе под фамилией Ельский. В мае 1921 г. чекисты перехватили письмо эсера Ф. Баткина из Константинополя в Симферополь артисту М. Богданову, где сообщалось, что Слащёв находится в настолько нищенском состоянии, что склоняется к возвращению на родину. Баткин и Богданов были завербованы ВЧК, причем последний был командирован в Константинополь, но, попав в поле зрения врангелевской контрразведки, возвратился обратно. За халатность Богданова даже предали революционному суду.

Слащёв пытался выговорить себе охранную грамоту, гарантирующую личную неприкосновенность и выделение валюты его семье, остававшейся в эмиграции. Бывшему генералу было отказано, да и сам Яков Александрович признал, что никакая грамота не спасет его от мстителя, если таковой объявится (он точно предсказал свою судьбу).

Баткину удалось тайно посадить Слащёва с семьей и группой сочувствовавших ему офицеров на итальянский пароход «Жан», который 11 ноября 1921 г. прибыл в Севастополь. Здесь бывший генерал был встречен главой ВЧК Ф.Э. Дзержинским и в его личном поезде доставлен в Москву.

Сохранилась записка Л.Д. Троцкого Ленину от 16 ноября 1921 г. по поводу возвращения Слащёва: «Главком (С.С. Каменев) считает Слащёва ничтожеством. Я не уверен в правильности этого отзыва. Но бесспорно, что у нас Слащёв будет только “беспокойной ненужностью”. Он приспособиться не сможет. Уже находясь в поезде Дзержинского, он хотел дать кому-то “25 шомполов”».

В ноябре 1921 г. в Москве Я.А. Слащёву, генералу А.С. Мильковскому, полковнику М.В. Мезерницкому и полковнику Э.П. Гильбизу дали письменно ответить на анкету, составленную руководством ОГПУ. Документ являлся секретным, и бывших врангелевцев просили быть предельно точными.

Характеристика руководства врангелевской армией, данная Слащёвым: «Врангель – честолюбив, властолюбив, хитер и в душе предатель, но самый умник из оставшихся там генералов – еще могу добавить: продажен и любит (очень умно) присвоить черную собственность себе на благо.

Кутепов – отличный строевик-фельдфебель – годится на должность до командира батальона – всегда в поводу у своего начштаба, в военном смысле не стоит ничего.

Шатилов – (начштабглав) – военная бездарность и вор.

Барбович – насколько знаю, человек честный, по образованию мало.

Богаевский (Донской атаман) – умница, нерешителен, великолепный кабинетный работник.

Тундую (Астраханский атаман) – авантюрист, хитрый и смелый, может идти на шантаж, свойственный Врангелю.

Витковский (занимает разные должности и служит помощником Кутепова) – не опасен, очень глуп». [\[121\]](#)

Характеристика барона Милюковским: «Умный, недурной военачальник, умеет к себе расположить и в начале пользовался симпатиями большинства, да и в настоящее время не остался без влияния на многих, благодаря постоянной борьбе, которую ведет с союзниками за сохранение армии как таковой, а в частности за сохранение за собой положения “Главкома” и “Правителя России”, хотя бы призрачного. Чрезвычайно честолюбив. Несмотря на кажущуюся твердость и решительность, в сущности характера слабого, он легко подчиняется чужой воле, и окружающие его дурные и беспринципные лица из штаба и правительства, пользуясь этим своим влиянием, привели и были равными с ним виновниками в Крымской эпопее. Я полагаю, что Врангель, как человек умный, имеющий к тому же возможность быть достаточно осведомленным в положении вещей, прекрасно учитывает тяжелое и ложное положение в своей армии. Поэтому предполагаю, что если бы он получил серьезное предложение совместной с Советской Россией работы или переезда в Россию на службу, есть вероятность на его согласие. Тем более такие переговоры, правда, пока в очень неопределенной форме уже велись.

Шатилов – начштабглав – умный, хитрый, беспринципный, имеющий наибольшее влияние на Врангеля. Отношение к нему в армии резко отрицательное. О способностях его, как боевого военного начальника, сказать не берусь.

Кутепов – храбрый солдат. Характера твердого, жесткого. Может навести порядок и дисциплинировать часть, не останавливаясь ни перед какими угодно мерами. Как большой начальник безусловно мало пригоден: в бою теряется и управлять частями не может. Почти всегда, где распоряжался, терпел неудачи.

Барбович – начдив кавалерийской. Старый кадровый строевой кавалерист. Разумный, энергичный, боевой начальник. Пользуется доверием и симпатиями своих подчиненных.

Богаевский – Донской атаман. Весьма популярен среди всех казаков и пользуется доверием. Умный, осторожный, большой политик. Нерешителен.

Шкуро – имя его, как человека без всяких нравственных устоев, достаточно известно каждому.

Витковский, Скоблин, Туркул и Манштейн – молодые начальники, выдвинувшиеся в рядах Д.А. Хорошие партизаны, но на должность более крупных военных начальников совершенно не подготовленные, что ныне признается даже их боевыми товарищами, по настоянию коих перед Главным командованием они были выдвинуты в своих частях на ответственные посты.

Краснов – один из немногих начальников, на имени которого сходились надежды и чаяния всех. Громаднейшая популярность во всех слоях Д.А. и казаков». [\[122\]](#)

Характеристика М.В. Мезерницкого: «Врангель – самовлюбленный, самоуверенный, с манией величия человек. Достаточно лживый и трусливый (в частной жизни, но не фронте), способный на всякий обман и даже иногда на предательство, если ему это выгодно. Шатилов – просто прохвост и мелкий жулик. Кутепов – фельдфебель, человек ограниченный. Барбович – считается хорошим кавалерийским начальником, безусловно честный. Витковский – смелый офицер и интриган, глуп. Манштейн, Туркул, Скоблин – смелые офицеры, карьеристы. Казачьих атаманов не знаю. Шкуро – вор, грабитель, трус. Климович, Глабачев – жандармы». [\[123\]](#)

Характеристика Э.П. Гильбиха: «Генерал Врангель – самый умный генерал в Константинополе; крайне честолобив, по слухам, питал даже надежду стать Императором России; ради своей выгоды готов потопить кого угодно; не терпит подчиненных с умом и самостоятельным характером; не держит своего слова; ставит свой интерес выше всякой идеи.

Генерал Шатилов – беспринципный человек; взяточник, сильно влиял на генерала Врангеля и всегда в дурную сторону. Нечистоплотен в служебных делах. В военном отношении “0”.

Генерал Кутепов – очень честолобив; хороший фельдфебель; военная бездарность; хам; лично храбр.

Генерал Витковский – глуп и в военном деле бездарность.

Генерал Барбович – знаю мало; с характером и, по-видимому, был хорошим командиром конного полка; в старших должностях не знаю.

Генерал Улагай – безусловно честен; в боевом отношении слышал отличные отзывы.

Генерал Краснов – пользуется уважением большинства; очень любим донцами; по-видимому, отличный организатор и администратор». [\[124\]](#)

К сказанному соратниками барона можно прибавить лишь то, что они не могли раньше сговориться и отвечали на вопросы независимо друг от друга.

Любопытен ответ Слащёва на 15й вопрос «Положение и силы союзников в Константинополе и их отношение к Кемаль-паше». Он сравнительно точно указывает численность и вооружение союзников в районе Константинополя. Говорит о низком моральном состоянии англо-французов: «...главным образом надеются на судовую артиллерию и танки. Гаубицами и мортирами с азиатского берега можно ликвидировать весь союзный флот».

Замечу, совет достаточно дельный. Именно поэтому союзникам и пришлось вскоре ретироваться из Проливов.

На курсах «Выстрел» Слащёв вместе с командирами бывшего Южного фронта проводит разбор операций на Перекопе. Есть версия, что во время разбора на занятиях советско-польской вой-ны он сказал о тупоумии советского командования в ходе военного конфликта с Польшей. Присутствовавший в аудитории Буденный вскочил, выхватил пистолет и несколько раз выстрелил в сторону преподавателя, но не попал. Слащёв подошел к Семену Михайловичу и назидательно сказал: «Как вы стреляете, так вы и воевали».

Возможно, это и анекдот, но уж больно похоже на Якова Александровича.

В 1925 г. акционерное общество «Пролетарское кино» снимало художественный фильм «Врангель», причем Слащёв был приглашен в качестве военно-технического консультанта сценария Л.О. Полярного и М.И. Перцовича, а также на роль «генерала Слащёва-Крымского» (роль ординарца Нечволодова должна была сыграть вторая жена Слащёва).

Есть сведения, что Михаил Булгаков был лично знаком со Слащёвым, вели знакомство и их жены. Как уже говорилось, в пьесе «Бег» генерал Слащёв послужил прототипом сразу для двух персонажей – выпускника академии Генштаба генерала Хлудова и отчаянного рубаки кубанского казачьего генерала Чарноты. Уж слишком многогранен был образ Слащёва-Крымского.

В качестве антипода Хлудова (Слащёва) Булгаков дал образ белого Главнокомандующего (Врангеля). Слова архиепископа Африкана, чьим прототипом был глава духовенства Русской армии епископ Севастопольский Вениамин (Иван Федченко), обращенные к Главнокомандующему: «Дерзай, славный генерал, с тобою свет и держава, победа и утверждение, дерзай, ибо ты Петр, что значит камень», имеют

своим источником воспоминания Г.Н. Раковского, который отмечал, что «представители воинствующего черносотенного духовенства с епископом Вениамином, который деятельно поддерживал Врангеля еще тогда, когда он вел борьбу с Деникиным», с церковных кафедр «прославляли Петра Врангеля, сравнивая его не только с Петром Великим, но даже и с апостолом Петром. Он явится, мол, тем камнем, на котором будет построен фундамент новой России».

Комичное обращение к Африкану самого Главнокомандующего: «Ваше преосвященство, западноевропейскими державами покинутые, коварными поляками обманутые, в самый страшный час на милосердие божие уповаем», пародирует последний приказ Врангеля при оставлении Крыма: «Оставленная всем миром, обескровленная армия, боровшаяся не только за наше русское дело, но и за дело всего мира, – оставляет родную землю. Мы идем на чужбину, идем не как нищие с протянутой рукой, а с высоко поднятой головой, в сознании исполненного долга». Нищета, постигшая в Константинополе Хлудова, Чарноту, Люську, Серафиму, Голубкова и других эмигрантов в «Беге», показывает всю фальшивость врангелевских высокопарных слов.

Любопытно, что врангелевское окружение стремилось дискредитировать Слащёва и распространяло слухи о том, что генерал поехал в Советскую Россию, дабы устроить там военный мятеж.

11 января 1929 г. Я.А. Слащёв был убит курсантом школы «Выстрел» евреем Михаилом Коленбергом. Убийство произошло, по одной версии, в помещении школы, а по другой, на квартире бывшего генерала. Коленберг объяснил свой поступок мстью за брата, расстрелянного по приказу Слащёва.

14 января 1929 г. в Московском крематории состоялась гражданская панихида, а затем кремация тела Слащёва. Присутствовали заместитель председателя Реввоенсовета И.С. Уншлихт и ряд командиров Красной Армии.

Эмигрантская и с 1990х годов либеральная печать распространяли сведения о том, что-де Коленберг был агентом ОГПУ, произведшим ликвидацию генерала по приказу Сталина. Однако в конце XX века было рассекречено дело Коленберга, и там нет и намека на причастность органов. Да и советскому правительству было крайне невыгодно с политической точки зрения убийство Слащёва.

Несколько генералов, оставшихся в эмиграции, вступили на путь сотрудничества с советской властью. Так, герой «Ледяного похода» 1918 года генерал-майор Н.В. Скоблин стал резидентом советской разведки

внутри РОВСа. В 1937 г. ему пришлось бежать после похищения агентами НКВД главы РОВСа генерала Миллера.

Военный агент, по современной терминологии – военный атташе, царского, а затем временного правительства во Франции граф А.А. Игнатьев спас от расхищения белыми огромные средства, ассигнованные еще до революции на закупку вооружения для русской армии. Сразу же после установления дипломатических отношений между СССР и Францией Игнатьев передал советскому послу Красину 225 млн франков. В 1945 г. во время Парада Победы генерал-лейтенант Красной Армии А.А. Игнатьев стоял на трибуне на одном из самых почетных мест рядом с Мавзолеем.

Тем не менее самым известным «красным графом» стал граф Алексей Николаевич Толстой. В конце 1918 г. он покинул Одессу и эмигрировал во Францию, а в 1921 г. переехал в Берлин. Там он вступил в сменовеховскую группу «Накануне», пытавшуюся сотрудничать с советской властью. За это эмигранты исключили Алексея Толстого из парижского «Союза писателей». В 1922 г. к Алексею Толстому в Берлин приезжал Максим Горький. В следующем году Толстой вернулся на родину. По возвращении он заявил, что «два события положили начало перелому в его душе: война с белополяками в 1920 г., когда он почувствовал, что стал желать победы красным войскам, и голод, когда он узнал, что детские трупы сваливаются, как штабеля дров, у железнодорожных станций.

Алексей Толстой называл разные пути, по которым мог идти русский эмигрант: пойти с иностранцами на Россию, взять на свою совесть новые муки и новые потоки крови, взять измором большевиков, то есть увеличить смертность в России и ослабить сопротивляемость ее как государства; сидеть годами за границей («путь устрицы, а не человека») и ждать, когда «они падут сами собой». Он отверг эти пути и выбрал тот, который ему подсказывали совесть и разум. «Признать реальность существования в России правительства, называемое большевистским», – писал А. Толстой в «Известиях» 25 апреля 1922 г., – «Признать, что никакого другого правительства ни в России, ни вне России – нет... Совесть меня зовет не лезть в подвал, а ехать в Россию, и хоть гвоздик свой собственный вколотить в истрепанный бурями русский корабль».^[125]

Книги А.Н. Толстого издавались миллионными тиражами. В 1934 г. граф становится членом правления Союза писателей СССР. В 1937 г. его выбирают членом Верховного Совета СССР. В следующем году Алексей Толстой получает орден Ленина за сценарий к фильму «Петр Первый», а в 1939 г. становится академиком. В годы Великой Отечественной войны «красный граф» выпускает целую серию патриотических произведений и

становится членом Комиссии по расследованию фашистских злодеяний на территории СССР.

Разные пути – разные судьбы. Увы, «история – не тротуар Невского проспекта».

Глава 20

Последние годы

В начале 1924 г. подавляющее число военнослужащих врангелевской армии разъехались по всей Европе и Америке. Отдельные военно-трудовые отряды остались лишь на Балканах. Движение же «кирилловцев» постоянно усиливалось. Сам великий князь Кирилл Владимирович с семейством перебрался с Лазурного Берега в Германию, в Кобург, на виллу «Эдинбург». В свое время эта вилла вошла в приданое его супруги Виктории Федоровны как подарок ее матери герцогини Марии Александровны Саксен-Кобург-Готской.

31 августа (13 сентября) 1924 г. Кирилл издал Манифест о принятии им титула Императора Всероссийского. В манифесте кобургский император, как его прозвали «николаевцы», уповает на Бога и... Красную Армию. Нет, я вовсе не шучу: «Пусть Русская Армия, хотя и называемая красной, но в составе коей большинством являются насильно призванные честные сыны России, скажет решающее слово, встанет на защиту поправленных прав Русского народа и, воскресив исторический Завет – за Веру, Царя и Отечество, восстановит на Руси былой Закон и Порядок.

Заодно с Армией пусть всколыхнется громада народная и призовет своего Законного Народного Царя, который будет любящим, всепрощающим, заботливым Отцом, Державным Хозяином Великой Русской Земли, грозным лишь для врагов и для сознательных губителей и растлителей Народа».^[126]

Суть же манифеста была в конце: «...А посему Я, Старший в Роде Царском, единственный Законный Правопреемник Российского Императорского Престола, принимаю принадлежащий Мне непререкаемо титул Императора Всероссийского... Сына Моего, Князя Владимира Кирилловича, провозглашаю Наследником Престола с присвоением Ему титула Великого Князя, Наследника и Цесаревича... Обещаю и клянусь свято блюсти Веру Православную и Российские Основные Законы о Престолонаследии...»^[127]

«Императором» великого князя Кирилла Владимировича поначалу признали немногие. О непризнании его объявили в печати вдовствующая императрица Мария Федоровна и великий князь Николай Николаевич. Не признало его большинство остальных членов царственного дома, в числе

их старейшие: королева эллинов Ольга Константиновна, великий князь Петр Николаевич, его императорское высочество принц Александр Петрович. Не признали Архиерейский Собор и Синод, а также и Высший Монархический Совет, ибо «Великий Князь Кирилл Владимирович не мог быть венчанным на царство».^[128]

Затушевывать этот факт неким личным соперничеством не признавших его членов династии (как это до сих пор объясняют «кирилловцы») можно лишь в аудитории, не знакомой с сутью вопроса.

В архиве И.А. Ильина (юриста по образованию и доктора государственных наук) имеется аналитическая записка 1924 г. (видимо, принадлежащая ему самому), в которой манифест великого князя Кирилла характеризуется как «самозванство»: «Необходимо признать, что законы о престолонаследии не благоприятствуют кандидатуре Великого Князя Кирилла Владимировича и книга Зызыкина толкует их правильно. Аргументация в пользу его кандидатуры – груба, невежественна и, главное, не объективна... Великий Князь Кирилл – провозглашая сам свои права – совершает акт произвола, и никакие признания со стороны других Великих Князей в этом ничего не изменяют... Самим вождем “движения” предносится не Монархия – а дело заграничной партии..., объединившейся для агитации и борьбы за Престол... Бессилие и беспочвенность этой закордонной монархии – неизбежно поведет ее к соглашению с другими, враждебными подлинной России силами: масонством и католицизмом».^[129]

Ни Врангель, ни великий князь Николай Николаевич, естественно, не признали Кобургского императора. Николай Николаевич в присутствии господ офицеров любил говорить: «Царь Кирюха – предводитель шайки дураков и пьяниц». Конфликт «кирилловцев» и «николаевцев» очень напоминает сцены с лысым и лохматым императорами из кинофильма «Корона Российской империи».

1 сентября 1924 г., то есть на следующий день после манифеста «царя Кирюхи», Врангель в качестве Главнокомандующего Русской армии издает приказ о создании «Российского общевойска союза» (РОВС). Структура РОВСа включала три наиболее крупные группы: в первую входили проживавшие в той или иной стране чины 1го армейского корпуса, Донской армии, кавалерийской и кубанской дивизий, подчинявшихся через начальников групп высшему командованию; вторая объединяла членов РОВС, не входивших в состав каких-то определенных воинских частей или офицерских союзов по признаку проживания в определенном населенном пункте или местности; третья включала офицерские общества и союзы:

«Общество галлиполийцев», «Гвардейское объединение», «Союз офицеров, участников войны», «Союз офицеров генерального штаба», «Союз Георгиевских кавалеров», «Союз офицеров Кавказской армии», «Общество офицеров-артиллеристов» и др., через своих председателей подчинявшихся руководству РОВС. Первым председателем РОВСа стал сам П.Н. Врангель.

Руководство же Русской армией Врангель передает великому князю Николаю Николаевичу. 16 ноября 1924 г. письмом на имя П.Н. Врангеля великий князь Николай Николаевич объявил о своем вступлении в руководство как армией, так и всеми военными организациями. Этим был нанесен серьезный удар «кирилловцам». Большинство эмигрантских военных организаций в 1924—1925 гг. отказались повиноваться императору Кириллу.

Николаю Николаевичу удалось на время объединить подавляющее большинство зарубежных военных организаций в следующих отделах: 1 м с центром в Париже, начальнику которого подчинялись все воинские организации РОВСа, расположенные на территории Франции и ее колоний, Финляндии, Дании, Голландии, Польши, Италии, Испании, Швеции, Норвегии, Швейцарии, Египта, Сирии и Персии; 2 м, объединившим военнослужащих, проживавших в Германии, Австрии, Венгрии, Латвии, Эстонии, Литве и Данциге; 3 м, обнимавшем территорию Болгарии и Турции; 4 м – Югославия, Греция и Румыния; 5 м – Бельгия и Люксембург; 6 м – Чехословакия; Дальневосточном – Китай; 1 м и 2 м отделах РОВС в США; отделах в Канаде, Бразилии и Австралии.

Сам же Врангель постепенно уходит от дел. В конце 1925 г. Врангель писал В. Шульгину: «Боюсь, что, кроме мелких дрызг, в зарубежной русской жизни в настоящее время ничего нет».

Еще в декабре 1921 г. в Константинополе при помощи своего секретаря Н.М. Котляревского он начал писать воспоминания о периоде своей жизни с ноября 1916 г. по ноябрь 1920 г., которые были закончены в декабре 1923 г. в Сремских Карловцах. Одним из главных мотивов этой работы стала необходимость отстоять в глазах эмиграции свою позицию в конфликте с Деникиным, который уже начал публикацию «Очерков русской смуты».

В 1925 г. семья Врангеля, в которой в 1922 г. родился еще один ребенок – сын Алексей, переехала в Брюссель, а сам он с матерью остался в Сремских Карловцах, где среди прочих дел зимой 1926 г. приступил к редактированию своих воспоминаний и подготовке их к изданию. В ноябре 1926 г. сам Петр Николаевич переезжает к родным в Брюссель.

1 (14) января 1926 г. Врангель издает традиционный новогодний

приказ № 1: «Как в бою разворачивается полк, разбивается на батальоны, роты, взводы, звенья, принимает рассыпной бой, так Армия изгнанница из лагерей Галлиполи, Лемноса, Чаталджи разошлась по братским славянским странам, рассыпалась по горам Македонии, шахтам Болгарии, заводам Франции, Бельгии, Нового Света. Рассыпалась, но осталась Армией, – воинами, спаянными единой волей, связанными между собой и своими начальниками, одушевленными единым порывом, одной жертвенной готовностью. Среди тяжелых испытаний армия устояла. Не ослабла воля. Не угас огонь. Придет день, протрубит сбор, сомкнутся ряды, и вновь пойдем мы служить Родине. Бог не оставит нас, Россия не забудет».

Увы, это была не ностальгия по прошлому, а вполне реальный призыв. Десятки тысяч бывших русских офицеров «ничего не забыли и ничему не научились». Смысл их жизни заключался в ненависти к большевикам. Жизнь живших рядом европейцев и американцев протекала в одной плоскости, а русских эмигрантов – в другой.

В 2002 г., работая над книгой «Великий князь Александр Михайлович», я просмотрел в спецхране «Ленинки» подшивку за 1930—1933 гг. номеров белоэмигрантского военного журнала «Часовой». Впечатление такое, что этот журнал издавался не в Париже спустя 10—12 лет после окончания Гражданской войны, а где-нибудь в Северной Таврии в начале 1920 г. Вот-вот, мол, пойдем в новый поход, большевики падут со дня на день. В каждом номере письма «оттуда», причем в большинстве своем от красных командиров. Тем давно осточертели большевики, они составляют заговоры и лишь ждут сигнала «из-за бугра», чтобы начать всеобщее восстание. Нетрудно догадаться, что «Часовой» достаточно внимательно читали на Лубянке. Так что репрессии против командного состава Красной Армии в чем-то и на совести господ эмигрантов.

Любопытная деталь, в 1933 г. в «Часовом» были помещены выдержки из берлинской газеты с описанием военных приготовлений большевиков в Приморье, в частности, во Владивосток по железной дороге были доставлены подводные лодки и торпедные катера, существенно увеличена дальность стрельбы береговой артиллерии. Тут меня поразила идеальная осведомленность немцев: они точно указали число катеров и лодок и время их прибытия, а также дальность стрельбы новых советских снарядов образца 1928 г. А с другой стороны – сарказм редакторов «Часового» по поводу глупых «колбасников», клонувших на пропаганду большевиков.

У этих господ офицеров буквально помутился разум, они стали подобны сектантам. Разумеется, речь идет не о всех эмигрантах. Так,

например, молодые офицеры и дети эмигрантов с большим интересом играли в любопытную игру под названием «младороссы». Численность младороссов в 1934 г. достигла 6 тысяч человек. Они носили синие рубашки, маршировали, устраивали шумные съезды. Был и свой вождь – бывший ротмистр Александр Казем-Бек. На съездах при появлении Казем-Бека младороссы вскакивали с криком «Слава Главе!» и выбрасывали вперед руку.

После войны ФБР выяснит, что Казем-Бек – агент советской разведки. А гестапо узнает в 1939 г., что глава русской национал-социалистической партии в Германии князь Авалов, он же особа, приближенная к императору Кириллу, имел отца-ювелира Рафаила Бермонта иудейского вероисповедания. Выяснится еще много интересного, но это – тема другой книги.

Ну а мы опять вернемся к нашему барону. 8 марта 1928 г. Врангель простудился и слег в постель. Лечил его русский доктор немецкого происхождения Вейнерт. Вызванный из Парижа профессор И.П. Алексинский вспоминал такие слова генерала: «Меня мучает мой мозг. Я не могу отдохнуть от навязчивых ярких мыслей, передо мной непрерывно разворачиваются картины Крыма, боев, эвакуации... Мозг против моего желания лихорадочно работает, голова все время занята расчетами, вычислениями, составлением диспозиций... Меня страшно утомляет эта работа мозга. Я не могу с этим бороться... Картины войны все время передо мной, и я пишу все время приказы... приказы, приказы!»

12 (25) апреля 1928 г. в 9 часов утра Петр Николаевич тихо скончался. Как вспоминала мать генерала, баронесса М.Д. Врангель, это были «тридцать восемь суток сплошного мученичества. Его силы пожирала 40градусная температура... Он метался, отдавал приказания, порывался вставать. Призывал секретаря, делал распоряжения до мельчайших подробностей».

Разумеется, среди эмигрантов немедленно поползли слухи о «руке Москвы»: кто говорил об отравлении, кто – о заражении туберкулезом, и т. п. Дочь барона Елена фон Мейндерф утверждала, что накануне болезни в доме Врангелей провел несколько дней неизвестный им ранее человек, якобы брат состоявшего при генерале вестового Якова Юдихина. Этот «брат» (о наличии коего солдат ранее никогда не говорил) был матросом советского торгового судна, стоявшего в Антверпене.

Барона отлично охраняли преданные ему офицеры, никого из посторонних к нему не пускали. Да и зачем советской разведке тревожить отошедшего от дел генерала? Правда, нашлись современные любители

сенсаций, утверждающие, что накануне смерти Врангель создал сверхзаконспирированную шпионскую организацию в СССР. Причем настолько законспирированную, что о ее деятельности до сих пор никто ничего не знает. А может, барон еще и секретную экспедицию на Луну затеял?

На самом деле Врангеля лечили, помимо профессора Алексинского, русский врач Вейнерт и лучшие врачи Брюсселя. Все они констатировали смерть от естественных причин.

Барон Врангель был похоронен дважды. Первый раз в Брюсселе сразу после смерти, а второй раз 6 октября 1928 г. в Белграде в русской церкви Святой Троицы.

Король Александр I разрешил устроить пышные военные похороны. После войны, в правление маршала Тито, гробницу Врангеля прикрыли картонной иконой «Суд Пилата».

Глава 21

Черный барон или белый рыцарь?

За 80 с лишним лет, прошедших после Гражданской войны, произошла забавная метаморфоза в изображении белых офицеров и генералов в нашей литературе, кино и СМИ. Поначалу, до 1960х годов, это были крайне отрицательные персонажи. Их отличала звериная злоба к своему народу, глупость, пьянство и кутежи с девицами. Замечу, все это действительно имело место. Еще в мирное время, то есть до империалистической и Гражданской войн, пьянство, кутежи, скандалы со светскими дамами, я уж не говорю об актрисках, были нормой в гвардейских полках.

Но советский Агитпром явно перебирал, и у думающей части нашего населения создавалось впечатление фальши.

С начала «оттепели» 1960х годов белогвардейцы в книгах и на экранах стали приобретать человеческие черты. Симпатии обывателей медленно, но верно стали склоняться на сторону белых. Появились глупейшие песенки про поручика Голицына с корнетом Оболенским.

Но вот наступил 1991 год, и белогвардейцы были уже почти официально признаны рыцарями без страха и упрека. Основных причин этому две. Ну, во-первых, нашим олигархам и руководимым ими политикам нужно было дискредитировать социалистический строй и отвлечь внимание населения от бедственного положения экономики России. А во-вторых, холоп иной раз и во втором, и в третьем поколении остается холопом. Можно по-разному оценивать роль Ленина в истории, но его формула «Раб, борющийся против рабской жизни, есть революционер, раб молчащий – просто раб, а раб, у которого слюньки текут от рабской жизни, есть подлый раб, холуй и хам», увы, более чем справедлива.

Современному холую и хаму так приятно произносить: «Ваше высокопревосходительство, Ваше сиятельство», с придыханием выговаривать: «Граф Бобринский» или «Князь Юсупов-Сумароков-Эльстон». Пусть у холуя будет в кармане диплом выпускника истфака, он все равно не знает, да и не хочет знать, что оба этих «сиятельства» ведут род около двух веков от бастардов, или по-русски байстрюков, прижитых по пьяной лавочке. Замечу, что с IX по XVI век включительно ни один байстрюк, истопник, торговец пирогами с грибами, чистильщик царских сапогов или двадцатилетний любовник шестидесятилетней августейшей

дамы не пролез в князя.

Стоит заметить, что подобные явления свойственны не только России. В первые годы после Великой Французской революции слово «аристократ» считалось бранным. За одну принадлежность к титулованному дворянству могли отправить на гильотину. Ну а в конце Директории – начале Консулата быть аристократом вновь стало модно, и «холуи» и «хамы» угодили перед ними и мечтали породниться.

Как уже говорилось, Гражданскую войну в России начали не красные или белые, а сепаратисты. С некоторой задержкой началась война классовая (причем пока без участия большевиков). Это – убийства офицеров в армии и флоте и повсеместное разорение барских усадеб.

Сказанное мною противоречит всем трудам белых и красных историков. Но вчитайтесь в мемуары и письма офицеров и дворян, написанных в провинции или на фронте до 1 октября 1917 г. Где там большевики? Повсюду описывают бесчинства хамов, то есть солдат и крестьян. Ну а затем находят козла отпущения в виде большевиков. Мол, прибыли откуда-то еврей-комиссары с деньгами кайзера Вильгельма II. И эти злодеи мучают 150миллионное население России. Как кучка комиссаров могла поработить великий народ, не думали ни господа офицеры, ни нынешние историки.

С кем был русский народ? Однозначный ответ мы найдем в документах Добровольческой и Русской армии. Белые крейсера и эсминцы, ходившие в 1914—1916 гг. со скоростью 20—30 узлов, в 1919—1920 гг. имели скорость 4—8 узлов, да и то часто останавливались на несколько часов. Что это? Износ механизмов? Нет – полное отсутствие кочегаров. У топков стояли офицеры и гимназисты, а кочегары носились по Северной Таврии на красных бронепоездах и махновских тачанках. Не от хорошей жизни Деникин и Врангель принудительно загоняли в свои армии пленных красноармейцев.

Не буду лукавить, у меня самого вызывает восхищение мужество белых офицеров на кораблях и бронепоездах, смелые рейды конницы по тылам противника, психические атаки пехоты. Но, увы, в 1918—1920 гг. все губернии плевать на все это хотели.

Как писал С.Г. Кара-Мурза: «Народ России в разгар войны был расколот примерно пополам (значит, не по классовому признаку). В армии Колчака, например, были воинские части из ижевских и воткинских рабочих – разве они считали, что воюют против рабочего класса? Очень важен для понимания характера конфликта раскол культурного слоя, представленного офицерством старой царской армии. В Красной армии

служили 70—75 тыс. этих офицеров, т. е. 30 % всего старого офицерского корпуса России (из них 14 тыс. до этого были в Белой армии). В Белой армии служили около 100 тыс. (40 %) офицеров, остальные бывшие офицеры уклонились от участия в военном конфликте.

В Красной армии было 639 генералов и офицеров Генерального штаба, в Белой – 750. Из 100 командармов, которые были в Красной армии в 1918—1922 годах, 82 были ранее “царскими” генералами и офицерами. Можно сказать, что цвет российского офицерства разделился между красными и белыми пополам. При этом офицеры, за редкими исключениями, вовсе не становились на “классовую позицию” большевиков и не вступали в партию. Они выбрали красных как выразителей определенного цивилизационного пути, который принципиально расходился с тем, по которому пошли белые».

Я отмечу и еще один момент. Русские офицеры в целом храбро дрались в 1904—1905 гг., 1914—1917 гг. и в 1918—1920 гг. Но русский генералитет, за редким исключением (Макаров, Маниковский, Слащёв и немногие другие) был бездарен, плохо разбирался в новейшей военной технике, тактике и стратегии. В Гражданскую войну им противостояли тоже не Бог весть какие красные стратеги – Ворошилов, Тухачевский, Блюхер и т. п. Но их поддерживал народ, и ни танки «Риккардо», ни бомбардировщики «Де Хэвиллэнд», ни британские мундиры, ни французские сапоги не помогли «правителям» омским и крымским.

Так что на «той единственной гражданской» сошли за гениальных стратегов Тухачевские и Блюхеры. А вот в войне с настоящим противником потребовались другие полководцы. Среди командующих фронтами, в 1944—1945 годах бравших Варшаву, Будапешт, Прагу и Берлин, не было ни одного «стратега» Гражданской войны. Выдвинулись новые полководцы, которые в Гражданскую в лучшем случае командовали ротами или эскадронами.

И опять же это явление закономерное. В ходе любой гражданской войны командовать армиями начинают демагоги и бездари. Они возвышаются, пока воюют против собственных граждан, но при первой встрече с иностранными армиями терпят поражение. Нечто подобное было во Франции во время Великой революции. В 1789—1793 гг. появилось несколько сот «революционных генералов». Они успешно проливали кровь своих соотечественников в Вандее, Бретони, Лионе и Марселе, но при осаде Тулона, окруженного мощными укреплениями и защищаемого британской армией и флотом, выяснилась полная неспособность генералов от революции.

Перед картой района Тулона собрались революционные генералы – бывший жандарм, бывший художник и бывший конюх. Чешут в затылках. Сквозь них грубо проталкивается какой-то маленький капитан, более похожий на подростка. «Вот где Тулон», – он тыкает пальцем в форт Эгильет в 12 милях от Тулона. «Да парень не силен в географии», – хохочут генералы. «Действуйте, гражданин Буона Парте», – сказал комиссар Огюстен Робеспьер, брат диктатора Максимилиана.

И вот большие батальоны маленького капитана успешно прошагали по всем столицам Европы от Мадрида до Москвы. Но батальонами командовали не революционные генералы, а те, кто в 1793 г. служили рядовыми или младшими офицерами. А революционные генералы сложили головы на плахе, эмигрировали, отсиживались в своих имениях во Франции или, в лучшем случае, занимались канцелярской работой в военном министерстве.

Не только красные, но и белые революционные генералы оказались ненужными в современной войне. Эмигрантские офицеры и генералы буквально толпами рвались попасть на любую войну. Они сражались во французских колониях в составе Иностранного легиона, в Албании, в войсках князя Ахмет-Бей-Зогу, в гражданской войне в Парагвае, в Китае в армии Чан Кайши и в армиях нескольких «милитаристов» (полевых командиров, контролировавших ряд провинций Поднебесной), ну и наконец в Испании.

Да, многие офицеры проявили личную храбрость, но где – знание стратегии? Почему не выдвинулся ни один русский генерал?

А почему в 1939—1945 гг. ни немцы, ни итальянцы, ни японцы не брали в стратеги таких талантливых русских генералов? Краснов, Шкуро, Семенов... Они использовались Германией и Японией не как стратеги, а как вербовщики и организаторы вспомогательных частей из русских военнопленных и эмигрантов. В известной степени этих персонажей можно назвать «свадебными генералами».

Ну а остальные? Не хотели, безговали сотрудничать с немцами, занимали принципиальные антифашистские позиции? Спору нет, отдельные простые русские эмигранты воевали против немцев в партизанских отрядах. Но кто из титулованных особ или генералов был среди партизан? Никто!

Любопытный момент – сразу после окончания войны генералы и титулованные особы, как тараканы, разбежались с насиженных мест. Из Франции уехали генерал Деникин и «царь Кирюха», первый – в США, второй – во франкистскую Испанию. Великая княгиня Ольга

Александровна с мужем Николаем Куликовым из Дании перебрались в Канаду и т. п. Почему? Причина одна: боялись расправы со стороны местного населения. Как же так? Ведь они там жили десятилетиями и имели отличные отношения с соседями. Позже они будут писать, что, мол, не любили немцев и т. п. Но никто из августейших персонажей и кукиша не показал германскому солдату. Они действительно не любили Гитлера: ждали, что он их позовет, но ведь не позвал, нахал эдакий. Тогда они сами начали налаживать контакты с офицерами из армии Власова и другими русскими, воевавшими на стороне Гитлера.

Местное население восприняло это однозначно как коллаборационизм и открыто проявляло вражеские чувства. В итоге генералы и августейшие персоны отправились куда подальше, где их не знали.

К великому сожалению обывателей, Петр Николаевич Врангель – не вождь эксплуататорских классов и не белый рыцарь, а всего лишь заурядный кавалерийский ротмистр, случайно оказавшийся революционным генералом. На его месте могли оказаться тысячи других ротмистров или поручиков, к примеру, тот же персонаж Льва Толстого Алексей Вронский. Вспомним: гвардия, пьяные пирушки, конный спорт, безразличие к политике и экономике.

И вот рухнуло самодержавие. Большевики и националисты всех мастей прекрасно знали, что делать. Благо, они готовились к революции десятилетия. Ротмистры же и поручики заметались. Они не мыслили вне строго определенного круга своих интересов. Мы знаем, Врангель пытался пойти на службу то к татарскому курултаю, то к гетману Скоропадскому, и, наконец, его течением прибывает к Деникину. Врангель делает карьеру в Добрармии. Его отличают личная храбрость и знание тактики на уровне ротмистра. А главное, рядом такие же как он Вронские.

Врангель настойчиво предлагал Деникину форсировать Волгу в районе Царицына и двигаться через безводные степи на соединение с Колчаком, который был уже на Урале. Если бы Антон Иванович послушал барона, Гражданская война закончилась бы летом – осенью 1919 г.

Крымское же сидение Врангеля и его вылазки в Северную Таврию и на Кубань стали возможны не из-за гениальной стратегии барона, а из-за тяжелой войны с Польшей. Заключи Пилсудский мир с большевиками в конце 1919 г., и уже в марте 1920 г. Красная Армия была бы в Севастополе, и о Врангеле наш обыватель знал бы столько же, сколько о генерала Шиллинге или Романовском. А поскольку у барона не было адъютанта Макарова, он бы не попал даже в знаменитый телефильм, как генерал Май-Маевский.

У Врангеля была возможность заключить мир с Советской Россией и сделать Крым независимым государством. К этому его призывали и местная буржуазия, и правительство Англии. Большевики же в тот период охотно заключали невыгодные мирные договоры.

Врангель проиграл войну. Каков же результат? Побитый барон с ноября 1920 г. стал утверждать, что он вместе с Колчаком и Деникиным спас Западную Европу и все «прогрессивное человечество» от порабощения большевиками. Представим себе на секунду, что генерал Слащев не смог защитить Перекоп в конце 1919 г. Крым занимают большевики, и уже в 1920 г. Красная Армия вступает в Париж. А матросы Дыбенко и Раскольников высаживают десант в Нью-Йорке.

Самое забавное, что подобный бред и сейчас повторяют наши историки-образованцы.

Каков же результат врангелевского сидения в Крыму, а затем в Галлиполи? Крымское сидение дало России не менее полумиллиона боевых и санитарных потерь с обеих сторон. Полностью была разрушена инфраструктура Северной Таврии и Крыма. Разрушены города, уничтожены железнодорожные станции, поездной состав. Угнан Черноморский торговый и военный флот.

Из-за наличия Южного фронта Советская Россия была вынуждена заключить с Польшей унижительный мир. Польша получила огромную контрибуцию золотом, паровозами и т. д., включая даже музейные ценности. А главное, полякам пришлось отдать западные части Украины и Белоруссии.

Сидение в Галлиполи привело к потере еще одного большого куска Российской империи – Карской и Ардаганской областей, населенных в значительной части армянами, грузинами и русскими. Чтобы выставить врангелевцев, англичан и французов из Проливов, большевикам опять пришлось заплатить золотом и землей, но на сей раз не ляхам, а туркам.

Галлиполийское сидение и создание РОВСа принесло неисчислимые беды среднему классу России, как на родине, так и в эмиграции. ВЧК, а позже ОГПУ в ответ на шантаж и диверсии РОВСа устроили массовые репрессии внутри страны. А за рубежом жизнь тысяч эмигрантов превратилась в жалкое существование, сидение на чемоданах в ожидании нового похода на Москву.

Ну что ж, можно поставить нашему барону десяток памятников в «демократической» России. Можно ради экономии использовать пьедесталы памятников Ленину, а можно просто голову заменить, да еще «черкеску» одеть! А можно барона с помпой перезахоронить в Донском

монастыре рядом с Деникиным. Представить картинку: встают из гробов по ночам генералы и ну давай лаяться!

Все это было бы очень смешно, если бы не было столь грустно. Белый реванш не сможет отвлечь народ от провалов правительства в экономике и внешней политике. Наоборот, вместо сплочения населения возникает еще большая политическая напряженность в обществе. История всегда жестоко мстит тем, кто пытается ее насилловать.

Российская империя рухнула не по вине кучки большевиков, сидевших в Женеве, Нью-Йорке, а в большинстве своем «во глубине сибирских руд», а потому, что слабоумный персонаж с уровнем гвардейского поручика попытался править огромной империей, как своим поместьем. А потом столь же скудоумные поручики и ротмистры стали с помощью виселиц восстанавливать... сами не зная, чего.

В своей книге я почти не опирался на советские источники, предпочитая им эмигрантские. Этим я и закончу.

Январь 1933 года. Маленький французский городок Ментона на Лазурном берегу. Там тихо умирает брошенный всеми старик, бывший полный адмирал Российского флота, бывший «отец русской авиации», бывший владелец роскошных дворцов и имений, бывший археолог и владелец уникальной коллекции античных древностей. Все это у него отняли большевики, а за рубежом он оказался никому не нужен. В жизни его остались лишь мемуары. Он выводит слабеющей рукой: «Мне пришлось в голову, что хотя я и не большевик, однако не мог согласиться со своими родственниками и знакомыми и безоглядно клеймить все, что делается Советами только потому, что это делается Советами. Никто не спорит, они убили трех моих родных братьев, но они также спасли Россию от участи вассала союзников.

Некогда я ненавидел их, и руки у меня чесались добраться до Ленина или Троцкого, но тут я стал узнавать то об одном, то о другом конструктивном шаге московского правительства и ловил себя на том, что шепчу: “Браво! ” Как все те христиане, что “ни холодны, ни горячи”, я не знал иного способа излечиться от ненависти, кроме как потопить ее в другой, еще более жгучей. Предмет последней мне предложили поляки.

Когда ранней весной 1920го я увидел заголовки французских газет, возвещавшие о триумфальном шествии Пилсудского по пшеничным полям Малороссии, что-то внутри меня не выдержало, и я забыл про то, что и года не прошло со дня расстрела моих братьев. Я только и думал: “Поляки вот-вот возьмут Киев! Извечные враги России вот-вот отрежут империю от ее западных рубежей! ” Я не осмелился выразаться открыто, но, слушая

вздорную болтовню беженцев и глядя в их лица, я всей душою желал Красной Армии победы.

Не важно, что я был великий князь. Я был русский офицер, давший клятву защищать Отечество от его врагов. Я был внуком человека, который грозил распахать улицы Варшавы, если поляки еще раз посмеют нарушить единство его империи. Неожиданно на ум пришла фраза того же самого моего предка семидесятидвухлетней давности. Прямо на донесении о “возмутительных действиях” бывшего русского офицера артиллерии Бакунина, который в Саксонии повел толпы немецких революционеров на штурм крепости, император Николай I написал аршинными буквами: “Ура нашим артиллеристам! ”

Сходство моей и его реакции поразило меня. То же самое я чувствовал, когда красный командир Буденный разбил легионы Пилсудского и гнал его до самой Варшавы. На сей раз комплименты адресовывались русским кавалеристам, но в остальном мало что изменилось со времен моего деда.

– Но вы, кажется, забываете, – возразил мой верный секретарь, – что, помимо прочего, победа Буденного означает конец надеждам Белой Армии в Крыму.

Справедливое его замечание не поколебало моих убеждений. Мне было ясно тогда, беспокойным летом двадцатого года, как ясно и сейчас, в спокойном тридцать третьем, что для достижения решающей победы над поляками Советское правительство сделало все, что обязано было бы сделать любое истинно народное правительство. Какой бы ни казалось иронией, что единство государства Российского приходится защищать участникам III Интернационала, фактом остается то, что с того самого дня Советы вынуждены проводить чисто национальную политику, которая есть не что иное, как многовековая политика, начатая Иваном Грозным, оформленная Петром Великим и достигшая вершины при Николае I: защищать рубежи государства любой ценой и шаг за шагом пробиваться к естественным границам на западе! Сейчас я уверен, что еще мои сыновья увидят тот день, когда придет конец не только нелепой независимости прибалтийских республик, но и Бессарабия с Польшей будут Россией отвоеваны, а картографам придется немало потрудиться над перечерчиванием границ на Дальнем Востоке...

...Я спрашивал себя со всей серьезностью, какой можно было ожидать от человека, лишённого значительного состояния и ставшего свидетелем уничтожения большинства собратьев: “Могу ли я, продукт империи, человек, воспитанный в вере в непогрешимость государства, по-прежнему осуждать нынешних правителей России? ”

Ответ был и “да” и “нет”. Господин Александр Романов кричал “да”. Великий князь Александр говорил “нет”. Первому было очевидно горько. Он обожал свои цветущие владения в Крыму и на Кавказе. Ему безумно хотелось еще раз войти в кабинет в своем дворце в С. – Петербурге, где несчетные книжные полки ломились от переплетенных в кожу томов по истории мореплавания и где он мог заполнить вечер приключениями, лелея древнегреческие монеты и вспоминая о тех годах, что ушли у него на их поиски.

К счастью для великого князя, его всегда отделяла от господина Романова некая грань. Обладатель громкого титула... попросту обязан был положиться на свою коллекцию традиций, банальных по сути, но удивительно действенных при принятии решения. Верность родине. Пример предков. Советы равных. Оставаться верным России и следовать примеру предков Романовых, которые никогда не мнили себя больше своей империи, означало допустить, что Советскому правительству следует помогать, не препятствовать его экспериментам и желать успеха в том, в чем Романовы потерпели неудачу». [\[130\]](#)

Великий князь Александр Михайлович скончался 26 февраля 1933 г. В 1939 г. советские танки вошли в Брест и Львов, в 1940 г. – в Ревель, Ригу, Вильно и Кишинев, в 1945 г. – в Варшаву, Будапешт, Вену, Прагу, Берлин, Харбин и Порт-Артур. В том же году в Москве за сотрудничество с фашистами повешены генералы Краснов, Шкуро и Семенов.

Список использованной литературы

Алтабаева Е.Б. Смутное время: Севастополь в 1917—1920 годах. Севастополь: Телескоп, 2004.

Белые бронепоезда в Гражданской войне / ред. – сост. Г. Пернавский. М.: Яуза, Эксмо, 2007.

Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков: Калейдоскоп; М.: Прогресс-Традиция, 1997.

Боевой путь советских вооруженных сил / Под ред. В.Ф. Воробьева. М.: Воениздат, 1960.

Бузина О. Тайная история Украины-Руси. Киев: Довіра, 2007.

Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания, М.: Захаров, АСТ, 1999.

Великий князь Кирилл Владимирович. Моя жизнь на службе России. СПб.: Лики России, 1996.

Волков С.В. Энциклопедия Гражданской войны. Белое движение. СПб.: Издательский дом «Нева»: М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.

Врангель П.Н. Записки. Берлин, 1928.

Гражданская война в России: оборона Крыма. М.: АСТ, СПб.: Terra Fantastica, 2003.

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1983.

Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т.3. Юго-запад / Под ред. А.А. Соболева, Ленинград. 1925.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Париж, 1921.

Деникина М.А. Генерал Деникин. Воспоминания дочери. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2004.

Иванов В.Б. Тайны Севастополя. Кн. 1. Тайны земные. Севастополь: КИЦ «Севастополь», 2005.

История отечественной артиллерии. Т. 3. Артиллерия Советской Армии до Великой Отечественной войны (Октябрь 1917 – июнь 1941 гг.). Кн. 7. Советская артиллерия в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны в СССР (1917—1920 гг.), М. – Л-д: Воениздат, 1963.

Какурин Н.Е., Вацетис И.И. Гражданская война. 1918—1921. СПб.: Полигон, 2002.

Калинин И. Русская Вандея. М. – Л-д, 1926.

Карпенко С.В. Очерки истории Белого движения на Юге России (1917

—1920 гг.). М.: Издательство Ипполитова, 2006.

Лехович Д.В. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М.: Воскресенье, 1992.

Лукомский А.С. Воспоминания. Берлин, 1922.

Маковский А.А. Радченко Б.М. Каспийская Краснознаменная. М.: Воениздат, 1982.

Назаров М.В. Кто наследник Российского Престола? М.: Русская идея, 1996.

Пивовар Е.И. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20х годов. М.: Издательство историко-архивного института РГГУ, 1994.

Платонов О.А. Николай Второй в секретной переписке. М.: Алгоритм, 2005.

Покровский Г. Деникинщина: Год политики и экономики на Кубани (1918—1919 гг.). Берлин, 1923.

Революция и Гражданская война в описаниях белогвардейцев. М.: Отечество, 1991.

Русская военная эмиграция 20х – 40х годов. Документы и материалы. М.: Гей, 1998.

Слащёв-Крымский Я.А. Белый Крым. 1920 г. Мемуары и документы. М.: Наука, 1990.

Советское военно-морское искусство. Сборник статей / Под ред. Р.Н. Мордвинова. М.: Военмориздат, 1951.

Соколов А.А. Обесценение денег, дороговизна и перспективы денежного обращения в России. Екатеринбург, 1920.

Субтельный О. Украина. История. Киев: Либідь, 1994.

Флот в Белой борьбе / Составит. С.В. Волков. М.: ЗАО Центр-полиграф, 2002.

Хайрулин М.А., Кондратьев В.И. Военлеты погибшей империи. Авиация в Гражданской войне. М.: Эксмо, Яуза, 2008.

Ширинская А.А. Бизерта. Последняя стоянка. М.: Военное издательство, 1999.

Широкопад А.Б. Наша великая мифология: Четыре гражданских войны с XI по XX век. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2008.

Широкопад А.Б. Тайная история России. М.: Вече, 2007.

Широкопад А.Ю. Черноморский флот в трех войнах и трех революциях. М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2007

Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1987

Приложения

П.Н. Врангель и А.П. Богаевский на молебне.

Генерал П.Н. Врангель с самым младшим кадетом Первого русского кадетского корпуса в Югославии.

Я.А. Слащёв. 1913 г.

Великий князь Николай Николаевич (младший)

Генерал А.П. Кутепов.

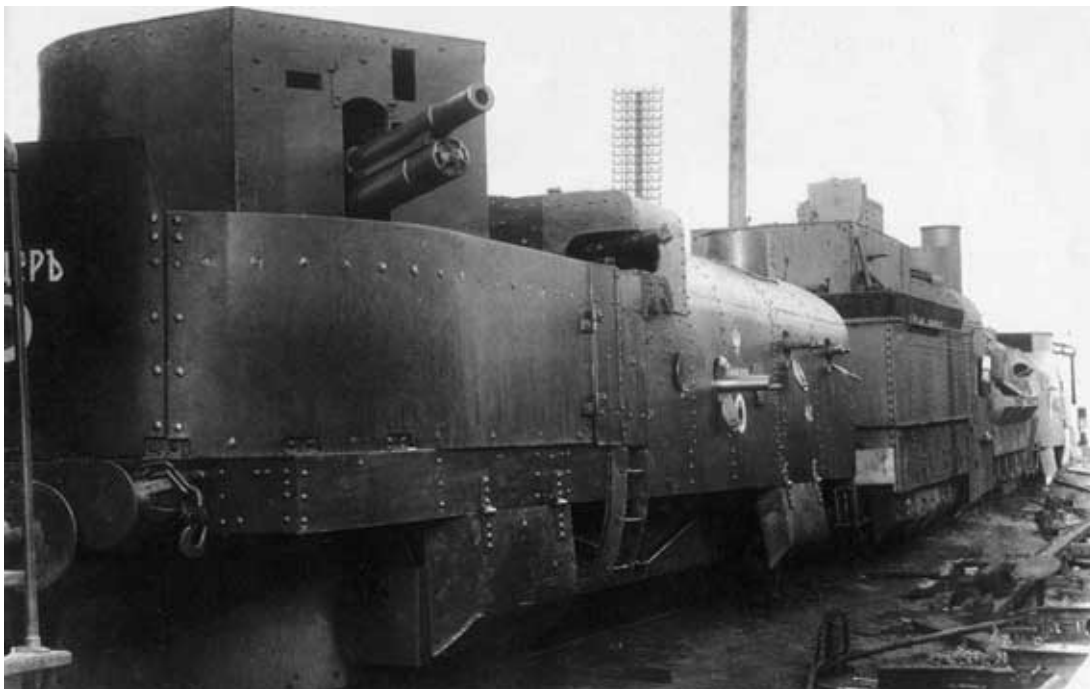
Генерал-лейтенант В.З. Май-Маевский в дроздовской форме.

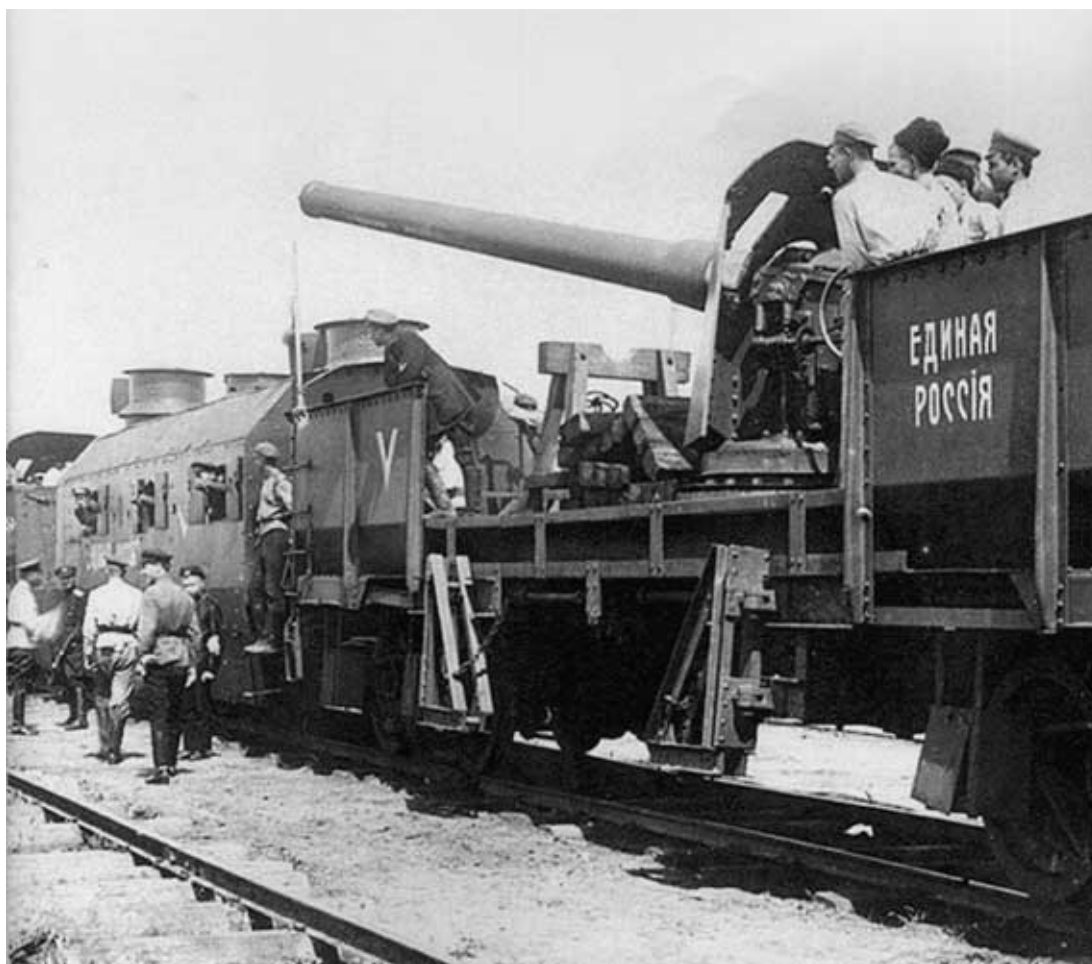
Председатель РОВСа генерал Е.К. Миллер. Париж. 1920-е гг.

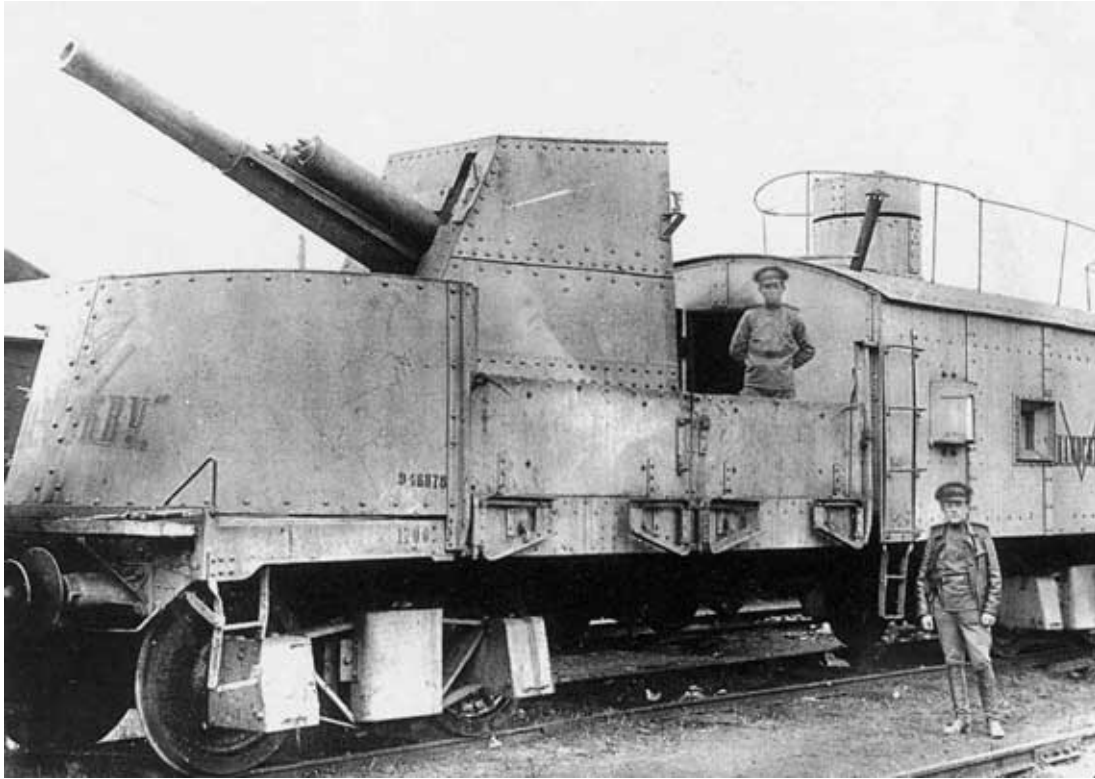
**Член кубанского правительства священник А.И. Калабухов,
повешенный белыми за сепаратизм.**

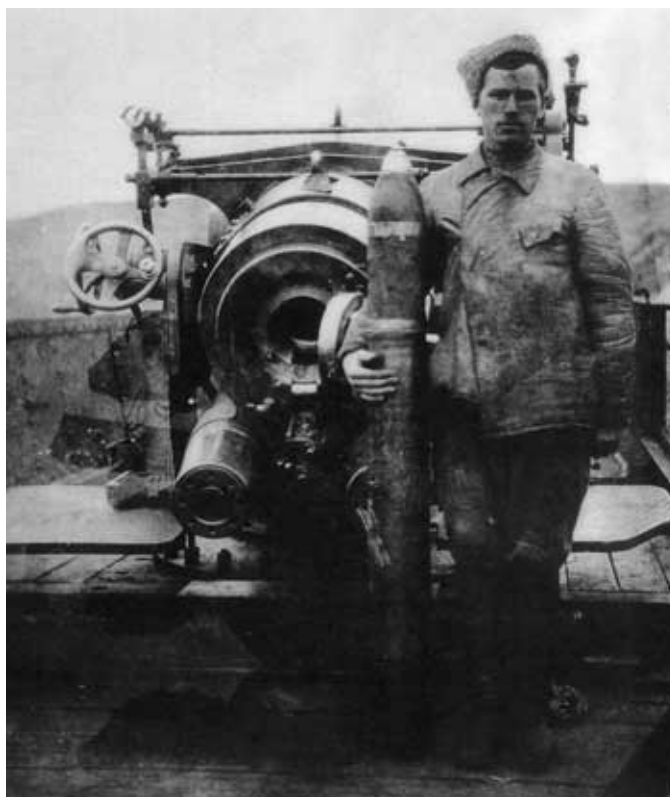
Бронепоезд «Офицер». Ростов-на-Дону. 1919 г.

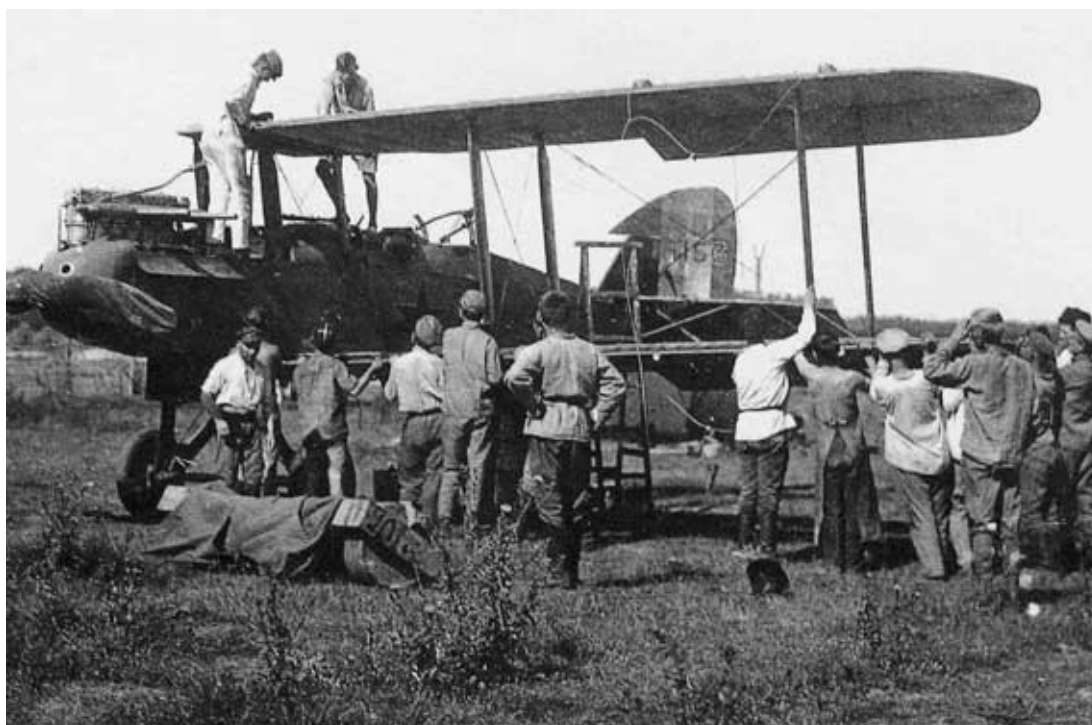
Белогвардейский бронепоезд «Единая Россия»

Бронепоезд «На Москву», захваченный красными в Новороссийске. 1920 г.

Артиллерист белогвардейского бронепоезда.

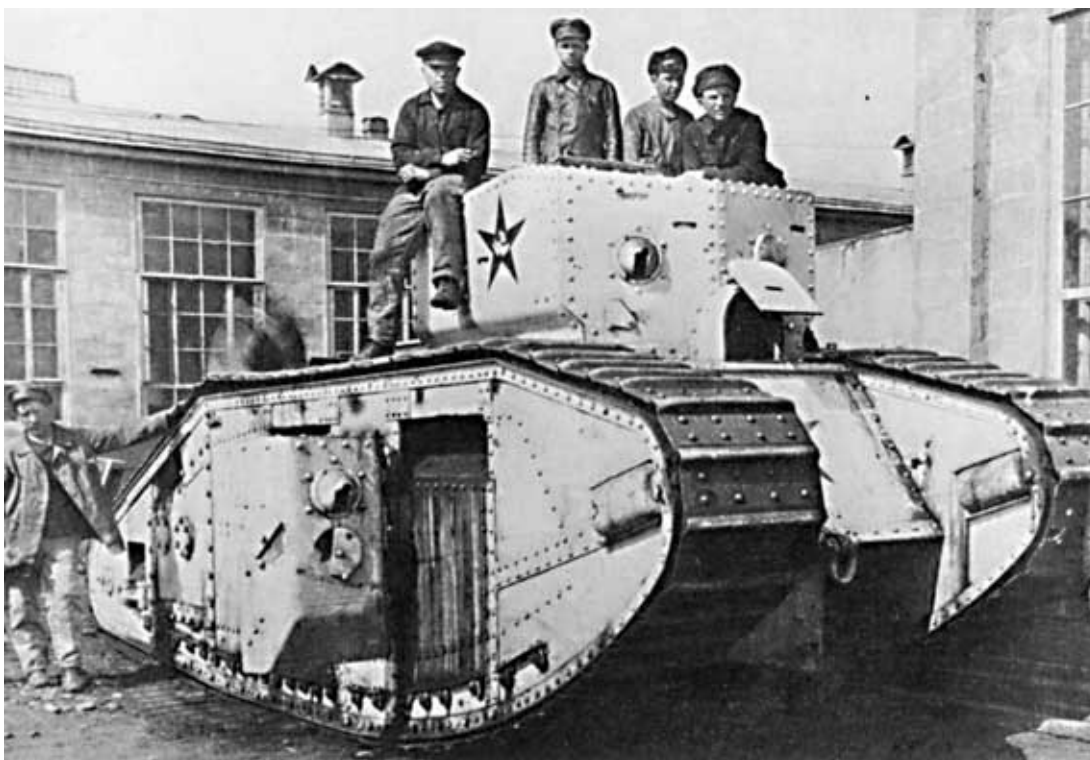
Трофейный бомбардировщик «Де Хэвиллэнд»

Врангелевские летчики.

Командующий Донской армией генерал Сидорин у прибывших на фронт танков. 1919 г.

Трофейный английский танк Mk.V на авторемонтном заводе в

Москве. 1921 г.

**Надпись на памятной доске на Графской пристани в Севастополе:
«В память о соотечественниках, вынужденных покинуть родину в
ноябре 1920 г.»**

Крейсер «Генерал Корнилов» (бывший «Очаков») в Бизерте.

Подводные лодки «Тюлень» (с цифрой 7 на борту) и «Утка» (с цифрой 9) в ожидании разборки. Бизерта. Конец 1920-х гг.

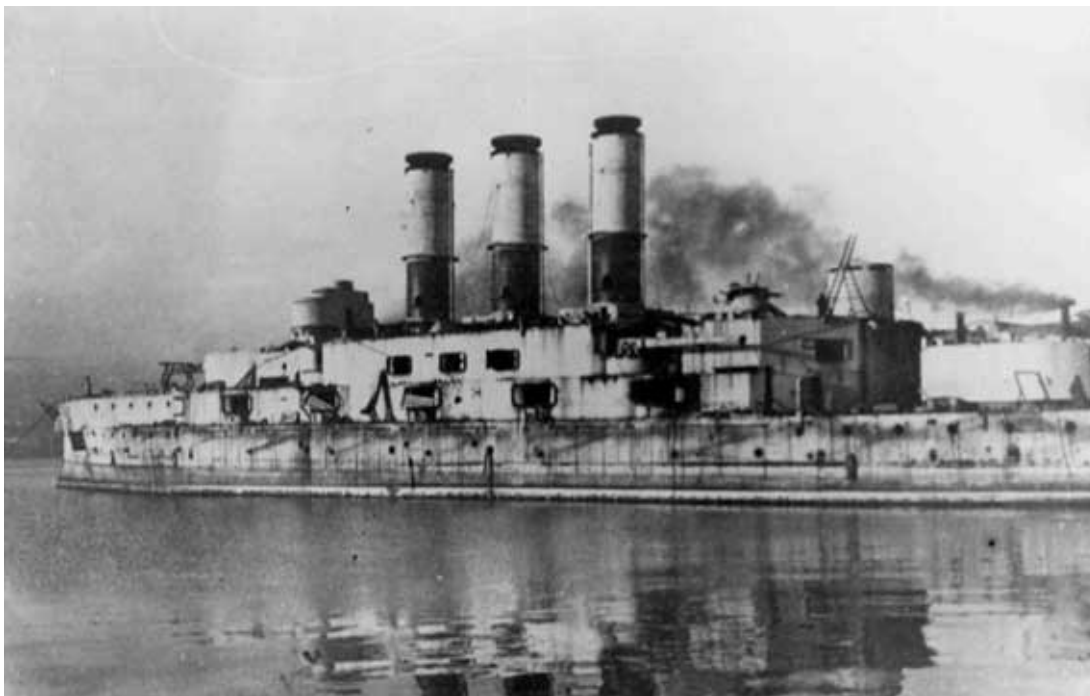
Курсанты Корниловского военного училища в Болгарии.

ШТАБЪ — ОФИЦЕРСКИЙ РЕЗЕРВЪ.

— „Да на кой хрънъ Вы, Иванъ Петровичъ ѣхали сюда, коли Вы въ винтъ и то играть не умѣете! Оставались — бы, лучше у большевиковъ! . . .“.

Карикатура из юмористического сборника, издававшегося на острове Лемнос. 1921 г.

Красные разбирают броненосец «Иоанн Златоуст» в Севастополе. А ведь это мог сделать Врангель, и отправить его пушки и броню на Перекоп.

Победители Врангеля. Художник Ф.Г. Кричевский.

Сиваш. Художник М.И. Самсонов.

Бегство врангелевцев. Художник Н.С. Самокиш.

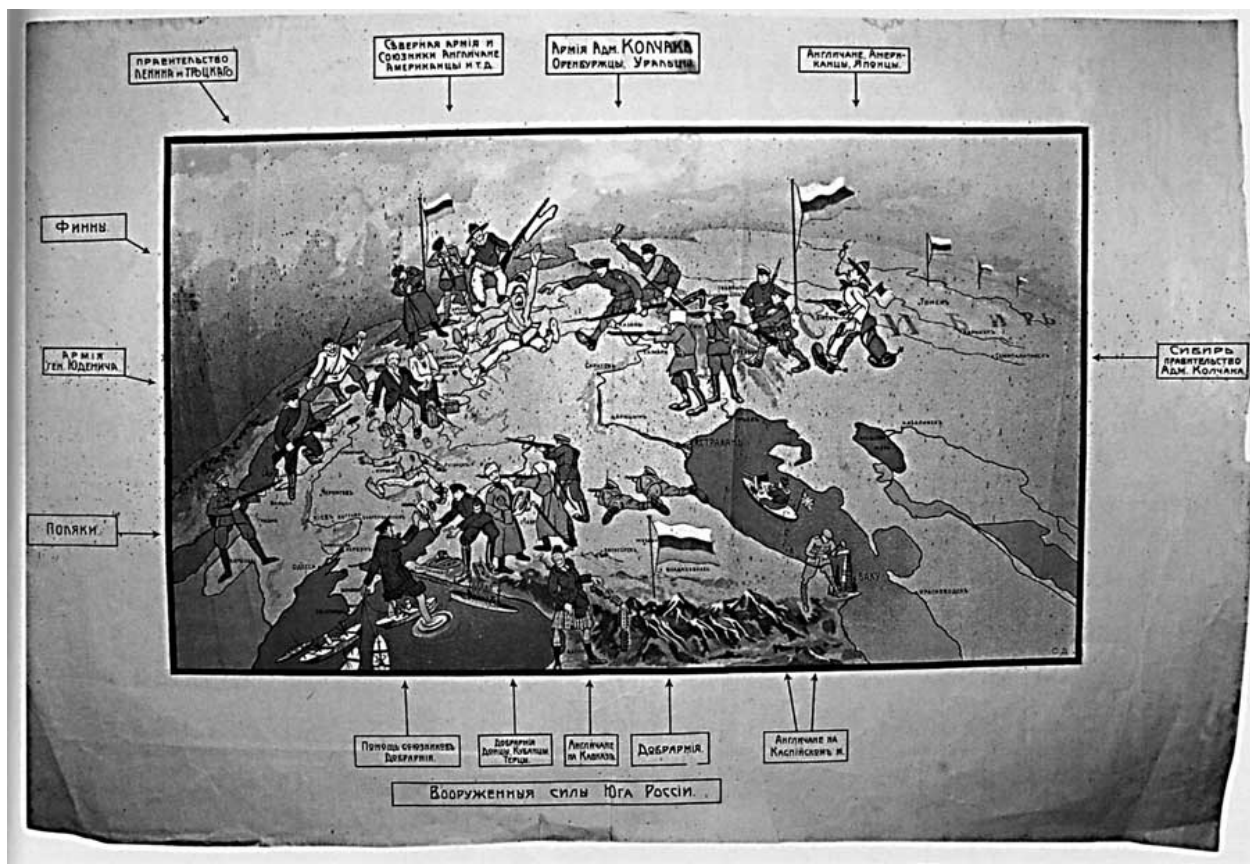
Плакат художника Н.М. Кочергина. 1920 г.

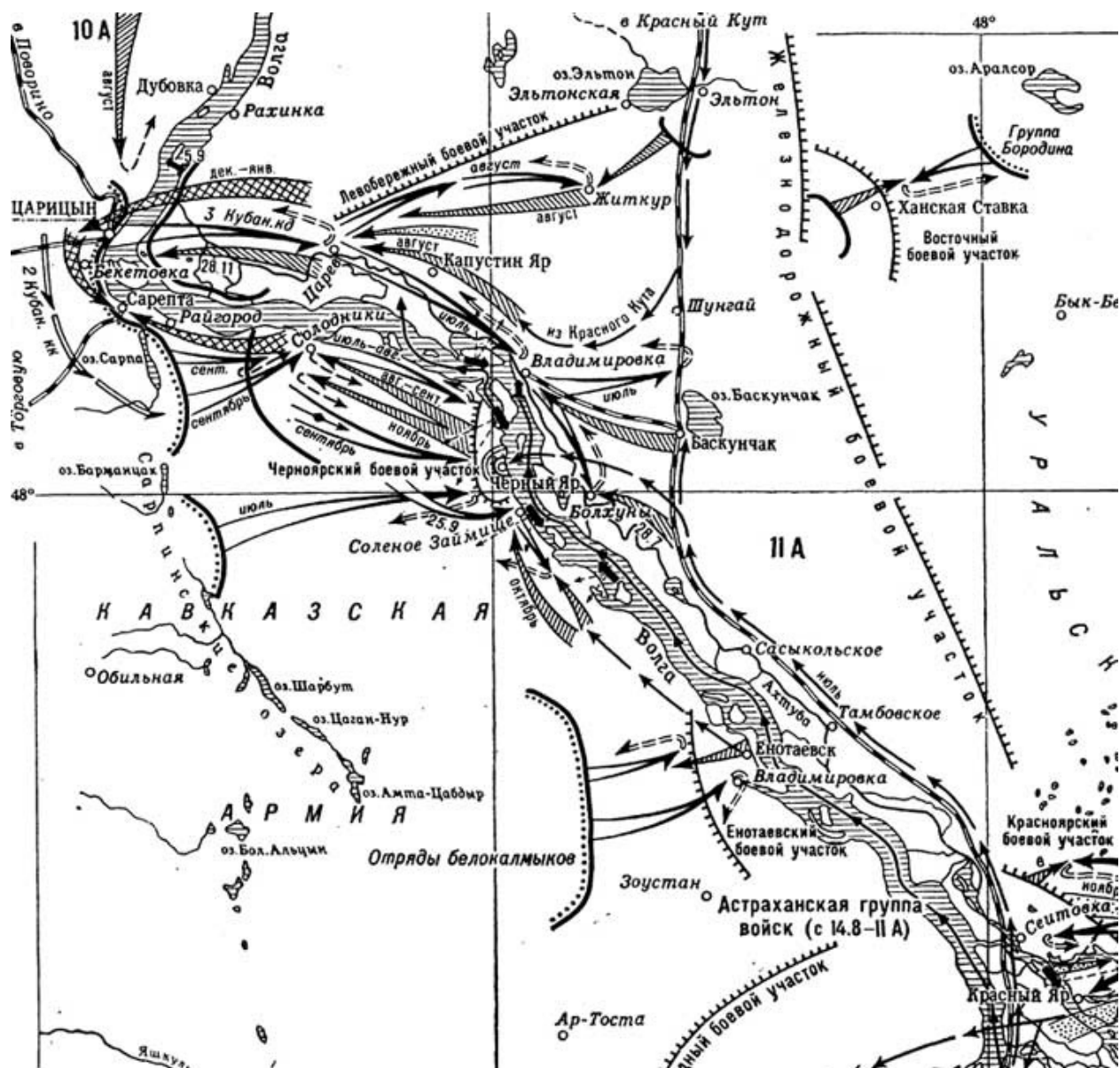
Плакат художника Д.С. Моора. 1920 г.

Плакат Добровольческой армии.

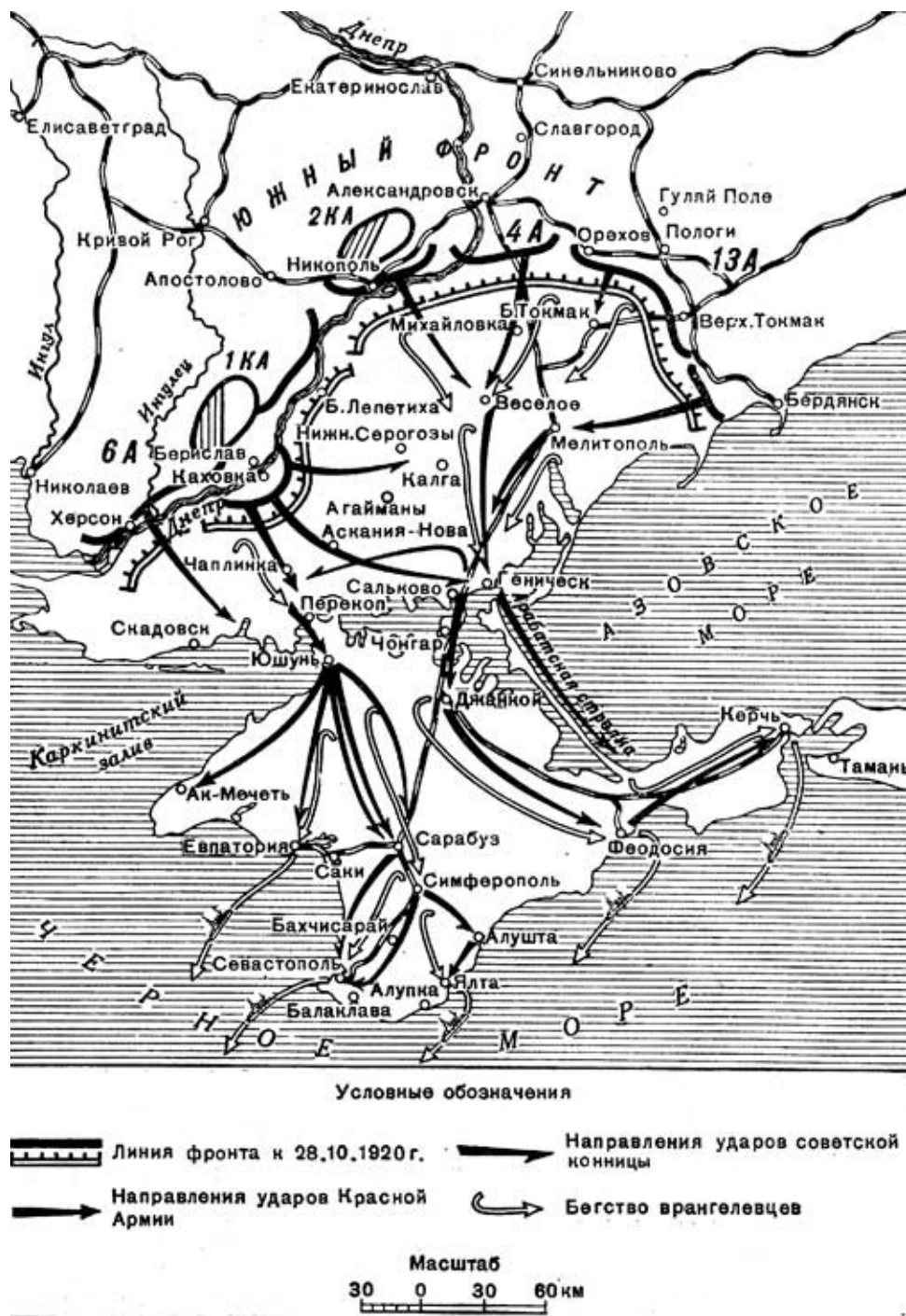
Белогвардейский плакат, изображающий состав антибольшевистских сил. 1919 г.

Оборона Астрахани. Июль 1919 г. – январь 1920 г.

**Оборонительные укрепления Русской армии в северной части
Крыма.**

Карта заключительного этапа разгрома войск Врангеля

notes

Примечания

Платонов О.А. Николай Второй в секретной переписке. М.: Алгоритм, 2005. С. 645.

Там же. С. 373.

Там же. С. 471.

Дело в том, что в государствах Европы под самодержавием понималась монархия, где государь по своей воле создавал законы, а затем управлял страной в рамках этих законов.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 31. С. 11—12.

Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков: Калейдоскоп; М.: Прогресс-Традиция, 1997.

Карпенко С.В. Врангель Петр Николаевич. //Документы сайта
http://www.nivestnik.ru/2001_1/16.shtml

Врангель П.Н. Записки. Берлин, 1928.

Наши историки делают ошибку, считая Францию до конца XVIII века унитарным государством. Таковым его сделали Великая Французская революция и Наполеон. До 1789 г. это была «федерация провинций» под властью короля. В каждой провинции имелся свой парламент, свои законы, свои меры длины и веса, а в отдельных провинциях – Лотарингии, Гаскони, Бретони и др. – свой язык.

Большевики «среди бела дня» не захватывали дворец Кшесинской. Матильда стала жертвой собственного тщеславия. В ее дворце имелся большой гараж, где стояли два ее личных автомобиля и несколько экипажей. Именно этот гараж и автомастерская и привлекли солдат запасного бронедивизиона. Второй же этаж пустовал, и солдаты отдали его Петроградскому комитету большевиков.

Лехович Д.В. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М.: Воскресенье, 1992. С. 151—152.

Лехович Д.В. Указ. соч. С. 155—156.

Там же. С. 159.

Врангель П.Н. Записки. С. 231.

Гидрокрейсер «Румыния» (база гидросамолетов) – бывший румынский пароход водоизмещением 4500 т. Скорость 16 уз. Вооружение: четыре 152/45мм и одна 75/50-мм пушки.

Субтельный О. Украина. История. Киев: Либідь, 1994. С. 440.

Бузина О. Тайная история Украины-Руси. Киев: Довіра, 2007. С. 306—306.

Улагай Сергей Георгиевич родился в 1875 г. в семье офицера. С 12 ноября 1918 г. генерал-майор. С 1919 г. генерал-лейтенант. Умер 20 марта 1947 г. в Марселе.

Цит. по: *Лехович Д.В.* Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. С. 210.

Там же. С. 210—211.

Цит. по: *Лехович Д.В.* Указ соч. С. 234.

Там же. С. 235.

Там же.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Париж, 1922. Т. IV. С. 95.

Там же. С. 94.

Соколов А.А. Обесценение денег, дороговизна и перспективы денежного обращения в России. Екатеринодар, 1920. С. 192—193.

ВСЮР – Вооруженные Силы Юга России, образованы 26 декабря 1918 г. в результате соглашения между командующим Добровольческой армии А.И. Деникиным и Донским атаманом П.Н. Красновым.

Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т.III. Юго-запад / Под ред. А.А. Соболева, Ленинград. 1925. С. 87.

См.: *Калинин И.* Русская Вандея. М. – Л-д, 1926. С. 172—173.

Здесь речь идет лишь о Белом движении на Юге России.

Карпенко С.В. Очерки истории Белого движения на Юге России (1917—1920 гг.). М.: Издательство Ипполитова, 2006. С. 173—174.

Покровский Г. Деникинщина: Год политики и экономики на Кубани (1918—1919 гг.). Берлин, 1923. С. 185—187.

Лукомский А.С. Воспоминания. Берлин, 1922. Т. II. С. 199—200.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 112, 230.

Карпенко С.В. Очерки истории Белого движения на Юге России (1917—1920 гг.). С. 310.

Лехович Д.В. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. С. 213.

Там же.

Цит. по: *Алтабаева Е.Б.* Смутное время: Севастополь в 1917—1920 годах. Севастополь: Телескоп, 2004. С. 177—178.

Цит. по: *Алтабаева Е.Б.* Указ. соч. С. 178.

Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т. III. С. 25.

Алтабаева Е.Б. Смутное время: Севастополь в 1917—1920 годах. С. 208.

Флот в Белой борьбе / Составит. С.В. Волков. М.: ЗАО Центрполиграф, 2002. С. 86.

Дмитрий Ильич Ульянов (1874—1943). Младший брат В.И. Ленина. В 1901 г. окончил медицинский факультет Юрьевского университета. Член РСДРП(б) с 1903 г. В 1911—1914 гг. санитарный врач Феодосийского уезда. С августа 1914 г. по май 1917 г. врач Севастопольского крепостного госпиталя. С декабря 1917 г. по мая 1918 г. член Таврического комитета РСДРП(б), редколлегии газеты «Таврическая правда». В 1918—1919 гг. в партийном подполье Крыма. С апреля 1919 г. член Евпаторийского Комитета РКП(б). В мае 1919 г. председательствующий СНК СССР, нарком здравоохранения и соцобеспечения. В 1920—1921 гг. член Крымского обкома РКП(б) и ревкома, возглавил первое Центральное Управление курортами Крыма. С 1921 г. в Наркомздраве, возглавил сануправление Крыма.

Лехович Д.В. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. С. 220.

Ленин В.И. Сочинения. Т. 31. С. 281—282.

Там же. Т. 24. С. 545.

Название «лимитрофы» произошло от латинского слова «лимитрофус» (пограничный, питающий). В Западной Европе самостийные государства, созданные на территории бывшей Российской империи, окрестили лимитрофами, по аналогии с государственными образованиями по краям Римской империи.

Бабиев Николай Гаврилович родился в 1887 г. в семье казачьего офицера. 18 июня 1919 г. получил звание генерал-лейтенанта. В русской армии начальник 1-й Кубанской казачьей дивизии. Убит 30 сентября 1920 г. у села Шолохово.

Легкие бронепоезда вооружались 76-мм полевыми, реже горными пушками, в отдельных случаях – 122-мм гаубицами. Тяжелые бронепоезда вооружались морскими пушками калибра 102/60-мм и 152/45-мм пушками Кане. В отдельных случаях на тяжелые белые бронепоезда ставились 127-мм британские пушки.

Южнее Царицына, ныне в черте города Волгограда.

Из доклада т. Ефимова. ДДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15.

Любопытно, что в справочнике С.С. Бережного «Корабли и вспомогательные суда советского военно-морского флота (1917—1927 гг.)» на с. 323 говорится о гибели в бою 26 сентября 1919 г. парохода «Братья Сафоновы». Понятно, что верить следует Н. Ульянову (Хроника действий Волжско-Камской военной флотилии и отрядов судов за 1918—1920 гг., Горький, 1934.), составленной участником описываемых событий.

Орудийный (пушечный) завод – будущий завод «Баррикады». Французский завод – с 1930 г. Сталинградский тракторный завод, позже присвоено имя Дзержинского.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. V. С. 120.

Деникин А.И. Указ соч. С. 164.

Деникин А.И. Указ соч. С. 169.

Деникин А.И. Указ соч. С. 174—175.

Там же. С. 181—182.

Слащёв-Крымский Я.А. Белый Крым. 1920 г. Мемуары и документы. М.: Наука, 1990. С. 42.

Слащёв-Крымский Я.А. Указ. соч. С. 43, 44.

Слащёв-Крымский Я.А. Указ. соч. С. 54—55.

Деникина М.А. Генерал Деникин. Воспоминания дочери. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2004. С. 211.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. V. С. 270.

Слащёв-Крымский Я.А. Указ. соч. С. 271.

Слащёв-Крымский Я.А. Указ. соч. С. 272—274.

Там же. С. 274.

Варнек П. У берегов Кавказа в 1920 году // Флот в Белой борьбе. С. 186.

Слащёв-Крымский Я.А. Белый Крым, 1920. // Гражданская война в России: Оборона Крыма. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 73.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. V. С. 282.

Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. К 75-летию окончания Гражданской войны. Материалы сайта www.moscow-crimea.ru/history/20vek/zarubiny/glava5.html

Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы.
Т. I. Так начиналось изгнание. 1920—1922 гг. Кн. 1. Исход. М.: Гея, 1998.
С. 121, 122.

РГВА. Ф. 109. Оп. 3. Д. 291.

Оболенский В.А. Крым при Врангеле / Революция и Гражданская война в описаниях белогвардейцев. М.: Отечество, 1991. С. 63—64.

Карпенко С.В. Очерки истории Белого движения на Юге России (1917—1920 гг.). С. 344.

Оболенский В.А. Крым при Врангеле. С. 11—12.

Карпенко С.В. Очерки истории Белого движения на Юге России (1917—1920 гг.). С. 347—348.

Там же. С. 349.

Там же. С. 350.

ГА РФ. Ф. 356. Оп. 1. Д. 27.

ГА РФ. Ф. 356. Оп. 1. Д. 1.

«Крестьянский путь». 2 сентября 1920 г.

РГВА. Ф. 109. Оп. 3. Д. 269, 279. «Вечернее слово», 1 августа 1920 г.

Карпенко С.В. Очерки истории Белого движения на Юге России (1917—1920 гг.).

Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы.
Т. I. Так начиналось изгнание. 1920—1922 гг. Кн. 1. Исход. М.: Гея, 1998. С.
155.

Марковская дивизия (Офицерская генерала Маркова дивизия) – сформирована 14 октября 1919 г. на базе Марковских полков 1-й пехотной дивизии Вооруженных Сил Юга России (Деникинской армии). В середине января 1920 г. насчитывала 641 офицера и 1367 солдат. Дивизия названа в честь Маркова Сергея Леонидовича. Марков к 1917 г. генерал-лейтенант, начальник штаба Юго-Западного фронта. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Убит 12 июня 1918 г. у станции Шаблиевка.

Слащёв-Крымский Я.А. Белый Крым. 1920 г. Мемуары и документы.
С.100.

Какурин Н.Е., Вацетис И.И. Гражданская война. 1918—1921. СПб.: Полигон, 2002. С. 614.

История отечественной артиллерии. Т. III. Артиллерия Советской Армии до Великой Отечественной войны (Октябрь 1917 – июнь 1941 гг.). Кн. 7. Советская артиллерия в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны в СССР (1917—1920 гг.), М. – Л-д: Воениздат, 1963. С. 608—609.

В русской крепостной артиллерии были 152-мм пушки образца 1877 г. весом в 190 и 120 пудов, и их так официально именовали.

История отечественной артиллерии. Т. III. Кн. 7. С. 610—613.

Возможно, там было сколько-то 76-мм горных пушек обр. 1909 г., но снаряды для них были одинаковые с полевыми, лишь меньше дальность стрельбы.

Старый бронепоезд «Иоанн Калита» был брошен 12 марта 1920 г. На его базе был сформирован красный бронепоезд № 40. Новый бронепоезд «Иоанн Калита» был сформирован в начале лета 1920 г. в Крыму на базе 2-й батареи 1-го дивизиона тяжелой артиллерии.

Слащёв-Крымский Я.А. Крым, 1920 // Гражданская война в России: оборона Крыма. С. 141.

Каждый такой дот стоил миллион финских марок, и поэтому эти доты называли «миллионерами».

ПУС – приборы управления стрельбой корабельных орудий.

Врангель П.Н. Оборона Крыма // Гражданская война в России: оборона Крыма. С. 416—417.

Гутан Н. Краткий очерк действий флота при эвакуации Крыма в ноябре 1920 года // Флот в белой борьбе / Составит. С.В. Волков. М.: ЗАО Центрполиграф, 2002. С. 306.

Цит. по: *Петр Врангель*. Оборона Крыма в 1920 г. // Гражданская война в России: оборона Крыма. С. 441—443.

Цит. по: *Петр Врангель*. Оборона Крыма в 1920 г. // Гражданская война в России: оборона Крыма. С. 443.

По данным Иванова В.Б. Тайны Севастополя. Кн. 1. Тайны земные. Севастополь: КИЦ «Севастополь», 2005. С. 173.

ЦХИДК. Ф. 211. Оп. 1. Д. 188.

Вилайет – турецкая административная единица, соответствовавшая в России небольшой губернии.

Черкашин Н. Москва – Стамбул – Галлиполи. Материалы сайта:
<http://ricolor.org/rz/turzia/tr/emig/vrangel/2/>

Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы.
Т. I. Кн. 2. С. 81—82.

Русская военная эмиграция.... С. 558.

Ширинская А.А. Бизерта. Последняя стоянка. М.: Военное издательство, 1999. С. 124—125.

Ширинская А.А. Указ. соч. С. 127—128.

Там же. С. 130.

Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы.
Т. I. Кн. 2. С. 175.

Беренс Михаил Андреевич – родился в 1879 г. в Кутаиси в дворянской семье. К 1917 г. капитан 1-го ранга. С 8 июля 1919 г. контр-адмирал. С декабря 1920 г. по октябрь 1924 г. временно исполняющий должность командующего эскадрой в Бизерте. Затем был служащим во французской колониальной администрации в Тунисе. Умер в 1943 г. в Мегрине (Тунис).

Пивовар Е.И. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов. М.: Издательство историко-архивного института РГГУ, 1994. С. 54.

Материалы сайта: www.cisdf.org/book-1.2./htm

Эмигранты «первой волны» – те, кто бежал из России в период Гражданской войны. Эмигранты «второй волны» бежали из СССР или, оказавшись за границей, отказались вернуться в 1941—1945 гг. По аналогии я ввожу термин «эмигранты нулевой волны», то есть те, что эмигрировал из России до 1 января 1917 г.

Марию Павловну почему-то называют великой княжной. Но по законам Российской империи великий князь – это сын или внук императора, а великая княжна – дочь императора. Любое другое лицо, претендующее на этот титул, – самозванец. Остальные члены императорской фамилии – князья императорской крови.

Кара-Мурза С.Г. Гражданская война 1918—1921 гг. – урок для XXI века. Материалы сайта: http://www.kara-murza.ru/books/war/civil_war_content.htm

Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы.
Т. I. Кн. 2. С. 160—162.

Русская военная эмиграция... С. 36—37.

Русская военная эмиграция... С. 662—663.

ЦХИДК. Ф. 198. Оп. 17. Д. 496. Л. 103.

Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы.
Т. I. Кн. 1. С. 351.

Русская военная эмиграция... Т. I. Кн. 2. С. 91.

Русская военная эмиграция... С. 96—97.

Там же. С. 102.

Русская военная эмиграция... С. 108—109.

Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1987. С. 71—72.

Великий князь Кирилл Владимирович. Моя жизнь на службе России.
СПб.: Лики России, 1996. С. 269.

Великий князь Кирилл Владимирович... С. 271.

Тальберг Н. Мысли старого монархиста // Русская жизнь. Сан-Франциско. 16 марта 1966 г.

Цит. по: *Назаров М.В.* Кто наследник Российского Престола? М.: Русская идея, 1996. С. 34.

Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания, М.: Захаров, АСТ, 1999. С. 407—410.